N 34/98
T. I.

Библіотеки
Козельск. Введенск.
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.
отд. 7 № 960.

N 34/98

Изъ книгъ Іером. Иларіона

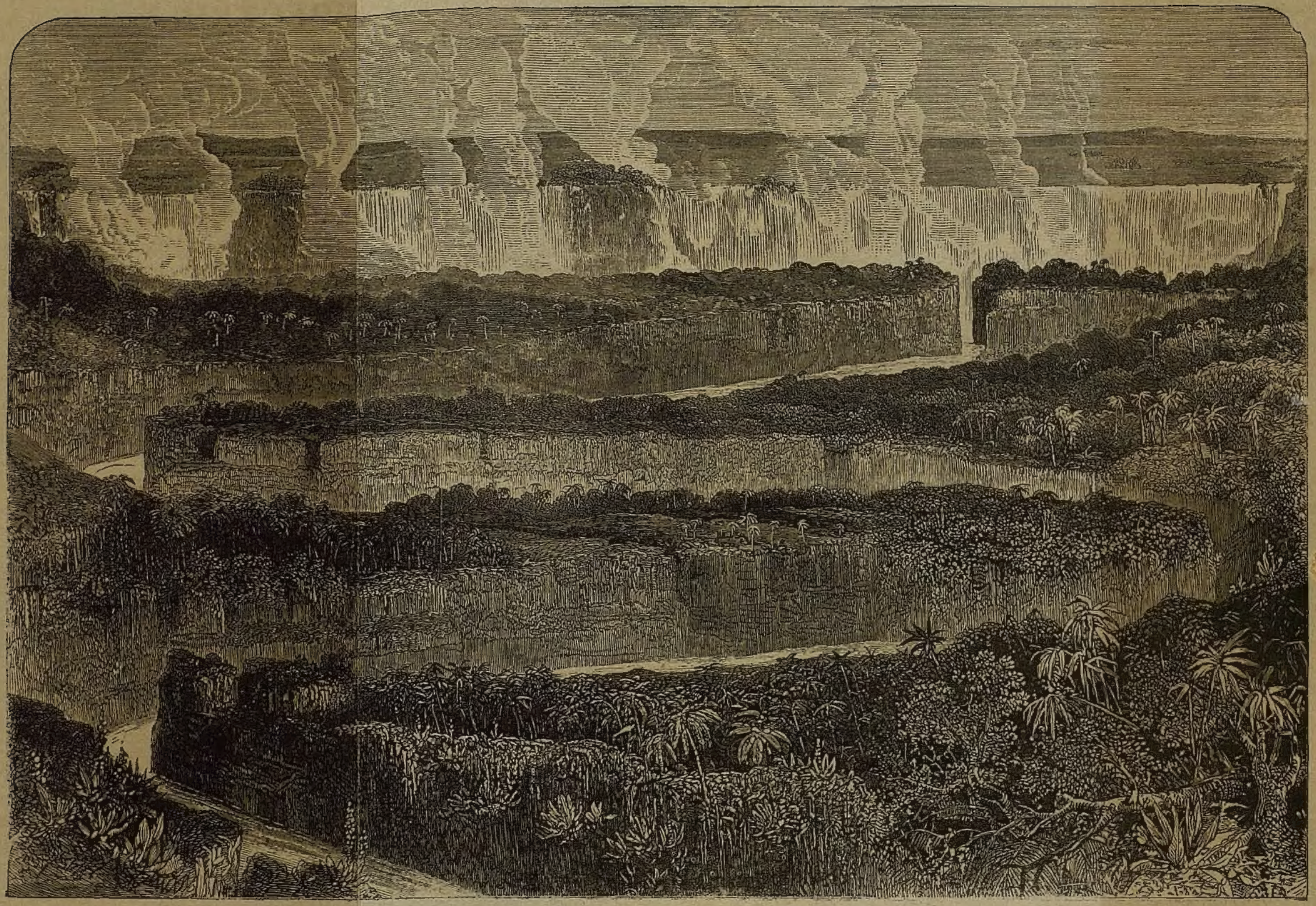
1873 – 1873

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЗАМБЕЗИ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ.

ТОМЪ I.

2007098254



Видъ съ птичьяго полета большихъ водопадовъ на Замбези, называемыхъ Мози-оа-туніа, или водопадъ Викторія, и зигзагами идущей разсѣлины, по которой выбѣгаетъ рѣка.

№ 34
98

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ЗАМБЕЗИ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ

И ОТКРЫТІЕ ОЗЕРЪ ШИРВА И НІАССА (1858 — 1864).

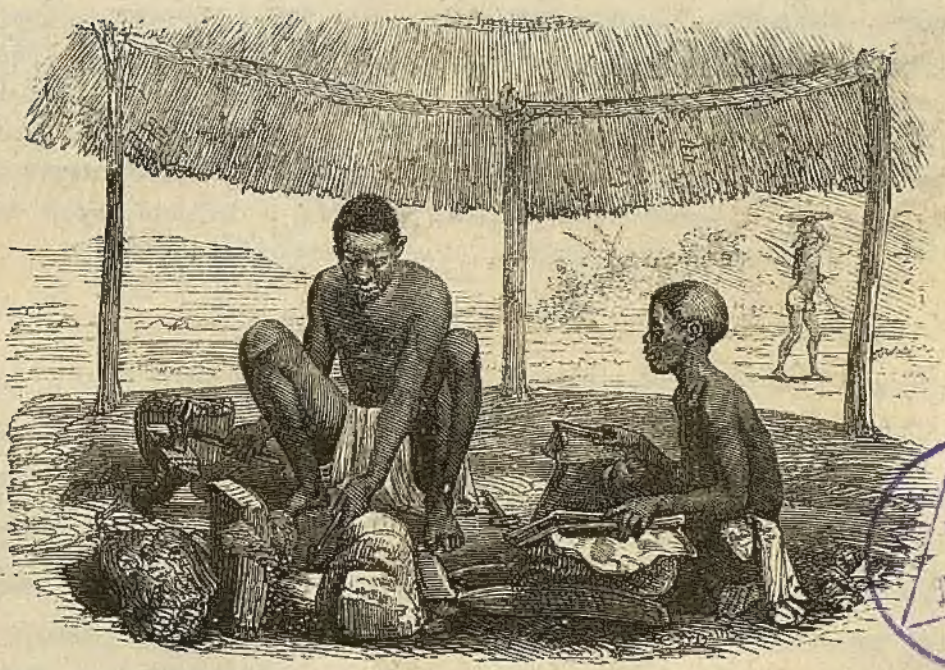
ДАВИДА ЛИВИНГСТОНА И ЧАРЛЬЗА ЛИВИНГСТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. СТРАХОВА.

Съ политипажами.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



ф 32-3211

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.*

1867.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 8 ноября 1866 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.
(Спб., Караванная, № 24).

ВВЕДЕНІЕ.

Задача экспедиціи. — Португальская экспедиція для отысканія соломоновскаго Офира. — Искомые товары указываютъ на Индію, а не на Африку. — Неудача въ Софалла. — Вторая португальская экспедиція за золотыми пріисками. — Отступленіе передъ большими скопищами туземцевъ. — Католическія миссіи. — Недостатокъ достовѣрныхъ объ нихъ разсказовъ. — Ложныя мнѣнія объ внутренней Африкѣ. — Правильная гипотеза Сэра Родерика Мурчисона. — Уменьшеніе торговли невольниками и возрастаніе законной торговли на западномъ берегу вслѣдствіе мѣръ лорда Пальмерстона. — Торговцевъ невольниками постигаетъ судьба убійцъ. — Взглядъ преподобнаго Дж. Л. Вильсона на торговлю невольниками. — Дѣйствія нашихъ крейсеровъ. — Дурныя слѣдствія закрытія восточнаго берега. — Инструкція экспедиціи.

Когда мнѣ пришла впервые мысль издать въ свѣтъ разсказъ о своихъ „миссіонерскихъ путешествіяхъ“, я былъ въ большомъ сомнѣніи на счетъ того, благосклонно или неблагосклонно отзовется о немъ критика, которую онъ могъ бы вызвать,— особенно такъ какъ я чувствовалъ, что уже на столько пожилъ между дикими, что совсѣмъ сдѣлался чуждымъ для англійской публики. Но теперь, при этомъ моемъ второмъ авторскомъ опытѣ, меня ободряетъ убѣжденіе, что весьма многіе читатели, незнакомые со мною лично, примутъ этотъ разсказъ съ благосклоннымъ снисхожденіемъ, какъ друзья, и что еще бо́льшее число подъ оживляющимъ вліяніемъ прирожденной любви къ свободѣ и изъ желанія видѣть распространенными

на весь міръ соціальныя и религіозныя блага, которыми пользуются сами, будутъ сочувствовать стараніямъ, которыя, хотя и не вполнѣ достигая результатовъ, прилагалъ я, чтобы улучшить положеніе и характеръ нашихъ собратій въ Африкѣ. Эта мысль удвоивала мои усилія — сдѣлать мой разсказъ занимательнымъ для всѣхъ читателей; но при совершенномъ отсутствіи писательской способности, — естественное слѣдствіе моей дѣятельности, — я могу дать только простой отчетъ о миссіи, которая относительно преслѣдованныхъ ею цѣлей стоитъ въ прекрасной противоположности со многими прежними экспедиціями въ восточную Африку. Я полагаю, что свѣдѣнія, собранныя при этомъ о посѣщенныхъ народностяхъ и пройденныхъ странахъ, не будутъ подвергнуты въ будущемъ сомнѣнію никакимъ простымъ путешественникомъ, подобно мнѣ наслаждающимся добрымъ здоровьемъ и имѣющимъ теплое сердце въ груди. Предлагаемый отчетъ написанъ въ той ободряющей надеждѣ, что вслѣдствіе его указаній большой и плодоносный африканскій континентъ не будетъ уже по жадности держаться закрытымъ для всякаго доступа, а станетъ выгодной для европейскихъ предпріятій почвой, и что наши сказанія будутъ способствовать населенію Африки занять между націями міра мѣсто, которое обезпечивало бы счастіе и благосостояніе племенъ, погруженныхъ теперь въ невѣжество или униженныхъ рабствомъ; но болѣе всего я отдавался радостной надеждѣ, что мой отчетъ можетъ повести къ распространенію евангельской проповѣди.

Первая посланная въ восточную Африку экспедиція, послѣ того, какъ португальцы нашли путь около мыса Доброй Надежды, была предпринята по распоряженію португальскаго правительства, съ цѣлью, какъ полагаютъ, открыть страну Офиръ, которая указана въ Библіи, какъ страна, изъ которой царь Соломонъ получалъ сандальное дерево, слоновью кость, обезьянъ, павлиновъ и золото. Слова, употребляемыя евреями для обозначенія первыхъ четырехъ предметовъ тор-

говли, по мнѣнію Макса Мюллера, не еврейскаго происхожденія, а заимствованы изъ санскрита. Поэтому, странно, что поиски были направлены не на берега Индіи, тѣмъ болѣе, что на Малабарскомъ берегу былъ извѣстенъ санскритъ и тамъ же въ большомъ количествѣ встрѣчаются также павлины и сандальное дерево. Португальцы, какъ и другіе народы новаго времени, думали, что Софалла, которую арабы иногда выговариваютъ Зофаръ, какъ самая нижняя и самая южная изъ посѣщенныхъ ими гаваней, тожественна съ упоминаемымъ въ писаніи Офиромъ.

Восточная Африка съ самыхъ древнихъ временъ была посѣщаема промышленниками изъ Индіи и съ Чермнаго моря. Васко да Гама (1497 — 1498) нашелъ ихъ прочно поселившимися въ Мозамбикѣ и, побывавъ въ Индіи, онъ поспѣшно вернулся изъ Калькуты въ Софалла, которую и посѣтилъ въ 1502 году. Принимая ее за Офиръ Писанія, въ ней видѣли самую выгодную изъ всѣхъ португальскихъ торговыхъ колоній; и съ мыслью, что здѣсь можетъ быть основано важное поселеніе, португальцы, съ большой потерей въ людяхъ и въ деньгахъ, завоевали мѣстность, въ которой расположены золотые пріиски; но, при совершенномъ недостаткѣ нужныхъ снарядовъ, огромныя работы принесли такую ничтожную выгоду, что они противъ воли отъ нихъ отказались.

Слѣдующая затѣмъ экспедиція, состоявшая изъ трехъ кораблей и почти тысячи человѣкъ, по бо́льшей части волонтеровъ, оставила Лиссабонъ въ 1569 г. для завоеванія золотыхъ рудъ или золотыхъ розсыпей владѣтеля Мономотапа, къ западу отъ Тетте, и въ Моника, еще западнѣе, но въ болѣе южномъ направленіи, а также и для открытія пути къ западнымъ берегамъ. Послѣдняго они не достигли и до настоящаго времени; выполнилъ этотъ планъ только одинъ европеецъ, и то былъ англичанинъ. Эта экспедиція состояла подъ начальствомъ Франциско Барретo и была богато снабжена лошадьми, ослами, верблюдами и запасами. Пока они поднимались вверхъ по Замбези до Сенна, они нашли много поселеній

арабскихъ и другихъ купцовъ, которые весьма гостепріимно принимали чужеземцевъ. Но такъ какъ лошади должны были проходить по участку, богатому цеце, мухами, укушеніе которыхъ смертельно для домашней скотины, то на нихъ скоро показалось истощающее вліяніе этого яда, и такъ какъ Сенна былъ очевидно нездоровымъ мѣстомъ, то оказавшіяся на людяхъ и на лошадяхъ болѣзни возбудили въ Боррето подозрѣніе, что ихъ отравляли ядомъ обитатели, изъ которыхъ онъ, вслѣдствіе этого, большую часть перекóлолъ или перестрѣлялъ. Когда онъ съ отрядомъ изъ пятисотъ шестнадцати здоровыхъ людей продолжалъ путь далѣе до Сенна, они ужасно страдали отъ голода и жажды, и такъ какъ на нихъ время отъ времени нападали многочисленныя толпы туземцевъ, то экспедиція должна была возвратиться, не достигнувъ золотыхъ рудниковъ, къ которымъ такъ жадно стремился Боррето.

Но уже раньше, побуждаемые благочестивою ревностью, римско-католическіе миссіонеры проникали туда, куда не могло дойти войско; именно Бордало въ своихъ превосходныхъ „Историческихъ опытахъ“ упоминаетъ, что отецъ іезуитъ Гонсало да Сильвейра былъ уже мученически убитъ по приказанію владѣтеля Мономотапа. Въ самомъ дѣлѣ, многія римско-католическія миссіи были поселены во многихъ мѣстахъ въ восточной Африкѣ, какъ еще и теперь свидѣтельствуютъ развалины ихъ колоній; но такъ какъ у меня нѣтъ ни одной достовѣрной исторіи ихъ дѣятельности, то я, къ сожалѣнію, ничего не могу возразить противъ порицаній, которыми пятнаютъ память о нихъ португальскіе писатели. На сколько сохранилось еще преданіе о нихъ между туземцами, оно рѣшительно говоритъ за ревность и благочестіе этихъ миссіонеровъ, между тѣмъ какъ названные писатели безъ церемоній утверждаютъ, что миссіонеры занимались торгомъ невольниковъ, что́, вѣроятно, такъ же ложно, какъ и скандалезныя исторіи, которыя позже разсказывали о протестантскихъ миссіонерахъ. Филантропы часто заблуждаются, принимая за

факты пустую болтовню на прибрежьяхъ, въ которой идетъ рѣчь о жестокости нашихъ земляковъ; между тѣмъ, и другіе, которые показываютъ видъ, что считаютъ всякую филантропію за слабость, и вдаются въ самое худшее изъ всѣхъ лицемѣрій, стараясь выказать себя хуже, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, принимаютъ на слово и распространяютъ самый безсмысленный вздоръ безнравственныхъ промышленниковъ противъ корпораціи людей, общій составъ которой составляетъ честь человѣчества. Въ новой, нынѣ весьма обширной миссіонерской литературѣ мы имѣемъ показанія, которыя, вѣроятно, переживутъ каждое ложное описаніе; и приходится сильно сожалѣть, что вовсе нѣтъ хорошей католической литературы такого же рода, ничто нельзя найти ни одного изъ переводовъ, которые дѣлались на туземные языки. Мы не можемъ думать, чтобы эти добрые люди захотѣли подвергать жизнь свою опасности ради мірскихъ выгодъ, которыми, хотя онѣ и дозволены закономъ, они не могли бы пользоваться по правиламъ ихъ ордена; но въ высшей степени интересно было бы для всѣхъ послѣдовавшихъ за ними точно знать, что́ было истинной причиной безуспѣшности ихъ стараній о распространеніи вѣры.

Чтобы слѣдующій разсказъ могъ быть понятъ надлежащимъ образомъ, необходимо упомянуть о многомъ, что́ предшествовало посылкѣ экспедиціи на Замбези. Большинству географовъ извѣстно, что до открытія озера Нгами и обильно орошаемой страны, въ которой живутъ Макололо, было распространено мнѣніе, что большая часть внутренней Африки состоитъ изъ песчаныхъ пустынь, въ которыя текутъ потоки и тамъ исчезаютъ. Во время моего путешествія отъ моря до моря поперекъ черезъ южную между тропиками лежащую часть континента, съ 1852 по 1856 годъ, открыто было, что это хорошо орошаемая страна, съ большими полосами прекрасной, плодородной, покрытой лѣсами земли, съ роскошными, богатыми травою долинами, обитаемая многочисленнымъ народонаселеніемъ, и былъ найденъ одинъ изъ самыхъ

великолѣпныхъ водопадовъ міра. Существенной формой континента оказалась нѣсколько углубленная въ центрѣ плоская возвышенность, съ трещинами по сторонамъ, по которымъ текутъ къ морю рѣки. Этихъ важныхъ фактовъ физической географіи нельзя описывать, не упоминая при этомъ замѣчательной гипотезы, по которой сэръ Родерикъ І. Мурчисонъ, знаменитый президентъ королевскаго географическаго общества, точно предсказалъ эти особенности, еще прежде, чѣмъ онѣ могли быть установлены фактическими наблюденіями надъ высотою страны и надъ теченіемъ рѣкъ. Новый свѣтъ на другія части континента пролили знаменитые труды д-ра Барта, изслѣдованія миссіонеровъ англійской церкви Крапфа, Эркгардта и Ребмана, ревностныя усилія д-ра Бэкье, который недавно сталъ жертвою климата и англійской предпріимчивости, путешествіе Франсиса Гальтона и въ высшей степени важное открытіе озеръ Танганійка и Викторія Ніанца капитаномъ Бертономъ и капитаномъ Спикомъ, о безвременной смерти котораго мы всѣ такъ глубоко сожалѣли. Затѣмъ слѣдовали изысканія фонъ-деръ-Декена, Горитона и другихъ, и наконецъ, великое открытіе главнаго источника Нила, которое, что̀ каждый англичанинъ долженъ чувствовать съ благородной гордостью, сдѣлано было нашими мужественными земляками Спикомъ и Грантомъ. Страшный жаркій поясъ, съ тощими, горючими песками, оказался хорошо орошаемой страной и своими прѣсными озерами напомнилъ Сѣверную Америку, а своими жаркими, влажными низменностями, своими болотами, горными проходами и прохладными возвышенностями — Индію.

Главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія было не открытіе чудесъ, которыя скоро теряютъ свой интересъ, не изумленіе передъ варварами и не приведеніе ихъ въ изумленіе, а именно изученіе климата, естественныхъ произведеній, мѣстныхъ болѣзней, туземцевъ и ихъ отношеній къ остальному міру: все это было наблюдаемо съ тѣмъ особымъ интересомъ, котораго, при мысли о будущемъ, не можетъ не чувствовать пер-

вый бѣлый человѣкъ на какомъ-нибудь континентѣ, исторія котораго только лишь начинается. Когда мы пробирались къ западному берегу, чтобы найти дорогу къ морю, по которой могла бы установиться покровительствуемая закономъ торговля и содѣйствовать дѣятельности миссій, чрезвычайно поразительно было видѣть въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ моря весьма явственное вліяніе того, что̀ извѣстно подъ именемъ полиціи лорда Пальмерстона. Морское разбойничество было уничтожено и торгъ невольниками подавленъ на столько, что португальцы, которые сами были торговцы невольниками, говорили объ этомъ, какъ о дѣлѣ давноминувшихъ дней. Законная торговля съ двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ, доставляемыхъ слоновьей костью и золотымъ пескомъ, поднялась до того, что ежегодно доходитъ до двухъ и до трехъ милліоновъ, въ томъ числѣ въ нашу собственную страну вывозится на одинъ милліонъ пальмоваго масла. Было учреждено болѣе двадцати миссіонерскихъ станцій со школами, въ которыхъ получаютъ образованіе болѣе двѣнадцати тысячъ учениковъ. Жизнь и собственность на берегахъ обезопашены, и милліонамъ людей внутри страны данъ относительный миръ, и все это въ одно время съ тѣмъ, какъ въ рѣчахъ вліятельнѣйшихъ мужей Англіи дано было міру понять, что англійскіе крейсеры не сдѣлали ничего, а только усиливали зло торговли невольниками. Такъ естественно ожидать, что собственная польза торговцевъ неграми въ концѣ концовъ должна привести ихъ къ поддержанію жизни тѣхъ, отъ которыхъ они получаютъ выгоды, что легко давали вѣру этого рода предположеніямъ; между тѣмъ жестокая и расточительная игра человѣческой жизнью была столь же велика, какъ и тогда, когда торговля невольниками была дозволена закономъ: она всегда отличалась и должна отличаться отсутствіемъ предусмотрительности, свойственной убійцамъ. Каждый удивляется, почему тотъ, кто отнялъ жизнь у другаго, не принялъ той или другой предосторожности, чтобы избѣжать открытія; и каждый можетъ удивляться, почему торговцы неграми дѣйствовали такъ

непосредственно противъ своей выгоды, переполненіемъ и всѣми его дурными послѣдствіями. Но такова судьба убійцы. Гибель человѣческой жизни отъ этой причины превосходитъ всякое преувеличеніе.

Мнѣніе объ этомъ предметѣ преподобнаго Дж. Л. Вильсона, въ высшей степени умнаго американскаго миссіонера, который написалъ о западномъ берегѣ самую лучшую книгу изъ всѣхъ доселѣ явившихся, стоитъ выше всѣхъ другихъ. Онъ объявляетъ, что усилія англійскаго правительства достойны всякой похвалы. Безъ крейсеровъ, именно безъ англійскихъ крейсеровъ, Африка все еще была бы недоступна для миссіонерской дѣятельности, „и надлежитъ горячо надѣяться," продолжалъ онъ, „что эти благородныя и безкорыстныя мѣры не будутъ прекращены до тѣхъ поръ, пока не изгонится съ земли нечистый духъ." Торговля неграми представляетъ самое огромное затрудненіе для цивилизаціи и распространенія торговли; и такъ какъ англичане самый филантропическій народъ въ мірѣ, и, вѣроятно, въ коммерческомъ отношеніи, всегда будутъ стоять въ главѣ на африканскомъ континентѣ, то мѣры къ подавленію торговли неграми являются плодомъ глубокой мудрости и предусмотрительности.

Когда, преслѣдуя эти цѣли, пришли къ восточному берегу, то нашли его замкнутымъ. Не смотря на достойныя похвалъ усилія крейсеровъ ея величества, ни купцы, ни миссіонеры не могли здѣсь, поселиться, такъ какъ иностранцамъ запрещено было вступать въ страну. Торговля велась только въ небольшихъ размѣрахъ слоновьей костью, золотымъ пескомъ и невольниками, совершенно такъ, какъ на западномъ берегу до приведенія въ дѣйствіе мѣръ лорда Пальмерстона. Въ послѣдствіи однако оказалось, что португальское правительство изъявило желаніе и даже очень горячее открыть страну вліяніямъ цивилизаціи и законной торговли — въ самомъ дѣлѣ это и не могло быть иначе, такъ какъ даже и Португалія не получала ни малѣйшей пользы отъ запрещенія; — Замбези, огромная рѣка, обѣщала быть великолѣпнымъ пу-

темъ къ плоской возвышенности и вообще во внутренность страны; почва была плодоносна — индиго, хлопокъ, табакъ, сахарный тростникъ уже воздѣлывались или расли дико. По этому слѣдовало ожидать, что если бы эта страна могла быть открыта законной торговлѣ и христіанскому миссіонерству, то здѣсь это могло бы содѣйствовать и споспѣшествовать нашимъ крейсерамъ точно такъ же, какъ это дѣлалось миссіями и купцами на западномъ берегу, и что отъ этого могла произойти неоцѣнимая услуга для Африки и Европы.

Главная цѣль экспедиціи на Замбези, какъ и обозначено съ точностью въ данныхъ намъ правительствомъ Ея Величества инструкціяхъ, состояла въ томъ, чтобы умножить пріобрѣтенныя уже познанія о географіи и о минеральныхъ и сельско-хозяйственныхъ средствахъ восточной и центральной Африки, расширить наше знакомство съ туземцами и попытаться побудить ихъ къ занятіямъ промышленостью и къ воздѣлыванію своей страны, съ цѣлью производить сырой матеріалъ для вывоза въ Англію въ обмѣнъ на британскіе мануфактурные товары; притомъ надѣялись, что если бы побудили туземцевъ заняться развитіемъ средствъ своей страны, то это существенно способствовало бы къ подавленію торга невольниками, такъ какъ они скоро должны были бы увидѣть, что первое во всякомъ случаѣ можетъ быть болѣе вѣрнымъ источникомъ дохода, чѣмъ послѣднее. Экспедиція была отправлена согласно съ принятыми правилами англійскаго правительства, и такъ какъ тогда во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office) стоялъ лордъ Кларендонъ, миссія была организована подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Когда послѣдовала перемѣна въ управленіи, со стороны лорда Малмьсбери мы пользовались тѣмъ-же благорасположеніемъ и симпатіею, которыя выказывалъ намъ лордъ Кларендонъ, и когда лордъ Россель занималъ тотъ высокій постъ, на которомъ онъ такъ долго держался, мы всегда находили то же услужливое вниманіе и скорую помощь. Такимъ образомъ мы пріобрѣли убѣжденіе, что наше дѣло было

приведеніе въ дѣйствіе не принциповъ какой-нибудь партіи, а сердечныхъ желаній государственныхъ людей и англійскаго народа вообще. Экспедиція обязана величайшей благодарностью высшимъ чиновникамъ адмиралтейства за постоянную готовность оказывать намъ всякую отъ нихъ зависящую помощь, а равно заявляетъ свою сердечную признательность усердному и всегда готовому къ услугамъ гидрографу адмиралтейства, покойному адмиралу Вашингтону, правда, одному изъ подчиненныхъ, но весьма дѣятельному чиновнику; также мы должны съ благодарностью упомянуть о томъ, что дружественныя услуги адмираловъ сэра Фредерика Грея, сэра Бальдвина Уолкера и всѣхъ служившихъ на восточномъ берегу подъ ихъ начальствомъ флотскихъ офицеровъ существенно способствовали достиженію нашихъ цѣлей. Точно также я не могу не выразить нашей благодарности господину Скиду, королевскаго флота. Луаве была старательно изслѣдована и снята этимъ офицеромъ, и его искусные и энергическіе труды какъ на этой рѣкѣ, такъ впослѣдствіи на нижней Замбези заслуживаютъ всяческихъ похвалъ.

Когда рѣчь идетъ о томъ, что́ сдѣлала экспедиція, то всегда нужно имѣть въ виду, что къ ней принадлежали: д-ръ Киркъ г. Чарльзъ Ливингстонъ, г. Р. Торнтонъ, и другіе. Когда я говорю во множественномъ числѣ, то нужно подразумѣвать ихъ, и я могу засвидѣтельствовать неутомимое рвеніе, энергію, мужество и терпѣніе, съ которыми работали мои сотрудники, не отступая передъ затрудненіями, опасностями или нуждами. Я твердо убѣжденъ, что если бы ихъ услуги потребовались при какомъ-нибудь другомъ случаѣ, то безусловно можно надѣяться, что они исполнятъ свою обязанность, какъ слѣдуетъ. Что имя д-ра Кирка не выставлено на оберткѣ этого сочиненія, причиной тому надежда, что онъ самъ издастъ отчетъ о ботанической и естественно-исторической сторонѣ экспедиціи. Онъ собралъ болѣе четырехъ тысячъ растительныхъ видовъ, образчики бо́льшей части могущихъ идти въ дѣло деревъ, различныхъ мануфактурныхъ

издѣлій туземцевъ, питательныхъ веществъ и различныхъ видовъ частей одежды изъ каждой посѣщенной нами мѣстности, равно какъ и огромное множество птицъ и насѣкомыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ метеорологическія наблюденія и оказывалъ, какъ это предписывали наши инструкціи, врачебную помощь туземцамъ въ каждомъ случаѣ, гдѣ только могъ быть полезнымъ.

Также и Чарльзъ Ливингстонъ былъ вполнѣ занятъ, имѣя въ виду общую цѣль нашей экспедиціи, побуждалъ къ воздѣлыванію хлопка, дѣлалъ много магнетическихъ и метеорологическихъ наблюденій, снималъ фотографіи, пока былъ для этого матеріалъ, и собралъ огромное множество птицъ, насѣкомыхъ и другихъ интересныхъ предметовъ. Эти собранія, какъ собственность правительства, пересланы въ Британскій Музей и въ Королевскій Ботаническій Садъ въ Кью, и д-ру Кирку, который долженъ составить ихъ описаніе, придется употребить на это отъ трехъ до четырехъ лѣтъ.

Хотя и составлялись коллекціи, однако же никогда не упускалось изъ виду, что какъ бы ни были полезны онѣ и наши изслѣдованія, „правительство Ея Величества придавало болѣе цѣны моральному вліянію, которое могло бы оказать на умы туземцевъ хорошо устроенное и содержимое въ порядкѣ хозяйство, если бы всѣ встрѣчающіеся съ ними европейцы давали имъ примѣръ строго моральнаго веденія дѣлъ, если бы они добродушно обращались съ народомъ и помогали ему въ нуждахъ, если бы учили его земледѣлію и самымъ простымъ ремесламъ, старались бы наставлять ихъ въ религіи, на сколько дозволяетъ это ихъ способность пониманія, и каждому внушали бы мирное настроеніе и благосклонность.“

Было бы утомительно, если бы я вздумалъ приводить въ частности все то, что́ мы должны были сдѣлать вслѣдствіе нашихъ инструкцій. Каждый разъ, какъ пароходъ останавливался, чтобы запастись дровами, или за чѣмъ-нибудь другимъ, д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ сходили на бе-

регъ для отправленія своихъ обязанностей; такъ какъ сочленъ экспедиціи, который долженъ былъ, по предположенному плану, вести корабль и опредѣлять географическія положенія, не выполнилъ возложенныхъ на него ожиданій, то эта задача преимущественно пала на меня. Она потребовала значительной ночной работы, при которой мои спутники дружественно мнѣ помогали; результаты были правильно сообщаемы въ королевскую обсерваторію на мысъ Доброй Надежды нашему любезному и во всякое время готовому на услугу другу сэру Томасу Мэклиру. Во время печатанія этого сочиненія мы получили опредѣленія долготъ различныхъ мѣстъ, вычисленныя г. Манномъ, искуснымъ ассистентомъ королевскаго астронома на мысѣ Доброй Надежды, на основаніи производимыхъ луною звѣздныхъ затмѣній и появленій спутниковъ юпитера; наблюденія, относящіяся къ лунѣ, находятся еще въ рукахъ сэра Г. В. Г. Мэклира на названной обсерваторіи. Сверхъ того, данныя высотъ, отклоненій компаса, широтъ и долготъ, вычисленныя на мѣстѣ, показаны на картѣ г. Арроусмита, и можно положиться, что онѣ не слишкомъ будутъ отличаться отъ результатовъ, какіе получатся въ болѣе искусныхъ рукахъ. Должность „шкипера“, которую, чтобы экспедиція не потерпѣла никакой остановки, я принялъ на себя, не потребовала большаго искусства отъ того, кто „не слишкомъ старъ, чтобы еще чему-нибудь поучиться“; при этомъ было сбережено жалованье и, что дороже золота, экспедиціи нечего было бояться, чтобы ее кто-нибудь затруднялъ считая себя необходимымъ для ея продолженія. Эта должность требовала внимательности къ кораблю, былъ ли онъ въ покоѣ или въ движеніи. Притомъ я долженъ былъ также сильно подвергаться дѣйствію солнца и, къ сожалѣнію моему, мнѣ невозможно было входить въ желательныя сношенія съ туземцами и заготовить первоначальные словари ихъ нарѣчій.

Я могу еще прибавить, что въ предлагаемомъ сочиненіи, на сколько было возможно, обойдены всѣ утомительныя по-

вторенія, и такъ какъ о всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ уже прежде сообщено рядомъ депешъ, то здѣсь сдѣлана попытка по возможности хорошо изложить все то, что̀ человѣкъ съ обычнымъ пониманіемъ нашелъ бы наиболѣе интереснымъ при поѣздкѣ по странѣ. Для приданія описанію свѣжести, обыкновенно сопровождающей первое впечатлѣніе, въ разсказъ внесенъ дневникъ Чарльза Ливингстона; множество сдѣланныхъ туземцами замѣчаній, которыя онъ тотчасъ же записалъ, возбудятъ въ другихъ тѣ же мысли, какія и въ насъ самихъ. Нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, тривіальны; но именно по маловажнымъ поступкамъ и словамъ ежедневной жизни характеръ познается всего вѣрнѣе и всего лучше. И, вѣроятно, многимъ пріятнѣе будетъ самимъ извлечь изъ нихъ заключенія, чѣмъ учиться въ этомъ случаѣ у насъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прибытіе къ берегамъ. — Изслѣдованіе рѣки Луаве. — Устья Замбези. — Скрываемы, чтобы обмануть англійскихъ крейсеровъ. — Министръ въ Португаліи обманываетъ европейскія правительства. — Офиціальное доказательство. — Конгоне. — Ландшафтъ по рѣкѣ. — Плодородіе почвы въ устьяхъ. — Колоносъ или крѣпостные. — Глубокое русло рѣки. — Выгрузка тюковъ на Островѣ Экспедиціи. — Страна въ военномъ положеніи. — „Свободные переселенцы“. — Жестокости Маріано. — Мы сталкиваемся съ такъ называемыми „мятежниками“. — Сраженіе между туземцами и португальцами. — Армія, ожидающая воинскихъ запасовъ. — Птицы и другіи животныя, встрѣченныя нами на рѣкѣ. — Мозаро. — Вторичная нагрузка тамъ товаровъ для Квиллимане. — Шупанга. — Владычество зулу на правомъ берегу Замбези. — Дань, собираемая съ португальцевъ. — Сенна и синьоръ Феррао. — Сегвати или даръ. — Охотники на бегемотовъ. — Особенность баобаба. — Ущелье Лупата.

Наша экспедиція покинула Англію 10 марта 1858 г., на пароходѣ Ея Величества „Перлѣ“, подъ начальствомъ капитана Дункана. Послѣ гостепріимнаго пріема, сдѣланнаго намъ нашими друзьями на мысѣ Доброй Надежды, и достолюбезнаго вниманія, оказаннаго намъ со стороны сэра Джоржа Грея, и послѣ того, какъ мы приняли на пароходъ г. Френсиса Скида, флота Ея Величества, какъ инспектора, мы въ маѣ достигли восточнаго берега Африки.

Нашей ближайшей цѣлью было изслѣдовать Замбези, ея устья и притоки въ отношеніи къ тому, на сколько можно воспользоваться ими, какъ путями торговли и христіанства въ обширныя страны внутренней Африки.

За пять или за шесть миль отъ берега, на мѣсто желтовато-зеленаго цвѣта моря, вдругъ явилась мутная вода, на которой неслись разныя вещи, какъ это бываетъ на рѣкѣ во время прилива. Оба цвѣта не смѣшивались и были такъ рѣзко отдѣлены одинъ отъ другаго, какъ море отдѣляется отъ земли. Мы замѣтили, что подъ предметами, несущимися по водѣ, подъ тростникомъ, сучьями и листьями, а также подъ плавающими костями каракатицъ (Sepia) и физаліями (Physalia), безчисленныя маленькія рыбки искали защиты отъ глазъ хищныхъ птицъ и отъ лучей палящаго солнца.

Берегъ низменъ и покрытъ болотистымъ лѣсомъ корнепустовыхъ деревъ, въ которомъ песчаныя мѣста заросли травою, вьющимися растеніями и недоросшими пальмами. Земля простирается на востокъ и на западъ безъ всякаго замѣтнаго признака, которымъ плаватель могъ бы руководиться, такъ что найти устье рѣки трудно; но море становится постоянно мельче, и уменьшеніе глубины на одинъ локоть приходится почти на каждую милю.

Мы вошли сначала въ рѣку Луаве, такъ какъ входъ въ нее такъ удобенъ и глубокъ, что „Перлъ“, сидѣвшій въ водѣ на 9 футъ 7 дюймовъ, ни разу не имѣлъ нужды высылать впередъ лодку для промѣровъ. Маленькій пароходъ, привезенный нами въ трехъ частяхъ на палубѣ „Перла“ изъ Англіи, былъ выгруженъ на якорной стоянкѣ и свинченъ, и съ помощью его начались изслѣдованія. Это судно названо было „Ма-Роберъ“, въ честь супруги Ливингстона, которой туземцы по своему обычаю дали имя Ма (т. е. мать) ея старшаго сына. Гавань глубока, но окружена болотами корнепустовыхъ деревъ, и хотя вода въ нѣсколькихъ миляхъ выше прѣсная, но Луаве есть потокъ, зависящій отъ прилива и отлива; ибо въ семидесяти миляхъ вверхъ по теченію она оканчивается болотами, входъ къ которымъ загражденъ тростникомъ и сочными водяными растеніями. Такъ какъ Луаве называютъ „Западнымъ Луабо“, то отсюда слѣдуетъ, что ее считаютъ за одинъ изъ боковыхъ рукавовъ Замбези, кото-

рой главный рукавъ называется „Луабо“ или „Восточный Луабо“. Мы отправились къ мѣсту, оказавшемуся дѣйствительнымъ устьемъ рѣки, которой мы искали.

Замбези изливаетъ свои воды въ море четырьмя устьями, именно: Миламбе, западнымъ устьемъ, Конгоне, Луабо и Тимбве (или Музело). Когда въ рѣкѣ вода высока, то образуется естественный каналъ, идущій параллельно съ берегомъ и извивающійся по болотамъ, — тайный путь, которымъ невольники перевозятся изъ Квиллимане въ заливы Массангано и Намеара или въ самую Замбези. Кваква или рѣка Квиллиманс, отстоящая миль на шестьдесятъ отъ устьевъ Замбези, долгое время выдавалась за главный входъ въ Замбези, для того, чтобы, какъ теперь увѣряютъ португальцы, заставить англійскихъ крейсеровъ сторожить фальшивое устье, тогда какъ черезъ настоящее устье спокойно вывозились невольники; и удивительно, что эта фальшь еще недавно была распространяема помощію карты, вышедшей изъ португальскаго министерства колоній *).

---

*) Но еще удивительнѣе то, что португальская офиціальная газета „Annæs de Conselho Ultramarinho“ за 1864 годъ безстыдно утверждаетъ, что „въ гавани (Конгоне), которую будто бы открылъ д-ръ Ливингстонъ, многіе корабли съ невольниками искали спасенія отъ преслѣдованія англійскихъ крейсеровъ“. Это (возможно ли повѣрить?) было извѣстно португальскому правительству! Неужели какой-нибудь честный человѣкъ въ Европѣ приготовитъ такую карту, какъ упомянутая выше, и пришлетъ ее англійскому правительству, какъ изображеніе *настоящаго* устья Замбези? Мы не имѣли намѣренія печатать слѣдующее письмо португальскаго чиновника къ одному изъ своихъ товарищей въ Африкѣ, пока не попалось намъ на глаза жалкое хвастовство офиціальнаго журнала, очевидно предназначенное для государственныхъ лицъ въ Европѣ. Издатель одного изъ журналовъ Мыса Доброй Надежды говоритъ:

„Шевалье Дюпра при томъ же случаѣ получилъ отъ португальскаго губернатора въ Тетте письмо, переводъ котораго за симъ слѣдуетъ:

„Милостивый Государь! Когда въ срединѣ прошлаго года докторъ Ливингстонъ передалъ мнѣ письмо, которымъ почтили меня ваше превосходительство въ апрѣлѣ этого года, я былъ запутанъ въ войну съ кафрами области Сенна. Потомъ другія работы и мое слабое здоровье мѣшали мнѣ выразить вашему превосходительству мою признательность за доброту, которою вы меня почтили. Ваше превосходительство рекомендуете мнѣ знаменитаго доктора

Послѣ того, какъ искусный и энергическій инспекторъ Фрэнсисъ Скидъ, флота Ея Величества, изслѣдовалъ всѣ три рукава, оказалось, что Конгоне представляетъ наилучшій входъ. Изъ огромныхъ, нанесенныхъ Замбези массъ песку втеченіе времени образовался родъ мыса, около котораго продолжительный прибой Индійскаго Океана во время господствующихъ вѣтровъ образовалъ косы, вслѣдствіе чего воды дельты должны были искать себѣ выхода по сторонамъ. Конгоне — одинъ изъ этихъ боковыхъ рукавовъ и именно самый надежный, такъ какъ при низкомъ стояніи воды надъ косою стоитъ ся почти два локтя, а при большомъ при-

---

Ливингстона. Мои симпатіи къ этому человѣку такъ велики, что я не опущу случая оказать ему всѣ услуги, какихъ онъ пожелаетъ, если только онѣ будутъ въ моихъ силахъ. Но мои желанія также зависятъ отъ моихъ средствъ, и какъ частнаго лица, и какъ представителя власти. Я совершенно убѣжденъ въ пользѣ изслѣдованій господина доктора, какъ для географическихъ познаній и науки, такъ и для блага этой страны, которая столько же богата, какъ и пренебрежена. Я твердо надѣюсь, что въ моей власти будетъ помочь ему, такъ какъ онъ того желаетъ. Увѣряю ваше превосходительство, что буду служить ему, насколько это въ моей власти. Говорятъ, наше правительство занято мыслію построить станцію на косѣ Луабо и отсюда установить прямое сообщеніе водою съ здѣшнею областью. Если это будетъ сдѣлано, то изъ этого проистекутъ большія выгоды для страны, и притомъ къ великой славѣ Ливингстона, такъ какъ онъ первый пришелъ къ намъ съ моря этимъ путемъ. Благодарю ваше превосходительство за журналы, которые вы мнѣ прислали. Я очень дорожу ими, какъ предметомъ, который здѣсь рѣдко случается увидѣть. Ваше превосходительство обязали меня также присылкою сѣмянъ; но по несчастію я былъ тогда въ Мозамбикѣ, и такъ какъ я ихъ посѣялъ только въ нынѣшнемъ году, то немногія изъ нихъ взошли; я боюсь, что они уже слишкомъ стары. Я имѣю только весьма ограниченные случаи отплатить вамъ услугами за услуги; но если ваше превосходительство найдете, что я могу быть вамъ полезнымъ, то это меня чрезвычайно порадуетъ.

„Остаюсь и т. д. *Тито А. д'А. Сикаръ*,
губернаторъ Тетте.

„Тетте, 9 іюля 1859.

„Это письмо было привезено Ея Величества бригомъ „Персіянинъ“ въ Наталъ, гдѣ бригъ приставалъ на пути изъ Мозамбика, чтобы запастись провіантомъ, и было отдано на корабль „Вальденсіанъ“, когда онъ выходилъ въ море.“

ливѣ вода поднимается до двѣнадцати и до четырнадцати футъ. Коса узка, ходъ почти прямой, и еслибы были разставлены бочки и маякъ указывалъ-бы направленіе къ острову Перлу, то пароходъ могъ бы безопасно проходить по ней во всякое время. Когда вѣтеръ дуетъ съ востока или сѣвера, то на косѣ гладь, но когда дуетъ съ юга или югово-стока, то образуется сильный прибой и по ней нельзя ходить въ лодкахъ. Сильное теченіе на востокъ во время при-лива и на западъ во время отлива можетъ увлечь лодку или судно въ прибой. Когда долгота не точно извѣстна и идутъ на востокъ, то при Тимбве земля въ сѣверномъ направленіи скоро исчезаетъ, а когда идутъ опять на западъ, то восточ-ный Луабо можно узнать по его большой ширинѣ; Кон-гоне же слѣдуетъ семь миль далѣе къ западу. Въ Восточномъ Луабо есть хорошая, но длинная коса, по которой можно про-ходить только при сѣверовосточномъ или восточномъ вѣтрѣ. Иногда она называется „Barra Catrina“. и ею пользуются для помѣщенія на судно невольниковъ. Это можетъ быть „рѣка Добрыхъ Признаковъ“ Васко да Гама, такъ какъ это устье со стороны моря легче увидѣть чѣмъ всякое другое; но такъ какъ нѣтъ столба, который этотъ мореплаватель воз-двигнулъ на томъ мѣстѣ въ честь святаго Рафаила, то дѣло становится сомнительнымъ. Португальцевъ нѣтъ ни одного миль на восемьдесятъ отъ каждаго изъ устьевъ Замбези. Данныя туземцами названія относятся болѣе къ землѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки, чѣмъ къ ней самой; такъ одна сто-рона Конгоне называется Ніамизенга, другая — Ніангалуле; а именемъ Конгоне, названіе рыбы, называютъ одну сторону естественнаго канала, который ведетъ въ настоящую Замбези или Куама и сообщаетъ гавани ея важность.

Если кто изъ умѣреннаго сѣвернаго пояса въ первый разъ попадаетъ въ тропическія страны, то его ощущенія и впеча-тлѣнія, въ нѣкоторомъ отношеніи, похожи на тѣ, какія, вѣро-ятно, испыталъ первый человѣкъ при входѣ въ эдемскій садъ. Онъ вступилъ въ новый міръ, предъ нимъ лежитъ иное цар-

ство бытія; все, что́ онъ видитъ, каждый звукъ, поражающій его ухо, имѣетъ свѣжесть и привлекательность новизны. Деревья и растенія новы, цвѣты и плоды, животныя, птицы и насѣкомыя удивительны и странны; самое небо ново, потому что такъ горитъ красками или сверкаетъ звѣздами, какъ этого никогда не бываетъ въ сѣверныхъ странахъ.

Конгоне находится въ пяти миляхъ на востокъ отъ Миламбе, или западнаго рукава, и на семь миль на западъ отъ Восточнаго Луабо, который, съ своей стороны, отстоитъ на пять миль отъ Тимбве. Мы мало видѣли туземцевъ, и такъ какъ они, замѣтивши насъ, убѣгали изъ своихъ челноковъ въ чащу корнепустовыхъ лѣсовъ, то давали этимъ ясно понять, что они имѣютъ о бѣломъ человѣкѣ не очень выгодное мнѣніе. Вѣроятно, это были убѣжавшіе невольники португальцевъ. На богатыхъ травою лѣсныхъ лугахъ попадались въ изобиліи буйволы, таясупы и три вида антилопъ; антилопъ легко можно было убивать. Поохотившись нѣсколько часовъ, мы добыли дичи на двадцать человѣкъ на нѣсколько дней.

Когда мы поднимались далѣе по Конгоне, мы нашли, что легко избѣжать мелководья, когда мы направимся по извивамъ, глубоко прорытымъ рѣкою. Первыя двадцать миль фарватеръ прямъ и глубокъ; затѣмъ идетъ маленькій, довольно извилистый естественный каналъ, ведущій вправо и впадающій въ широкую Замбези миль черезъ пять, на которыхъ весла почти касаются травы плавающей у береговъ. Остальная часть Конгоне выступаетъ изъ главной рѣки значительно выше въ видѣ рукава, носящаго названіе Дото.

Первыя двадцать миль Конгоне окружены корнепустовыми болотами; нѣкоторыя деревья украшены красильными лишаями, которыхъ, повидимому, никто не собираетъ. Огромные папоротники, кусты пальмъ и финиковыя пальмы отъ времени до времени попадаются въ лѣсу, состоящемъ изъ различныхъ видовъ корнепуста; гроздья свѣтложелтыхъ, хотя едва ли съѣдобныхъ, плодовъ прекрасно рисуются на зеленой листвѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегу растетъ

Панданы, или винтовыя пальмы, покрытыя ползучими растеніями, на Конгоне, рукавѣ Замбези.

массами милола, — тѣнистая китайская роза съ большими желтоватыми цвѣтами. Ея кора идетъ на канаты и особенно пригодна для веревокъ, на которыя привязываются гарпуны, для того чтобы бить гиппопотамовъ. Панданы или винтовыя пальмы, изъ которыхъ на Маврицiи приготовляются сахарные мѣшки, тоже показываются, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Контоне мы вошли въ Замбези, многiе изъ нихъ такъ высоки, что напоминали намъ церковныя башни нашей родины; мы совершенно согласились съ замѣчанiемъ одного стараго матроса, что „для полноты картины недостаетъ только одного: именно лавочки съ грогомъ неподалеку отъ церкви.“ Мы нашли также нѣсколько дикорастущихъ гуявовыхъ и лимонныхъ деревъ, съ которыхъ однако же туземцы собирали плоды. Темные лѣса оживляются живымъ и радостнымъ пѣнiемъ алкiона (Halcyon striolata), который сидитъ вверху на деревьяхъ. Между тѣмъ, какъ пароходъ движется по извивающемуся руслу рѣки, какая-нибудь маленькая, красивая цапля или блестящiй зимородокъ съ крикомъ испуга бросается съ края берега, летитъ на небольшое разстоянiе впередъ и спокойно садится, чтобы снова слетѣть черезъ нѣсколько секундъ, когда мы къ нему приблизимся. Великолѣпный орланъ (Haliaetus vocifer) сидитъ на вершинѣ корнепуста, переваривая свой завтракъ изъ свѣжихъ рыбъ, и вовсе не хочетъ тронуться съ мѣста, пока наконецъ приближающаяся опасность не принудитъ его распустить для бѣгства свои большiя крылья. Блестящiй ибисъ, обладающiй замѣчательно тонкимъ слухомъ, издали слышитъ необыкновенное для него плесканье и, выскакивая изъ ила, гдѣ мирно насыщалась его семья, еще задолго до наступленiя опасности улетаетъ съ своимъ громкимъ, грубымъ и насмѣшливымъ крикомъ га! га! га!

Корнепустовыя деревья теперь уже за нами, и за ними слѣдуютъ широкiя горизонтальныя равнины жирной черной почвы, покрытыя гигантскими травами, которыя такъ высоки, что поднимаются выше головы и дѣлаютъ охоту невозмож-

ною. Каждый годъ, когда трава высохнетъ, она выжигается. Эти пожары не даютъ расти многимъ толстымъ деревьямъ, такъ какъ только тѣ деревья, которыя пожостче, напр. вѣерныя пальмы (Borassus) и бакаутовое дерево (Lignum vitæ), спасаютъ свою жизнь среди огненнаго моря, ежегодно бушующаго надъ равнинами.

Изъ банановъ и кокосовыхъ пальмъ на лѣвомъ берегу теперь выглядываютъ хижины туземцевъ; онѣ стоятъ на сваяхъ въ нѣсколькихъ футахъ надъ влажною почвою, и обитатели ихъ взбираются въ нихъ по лѣстницамъ. Почва необыкновенно плодородна, и огороды дѣйствительно превосходны. Рисъ воздѣлывается въ большомъ количествѣ; получаются также бататы, тыквы, красные баклажаны, капуста, луковицы (шалоты), чечевица, немножко хлопчатой бумаги и сахарнаго тростника. Говорятъ, что англійскій картофель, будучи посаженъ на Квиллимане въ подобную почву, въ теченіе двухъ лѣтъ получаетъ вкусъ бататъ (Convolvulus batatas) и походитъ на нашъ мороженый картофель. Вся плодоносная страна, простирающаяся отъ канала Конгоне и за Мазаро около семидесяти миль въ длину и шестидесяти въ ширину, отлично годится для воздѣлыванія сахарнаго тростника, и если бы она была въ рукахъ нашихъ друзей, что́ на мысѣ Доброй Надежды, то она снабжала бы всю Европу сахаромъ. Жители, которыхъ мы встрѣчали чрезвычайно рѣдко, повидимому, питаются довольно хорошо, но у нихъ былъ замѣтенъ страшный недостатокъ одежды; всѣ они были черны и почти всѣ португальскіе „колоносъ“, т. е. крѣпостные. Они не показывали никакого страха передъ бѣлыми, стояли группами на берегу и съ изумленіемъ глядѣли на пароходы, въ особенности на „Перлъ“, такъ далеко сопровождавшій насъ вверхъ по рѣкѣ. Одинъ старикъ, пришедшій на бортъ, замѣтилъ, что они никогда прежде не видали такого большаго судна, какъ „Перлъ“, что оно точно деревня. „Оно изъ *одного* дерева сдѣлано?“ Всѣ они были ревностные торговцы, и подходили къ кораблю въ легкихъ быстрыхъ лодкахъ со всякаго рода пло-

дами и съѣстными припасами, какіе у нихъ были; нѣкоторые приносили медъ и воскъ, въ изобиліи находимый въ корнепустовыхъ лѣсахъ. Когда пароходы начинали двигаться, многіе, желающіе что-нибудь продать, бѣжали вдоль берега, поднимали вверхъ птицъ и корзины съ рисомъ и шумно кричали: „малонда, малонда“, „продать, продать“, между тѣмъ какъ другіе слѣдовали въ лодкахъ, двигаемыхъ по водѣ съ чрезвычайною скоростью помощію короткихъ, широкихъ веселъ.

Глубокое русло Замбези идетъ извилинами и узко въ сравненіи съ большою шириною самой рѣки. Дно рѣки, повидимому, состоитъ изъ ряда огромныхъ подводныхъ песчаныхъ отмелей, надъ которыми, когда рѣка мелка, бываетъ отъ одного до четырехъ футовъ воды. Главное русло идетъ между такою отмелью и рѣчнымъ берегомъ, имѣя глубину, измѣняющуюся въ сухое время года, отъ пяти до пятнадцати футовъ и скорость почти двухъ узловъ въ часъ. Потомъ оно поворачиваетъ и идетъ въ косвенномъ направленіи поперекъ рѣки вдоль нижняго края отмели, и потомъ все это снова повторяется; въ продолженіе дневнаго пути, русло такимъ образомъ нѣсколько разъ обращается отъ одного берега къ другому, такъ что опытные плаватели по океану совершенно теряются при плаваніи по этой рѣкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло пересѣкаетъ теченіе, оно всего мельче. Вообще, оно ограничено довольно ясно. При тихой погодѣ оно представляетъ особенное вскипаніе воды вслѣдствіе какого-нибудь движенія въ глубинѣ. При легкомъ вѣтрѣ русло получаетъ извѣстное характеристическое плесканіе небольшихъ волнъ, а когда вѣтеръ силенъ и волнуетъ рѣку, какъ это обыкновенно бываетъ отъ мая до ноября, то волны на руслѣ больше, чѣмъ на другихъ частяхъ рѣки, и рядъ небольшихъ прибоевъ обозначаетъ край верхней мели.

Такъ какъ мы нашли, что „Перлъ“ сидитъ слишкомъ глубоко для русла рѣки близъ острова Симбо, гдѣ рукавъ, называемый Дото, принимается правымъ берегомъ Конгоне, а другой рукавъ, по имени Чинде, выходитъ изъ лѣваго берега

Конгоне въ тайный каналъ, о которомъ мы говорили, то мы сняли съ парохода вещи, нужныя для экспедиціи, и перенесли ихъ на обильный травою островъ, лежащій въ сорока миляхъ отъ косы. Тогда „Перлъ“ покинулъ насъ, и мы должны были разстаться съ нашими добрыми друзьями Дунканомъ и Скидомъ; первый отправился на Цейлонъ, а послѣдній возвратился назадъ на Мысъ Доброй Надежды, къ своей должности правительственнаго инспектора.

Изъ тѣхъ, кто былъ въ экспедиціи, большая часть имѣла трезвый, здоровый взглядъ на предпріятіе. Нѣкоторые оставались отъ 18-го іюня до 13-го августа на „Островѣ Экспедиціи“, между тѣмъ какъ нашъ малый пароходъ и пинка перевозили вещи въ Шупанга и Сенна. Въ странѣ происходила война, наши тюки были въ опасности, и многіе изъ нашего общества, вслѣдствіе бездѣятельности, заболѣли отъ болотнаго воздуха устьевъ. Здѣсь нѣкоторые въ первый разъ познакомились съ африканскою жизнью и африканскою лихорадкою. Здоровы были только тѣ, которые прилежно были заняты около судовъ и, имѣя въ виду опасное положеніе своихъ сотоварищей, само собою понятно, напрягали всѣ силы, чтобы кончить дѣло и увезти ихъ отсюда. Это было также время, когда слабодушные особенно хлопотали о своемъ воскресномъ покоѣ и о достаточномъ времени для ѣды, къ чему особенную склонность и нѣжность именно выказывала наша прислуга, состоящая изъ двѣнадцати круменовъ. Къ большому сожалѣнію, нѣкоторые люди не могутъ понять, что правильное и честное исполненіе обязанностей ежедневной жизни есть служеніе Богу.

Погода была превосходная, только изрѣдка шелъ проливной дождь или случалось холодное туманное утро. Тѣ, которые оставались на острову, проводили время въ томъ, что дѣлали метеорологическія и магнетическія наблюденія и ботанизировали, насколько это позволяла высохшая растительность. Повидимому, никто уже особенно не довѣрялъ „офиціальному отчету“ двухъ корабельныхъ командировъ, которые, послѣ

четырнадцати-дневнаго нашего пребыванія на Замбези, торжественно объявили, что она „скорѣе похожа на озеро, чѣмъ на рѣку, имѣетъ климатъ подобный итальянскому и далеко здоровѣе, чѣмъ какая бы то ни было рѣка на западномъ берегу“; но каждый, по совѣту предводителя, началъ дѣлать и принимать въ соображеніе свои собственныя наблюденія и не считалъ уже безошибочными прежнія заключенія, сдѣланныя начальникомъ.

Большіе столбы дыма ежедневно поднимались на различныхъ точкахъ горизонта и показывали, что туземцы сожигали ту громадную массу сухой длинной травы, которая составляетъ здѣсь неудобство, хотя въ другихъ мѣстахъ есть нѣчто цѣнное. Часто было замѣчено, что на вершинѣ такого столба лежало бѣлое облако, какъ будто жаромъ пламени былъ гонимъ кверху потокъ горячаго влажнаго воздуха, и тамъ на высотѣ его влажность осаждалась. Дождя не происходило, хотя теоретики вообразили себѣ, что онъ долженъ являться въ такомъ случаѣ.

Большая дичь, буйволы и зебры, въ изобиліи показывались насупротивъ острова, но людей не было видно. На материкѣ, на правомъ берегу рѣки, насъ очень развлекали и занимали эксцентрическія круговыя движенія и эволюціи на лету маленькихъ зерноядныхъ птицъ, которыя, носясь сомкнутыми колоннами, кружились съ такой воинской точностью, что производили на насъ впечатлѣніе, какъ будто ихъ руководитъ какой-нибудь предводитель, и всѣ онѣ движутся по одному и тому же сигналу. Различные другіе виды птицъ прилетали сюда толпами, между прочимъ большая сенегальская ласточка. Присутствіе этой птицы, очевидно бывшей здѣсь на перелетѣ съ сѣвера, между тѣмъ, какъ обыкновенная ласточка и черный коршунъ находятся за экваторомъ, приводитъ къ предположенію, что существуетъ перелетъ двойнаго рода, то есть что птицы точно также улетаютъ изъ жаркихъ странъ въ умѣренныя, какъ и отъ суровыхъ зимъ въ

болѣе теплыя страны; но такія перелетныя птицы, какъ мы, не могли этого вполнѣ подтвердить.

Когда мы достигли Мазаро, устья узкой бухты, находящейся при высокой водѣ въ соединеніи съ рѣкою Квиллимане, мы нашли, что португальцы вели войну съ нѣкоторымъ Маріано, иначе называемымъ Матакеніа; они обыкновенно бѣгали отъ него, и онъ, построивъ палисадъ близъ устья Шире, присвоилъ себѣ всю землю между этою рѣкою и Мазаро. Маріано былъ всего больше извѣстенъ подъ своимъ туземнымъ именемъ Матакеніа, которое на ихъ языкѣ означаетъ „дрожащій“ или трясущійся какъ дерево во время бури. Это былъ ревностный охотникъ за невольниками, который держалъ у себя много людей, хорошо вооруженныхъ ружьями. Было бы чистымъ заблужденіемъ думать, что торговля невольниками состоитъ только въ покупкѣ и продажѣ, или что въ Африкѣ можно дѣлать дѣла съ работниками какъ въ Индіи; у Маріано, какъ и у другихъ португальцевъ, не было никакихъ работъ. Онъ имѣлъ обычай высылать къ безпомощнымъ племенамъ на сѣверовостокъ вооруженныхъ солдатъ для набѣговъ за невольниками и доставлять украденныя жертвы въ цѣпяхъ на Квиллимане, гдѣ ихъ продавалъ его зять Круцъ Каимбра и, подъ именемъ „свободныхъ переселенцевъ“, отправлялъ моремъ на французскій островъ Бурбонъ. Пока его грабежи и убійства ограничивались обитающими въ нѣкоторомъ отдаленіи туземцами, законная власть не вмѣшивалась; но его люди, привыкшіе въ своихъ набѣгахъ за невольниками къ насилію и кровопролитію, естественно, стали упражняться надъ людьми, которые были подъ рукою, хотя бы тѣ принадлежали и португальцамъ, и даже стали отправлять свое ремесло въ селеніи Сенна, находящемся подъ покровительствомъ форта. Одинъ господинъ изъ высшихъ сословій разсказывалъ намъ, что вовсе не былъ необыкновеннымъ событіемъ случай такого рода: въ то время, какъ онъ съ своимъ семействомъ сидѣлъ за столомъ, въ комнату шумно вбѣжалъ невольникъ, за которымъ гнался съ ко-

пьемъ въ рукѣ одинъ изъ людей Маріано, чтобы его умертвить.

Жестокости этого бездѣльника, котораго недавно умершій губернаторъ Квиллимане, по всей справедливости, называлъ „завзятымъ разбойникомъ и убійцей“, стали наконецъ невыносимыми. Всѣ португальцы говорили о немъ, какъ о рѣдкостномъ чудовищѣ человѣчества. Непостижимо, что полубѣлые, какъ онъ, гораздо жесточе португальцевъ, но это несомнѣнный фактъ.

Увѣряютъ, что одно изъ любимѣйшихъ его средствъ — производить впечатлѣніе въ странѣ и дѣлать свое имя страшнымъ — состояло въ томъ, что онъ своихъ плѣнниковъ убивалъ собственною рукою. Однажды ему пришлось такимъ образомъ убить сорокъ бѣдныхъ молодцовъ, которые были выставлены передъ нимъ въ одинъ рядъ. Мы сначала не довѣряли этимъ разсказамъ и думали, что это просто были преувеличенія огорченныхъ португальцевъ, которые, естественно, были вооружены противъ него, потому что онъ наносилъ ущербъ ихъ торговлѣ и принималъ ихъ бѣглыхъ невольниковъ; но впослѣдствіи мы узнали отъ туземцевъ, что сообщенныя намъ португальцами свѣдѣнія не выходили изъ предѣловъ истины, и что Маріано былъ точно такой величайшій варваръ, какъ они его описывали. Можно было бы думать, что рабовладѣльцы обращаются съ своимъ рабочимъ скотомъ изъ человѣческаго рода такъ же хорошо, какъ люди съ другими, полезными въ хозяйствѣ животными; но торгъ невольниками, повидимому, всегда ведетъ къ безсмысленной жестокости, если не къ кровожадности!

Маріано была объявлена война и высланы войска, чтобы взять его въ плѣнъ; онъ нѣкоторое время сопротивлялся; но потомъ увидѣлъ, что ему, вѣроятно, придется бѣжать, и зная, что солдаты португальскаго губернатора состоятъ на ничтожномъ жалованьѣ и потому „наклонны работать по цѣнѣ“, онъ спустился къ Квиллимане, чтобы, какъ здѣсь говорится, „расплатиться“ съ губернаторомъ; но полковникъ

да Сильва захватилъ его въ плѣнъ и потомъ отправилъ для производства слѣдствія въ Мозамбикъ. Когда мы прибыли на мѣсто, его люди сражались подъ предводительствомъ его брата, Бонга. Война продолжалась шесть мѣсяцевъ, и въ продолженіе этого времени по рѣкѣ была остановлена всякаго рода торговля. Около 15 іюня мы въ первый разъ пришли въ столкновеніе съ „мятежниками“. Это была толпа хорошо вооруженныхъ и фантастически одѣтыхъ людей, расположившихся подъ деревьями близъ Мазаро. Послѣ объясненія, что мы англичане, нѣкоторые тотчасъ взошли на бортъ и кричали находившимся на берегу, что они должны отложить свое оружіе въ сторону. Когда мы съ ними сошли на берегъ, мы увидѣли, что многіе изъ нихъ носили выжженныя на груди невольническія клейма; они горячо одобряли наши цѣли и весьма хорошо знали отличительный характеръ нашего народа въ вопросѣ о невольничествѣ. Ликованіе при нашемъ отъѣздѣ составляло сильную противоположность съ недовѣрчивыми вопросами при нашемъ приближеніи. Съ этого времени обѣ партіи видѣли въ насъ друзей.

Послѣ мы держались въ лѣсу на разстояніи мили отъ поля сраженія, но густой туманъ препятствовалъ намъ слышать шумъ битвы при Мазаро; а когда мы непосредственно за тѣмъ прибыли на мѣсто, на берегу явилось много туземцевъ и португальцевъ.

Д-ръ Ливингстонъ, который вышелъ на берегъ, чтобы увидать между послѣдними нѣкоторыхъ изъ своихъ старыхъ друзей, очутился въ отвратительно вонючей атмосферѣ и между изуродованными трупами убитыхъ. Его просили взять съ собою губернатора, который въ Шупанга заболѣлъ жестокою лихорадкою, и только что онъ далъ свое согласіе, какъ мятежники возобновили битву, и пули начали свистать по всѣмъ направленіямъ. Такъ какъ онъ тщетно пытался призвать кого-нибудь, кто бы помогъ ему отнести губернатора на пароходъ, и не желалъ оставить его въ такой опасности, а офицеръ, посланный привести нашихъ людей, не возвращался,

Видъ Мазаро. Вдали битва португальцевъ съ мятежниками.

то онъ вошелъ въ шалашъ и потащилъ его превосходительство на пароходъ. Губернаторъ былъ весьма высокій мужчина и такъ какъ онъ по слабости качался изъ стороны въ сторону и при этомъ увлекалъ за собою д-ра Ливингстона, то это имѣло видъ, какъ будто одинъ пьяный помогаетъ другому. Нѣкоторые изъ бѣлыхъ португальскихъ солдатъ съ величайшею храбростью сражались противъ врага во фронтѣ, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ хладнокровно стрѣляли въ своихъ собственныхъ невольниковъ, потому что тѣ убѣжали къ позади расположенной рѣкѣ. Мятежники скоро отступили, а португальцы ускользнули на отмель въ Замбези и оттуда на островъ, расположенный противъ Шупанга, гдѣ засѣли на нѣсколько недѣль и посматривали на мятежниковъ, расположившихся на противолежащемъ берегу. Со стороны португальцевъ не такъ-то легко было избѣжать этого состоянія бездѣйствія, такъ какъ они истратили всѣ свои боевые запасы и съ нетерпѣніемъ ждали подвоза, безъ сомнѣнія, крѣпко надѣясь, что непріятель не узнаетъ о недостаткѣ у нихъ пороха. Къ счастію, они не обманулись въ своихъ надеждахъ; мятежники выжидали до прибытія запасовъ, и тогда, послѣ упорнаго боя, длившагося три съ половиной часа, они были отбиты. Два мѣсяца спустя палисадъ Маріано былъ сожженъ, послѣ чего гарнизонъ, въ паническомъ страхѣ, бѣжалъ; и такъ какъ Бонга объяснилъ, что онъ не желаетъ воевать съ губернаторомъ, потому что не имѣетъ для этого никакихъ основаній, то война скоро пришла къ концу. Между тѣмъ, его превосходительство, будучи послѣдователемъ Распайля, употреблялъ противъ лихорадки только немножко камфоры и, отправившись съ Шупанга, заболѣлъ сонной болѣзнью. Къ величайшему его огорченію, ему были даны болѣе сильныя средства, и онъ скоро выздоровѣлъ. Услужливый полковникъ, которому онъ этого никогда потомъ не извинялъ, поощрялъ къ леченію. „Давай, что слѣдуетъ; не слушай его; онъ очень (muito) грубъ;“ и такимъ образомъ полковникъ давалъ ему во всю ночь съ каждымъ глоткомъ воды нѣкоторое количество хинина.

Этимъ способомъ пацієнтъ къ слѣдующему утру принялъ достаточно хины, и ему стало легче. — Прилагаемый рисунокъ изображаетъ мѣсто битвы и любопытенъ въ историческомъ отношеніи, такъ какъ проходъ, въ которомъ видна лежащая на боку старая лодка съ дырою на днѣ, есть устье узкой бухты Муту, которая на картѣ, изданной въ 1861 году португальскимъ „министерствомъ морскихъ силъ и колоній“, показана какъ потокъ, черезъ который главная часть Замбези, имѣющей здѣсь около мили ширины, будто-бы течетъ въ Квилиманс. Въ дѣйствительности эта бухта, имѣющая отъ восьми до десяти ярдовъ ширины, наполнена травою, и ея русло лежитъ по крайней мѣрѣ въ шести футахъ надъ уровнемъ Замбези. Сторона бухты, лежащая противъ лодки, изображена на правой сторонѣ картины, и по направленію отъ русла къ одному изъ труповъ можно замѣтить послѣдовательныя высоты, на которыхъ стояла вода главнаго потока отъ времени половодья въ мартѣ до средней ея высоты въ іюнѣ.

До самаго Мазаро мѣстность на пространствѣ отъ шестидесяти до семидесяти миль длины не оживлена и непривлекательна. По обѣимъ сторонамъ пустая необитаемая равнина такого же уровня, какъ травяные луга, и только кое-гдѣ деревья, смягчающія утомительное однообразіе. Круглая зеленая вершина стройнаго пальмоваго дерева виднѣется издали, какъ будто вися на воздухѣ, такъ какъ сѣраго ствола дерева еще не видать. Кой-гдѣ стая хлопотливыхъ береговыхъ ласточекъ, которыя, точно также какъ и къ югу до Оранжевой Рѣки, не перелетаютъ, прорыли берегъ на два или на три фута въ горизонтальномъ направленіи, чтобы въ концѣ этихъ норъ устроить себѣ гнѣзда, и теперь носятся за миріадами тропическихъ насѣкомыхъ. Широкая рѣка имѣетъ много низменныхъ острововъ, на которыхъ водятся разнообразныя породы водныхъ птицъ, гуси, колпицы, цапли и фламинго. Отвратительные крокодилы, съ открытымъ ртомъ лежащіе и спящіе на низменныхъ берегахъ, освѣщаемыхъ солнцемъ, скоро замѣчаютъ шумъ пароходныхъ колесъ и спокойно скользятъ

въ рѣку. Бегемотъ, ищущій спокойнаго мѣста въ рѣкѣ, чтобы скрыться тамъ на день, поднимается со дна, гдѣ онъ, послѣ понесенныхъ на берегу трудовъ ночи, наслаждался утреннимъ купаньемъ, отфыркиваетъ изъ ноздрей залпъ воды, вытряхиваетъ воду изъ ушей, поднимаетъ свое ужасающее рыло прямо вверхъ и разѣваетъ ротъ, издавая, для предостереженія своего стада, громкій ревъ, наманеръ звуковъ чудовищнаго фагота.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Мазаро ландшафтъ становится лучше. Мы видимъ покрытый лѣсами хребетъ Шупанга, поднимающійся слѣва, а передъ нами въ темной дали высятся синіе холмы. Ниже Мазаро по Замбези не производится уже никакого рода торговли. Всѣ товары изъ Сенна и Тетте доставляются въ большихъ челнахъ къ этому пункту и отсюда на человѣческихъ головахъ уносятся на шесть миль внутрь страны, гдѣ снова укладываются на лодки въ какомъ нибудь маленькомъ потокѣ, изливающемся въ Кваква или Квиллимане, которая совершенно отдѣльна отъ Замбези. Только въ рѣдкихъ случаяхъ и во время самаго высокаго стоянія воды челны могутъ проходить изъ Замбези въ Квиллимане по узкому естественному каналу *Муту*. Туземцы изъ Маруру, или изъ страны около Мазаро, — слово Мазаро значитъ „устье узкой бухты“ Муту, — стоятъ у португальцевъ на дурномъ счету; они, какъ говорятъ, ловкіе воры, и кущцы, пока добро ихъ переправляется съ одной рѣки на другую, иногда несутъ убытки отъ ихъ вороватости. Вообще они ловкіе лодочники и снабжаютъ людьми много челновъ, которые отсюда идутъ въ Сенна и Тетте; вознагражденіе ихъ ничтожно, и такъ какъ они не довѣряютъ кущамъ, то имъ нужно платить его впередъ, прежде чѣмъ они отправятся. Такъ какъ африканцы наклонны изыскивать достойныя уваженія причины своего поведенія, точно также какъ и бѣлые въ цивилизованныхъ странахъ, то случается, что они, при хорошемъ расположеніи духа, высказываютъ свое основаніе, — зачѣмъ они настаиваютъ, чтобы имъ непремѣнно платили впередъ, — въ словахъ своей самой любимой лодочной пѣсни:

„Учинджере, учинджере, кале," „Вы обманываете меня издавна;" или „Ты ненадежень, истинно ненадежень".

Ландены или зулу — владѣльцы праваго берега Замбези, и португальцы признаютъ это на практикѣ тѣмъ, что они этому воинственному племени платятъ довольно значительную ежегодную дань. Зулу постоянно являются каждый годъ въ значительныхъ силахъ къ Сенна и Шупанга, чтобы забрать обычную дань. Немногочисленные богатые купцы Сенна вздыхаютъ подъ этимъ игомъ, ибо главнымъ образомъ оно ложится на нихъ. Они вынуждены, кромѣ жемчуга и мѣдныхъ проволокъ, вносить ежегодно двѣсти кусковъ выбойки, въ каждомъ болѣе шестнадцати ярдовъ, такъ какъ они знаютъ, что отказъ поведетъ къ войнѣ, которая можетъ покончиться потерею всего, что́ они имѣютъ. Зулу, повидимому, такъ же строго наблюдаютъ за жителями Сенна и Шупанга, какъ всякій владѣлецъ за арендаторомъ; чѣмъ больше эти жители воздѣлываютъ, тѣмъ больше имъ приходится платить. Когда мы спрашивали нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему они не попробуютъ добывать нѣкоторые очень выгодные продукты, мы получили въ отвѣтъ: „что проку было бы больше воздѣлывать? Ландены только брали бы съ насъ больше дани".

Въ лѣсахъ Шупанга изобильно растетъ дерево мокундукунду; его свѣтло-желтая древесина даетъ хорошія мачты для судовъ и доставляетъ сильное горькое лекарство противъ лихорадки; она тверда, имѣетъ поперечныя волокна и заключаетъ массы кремней, отлагающіяся въ ея веществѣ; большія лодки, способныя нести три или четыре тонны, приготовляются изъ одного ствола этого дерева. За позволеніе вырубать эти деревья одинъ португалецъ съ Квиллимане заплатилъ зулу, въ 1858 г., двѣсти долларовъ, а его преемникъ платитъ теперь триста.

Въ Шупанга находится одноэтажный каменный домъ въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи на рѣкѣ. Впереди покатая дерновая площадка, на южномъ концѣ которой помѣщается

Пляска ланденовъ, или цулусовъ, прибывшихъ въ Шупанга за ежегодною данью съ португальцевъ.

прекрасный плодовый садъ изъ деревъ монго ведетъ изъ широкой Замбези, съ ея зелеными островами, покоющимися на озаренномъ солнцемъ лонѣ тихихъ водъ. На сѣверъ лежатъ широкія поля и лѣса пальмъ и тропическихъ деревъ, и потомъ громадныя горы Морамбала, поднимающія свои вершины до бѣлыхъ облаковъ, а дальше выступаютъ на голубомъ горизонтѣ отдаленные холмы. Этотъ прекрасно расположенный домъ представляетъ печальную занимательность, такъ какъ онъ самымъ грустнымъ образомъ связанъ съ исторіею двухъ англійскихъ экспедицій. Здѣсь, въ 1826 году, умеръ отъ лихорадки бѣдный Киркпатрикъ, членъ экспедиціи капитана Оуэна; здѣсь же, въ 1862 г., умерла отъ той же роковой болѣзни дорогая супруга доктора Ливингстона. Оба лежатъ въ ста ярдахъ къ востоку отъ дома, далеко отъ своего отечества, погребенные подъ большимъ баобабомъ.

Домъ въ Шупанга былъ во время войны съ Маріано главною квартирою губернатора. Онъ разсказывалъ намъ, что провинція Мозамбикъ стоитъ португальскому правительству ежегодно отъ пяти до шести тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и что восточная Африка ничѣмъ за это не вознаграждаетъ метрополіи. Мы встрѣтили тутъ еще много другихъ вліятельныхъ португальцевъ. Всѣ они выказывали дружелюбіе и выражали готовность поддерживать экспедицію всѣми средствами, находящимися у нихъ въ распоряженіи; а полковникъ Нунэсъ и маіоръ Сикаръ сдѣлали гораздо болѣе, доказавши на дѣлѣ свое благорасположеніе тѣмъ, что приказали нарубить дровъ для парохода и прислали людей помочь выгрузиться. Весьма замѣчательно было, что никто изъ нихъ не зналъ ничего объ устьѣ Конгоны; всѣ они думали, что мы приплыли черезъ „Барра Катрина“ или восточный Луабо *). Докторъ Киркъ оставался здѣсь нѣсколько недѣль и, сдѣлавъ изслѣ-

*) Причиною ихъ незнанія, — которое, безъ сомнѣнія, было раздѣляемо и ихъ правительствомъ, несмотря на тонъ, принятый потомъ въ офиціальныхъ газетахъ — заключалась, по нашему предположенію, вѣроятно въ недавнемъ

дованіе небольшаго озера, лежащаго въ двадцати миляхъ къ юго-западу, одинъ занимался леченіемъ больныхъ и раненыхъ солдатъ, и за эти дорогія услуги получилъ благодарность португальскаго правительства. Мы запаслись на этомъ мѣстѣ африканскимъ эбеновымъ или чернымъ деревомъ и бакаутовымъ деревомъ. Послѣднія деревья достигаютъ здѣсь страшной величины, почти четырехъ футовъ въ діаметрѣ. Нашъ машинистъ, знавшій, чего стоитъ эбеновое и бакаутовое дерева у насъ на родинѣ, говорилъ, что у него сердце болитъ, когда онъ принужденъ жечь такое драгоцѣнное дерево. Хотя различныя въ ботаническомъ отношеніи, они сходны по наружности. Черное дерево въ иныхъ мѣстахъ здѣсь превосходитъ качествомъ такое же дерево изъ другихъ странъ, а бакаутовое уступаетъ дереву другихъ странъ. Каучукъ или гумиластикъ попадается во множествѣ внутри страны, начиная отъ дома въ Шупанга, и корень калумба встрѣчается въ изобиліи. Индиго растетъ массами по самымъ берегамъ рѣки, и вѣроятно, не разъ воздѣлывался, потому что когда-то отсюда вывозили обработанный индиго. Изъ каучука приготовляются мячи для игры, а корень калумба, говорятъ, употребляется какъ протрава для извѣстныхъ красокъ, но не какъ самостоятельная краска.

17 августа 1858 года мы отправились къ Тетте. Плаваніе было нѣсколько затруднительно, такъ какъ Замбези отъ Шупанга до Сенна широка и наполнена островами. Нашъ черный штурманъ, Джонъ Сциссорсъ, крѣпостной, иногда сворачивалъ съ настоящаго русла и сажалъ насъ на мель Нимало не смущаясь, онъ восклицалъ печальнымъ тономъ: „До-

---

образованіи Конгоне. Въ продолженіе того времени, когда мы познакомились съ Конгоне, почти восемьдесятъ ярдовъ было смыто съ одного ея берега и отнесено на другой. Судоходный каналъ у Ніангалуле былъ совершенно занесенъ, и островъ Перлъ почти вполнѣ смытъ. Такъ какъ ровно ничего не дѣлается для поддержанія канала, то онъ скоро станетъ такимъ же мелкимъ, какъ Миламбе, и совершенно негоднымъ для судоходства.

Могила г-жи Ливингстонъ подъ баобабомъ, возлѣ дома въ Шупанга.

рога не тутъ, она вонъ гдѣ.“—„Зачѣмъ же вы не ѣхали прямо вонъ тамъ?“ ворчали наши крумены, которымъ приходилось стаскивать судно съ мели. Когда они сердито обращались къ бѣдному Сциссорсу, мягкій и униженный духъ невольника обнаруживался въ словахъ: „эти люди бранятъ меня, я убѣгу.“ Этотъ способъ оканчивать принятое на себя дѣло на Замбези очень обыкновенъ: было нѣсколько случаевъ въ то время, какъ мы были на рѣкѣ, что наемный народъ убѣгалъ съ судна съ бо́льшею частію тѣхъ вещей, которыя было поручено имъ охранять. Если купецъ не можетъ вознаграждать своихъ убытковъ, то приходится терпѣть ихъ. Ландены даже не возвращаютъ господину убѣжавшаго отъ него невольника. Ушелъ невольникъ, принадлежавшій господину Азеведо, и былъ возвращенъ только въ видѣ большой милости и послѣ подарка, который сто́илъ гораздо больше невольника.

Дурно устроенные котлы нашего парохода пожирали страшное количество дерева. Около двухъ часовъ утра разводился огонь, но раньше шести часовъ рѣдко мы пускались въ путь. Большая доля времени тратилась на рубку дровъ.

Тяжело нагруженныя туземныя лодки могли идти почти наравнѣ съ нами; маленькія нѣсколько обгоняли, и гребцы съ удивленіемъ и сожалѣніемъ оглядывались на медленнаго, пыхтящаго, „страждущаго одышкой“. Паръ вовсе не былъ для насъ вспомогательной силой; боты, даже челноки, при вполовину меньшихъ усиліяхъ и издержкахъ, сдѣлали бы для экспедиціи все то, что́ сдѣлалъ онъ.

У Шамоара, нѣсколько ниже впаденія Шире, мы высадились, чтобы запастись дровами. Кварцовые холмы Шире покрыты деревьями и гигантской травой. Буазе, небольшое лѣсное дерево, растетъ въ изобиліи; оно изъ рода истода; красивыя кисти его благоухающихъ гвоздичнаго цвѣта цвѣтовъ, наполняютъ воздухъ крѣпкимъ, прекраснымъ запахомъ; его сѣмена даютъ нѣжное, высыхающее масло, а кора маленькихъ вѣтвей даетъ нить тоньше и крѣпче льняной; туземцы дѣла-

ютъ изъ нея свои рыболовныя сѣти. Бонга, братъ бунтовщика Маріано, бывшій въ настоящій моментъ во главѣ мятежныхъ туземцевъ, посѣтилъ насъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ самыхъ знатныхъ лицъ, и былъ совершенно дружелюбенъ, хотя ему и разсказали, что мы перевезли больнаго губернатора въ Шупанга и лечили его отъ лихорадки. Какъ скоро мы познакомили Бонга съ цѣлью нашей экспедиціи, онъ замѣтилъ, что его люди не будутъ намъ помѣхой въ нашемъ добромъ дѣлѣ. Онъ прислалъ намъ въ подарокъ риса, двухъ овецъ и нѣкоторое количество топлива. Онъ никогда не пытался воспользоваться нами какъ-нибудь для войны, но, съ другой стороны, мало оказывалъ и довѣрія, тщательно выспрашивая нашего кормчаго, не продали ли мы пороху врагамъ. Мы однако заботились о томъ, чтобы равно оставаться въ добромъ согласіи какъ съ бунтовщиками, такъ и съ португальцами.

Такъ какъ на мелкомъ руслѣ, при которомъ стоитъ Сенна, пароходъ не могъ идти, то мы высадились на берегъ миль за шесть ниже его, у Ніарука, небольшой негритянской деревни, и на слѣдующее утро пришли въ Сенна. Узкая, вьющаяся тропинка, по которой мы должны были тянуться гуськомъ, вела черезъ сады и перелѣски, въ которыхъ самыя высокія деревья были колючія акаціи. Небо было покрыто облаками, въ воздухѣ прохладно и пріятно, и маленькія птички въ сердечной своей веселости заливались пріятными, незнакомыми пѣснями, которыя хотя и походили на пѣсни нашихъ пѣвчихъ птицъ въ прекрасное весеннее утро, но все-таки казались какъ бы звучащими на чуждомъ языкѣ. По дорогѣ мы встрѣчали многихъ туземцевъ. Большая часть мужчинъ были вооружены копьями, луками и стрѣлами, или старинными мушкетонами; у женщинъ были желѣзные крюки съ короткими рукоятками, и онѣ шли работать въ сады; всѣ пробирались стороной, обходя насъ, и вѣжливо привѣтствовали насъ, мужчины кланяясь и расшаркиваясь, а женщины становясь на колѣни даже съ тяже-

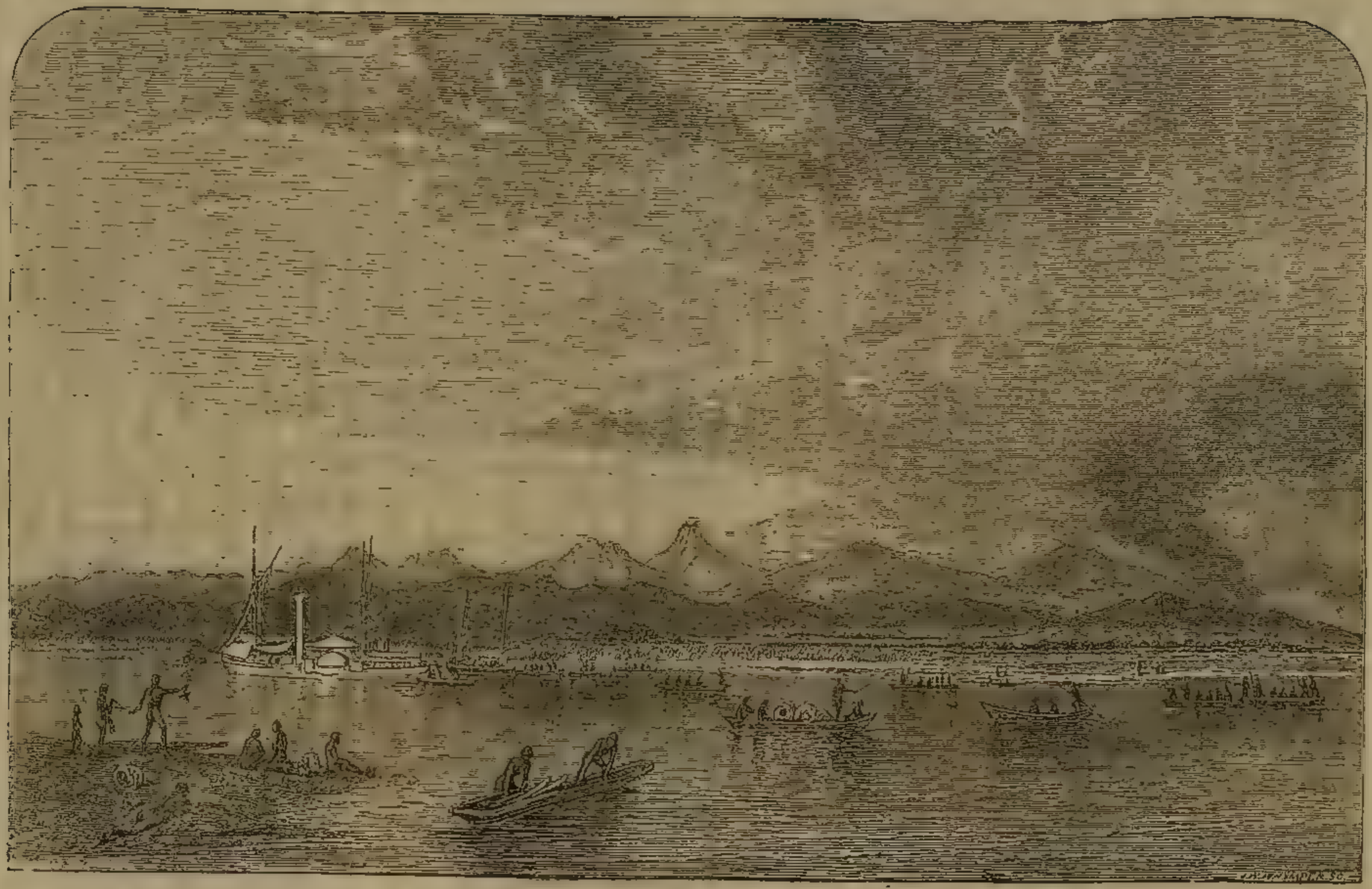
лыми ношами на головахъ — вѣжливость ужасающая при голыхъ колѣняхъ.

Сенна построенъ въ низменной равнинѣ на правомъ берегу Замбези, съ нѣсколькими красиво рисующимися пригорками на заднемъ планѣ. Онъ окруженъ палисадомъ изъ живыхъ деревъ, охраняющимъ обитателей отъ безпокойныхъ и мятежныхъ сосѣдей. Въ немъ немного большихъ домовъ, развалины нѣсколькихъ другихъ, и одинъ вывѣтрившійся крестъ, гдѣ когда-то стояла церковь; насыпь указываетъ мѣсто когда-то бывшаго монастыря, а выстроенная изъ глины крѣпость на рѣкѣ до того въ упадкѣ, что на ея склонившихся къ землѣ стѣнахъ мирно пасутся коровы. Обитатели не соболѣзнуютъ объ этомъ, ибо если приближался врагъ, то обыкновенно черное населеніе оставалось по домамъ и предоставляло купцамъ кончать ссору, какъ они сумѣютъ. Поэтому они думаютъ, что съ упадкомъ крѣпости они ни мало не сдѣлались безпомощнѣе, чѣмъ были прежде.

Немногіе сеннанскіе купцы, мало или совсѣмъ не торгующіе въ селеніи, посылаютъ партіи надежныхъ невольниковъ внутрь страны искать слоновьей кости и скупать ее. Сенна— скучное мѣсто и весьма удобное для спанья. Можно быть увѣреннымъ, что на другой день своего пребыванія получишь тамъ лихорадку, если она случайно не привяжется на первый день; но нѣтъ ни одного мѣста совершенно дурнаго. Сенна имѣетъ *одно* преимущество, которое миритъ съ нимъ: она мѣсторожденіе великодушнаго и гостепріимнаго сеньора Х. А. Феррао. Благодушіе этого почтеннаго человѣка безгранично. Бѣдный черный пришлецъ, проходящій черезъ городъ, прямо идетъ къ нему, какъ будто это такъ и слѣдуетъ, проситъ у него поѣсть и никогда не продолжаетъ пути голодный. Въ голодныя времена нуждающіеся туземцы кормятся его щедростью. Онъ никогда не видитъ сотенъ своихъ собственныхъ людей иначе, какъ только при подобныхъ случаяхъ, и единственная выгода, которую онъ извлекаетъ изъ того, что онъ ихъ господинъ, состоитъ въ томъ, что они относятся къ нему,

какъ къ патріархальному главѣ, и онъ имѣетъ удовольствіе примирять ихъ ссоры и спасать ихъ жизнь во времена засухи и недостатка. Его отецъ, человѣкъ съ высокими духовными дарованіями, былъ прежде португальскимъ губернаторомъ Сенна и пріобрѣлъ самымъ честнымъ образомъ огромную полосу богатой земли, называемой Чирингома; но правительство приказало раздробить ее и оставить для наслѣдства только двѣ французскія мили, а прочее раздѣлить на свободные участки для выходцевъ. Этотъ грабежъ былъ основанъ на томъ, что „не годится, чтобы подданный владѣлъ землею въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ португальская корона“. Вскорѣ напали ландены, забрали все и ограбили грабителей.

Сеньоръ Феррао принялъ насъ со своимъ обычнымъ дружелюбіемъ и далъ намъ обильный завтракъ. Въ продолженіе дня мы разспрашивали самыхъ знатныхъ лицъ мѣста, и они были согласны въ мнѣніи, что туземцы охотно воздѣлывали бы хлопокъ въ бо́льшемъ количествѣ, если бы нашли покупателей. Въ прежнія времена они высылали обильные запасы какъ хлопка, такъ и выбойки, въ Маника и даже въ Бразилію. „На своемъ собственномъ полѣ,“ объясняли они, „туземцы трудятся и работаютъ охотно, если только знаютъ, что они могутъ это дѣлать съ выгодой; когда есть имъ польза, чорные работаютъ очень хорошо“. Мы послѣ часто замѣчали, что таково было мнѣніе энергическихъ людей, и что всѣ дѣятельные, предпріимчивые и разсудительные поселенцы становились богатыми, между тѣмъ какъ тѣ, которые придерживались обычая лежать на спинѣ и на боку, постоянно покуривая табакъ, жаловались на лѣность негровъ и были бѣдны, надменны и презрительны. Въ полдень обѣдали мы у другаго очень почтеннаго португальца, маіора Тито А. д'А. Сикарда, который высказалъ общепринятое замѣчаніе, что открытіе докторомъ Ливингстономъ конгонскихъ отмелей служитъ приговоромъ Квилимане; ибо правительство распорядилось оставить эту посѣщаемую лихорадками мѣстность и основать новый городъ на устьѣ Конгоне. Тогда еще ничего не знали о томъ, что до-

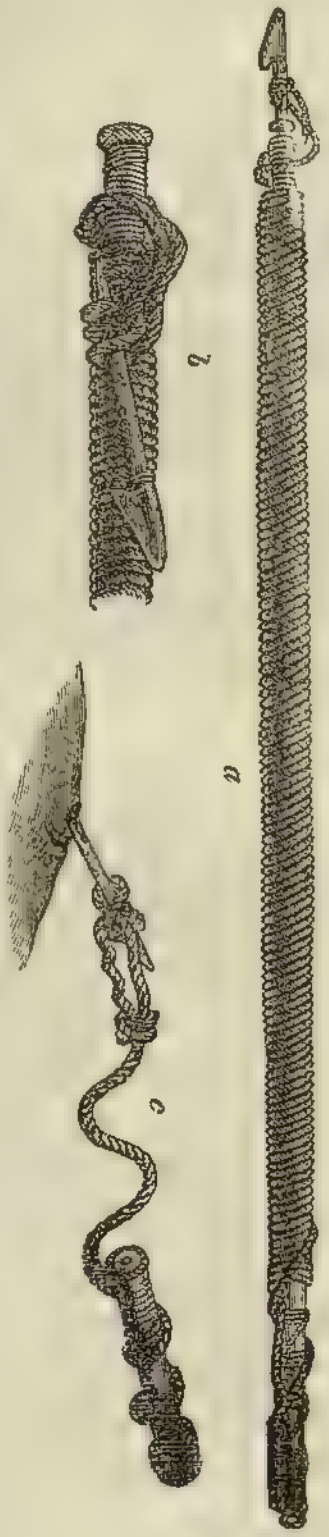


Малый пароходъ (Ма-Робертъ) на Замбези выше Сенна. (Вдали сѣдлообразный холмъ Кевраміза).

мовладѣльцы стараго города предпочтутъ лучше отказаться отъ всѣхъ чиновниковъ, чѣмъ выселяться. Маіоръ имѣлъ сильное желаніе помогать доктору Ливингстону въ его предпріятіи, и говорилъ, что если бы война окончилась, онъ тотчасъ же отправилъ бы въ челнахъ свои пожитки въ Тетте; послѣ онъ такъ и сдѣлалъ самымъ великодушнымъ образомъ. На обратномъ пути въ Ніарука, мы слышали какую-то птицу, которая, подобно соловью, распѣвала въ тишинѣ вечера свои пріятныя мелодіи.

На противоположномъ Сенна лѣвомъ берегу начинается живописная цѣпь высокихъ холмовъ и тянется въ направленіи къ сѣверу почти параллельно съ рѣкою. Здѣсь мы въ первый разъ подстрѣлили красивую антилопу — куду (Antilope strepsiceros). Нѣсколько миль выше Сенна лежитъ островъ Пита съ значительнымъ туземнымъ населеніемъ, которое, повидимому, находится въ благопріятныхъ обстоятельствахъ относительно средствъ къ жизни. Гальбкастъ, выдававшій себя за правителя страны, пришелъ на бортъ и далъ намъ нѣсколько зеленыхъ колосьевъ маиса въ качествѣ „сегвати“. Это вовсе не обыкновенный подарокъ, а какой-нибудь весьма ничтожный даръ, за который дарителю слѣдуетъ воздать по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ онъ стоитъ. Когда у жаднаго туземца есть небольшая домашняя птица или нѣсколько колосьевъ кукурузы, цѣну которыхъ едва можно опредѣлить, — такъ какъ дюжина лучшихъ ихъ птицъ стоитъ всего два ярда выбойки, а корзина майса только полъярда выбойки (цѣна каждаго ярда три пфенинга), — то онъ, съ сердцемъ, преисполненнымъ той благодарности, о которой однажды было писано какъ о живомъ чувствѣ предстоящихъ въ виду благодѣяній, дѣлаетъ изъ этого „сегвати“, и видитъ себя нѣсколько обманутымъ, если не получаетъ за это двойной цѣны. „Сегвати“ простыхъ людей намъ скоро очень надоѣли, — но это не повело ни къ чему; когда мы говорили хитрому африканцу: „продай, — мы это купимъ,“ постояннымъ отвѣтомъ было: „ахъ, нѣтъ, господинъ! это сегвати, это не продажное.“ Такъ

какъ подъ этимъ подразумѣвается комплиментъ, то мы всегда поддавались этой вѣжливости со стороны старшинъ. Поступать иначе, казалось, было бы съ нашей стороны недружелюбнымъ отношеніемъ богача и вельможи къ бѣдняку и униженному. Когда на это покушались частныя лица, мы имъ отказывали.



a. Копье на бегемота съ навитой на него бичевкой изъ милолы и насаженнымъ на него метательнымъ остріемъ. b. Способъ прикрѣпленія остріи къ бичевкѣ. c. Остріе всажено въ животное и бичевка смотывается съ палки.

По другую сторону Пита лежитъ небольшой островъ Піамотобси, гдѣ мы встрѣтили на побѣгѣ небольшое племя охотниковъ за бегемотами, которое войною съ себѣ подобными было вытѣснено съ своего лежащаго впереди острова. Всѣ они были прилежно заняты работой; многіе дѣлали гигантскія корзины для хлѣбовъ, при чемъ мужчины плели изнутри. Со столь обычной у нихъ вѣжливостью начальникъ приказалъ разостлать для насъ подъ навѣсомъ цыновки и потомъ показалъ намъ орудіе, которымъ они бьютъ бегемота; это — короткій желѣзный гарпунъ, прикрѣпленный къ концу длиннаго шеста; но такъ такъ онъ предназначенъ для метанія, то и привязанъ на крѣпкой бичевкѣ изъ коры милола или гибискуса, которая плотно навита по всей длинѣ шеста и прикрѣплена къ противоположному концу его. Два человѣка тихо подкрадываются на быстромъ челнокѣ къ спящему животному. Стрѣлецъ бросаетъ гарпунъ въ беззащитную жертву, между тѣмъ, какъ проворный кормчій быстро

Воинскія упражненія ланденовъ, или цулусовъ, берущихъ дань съ португальцевъ въ Сенна.

отводитъ легкій челнъ своимъ широкимъ весломъ; сила удара отдѣляетъ гарпунъ отъ его обвитой бичевою рукоятки, къ которой иногда прикрѣпленъ наполненный воздухомъ плавательный пузырь и которая, когда покажется на поверхности, указываетъ охотнику мѣсто, гдѣ, прижавшись, скрывается раненое животное, пока съ нимъ не покончатъ.

Эти охотники за бегемотами образуютъ особый народъ, называемый акомбви или маподзо, и рѣдко брачатся — женщины, какъ говорятъ, никогда — съ другими племенами. Причина, почему они не сходятся съ нѣкоторыми туземцами по Замбези, довольно понятна, такъ какъ многія племена питаютъ къ мясу бегемота столь же великое отвращеніе, какъ магометане къ свиному мясу. Къ этому классу принадлежалъ нашъ кормчій Сциссорсъ; онъ ни разу не хотѣлъ варить своей пищи въ котлѣ, въ которомъ побывало мясо бегемота, и охотно выносилъ голодъ, пока не находилъ другаго; однако, онъ охотно торговалъ клыками этого животнаго и съ великимъ удовольствіемъ ѣлъ мясо прожорливаго марабу. Эти охотники часто уходятъ на далекіе промыслы, забирая въ челны своихъ женъ и дѣтей, кухонную утварь и постели. Если они напали на хорошее для охоты мѣсто, то устраиваютъ на берегу временныя хижины и сушатъ здѣсь мясо дичи, которую успѣли убить. Видъ у нихъ довольно приличный, кожа очень черная, гладкая, и они никогда не безобразятъ себя отвратительными украшеніями нѣкоторыхъ другихъ племенъ. Начальникъ отказался продать намъ гарпуновъ, потому что теперь, по случаю войны съ Маріано, нельзя было доставать съ береговъ коры милолы. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ сомнѣвался въ томъ, чтобы мы съ нимъ были дѣтьми одного и того же Всемогущаго Отца, замѣтивъ, что „они не станутъ бѣлыми, сколько бы ни мылись“. Мы подарили ему небольшой кусокъ выбойки, и онъ за это щедрымъ образомъ отдарилъ насъ нѣсколькими прекрасными, свѣжими рыбами и кукурузой.

Жаръ постоянно увеличивался въ этомъ мѣсяцѣ (августъ), и облачныя утра стали теперь рѣдки. Сильный вѣтеръ, кон-

чающійся штормомъ, дуетъ по рѣкѣ каждую ночь. Нѣсколько недѣль назадъ онъ начинался въ полдень, потомъ позднѣе, а въ настоящее время онъ поднимается около полуночи. Онъ срываетъ наши жиденькія каютныя двери, но продолжается недолго, и затѣмъ наступаетъ мертвая тишина. Дичь здѣсь въ изобиліи; близъ того мѣста, гдѣ мы рубили дрова, мы видѣли стадо зеброъ, и бурчеллевой и горной разновидностей, паллагъ (Antilope melampus), водныхъ козловъ, дикихъ свиней, и тутъ же слѣды буйволовъ и слоновъ.

Ширамба Дембе на правомъ берегу покинута; нѣсколько старыхъ желѣзныхъ пушекъ указываютъ мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ мятежническій палисадъ; выше его близъ рѣки стоитъ великолѣпный баобабъ, который выдолбленъ въ видѣ просторной хижины, и снаружи и внутри одѣтой корою. Старые дубы въ Шервудскомъ лѣсу, когда они съ дупломъ, внутри мертвѣютъ или гніютъ; но баобабъ, хотя кора снаружи снята и дерево внутри выдолблено, имѣетъ свойство отлагать изъ собственнаго вещества новую кору на наружной и на внутренней поверхности; такимъ образомъ хижина скоро совсѣмъ покрывается корою, какъ хижина въ такъ называемой „лѣсной королевѣ“, одномъ дубѣ въ Шервудѣ.

Части рѣки, носящія названія Шигого и Шипанга, окружены болотистою низменною мѣстностью страны съ рѣдкими группами пальмовыхъ деревъ и немногими тернистыми акаціями. Самая рѣка достигаетъ широты отъ трехъ до четырехъ миль, и на ней много острововъ, между которыми трудно идти на суднѣ, если рѣка не въ разливѣ. Впереди тянется цѣпь высокихъ холмовъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и сдавливаетъ ее въ глубокій, узкій каналъ, носящій имя Лупата. Португальцы думали, что пароходъ не въ состояніи будетъ справиться здѣсь съ теченіемъ; но такъ какъ это мѣсто длиною всего около трехъ узловъ, и такъ какъ намъ помогалъ здѣсь крѣпкій вѣтеръ, то паръ и парусъ пробрались легко. Тяжело-нагруженные челны употребляютъ два дни, чтобы пройти этимъ проходомъ. Потокъ мчится около неболь-

шихъ скалистыхъ предгорій Чифура и Кангомба и образуетъ опасные для неповоротливыхъ судовъ пучины и водовороты, черезъ которые тянутся на длинныхъ бичевахъ.

Гребцы ставятъ муку на этихъ скалахъ въ жертву буйнымъ божествамъ, которыя, по ихъ понятіямъ, господствуютъ на этихъ опасныхъ для большихъ челновъ мѣстахъ. Намъ лукаво разсказывали, что природные португальцы снимаютъ шляпы передъ этими рѣчными богами и проходятъ мимо ихъ въ торжественномъ молчаніи; счастливо миновавъ предгорія, они производятъ пальбу изъ мушкетоновъ и даютъ гребцамъ грогу, что и мы должны были сдѣлать. По слѣдамъ буйволовъ и слоновъ видно, что эти животныя часто посѣщаютъ Лупата въ значительномъ числѣ, и — мы часто наблюдали цѣлые рои — мухи цеце тамъ обыкновенны. Для губернатора Тетте была на одномъ челнѣ послана изъ Квиллимане лошадь, и, чтобы она не погибла при крушеніи судна у скалъ Чифура и Кангомба, ее высадили и днемъ послали мимо этого мѣста. Естественно, что ее искусали цеце, и она вскорѣ потомъ околѣла; полагали, что ей былъ вреденъ *воздухъ* Тетте. Теченіе выше Лупата сильнѣе, чѣмъ ниже его; ландшафтъ становится живописнѣе и гористѣе, и тутъ болѣе густое населеніе. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тетте, есть многочисленныя развалины каменныхъ домовъ, которые за нѣсколько лѣтъ были разрушены враждебными туземцами. Когда мы подошли къ городу, на берегу появились кучки людей, преимущественно черныхъ, которые съ удивленіемъ пристально смотрѣли на пароходъ и движеніями своихъ рукъ объясняли стоявшимъ въ отдаленіи, какимъ именно образомъ вертѣлись колеса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У Тетте мы встрѣчаемъ Макололо. — Шестеро изъ нихъ убиты Бонга, сыномъ Ніауде. — Опустошенія оспы. — Макололо оказывалась помощь не по государственному приказанію, а по личной добротѣ маіора Сикарда. — Дурной классъ такъ называемыхъ „неисправимыхъ“. — Суевѣрія относительно дерева манго, кофе и вызова дождя. — Отъ невольниковъ обезпечиваются домашними узами. — Случай добровольнаго рабства. — Свирѣпый характеръ гальбкастовъ. — Врожденная любовь къ торговлѣ. — Состояніе туземнаго врачеванія. — Врачебныя школы слоновъ и крокодиловъ. — Доктора зерни и употребленіе ихъ въ видѣ слѣдственной полиціи. — Александрійскій кустъ и индиго. — Каменный уголь, золото и желѣзо. — Мы доходимъ до быстрины Кебрабаза. — Черная глазурь на скалахъ. — Племя Бадэма. — Дорожная сказка. — Рѣка Луя. — Мясо бегемота — Трудное путешествіе. — Цѣлительный сонъ. — Солнечный ударъ. — Водопадъ Морумбва. — Кебрабаза осматривается съ одного конца до другаго.

8-го сентября 1858 г., судно бросило въ рѣкѣ якорь на высотѣ Тетте, и докторъ Ливингстонъ отправился въ ботѣ на берегъ. Какъ скоро макололо *) узнали его, они поспѣшили на берегъ и весьма были рады что опять его увидали. Многіе спѣшили обнять его, но другіе кричали: „Не троньте его, вы ему испортите новое платье.“ Пять начальниковъ взошли на бортъ и въ безмолвной печали выслушали исторію бѣднаго Секвебу, умершаго на пути на островѣ Маврицію по

*) Макололо, Манганджа, Аджава, Батока, Матебеле, Бабиза, Баве и пр., и пр., стоятъ во множественномъ числѣ; *ма*, *ба*, *а*—приставки множественнаго числа, которыя арабы передѣлали въ *ва*, напр. Ваніасса — народъ Ніасса, или Манганджа — Бабиза, которые сами себя называютъ Бабиза, а иногда Авиза. Мы не сочли за нужное употреблять во множественномъ числѣ слова, которыя и безъ того стоятъ во множественномъ.

дорогѣ въ Англію. „Человѣкъ умираетъ во всякой странѣ,“ замѣтили они и потомъ разсказали намъ, что изъ ихъ собственной среды тридцать человѣкъ умерли отъ оспы, будучи околдованы теттенцами, которые позавидовали имъ, потому что въ первый годъ у нихъ умерло всего девять. Шестеро изъ ихъ молодежи, которые были изнурены рубкою дровъ изъ-за худаго корма, рѣшились идти къ одному изъ сосѣднихъ владѣтелей и устроить передъ нимъ танцы, чтобы что-нибудь добыть. „Не ходите,“ сказали другіе: „мы не знаемъ людей этой страны.“ Но юноши настояли на своемъ и посѣтили независимаго владѣтеля гальбаста въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу, по имени Чизака, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сжегъ всѣ португальскія дачи на сѣверномъ берегу рѣки. Потомъ они пошли къ Бонга, сыну другаго владѣльца гальбаста, который не повиновался теттеанскому начальству, и при сліяніи рѣкъ Замбези и Луеніа, нѣсколько миль ниже этой деревни, имѣлъ палисадъ *). Допросивши макололо, откуда они пришли, Бонга замѣтилъ: „Почему вы отъ моего врага пришли ко мнѣ? Вы принесли волшебныя средства, чтобы умертвить меня.“ Тщетно завѣряли они, что они не изъ этой страны; они иностранцы и пришли сюда издалека съ однимъ англичаниномъ. Суевѣрный варваръ распорядился казнить ихъ всѣхъ. „Мы не печалимся о тридцати жертвахъ оспы, которыхъ взялъ отъ насъ Моримо (Богъ), но скорбитъ у насъ душа о шести юношахъ, убитыхъ Бонга,“ говорили ихъ сотоварищи. Найти управу на убійцу не было никакой надежды. Бонга однажды взялъ въ плѣнъ капитана португальскихъ войскъ и принудилъ его къ исполненію черной работы — толочь въ деревянной ступѣ маисъ. За этимъ

*) Это не тотъ Бонга, братъ Маріано, который продолжалъ войну въ другой странѣ. Это слово значитъ „пестрая дикая кошка“. Упоминаемый здѣсь Бонга былъ сынъ Ніауде; когда всѣ войска изъ Тетте были на Луеніа на смотру, онъ посланъ былъ отцемъ на противоположный берегъ и сжегъ все селеніе, за исключеніемъ церкви и форта.

оскорбительнымъ фактомъ не послѣдовало никакого наказанія. Лиссабонское правительство пожаловало Бонга съ того времени почетный титулъ капитана, чтобы этимъ ласкательствомъ подвигнуть его къ признанію своего авторитета; но онъ все еще держится своего палисада.

Одинъ изъ начальниковъ замѣтилъ, „что у нихъ есть нѣсколько поросятъ; они желали бы, чтобъ это были быки, но это только поросята.“—„Будетъ ли докторъ ѣсть поросятъ?“—„Зачѣмъ же ты объ этомъ спрашиваешь?“ возразилъ другой: „если онъ не будетъ ѣсть, будутъ ѣсть его люди.“ Уходя, они замѣтили: „Мы будемъ спать сегодня ночью.“ Маіоръ Тито А. д'А. Сикардъ дружественнымъ образомъ предоставилъ намъ пользоваться резиденціей или домомъ правительства. Это—одноэтажный каменный домъ, покрытый травою; окна изъ выбойки, полъ изъ глины. Макололо позаботились о нашихъ вещахъ; пѣвецъ ихъ общества, по имени Синджелека, слѣдовалъ со звономъ своихъ отечественныхъ бубенчиковъ и съ пѣніемъ энергической пѣсни импровизированной на этотъ случай. Многіе читатели припомнятъ, что когда докторъ Ливингстонъ былъ въ Англіи, всѣ говорили, что португальское правительство будто бы дало приказаніе поддерживать макололо на государственный счетъ, пока онъ не возвратится и не отведетъ ихъ назадъ въ ихъ собственную землю. Эту великодушную симпатію со стороны лиссабонскаго министерства многіе человѣколюбивые англичане признали достойною благодарности; она освободила душу доктора отъ заботливости и дала ему время приготовить къ печати свой дневникъ, прежде чѣмъ онъ снова отправится въ путешествіе. Когда наше правительство обѣщаетъ что-нибудь исполнить, то никогда никто не сомнѣвается въ его честномъ словѣ, и поэтому естественно, что англійскій народъ и его правительство ошибаются, когда слишкомъ легко поддаются увѣреніямъ правительствъ, нравственное состояніе которыхъ стоитъ гораздо ниже. Макололо ничего никогда не слыхали о какомъ-нибудь пришедшемъ изъ Португаліи приказѣ, и португальское начальство въ Тетте ни-

чего не знало о существованіи такого приказанія. На дѣлѣ было такъ, что жалованье чиновникамъ не выдавалось уже нѣсколько лѣтъ, и притязаніе правительства его правовѣрнѣйшаго величества приказать имъ прокормить сотню людей своими частными средствами, достаточно походило бы на тотъ довольно обыкновенный способъ благодѣянія, при которомъ бываютъ щедры на собственность другихъ людей. Чтобы быть въ состояніи купить себѣ сколько-нибудь пищи, бѣдные парии должны были добывать весьма издалека дрова и потомъ за бездѣлицу продавать ихъ по окрестнымъ деревнямъ. Отъ мозамбикскаго правленія они не получали никакой помощи; но маіоръ Сикардъ самымъ великодушнымъ образомъ помогалъ имъ на свой счетъ и далъ имъ землю и заступы, чтобы они сами могли доставать себѣ какія-нибудь средства къ жизни.

Тетте стоитъ на рядѣ низенькихъ песчаныхъ хребтовъ на правомъ берегу Замбези, которая здѣсь шириною почти въ тысячу (960) ярдовъ. Неглубокіе овраги, которые идутъ параллельно съ рѣкою, образуютъ улицы, между тѣмъ, какъ домы построены на хребтахъ возвышеній. Всѣ поверхности улицъ, за исключеніемъ узкихъ тропинокъ, были покрыты дикорастущимъ индиго, и можно бы собрать его цѣлыя тонны. Въ самомъ дѣлѣ, индиго, александрійскій кустъ и страмоніумъ, вмѣстѣ съ однимъ видомъ кассіи, составляютъ сорную траву этого мѣста, которая ежегодно вырывается и сожигается. Селеніе окружено стѣной изъ камня и глины, и туземное населеніе живетъ внѣ ея въ хижинахъ. Крѣпость и церковь, стоящія близъ рѣки, представляютъ надежные пункты; туземцы чувствуютъ спасительный страхъ передъ орудіями одной и суевѣрную боязнь передъ неизвѣстною силою другой. Число бѣлыхъ обитателей не велико и довольно отборно, такъ какъ многіе изъ нихъ высланы сюда изъ Португаліи предусмотрительно „ради пользы ихъ отечества“. Въ общественной жизни перевѣсъ на сторонѣ военнаго элемента; дурной и „неисправимый“ разрядъ солдатъ, пользующихся только весьма ничтож-

нымъ жалованьемъ, живетъ, по большей части, доходомъ съ садовъ ихъ черныхъ супругъ: о нравственномъ состояніи такого рода населенія можно догадываться. Даже офицеры рѣдко получаютъ свою плату отъ правительства; но такъ какъ они обладаютъ духомъ предпріимчивости, то стремятся сами себя обезпечить, женясь на дочеряхъ или вдовахъ богатыхъ купцовъ, и, при посредствѣ невольниковъ, которыхъ они этимъ способомъ пріобрѣтаютъ, производятъ торговлю слоновьей костью.

Засуха бываетъ въ Тетте часто, и жатвы значительно страждутъ. Это отчасти объясняется положеніемъ города между цѣпями холмовъ, лежащими на сѣверѣ и на югѣ, которыя, повидимому, сильно притягиваютъ къ себѣ дождевыя облака. Часто видѣнъ дождь на этихъ горахъ, между тѣмъ какъ въ Тетте не падаетъ ни капли. Первое время нашего тамъ пребыванія была засуха. Тщетно женщины три раза засѣвали свои сады: какъ только появлялся посѣвъ, сильный изсушающій жаръ уничтожалъ его. Четвертый посѣвъ подвергся той же жестокой участи, и тогда нѣкоторые разумѣющіе дѣло открыли, чего боятся облака: нашего нечестиваго дождемѣра въ саду. Изъ-за этого-то именно дождемѣра вошли мы въ дурную славу, и многіе смотрѣли на насъ, какъ на нѣкотораго рода вѣстниковъ бѣды. Напротивъ, макололо засуху ставили въ вину теттеанцамъ: „Здѣсь живетъ много вѣдьмъ, которыя не хотятъ, чтобы шелъ дождь.“ Африканцы вообще довольно суевѣрны, но теттеанцы превосходятъ въ этомъ отношеніи своихъ земляковъ. Исходя отъ совершенно различныхъ племенъ, всѣ лучи страшныхъ родовъ суевѣрія сходятся въ Тетте, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, и выжигаютъ здравый разсудокъ изъ душъ этой смѣси. Они вѣрятъ, что въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ живетъ много злыхъ духовъ. Эти невидимыя, злобныя существа низводятъ, по ихъ мнѣнію, на человѣческій родъ много страданій; но такъ какъ они охотно пьютъ пиво и жадны до корма, то время отъ времени можно умиротворять ихъ жертвами изъ пищи и питья.

Змѣя составляетъ предметъ почитанія, и въ хижинахъ больныхъ и умирающихъ развѣшиваются отвратительныя небольшія изображенія. Чистые африканцы думаютъ, что Морунго, великій духъ, создавшій весь міръ, живетъ надъ звѣздами; но они никогда ему не молятся и ничего не знаютъ о своихъ отношеніяхъ къ нему или о его участіи въ нихъ. По ихъ представленіямъ, духи ихъ отшедшихъ предковъ всѣ добры и помогаютъ имъ при особенныхъ случаяхъ въ ихъ предпріятіяхъ. Если кто-нибудь срѣжетъ свои волосы, то старательно сжигаетъ ихъ, чтобы они не попали въ руки кого-нибудь, у кого дурной глазъ или кто умѣетъ колдовать и воспользуется ими какъ средствомъ наворожить ему головную боль. Они вѣрятъ также, что по смерти тѣла будутъ еще жить, но о царствѣ Баримо (боговъ или отшедшихъ душъ) ничего не знаютъ.

Выше Лупата великолѣпно произрастаетъ дерево манго и доставляетъ пріятную тѣнь. Его прекрасный плодъ превосходитъ береговые плоды. Туземцы, среди которыхъ растетъ манго, часто по недѣлямъ живутъ одними его плодами, и такъ какъ иныя деревья приносятъ плодъ въ ноябрѣ, а другія въ мартѣ, между тѣмъ какъ главная жатва собирается между этими предѣлами, то въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ года можно ихъ получать въ изобиліи. Но ни одинъ туземецъ не дозволитъ себѣ посадить дерево манго. Въ тамошнихъ умахъ глубоко вкоренено почти общепринятое суевѣріе, именно, что если кто посадитъ это дерево, тотъ скоро умретъ. Макололо весьма охотно ѣли плоды, какъ и другіе туземцы; но когда имъ говорили, чтобы они при своемъ возвращеніи взяли съ собою нѣсколько косточекъ манго и посадили ихъ въ своемъ отечествѣ, то они отвѣчали — такъ какъ и они тоже глубоко вѣрили, что это самоубійственное занятіе: — „мы вовсе не хотимъ скоро умереть“. Точно также сильно даже между португальскими урожещами Тетте суевѣріе, состоящее въ томъ, что если кто-нибудь садитъ кофе, то послѣ никогда не будетъ счастливъ; однако, они его пьютъ и это дѣлаетъ ихъ повидимому счастливѣе.

Во время засухи 1858 г., одинъ сосѣдній владѣтель установилъ обрядъ съ различными церемоніями и волшебными пѣснями, чтобы низвести дождь; но дождь вовсе не хотѣлъ пойти. Отецъ Гоанезе въ Тетте для удовлетворенія своихъ земляковъ учредилъ процессію и молебенъ въ честь святаго Антонія съ тою же цѣлью. Первый опытъ остался безъ послѣдствій, но на второй разъ, когда торжество предпринято было по наступленіи новолунія, большая процессія, къ чести святаго, окончилась такимъ большимъ дождемъ, что была размыта кровля резиденціи. На слѣдующей недѣлѣ образъ святаго Антонія былъ украшенъ золотою короной, цѣною въ двадцать два фунта стерлинга, за то, что онъ послалъ долго неявлявшійся и очень нужный дождь. Мы никогда не смотрѣли на религіозные обряды или церемоніи какой бы ни было церкви съ презрѣніемъ; но при священныхъ службахъ, отправлявшихся при этомъ случаѣ, отсутствіе благоговѣнія было такъ велико, — колѣнопреклоненные молельцы смѣялись и шептались между возгласами, не прекращая смѣха даже когда запѣвали слова „Ora pro nobis“, — что мы необходимо должны были прійдти къ убѣжденію, что если они, какъ туземцы, вѣрятъ въ возможность низводить дождь, то за то ни во что другое не вѣрятъ.

Въ маѣ, когда начинается зима, большая часть деревъ лишалась зелени и оставалась голою до наступленія дождей въ ноябрѣ. Многіе виды имѣютъ странное свойство какъ бы предупреждать дождь; въ началѣ октября, когда сухое время года достигло своей высшей точки и нѣтъ ни капли росы, они начинаютъ покрываться почками и въ нѣсколько дней распускаютъ свѣжіе и разнымъ образомъ окрашенные листья, а иногда и прекрасные цвѣты. Отчасти такимъ же образомъ деревья арктическихъ странъ, говорятъ, предупреждаютъ наступающую весну и пускаютъ свѣжіе, зеленые листья, между тѣмъ какъ почва жестоко промерзла до той глубины, до которой никогда не достигаютъ корни.

У португальцевъ Тетте много невольниковъ, со всѣми свойственными ихъ классу пороками: вороватостью, лживостью и нечистоплотностью. Обыкновенно настоящіе португальцы довольно гуманные господа и рѣдко жестоко обращаются съ невольникомъ. Это можно приписать столько же естественной добротѣ сердца, сколько страху потерять невольниковъ, которые убѣгутъ. Когда они покупаютъ взрослаго невольника, то, если возможно, вмѣстѣ съ нимъ покупаютъ и всѣхъ его близкихъ. Такимъ образомъ они стараются приковать его къ новому его отечеству домашними узами. Убѣги онъ, онъ долженъ тогда покинуть всѣхъ тѣхъ, кого заключилъ въ своемъ сердцѣ, покинуть ради надежды на свободу, которую, вѣроятно, потеряетъ при вступленіи своемъ въ первую отечественную деревню, такъ какъ ея владѣтель безъ церемоніи опять можетъ продать его въ рабство.

Мы узнали объ одномъ довольно странномъ случаѣ добровольнаго рабства. Одинъ свободный черный, очень умный, дѣятельный молодой парень, по имени Чибанти, бывшій нашимъ кормчимъ на рѣкѣ, разсказывалъ намъ, что онъ самъ себя продалъ въ рабство. Когда мы спросили: зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? онъ отвѣчалъ, что онъ былъ совершенно одинокъ въ мірѣ, не было у него ни отца, ни другаго кого нибудь, кто далъ бы ему воды, когда онъ боленъ, или поѣсть, когда онъ голоденъ; онъ и продалъ самъ себя маіору Сикарду, какъ всѣмъ извѣстно, господину доброму, невольники котораго работаютъ немного, а ѣдятъ досыта. „А во сколько же ты оцѣнилъ себя?“ спросили мы. — „Въ три тридцатиярдные куска выбойки,“ отвѣчалъ онъ: „и тотчасъ же купилъ себѣ мужчину съ женою и ребенкомъ, которые стоили мнѣ два куска, а одинъ кусокъ у меня остался“. Это доказываетъ во всякомъ случаѣ спокойный и разсчетливый умъ. Послѣ онъ прикупилъ еще невольниковъ и въ два года сталъ владѣть числомъ, достаточнымъ для снабженія людьми одного изъ большихъ челновъ. Его господинъ употреблялъ его впослѣдствіи для доставленія слоновьей кости въ Квиллимане, и давалъ ему

выбойки для найма судорабочихъ на время поѣздки. Онъ бралъ естественно своихъ собственныхъ невольниковъ, такимъ образомъ наживался еще болѣе и былъ вполнѣ убѣжденъ, что продажей самого себѣ сдѣлалъ выгодную спекуляцію; ибо, сдѣлайся онъ боленъ, его долженъ содержать его господинъ. Бываютъ случаи, что свободные черные по своей волѣ становятся рабами, что́ они выражаютъ простой, но символической церемоніей преломленія копья въ присутствіи ихъ будущаго господина. Одинъ, уже умершій, португальскій офицеръ уговаривалъ одного изъ макололо остаться въ Тетте, вмѣсто возвращенія въ свое отечество, и въ то же время старался довести его до преломленія передъ нимъ копья, и такимъ образомъ до объявленія самого себя его невольникомъ; но малый былъ слишкомъ смѣтливъ для этого. Это былъ замѣчательный слоновій врачъ, который сопутствовалъ охотникамъ, говорилъ имъ, когда слѣдуетъ нападать на могучее животное, и давалъ имъ лекарства, чтобы обезпечить послѣдствія. Совсѣмъ противоположно настоящимъ португальцамъ, многіе гальбкасты— немилосердые рабовладѣльцы; всѣмъ извѣстно ихъ скотское обращеніе съ несчастными невольниками. Слова одного человѣколюбиваго природнаго португальца, сказанныя однажды, если и не чистая истина, то все же очень мѣтки: „Богъ создалъ бѣлаго и Богъ же создалъ чернаго человѣка; но гальбкаста создалъ дьяволъ.“

Офицеры и купцы высылаютъ толпы невольниковъ подъ надзоромъ надежныхъ начальниковъ на ловлю слоновъ и добываніе слоновьей кости, при чемъ снабжаютъ ихъ нѣкоторымъ количествомъ выбойки, бусъ и пр. и за это требуютъ соотвѣтственное количество слоновьей кости. Эти невольники думаютъ, что дѣло идетъ очень хорошо, когда они убиваютъ слона вблизи какой-нибудь деревни, такъ какъ туземцы за куски слоновьяго мяса даютъ имъ пива и муки, а при каждомъ бивнѣ, который покупается, потребляется огромное количество времени, словъ и пива. Большую часть африканцевъ природа создала торговцами; они любятъ торговлю

больше изъ за самаго процесса, чѣмъ изъ-за выгоды. Одинъ образованный господинъ изъ Тетте разсказывалъ намъ, что часто приходили къ нему туземные торговцы съ однимъ продающимся бивнемъ, обсуждали цѣну, которую онъ давалъ, требовали больше, толковали объ этомъ, отходили, чтобы объ этомъ посовѣтоваться, и наконецъ уходили не продавши бивня; на слѣдующій день они продѣлывали это же съ какимъ нибудь другимъ купцомъ, толковали, обдумывали, ломали себѣ голову и уходили какъ въ предшествовавшій день; это занятіе продолжается каждый день, пока они не посѣтятъ, можетъ быть, каждаго купца въ селеніи, и кончается напослѣдокъ тѣмъ, что они драгоцѣнный зубъ продадутъ первому встрѣчному за цѣну еще мéньшую той, какую предлагалъ первый купецъ. Любовь къ занятіямъ пустяками при обмѣнѣ своихъ товаровъ происходитъ отъ ихъ высокомѣрія, которое развивается въ нихъ отъ того, что они составляютъ предметъ ласкательства и лести алчныхъ купцовъ — чувство, которому подчиняется даже любовь къ барышу.

Туземное врачебное сословіе имѣетъ довольно много представителей. Кромѣ обыкновенныхъ практическихъ врачей, составляющихъ дѣйствительно полезный классъ, понимающихъ сколько-нибудь свое призваніе и знающихъ свойства и силу лекарствъ, есть еще другіе, посвятившіе свои таланты какой нибудь особой спеціальности. Слоновый докторъ заготовляетъ лекарство, которое считается неизбѣжнымъ для охотника, когда тотъ хочетъ сдѣлать нападеніе на это благородное и умное животное; ни одинъ охотникъ не отважится добровольно на нападеніе, если не снабдятъ его этимъ драгоцѣннымъ тайнымъ средствомъ. Крокодилій докторъ продаетъ волшебное средство, въ которомъ, какъ полагаютъ, заключена особенная способность сохранять его владѣльца отъ крокодиловъ. Когда мы были въ Тетте, то, сами того не зная, оскорбили школу крокодильяго врачеванія тѣмъ, что застрѣлили одно изъ этихъ колоссальныхъ пресмыкающихся, когда оно на отмели лежало и грѣлось на солнцѣ. Доктора въ гнѣвѣ

пришли къ макололо, кричали и спрашивали, зачѣмъ бѣлый человѣкъ застрѣлилъ ихъ крокодила?

Однажды вечеромъ на уду для акулъ, въ видѣ приманки, была посажена собака, которую, какъ говорятъ, крокодилъ ѣстъ съ особенной охотой; но доктора сняли приманку, потому что чѣмъ больше крокодиловъ, тѣмъ больше требованій на лекарство, или, можетъ быть, и потому, что они охотнѣе сами съѣли собаку. Многіе туземцы этой страны, какъ и въ южныхъ моряхъ, ѣдятъ, какъ извѣстно, собакъ, не обращая никакого вниманія на ихъ пищу. Докторъ зерни или вѣщунъ — важный членъ общины, и португальцы совѣтуются съ нимъ столько же, сколько и туземцы. Главная часть его занятій — слѣдственная полиція, т. е. на его обязанности лежитъ открытіе воровъ. Когда украдены вещи, онъ приходитъ и осматриваетъ мѣсто, бросаетъ свою зернь, переживаетъ нѣсколько дней и потомъ за какое нибудь вознагражденіе указываетъ вора. Обыкновенно онъ бываетъ правъ, ибо полагается не на одну только свою зернь; у него по всему селенію надежные агенты, изслѣдованія и извѣстія которыхъ даютъ ему возможность открыть похитителя. Со времени введенія огнестрѣльнаго оружія появились ружейные доктора; они продаютъ лекарство, которымъ они берутся образовать хорошихъ стрѣлковъ. Есть еще дождевые доктора, и т. д., и т. д. Многоразличныя школы торгуютъ мелкими волшебными средствами, которыя купцы навѣшиваютъ на шеи какъ охрану отъ зла: одни изъ нихъ содержатъ лекарства, другія укрѣпляютъ силы.

Индиго, высотою около трехъ и до четырехъ футовъ, съ величайшимъ великолѣпіемъ растетъ на улицахъ Тетте, и точно также александрійскій кустъ. Листья не отличаются отъ употребляемыхъ въ Англіи. Мы поручили макололо сбирать экземпляры, но туземцы запретили имъ это дѣлать, хотя сами не употребляютъ этого растеній. Небольшое количество самаго превосходнаго хлопка воздѣлывается туземнымъ населеніемъ для фабрикаціи грубой ткани. Въ прежнія времена скупали ее за ничтожную цѣну пртугальцы и пользовались ею вмѣсто

введеннаго теперь коленкора для обмѣна на маникасскій золотой песокъ. Одно изъ сосѣднихъ племенъ воздѣлываетъ сахарный тростникъ и производитъ немного сахару; но они, по большей части, употребляютъ натуральные чурбаны вмѣсто катковъ, и такъ какъ они не имѣютъ понятія о смѣшеніи извлекаемаго сока съ известью, то продуктъ ихъ естественно весьма низкаго качества. Близъ Тетте находится много магнитнаго желѣзняка, а также отчасти и каменный уголь; отдѣльныя прослойки достигаютъ двадцати пяти футовъ въ толщину. При первомъ опытѣ мы нашли, что онъ хорошо горѣлъ на пароходѣ. Зола давала значительное количество шлака сланцевой глины; но такъ какъ мы догадались, что это происходило отъ того, что близко лежащій къ поверхности уголь, сотни лѣтъ подвергался вліянію атмосферы, то мы сдѣлали шахту глубиною приблизительно въ тридцать футовъ и нашли, что уголь становился тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе мы углублялись. Внутри страны въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Тетте въ ложбинахъ рѣкъ добывается золото. Туземцы вполнѣ знаютъ ему цѣну, но рѣдко его ищутъ и роютъ не глубже четырехъ или пяти футовъ. Они боятся, что песокъ рѣчной ложбины можетъ провалиться и погребсти ихъ. Въ прежнія времена, когда промышленики приходили на розсыпи съ сотнями невольниковъ, добыча была значительна. Теперь она ничтожна. Страны, производящія золото, всегда были въ рукахъ независимыхъ племенъ. Глубокія буравленія близъ содержащихъ золото потоковъ, какъ это дѣлается въ Калифорніи и Австраліи, повидимому, никогда здѣсь не пробовались, и для промыванія здѣсь не употребляютъ никакого другаго снаряда, кромѣ обыкновенныхъ деревянныхъ лоханей.

Извѣстіями, полученными нами о быстринѣ Кебрабаза, наше любопытство было такъ сильно возбуждено, что мы рѣшились предпринять небольшое изслѣдованіе ея и воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, когда вода въ Замбези была на необыкновенно низкомъ уровнѣ, для попытки опредѣлить ея характеръ, когда она не покрыта водою. Мы до-

стигли ея 9 ноября. Страна между Тетте и Панда-Мокуа, гдѣ прекращается судоходство, лѣсиста и гориста по обоимъ берегамъ. Панда-Мокуа — холмъ, находящійся въ двухъ миляхъ ниже быстрины и покрытый содержащимъ мѣдныя руды доломитомъ.

Между деревьями выдается своей гигантской высотою и корою, окрашенный точно египетскій сіэнитъ, — толстый баобабъ. Въ сравненіи съ нимъ другія деревья лѣса кажутся часто просто кустами. Уже упомянутый дуплистый баобабъ имѣетъ 74 фута въ обхватѣ, другой имѣлъ 84 фута, а на западномъ берегу находятся нѣкоторые, имѣющіе 100 футовъ въ обхватѣ. Ихъ огромная величина внушила многимъ мысль, будто они доказываютъ, что Ноева всемірнаго потопа никогда не было. Тщательныя изслѣдованія многихъ сотенъ въ лѣсахъ и нѣкоторыхъ выросшихъ среди развалинъ старыхъ каменныхъ домовъ, показали намъ по числу концентрическихъ колецъ, что даже самые огромные экземпляры этого дерева съ необыкновенно мягкой древесиной не старѣе 500 лѣтъ. Высокая горная цѣпь Кебрабаза, которая преимущественно состоитъ изъ конусообразныхъ холмовъ, покрытыхъ тощими деревьями, идетъ въ поперечномъ къ Замбези направленіи и ограничиваетъ ее узкой, бугристой и скалистой долиной, шириною около четверти мили. Выше той маленькой долины, которую можно назвать ложемъ рѣки при высокой водѣ, въ неописанномъ безпорядкѣ набросаны одна подлѣ другой огромныя массы скалъ. Рисунокъ, которымъ мы, какъ и другими, обязаны лорду Росселю, даетъ только слабое понятіе о зрѣлищѣ, такъ какъ холмовъ, ограничивающихъ рѣку, не видать вмѣстѣ съ нею на рисункѣ. Главный матеріалъ скалъ — сіэнитъ, многія части котораго окрашены прекраснымъ голубымъ цвѣтомъ, какъ будто въ нихъ примѣшано много лазурика, между тѣмъ, какъ другія части сѣрыя. Въ большомъ числѣ попадаются и гранитныя глыбы блѣдно-краснаго цвѣта, и онѣ вмѣстѣ съ метаморфическими скалами, которыя набросаны въ наклонномъ, извращенномъ и въ какомъ только при-

думать можно положеніи, представляютъ такую картину разрушенія и разнообразія формъ, которая могла бы порадовать любителя геологіи; но при высокомъ стояніи воды, эта бугристая ложбина рѣки вполнѣ заливается, и тогда она вполнѣ гармонируетъ съ находящейся ниже ея частью рѣки, которая шириною въ полмили. Въ сухое время года, рѣка течетъ по дну узкаго и глубокаго прохода, бока котораго отъ сильнаго движенія воды при высокомъ уровнѣ вылощены и вытерты, какъ края старыхъ восточныхъ колодцевъ бичевами. Проходъ шириною часто не болѣе 40 и до 60 ярдовъ и притомъ съ нѣсколькими крутыми изгибами, двойной ложбиной и небольшими водопадами. Когда мы прибыли на него, мачты „Ма-Роберта“, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были выше тридцати футовъ, не доставали еще до уровня ложбины высокой воды, а у лота матросъ выкрикивалъ: „на десяти саженяхъ дна не слышно“. По сторонамъ вымыты чудовищныя котлообразныя норы, точно какъ колодцы, и онѣ такъ глубоки, что въ нихъ, если онѣ были прикрыты отъ солнца нависшими скалами, вода была совершенно холодна. Многія изъ этихъ пещеръ размыты именно насквозь и осталась только ближе къ скаламъ лежащая сторона; при чемъ бока прохода высокой воды такъ гладко отшлифованы, какъ будто они вышли изъ абердинскихъ гранитныхъ мельницъ. Чтобы произвести эту гладкость, давленіе воды должно быть чудовищнымъ. Оно такъ крѣпко заколачиваетъ круглые кремни въ трещины и щели скалъ, что хотя они кажутся слабо вложенными, однако могутъ быть сдвинуты только молоткомъ. Страшная сила воды, которая видна здѣсь, даетъ намъ понятіе о томъ, что происходитъ въ тысячахъ водопадовъ міра. Всѣ свѣдѣнія, какія мы въ состояніи были добыть отъ португальскихъ нашихъ друзей, сводились къ тому, что въ Кебрабазѣ торчатъ изъ рѣки отъ трехъ до четырехъ оторванныхъ скалъ, которыя, хотя онѣ и опасны для неповоротливыхъ туземныхъ челновъ, легко можно миновать на пароходѣ, и что если бы сорвать порохомъ одно или два изъ этихъ препятствій, то послѣ этого не встрѣти-

лось бы никакого затрудненія. Тщательно изслѣдовавши быстрину на разстояніи отъ семи до восьми миль, мы вернулись къ судну въ убѣжденіи, что для простаго изслѣдованія водопада потребно гораздо бо́льшее усиліе, чѣмъ считали наши друзья необходимымъ для устраненія пороговъ. Поэтому мы спустились по рѣкѣ внизъ, чтобы запастись новымъ провіантомъ, и приготовились къ болѣе серіозному осмотру этой страны.

Когда пароходъ вернулся отъ косы, мы ушли, 22-го ноября, для изслѣдованія быстрины Кебрабаза *). Поздно послѣ полудня 24-го, мы снова достигли подошвы холмовъ и бросили якорь въ рѣкѣ. Судорабочіе никогда не спали на рѣкѣ, а постоянно проводили ночь на берегу. Туземцы праваго берега страны, называемой Шидима, которые принадлежатъ къ Баніаи и даже въ такомъ небольшомъ разстояніи отъ Тетте независимы и обыкновенно играютъ роль господъ въ отношеніи къ португальскимъ купцамъ, удивлялись, что мы выказали намѣреніе остаться на якорѣ, и естественно были подозрительны, потому что мы отклонились отъ общаго обычая.

Ввечеру они намъ кричали съ берега: „Что же вы не идете сюда спать на берегу, какъ другіе люди?“

Наши макололо, чувствовавшіе себя теперь столь же независимыми, какъ и баніаи, крикнули имъ въ отвѣтъ: „Мы укрѣпимся на мѣстѣ желѣзомъ; вы можете видѣть, что мы не то, что́ ваши базунгу.“

Этотъ нѣсколько крупный намекъ освободилъ насъ отъ обычныхъ грабежей. Пріятно дать подарокъ; но въ этомъ удовольствіи баніаи отказываютъ иностранцамъ, обращая его въ штрафъ и требуя его такимъ надменнымъ образомъ, что

---

*) По выговору туземцевъ, слово это произносится каора-база, и означаетъ „окончить или прервать службу“. Португальское слово кебра (quebra) имѣетъ то же значеніе и относится къ тому перерыву, который наступаетъ въ усиліяхъ, потребныхъ для того, чтобы тащиться вверхъ на тяжелыхъ челнахъ, а потомъ доставить отсюда поклажу въ Чикова сухимъ путемъ.

вынести подобное можетъ только весьма напуганный купецъ. Они часто отказываются прикоснуться къ тому, что̀ имъ предлагается, бросаютъ вещь прочь и оставляютъ валяться, издѣваются надъ невольниками купца и отказываютъ въ пропускѣ до тѣхъ поръ, пока не принесется дань такая высокая, какъ только могутъ выдержать его средства.

На слѣдующее утро мы оставили судно и пошли по рѣкѣ дальше, въ сопровожденіи одного туземнаго португальца и его людей, вмѣстѣ съ двѣнадцатью макололо, несшими нашъ багажъ. Утро было пріятное, холмы справа у насъ нѣкоторое время обезпечивали отрадную тѣнь; но скоро дорога стала ужасно негладкою и холмы не защищали уже насъ отъ палящаго солнца. Едва можно было различать еще слѣдъ тропинки, и не увѣрь насъ проводникъ нашъ въ противномъ, мы, вѣроятно, не нашли бы слѣда дороги въ мѣстахъ рыхлаго, вязкаго песка и на огромныхъ скалахъ, черезъ которыя мы съ трудомъ перелѣзали. Эти скалы имѣютъ странный видъ, такъ какъ во всѣхъ направленіяхъ перекошены и разбросаны и одѣты тонкой черной глазурью, какъ будто бы онѣ гладко отполированы и покрыты чернымъ лакомъ. Повидимому, эта глазурь отлагается во время высокаго стоянія воды ибо ею покрыты только тѣ скалы, которыя находятся между слѣдами самаго высокаго уровня воды и линіей почти на четыре фута выше самаго низкаго уровня. Путешественники, посѣтившіе быстрины Ориноко и Конго, говорятъ, что тамъ скалы имѣютъ подобный же видъ, и это приписывается нѣкотораго рода осадку изъ воды, который образуется только при сильномъ теченіи. Этимъ такое явленіе отчасти можетъ быть объяснено и здѣсь, такъ какъ оно преобладаетъ только тамъ, гдѣ съуженная рѣка замкнута между каменными массами, на которыхъ высятся высокіе холмы, и гдѣ при высокомъ стояніи воды теченіе, понятно, самое сильное, между тѣмъ, какъ явленіе не встрѣчается тамъ, гдѣ скалы находятся только съ одной стороны, а напротивъ — песчаный берегъ и рѣка между этими берегами занимаетъ широкое пространство. Горячія скалы

жгли толстыя подошвы нашихъ людей и сильно утомляли насъ самихъ. Путь, пройденный нами въ первый день, не превышалъ по прямой линіи четырехъ миль, но и этого съ насъ было совершенно достаточно.

Въ долинахъ мы видѣли жилища нѣкоторыхъ обитателей изъ племени, которое носитъ названіе бадэма. Въ углубленіяхъ, которыя для того годятся, они воздѣлываютъ небольшое количество маиса, табаку и хлопка, а на крутыхъ отвѣсахъ своихъ горъ индійское просо (Holcus sorghum) или, какъ они называютъ „мапира“. Рыба въ рѣкѣ ловится неводами; зебры, антилопы и другія животныя такъ, что ихъ загоняютъ въ ущелья, въ которыхъ поперегъ узкаго выхода, растянуты крѣпкія сѣти, приготовляемыя изъ коры баобаба.

Неувѣренность въ безопасности, въ которой живетъ племя бадэма, проявляется въ привычкѣ прятать свои запасы въ холмахъ и держать въ хижинахъ только небольшое ихъ количество. Они лупятъ съ какого-то особаго рода дерева горькую кору, которая, какъ имъ извѣстно, противна мышамъ и обезьянамъ, сшиваютъ изъ нея, обращая внутреннюю сторону коры наружу, цилиндрическіе сосуды, въ которые собираютъ свои полевыя произведенія, и прячутъ ихъ на лѣсистой сторонѣ холмовъ въ пещерахъ и трещинахъ скалъ. Такимъ образомъ они спасаютъ хлѣбные запасы, когда шайка грабителей опустошаетъ ихъ хижины. Они „не могли дать намъ никакихъ свѣдѣній и у нихъ не было ничего съѣстнаго; люди Чизака ограбили ихъ нѣсколько недѣль назадъ“.

„Оставьте ихъ въ покоѣ“, сказалъ намъ туземный португалецъ, „когда вы вернетесь, они вамъ продадутъ много; теперь они васъ боятся, такъ какъ не знаютъ еще, кто вы такіе“. Спали мы подъ деревьями на открытомъ воздухѣ и насъ не тревожили ни москитосы, ни роса; насъ не обезпокоилъ и ни одинъ изъ выходящихъ на добычу хищныхъ звѣрей, хотя во время нашего здѣсь пребыванія, одинъ изъ туземцевъ, расположившійся однажды вечеромъ съ нѣкоторыми другими на противоположномъ берегу, былъ умерщвленъ леопардомъ.

Одинъ изъ теттеанскихъ невольниковъ, охотно желавшій прослыть за великаго путешественника, занималъ насъ, когда мы сидѣли вкругъ нашего вечерняго огня, интереснымъ разсказомъ объ одной странной человѣческой расѣ, которую онъ видѣлъ внутри страны. Эти люди были ростомъ всего въ три фута и имѣли рога, выроставшіе изъ ихъ головъ, жили они въ большомъ городѣ и съѣстныхъ припасовъ было у нихъ вдоволь. Макололо усомнились въ этой исторіи и откровенно заявили повѣствователю, что онъ разсказалъ очевидную ложь. „*Мы* изъ внутренности страны“, вскричалъ стройный парень, ростомъ въ шесть футовъ и четыре дюйма: „что же, карлики *мы?* Есть у насъ рога на головахъ?“ и заставилъ этимъ смѣяться надъ разсказчикомъ. Но тотъ все-таки крѣпко и настойчиво утверждалъ, что онъ видѣлъ этихъ маленькихъ людей и дѣйствительно былъ въ ихъ городѣ, и такимъ образомъ дѣлалъ себя самого героемъ легенды, которая явилась еще до Геродота и съ его временъ съ замѣчательной прочностью вкоренена въ необразованныхъ племенахъ. Простой фактъ, что даже такіе нелѣпые разсказы удерживаются при совершенномъ отсутствіи литературы, придаетъ и религіознымъ идеямъ этихъ людей важное значеніе отрывковъ какой-то первобытной религіи, исчезнувшей въ рѣкѣ временъ.

Мы перешли въ бродъ черезъ бурливую Луія, которая доходила намъ до половины туловища и была около сорока ярдовъ шириною. Вода ея была въ это время мутна, и мы подумывали о томъ, не вздумается ли какому-нибудь крокодилу случайно прихватить на обѣдъ какого-нибудь бѣлаго человѣка. На слѣдующій день, одинъ изъ нашихъ людей по черной скалѣ подкрался на десять ярдовъ къ спящему бегемоту и выстрѣлилъ ему въ голову. Такъ какъ погода была теплая, то мертвое животное всплыло черезъ нѣсколько часовъ, и нѣкоторые изъ насъ впервые отвѣдали бегемотова мяса. Мясо это изъ грубыхъ волоконъ, по вкусу среднее между свинымъ и бычачьимъ, — довольно хорошо, когда голоденъ и ничего лучшаго достать нельзя. Когда мы достигли подошвы горы,

которая называется Чиперезива и которой отвѣсные, скалистые бока покрыты разноцвѣтными лишаями, нашъ португальскій спутникъ увѣрялъ насъ, что дальше не предстоитъ уже никакихъ затрудненій для прохода судовъ, такъ какъ выше этого мѣста рѣка совершенно ровная: онъ тамъ охотился и точно знаетъ это. Мы подумали, что цѣль нашего поиска достигнута, и вернулись; но два туземца, пришедшіе ночью въ нашъ лагерь, увѣряли насъ, что далѣе впереди есть еще водопадъ, называемый Морумбва. Тогда докторъ Ливингстонъ и докторъ Киркъ, рѣшили идти впередъ съ тремя макололо и разрѣшить вопросъ лично. Это былъ самый жестокій эпизодъ изъ путешествія, какой только когда-нибудь представлялся имъ въ Африкѣ; послѣ того, какъ они съ трудомъ прошли нѣкоторое разстояніе, бадэмасскіе проводники отказались идти далѣе: „баніан," говорили они, „разозлятся, когда мы покажемъ страну бѣлымъ людямъ; да сверхъ того и нельзя подойти къ мѣсту, потому что ни слонъ, ни бегемотъ, ни крокодилъ не могутъ достигнуть водопада." Склоны горъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, — которая была теперь шириною не болѣе 300 ярдовъ и въ которой не различались нѣсколько плоская ложбина высокой воды и проходъ, — достигали высоты болѣе чѣмъ 3,000 футовъ и были покрыты или густымъ дерновымъ кустарникомъ или колоссальными черными кремнями. Эта вогнутая форма была причиною, что лучи солнца сходились здѣсь какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла и такъ накаляли поверхность, что у макололо сдѣлались пузыри на подошвахъ. По этимъ раскаленнымъ скаламъ путешественники лѣзли кругомъ, и вверхъ, и внизъ, со скоростью не превышавшей одной мили въ часъ. Напряженіе мускуловъ, когда они спрыгивали съ вершины скалы на кремни и изворачивались около выступовъ, страшно изнуряло ихъ и часто они были рады когда согнувшись присѣдали въ тѣни, бросаемой какой-нибудь нависшей и налегшей на другую скалой. Навѣсъ возбуждалъ совсѣмъ особаго рода сильную и непреодолимую наклонность ко сну, которую иногда про-

изводитъ слишкомъ сильное дѣйствіе солнца. Этотъ сонъ излечиваетъ то, что можно считать началомъ солнечнаго удара. При своемъ первомъ слабомъ проявленіи, этотъ сонъ возбуждаетъ въ разгоряченномъ мозгу мечты, и всѣ какъ будто становятся лунатиками и настоящими сочленами клуба эльфовъ; а затѣмъ, сонъ становится такъ тяжелъ, что больному кажется, какъ будто нѣкоторое время вычеркнуто изъ его жизни. Солнце въ Африкѣ чрезмѣрно горячо и ударяетъ сильно; но мы никогда не слыхали ни объ одномъ случаѣ солнечнаго удара, который такъ обыкновененъ въ Индіи, и причина этого, вѣроятно, въ большой сухости африканской атмосферы. Макололо говорили доктору Ливингстону: „они всегда думали, что у него есть сердце, но теперь увѣрились, что у него сердца совсѣмъ нѣтъ," и пытались уговорить доктора Кирка къ возвращенію, такъ какъ стало уже ясно какъ день, что его спутникъ, желавшій идти туда, куда не могла ступить ни одна живая нога, показывалъ несомнѣнные признаки умопомѣшательства. Однако, всѣ ихъ старанія уговорить доктора Кирка были потеряны, потому что онъ еще не научился ихъ языку, а такъ какъ его руководитель зналъ, что его спутникъ также горячо, какъ и онъ, желалъ разрѣшить задачу о судоходствѣ по Кебрабаза, то и не взялъ на себя труда объяснять ему это. Въ одномъ мѣстѣ обнаженный горный выступъ преграждалъ путь, и нужно было обойти его по опасному и далекому обходу, на которомъ вершины скалъ были такъ горячи, что едва можно было недолго придержаться за нихъ рукою, чтобы безопаснѣе ихъ миновать, и потеряй только равновѣсіе самый передній изъ общества,—тѣ, которые были сзади его, всѣ были бы сброшены въ протекающую у подошвы утеса рѣку. Но и въ этой дикой, раскаленной странѣ, спустившись опять къ рѣкѣ, встрѣтили они рыбака, закидывавшаго свою ручную сѣть въ кипящій водоворотъ, и онъ указалъ имъ водопадъ Морумбва; черезъ часъ они уже производили его измѣреніе съ одной нависшей скалы на высотѣ почти ста футовъ. Если стать лицомъ къ водопаду на сѣверномъ

берегу, то видно, что онъ находится во внезапномъ изворотѣ рѣки, текущей по короткой кривой; выше его рѣка стиснута между двухъ горъ въ ложбинѣ съ вертикальными боками и менѣе пятидесяти ярдовъ шириною; торчатъ одна или двѣ каменныя глыбы, и затѣмъ, идетъ косвенный каскадъ футовъ съ двадцати на пространствѣ тридцати ярдовъ. Онъ затрудняетъ всякій проходъ судовъ, за исключеніемъ случаевъ самаго высокаго стоянія воды. Скалы показываютъ, что вода тогда доходитъ до восьмидесяти футовъ высоты.

Оставаясь еще въ томъ же положеніи, съ лицемъ обращеннымъ къ водопаду, справа отъ него видимъ гору Морумба, высотою отъ 2,000 до 3,000 футовъ, которая даетъ имя этому мѣсту. Съ лѣвой стороны водопада стоитъ замѣчательная гора, которую можно назвать луковичной; ибо она отчасти коническая и съ нея слущился большой выгнутой слой, какъ это часто случается съ гранитомъ, и осталась широкая, гладкая, выпуклая поверхность, точно какая-то чудовищная луковица. Эти двѣ горы тянутся къ сѣверу почти на полмили вдаль, и рѣка на этомъ разстояніи хотя все еще очень узка, но гладка; только немногія отдѣльныя скалы выдаются изъ ея русла. По подошвѣ горы Морумба, которая прилегаетъ къ водопаду, они влѣзали такъ высоко, какъ это было нужно. Скалы были всѣ вымыты и вылощены водою, съ котлообразными углубленіями, которыя попадались даже на высотѣ ста футовъ надъ низшимъ уровнемъ воды. Когда они послѣ взобрались на сѣверо-западное подножіе той же горы, то тотчасъ опять показалась знакомая имъ форма стоящей напротивъ луковичной горы; первая наша точка зрѣнія со склона горы Морумба отстояла отъ второй не далѣе какъ на 700 или до 800 ярдовъ. Этимъ закончили они осмотръ Кебрабаза съ одного конца и до другаго.

Они не отважились вернуться той же дорогой, по которой шли, но поднялись на отлогость горы съ сѣверной стороны. Имъ стоило тяжкой трехчасовой работы проложить себѣ путь сквозь густой терновый кустарникъ, покрывавшій возвышеніе

Видъ части быстрины Кебрабаза.

Поверхность откоса часто склонялась подъ угломъ почти въ 70 градусовъ и, однако, ихъ проводникъ, Шокулсбенла, котораго жесткія, роговыя, подобныя слоновьимъ подошвы показывали, что онъ привыкъ къ такой трудной работѣ, несъ для нихъ на себѣ кувшинъ съ водою почти во всю дорогу. Они провели эту ночь у источника въ туфовой скалѣ къ сѣверо-востоку отъ Чиперезива, и никогда не спали такъ сладко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращеніе съ Кебрабаза. — Туземные музыканты и ихъ инструменты. — Невѣжество въ Тетте.—Перемѣны, производимыя дождями, наступающими послѣ жаркаго времени года. — Святки въ тропической обстановкѣ. — Взглядъ измѣняется вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ въ сѣверныхъ странахъ. — Времена года въ Тетте. — Сѣмени хлопка не было нужно. — Африканская лихорадка. — Хининъ не предупреждающее противъ нея средство. — Самое лучшее предваряющее и излечивающее средство. — „Варбургскія“ капли — Въ январѣ 1859 экспедиція возвращается съ Кебрабаза на рѣку Шире. — Извѣстіе, что есть предѣлъ судоходнаго плаванія по ней. Первое знакомство съ неизвѣстнымъ народомъ. — Судоходное плаваніе по Шире. — Дальнѣйшее слѣдованіе остановлено Мурчисоновскимъ водопадомъ. — Возвращеніе въ Тетте. — Второй поискъ на Шире въ мартѣ 1859. — Чибиза. — Ніанджа Мукулу.— Помѣшанные проводники. — Открытіе озера Ширва 18 апрѣля 1859 г. — Горы. — Возвращеніе на судно. — Опасный случай лихорадки. — Возвращеніе въ Тетте 23 іюня. — Оказывается, что судно построено изъ непрочныхъ матеріаловъ. — Въ августѣ на Конгонѣ.

Однажды вечеромъ той же самой дорогой, по которой шли мы, спустилась къ намъ въ лагерь толпа туземныхъ музыкантовъ и занимала насъ своей дикой и не непріятной музыкой на маримба, инструментѣ, сдѣланномъ изъ полосокъ твердаго дерева различной ширины и толщины, которыя накладываютъ на пустыя тыквы-горлянки различной формы и ударами по нимъ производятъ звуки. Они удовлетворились нѣсколькими кусками выбойки и пошли дальше.

Какъ сказали намъ наши спутники, на обратномъ пути нашемъ жители совершенно были готовы продать намъ жизненные припасы. Когда мы прибыли въ Тетте, комендантъ

сообщилъ намъ, что вскорѣ послѣ нашего отъѣзда вода въ рѣкѣ на футъ поднялась и сдѣлалась мутной; замѣтивши это, одинъ изъ туземныхъ португальцевъ пришелъ къ нему съ важной миной и сказалъ: „Англичане что-то сдѣлали съ рѣкою“. Къ сожалѣнію, это прекрасный примѣръ невѣжества и суевѣрія, которыя обыкновенны у туземцевъ и, къ несчастію, не чужды и людямъ, воспитаннымъ въ Португаліи. Когда мы были въ Тетте, одинъ пѣхотный капитанъ отосланъ былъ въ тюрьму въ Мозамбикъ за то, что онъ исполнилъ му-аве или Божье предопредѣленіе и единственно на основаніи его казнилъ одно заподозрѣнное лице.

Въ концѣ жаркаго времени года все сухо и пыльно; атмосфера наполнена синимъ туманомъ и очень душна. Какъ только начинаются дожди, видъ страны съ удивительной скоростью дѣлается лучше. Если у насъ и не было влажной, оранжерейной атмосферы западныхъ береговъ, то все же быстро взошли свѣжія, зеленыя травы на холмахъ и долинахъ, такъ еще недавно высушенныхъ и бурыхъ. Воздухъ очистился отъ дымомъ глядѣвшаго тумана, и даль прояснилась; ландшафтъ залитъ полнымъ потокомъ свѣта, — и по утру все возбуждаетъ драгоцѣнное чувство бодрости, прежде чѣмъ блескъ полудня утомитъ глаза. Когда я однажды у одного изъ бечуана спросилъ, что онъ разумѣетъ подъ словомъ boitsepho (святыня)? онъ отвѣчалъ: „Когда во время ночи пройдетъ обильный ливень и чисто обмоются вся земля, и всякая зелень, и скотъ, и восходящее солнце на каждой былинкѣ указываетъ каплю росы, и вѣетъ свѣжее дыханіе вѣтра,— вотъ святыня“. Молодая листва различныхъ деревъ, въ особенности на возвышенныхъ мѣстахъ, бываетъ бураго, блѣднокраснаго или гвоздичнаго цвѣта, словомъ, цвѣта осенней листвы въ Англіи; а по мѣрѣ выростанія листьевъ они измѣняютъ свой цвѣтъ въ пріятный, свѣжій, ярко-зеленый; блестящіе бѣлые, алые, гвоздичные и желтые цвѣты повсюду, и нѣсколько темно-красныхъ, какъ цвѣты кигеліи, придаютъ живость окраскѣ этого сада природы. Многія деревья, какъ алыя напр. эри-

трины, привлекаютъ къ себѣ взоръ красотою цвѣтовъ. Бѣлые, полные цвѣты баобаба, являющіеся иногда до дождей, и небольшіе и прелестные цвѣты другихъ деревъ, сгруппированные въ богатые пучки, покрываютъ лѣсъ. Миріады дикихъ пчелъ заняты съ утра до вечера. Многія акаціи владѣютъ особенной привлекающей силой для одного вида жуковъ, между тѣмъ, какъ пальмы манятъ другихъ собраться на ихъ просторныхъ листьяхъ. Насѣкомыя всѣхъ семействъ теперь въ полной силѣ; блестящія бабочки порхаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, и вмѣстѣ съ прелестными маленькими солнцевыми птицами, замѣняющими здѣсь колибри Америки и Остъ-Индіи, кажутся неутомимыми. Множество муравьевъ прилежно заняты отыскиваніемъ пищи или перенесеніемъ ея домой въ торжественной процессіи. Перелетныя птицы, напр. желтыя трясогузки и синіе сорокопуты, улетаютъ, а другія семейства прилетаютъ; время отъ времени ясно даютъ о себѣ знать коршунъ-каня — своимъ свистомъ, похожимъ на боцманскій свистокъ, пестрая кукушка — своимъ выкрикомъ въ родѣ „пула“ и сивоворонки вмѣстѣ съ птицею-носорогомъ своими громкими, высокими звуками, хотя эта грубая музыка полуисчезаетъ въ массѣ милыхъ звуковъ, которые льются изъ множества отбивающихъ трель горлышекъ, такъ что африканскія святки кажутся англійскимъ маемъ. Многія птицы изъ семейства ткачиковъ сбросили свой зимній темнобурый нарядъ и облеклись въ яркія лѣтнія одежды алаго и какъ смоль чернаго цвѣта; другія отъ зеленаго перешли къ ярко-желтому съ пятнами какъ бы изъ чернаго бархата. Бодрый маленькій самецъ птицы вдовы съ блѣднокраснымъ кловомъ, одѣвшись въ свою черную съ бѣлымъ лѣтнюю одежду, носитъ граціозное украшеніе изъ перьевъ, принадлежащее къ его новому наряду; какъ многіе думаютъ, штатъ его состоитъ изъ семи самокъ, съ которыми онъ живетъ. Пѣвчія птицы не тѣсно связаны съ селеніями; но въ Африкѣ часто бываетъ, что онѣ *собираются* около селеній, такъ что онѣ производятъ такое впечатлѣніе, какъ бы ихъ пѣніе и красота опредѣлены

были для увеселенія слуха и глазъ человѣка; ибо только когда мы приближались къ мѣстамъ, обитаемымъ человѣкомъ мы узнавали, что настало время пѣнія птицъ. Мы думали прежде, что только хлѣбъ и вода привлекаютъ маленькихъ созданій къ человѣку; но такъ мы думали до тѣхъ поръ, пока не увидали покинутаго селенія, всѣ обитатели котораго уведены были въ рабство, а хлѣба стояли близъ протекающихъ потоковъ, но не видно было ни одной птицы. Красногорлый, черный ткачикъ прилетѣлъ стаями нѣсколько позже; онъ носитъ длинный хвостъ изъ великолѣпныхъ перьевъ, который ему, повидимому, служитъ большой помѣхой на пути, когда онъ въ длинной травѣ отыскиваетъ свой обѣдъ. Также и одинъ изъ козадоевъ (Cometornis vexillarius), который съ головы до хвоста длиною всего въ десять дюймовъ, въ ноябрѣ привлекаетъ на себя взоры парою двадцати-шестидюймовыхъ длинныхъ перьевъ въ серединѣ каждаго крыла, девятаго и десятаго снаружи. Они придаютъ крыльямъ медленно волнистое движеніе и очевидно затрудняютъ его полетъ; ибо въ другое время летаетъ онъ такъ быстро, что ни одинъ мальчикъ не можетъ попасть въ него камнемъ. Туземцы брошенной дубиной могутъ убить зайца и мѣтятъ весьма хорошо, но никто не попадаетъ въ козодоя въ обыкновенномъ нарядѣ, хотя бы въ сумерки онъ сидѣлъ вплоть у самыхъ ногъ человѣка. Зачѣмъ затрудняется полетъ самца, мы объяснить не можемъ. Одни только самцы обладаютъ этими перьями и именно только на нѣкоторое время.

Страннымъ кажется, что святки совпадаютъ съ такимъ веселымъ, свѣтлымъ временемъ года, какое только лишь описано; ихъ едва можно узнать въ лѣтней одеждѣ съ пѣвчими птицами, всходящими хлѣбами и цвѣтущими равнинами, такъ какъ въ былые дни проходили они въ зимней обстановкѣ, когда рѣзкій холодный вѣтеръ и снѣжнымъ покровомъ одѣтая земля дѣлали теплый каминъ вдвойнѣ пріятнымъ сборнымъ пунктомъ семьи. Воспоминанія о прошедшихъ дняхъ, проведенныхъ нами въ сѣверномъ климатѣ, привели насъ въ такое

настроеніе, въ которомъ мы на другія страны взглянули съ довольно узкой точки зрѣнія и, какъ эскимосы, завезенные въ Европу, безотрадно смотрѣли на эту солнечную часть нашего прекраснаго міра, виноватую только въ томъ, что напрасно пропадаетъ чрезмѣрное плодородіе, данное ей Творцемъ для доставленія изобильнаго питанія людямъ и животнымъ. Въ отношеніи къ странѣ и ея обитателямъ уже давно сдѣлано замѣчаніе, что въ Африкѣ все наоборотъ: „На головахъ людей растетъ во́лна, и на хребтахъ овецъ — волосы“. Какъ слабое подражаніе этой фразѣ мы хотимъ еще прибавить, что мужчины часто носятъ длинные волосы, а женщины почти никогда. Гдѣ есть скотоводство, тамъ женщины пашутъ землю, засѣваютъ поля и строятъ хижины. Мужчины остаются дома и шьютъ, ткутъ, прядутъ, плетничаютъ и доятъ коровъ. Повидимому, мужчины выплачиваютъ за своихъ женъ приданое, а не получаютъ его съ ними. Горные обитатели Европы считаются гостепріимными, великодушными и храбрыми. Горные обитатели этой части Африки слабы, малодушны и робки, даже если сравнить ихъ съ ихъ же собственными земляками — жителями равнинъ. Многіе европейцы утверждаютъ, что африканцы, да и сами они, происходятъ отъ обезьянъ. Многіе африканцы думаютъ, что по смерти души переходятъ въ тѣла обезьянъ. Бо́льшая часть писателей полагаетъ, что черные—варвары; почти всѣ черные думаютъ, что бѣлые—людоѣды. Пугало дѣтей—домовой у однихъ черный, у другихъ бѣлый. Не желая далеко заходить съ этими нелѣпыми сравненіями, мы должны посмѣяться надъ тучами нелѣпостей, которыя были написаны о духовныхъ дарованіяхъ негровъ. Когда мы, ради большаго эфекта, употребляемъ ломанный англійскій языкъ и дѣтскіе обороты рѣчи, какъ будто бы это переводы рѣчей, которыя, десять противъ одного, никогда не были сказаны, то мы безсознательно пишемъ каррикатуры съ самихъ себя, а не съ негровъ; ибо — странный фактъ, что европейцы почти постоянно начинаютъ говорить съ туземцами, прибавляя къ своимъ словамъ буквы

е и *о*, въ родѣ: „дайе мнѣ хлѣбао, я дамъе тебѣ сухаряо“, или „смотрио, смотрио, сколькое я принесъе пивао“. Наши матросы съ этого и начали, хотя они прежде никогда не видали черныхъ. Повидимому, есть какая-то прирожденная идея, что они такимъ образомъ могутъ сдѣлать свой языкъ понятнымъ для народа, который говоритъ вполнѣ прекраснымъ языкомъ, и у котораго вовсе нѣтъ мѣстныхъ нарѣчій. Вслѣдствіе различія въ выговорѣ только весьма немногіе европейцы достигаютъ точнаго знанія африканскихъ языковъ, даже когда они начинаютъ изученіе ихъ, пока еще молоды. Жалоба на бѣдность языка часто является только вѣрнымъ признакомъ ничтожной сообразительности жалующагося, и даже самые опытные часто дѣлаютъ большіе промахи. Мы однажды приняли звукъ въ родѣ „Сиріа“ за имя страны, лежащей *на другой сторонѣ* рѣки. Это было „псидіа“ и значитъ просто „*другая сторона*“. Извѣстный ученый въ одномъ научномъ сочиненіи употребилъ „Кайя“, какъ туземное названіе нѣкоторой черепахи. Кайя значитъ просто: „я не знаю“. Таковъ былъ отвѣтъ, полученный имъ. Также неосновательно приписано было это названіе и одной горной цѣпи. Каждый можетъ отречься отъ ошибокъ, воспоминаніе о которыхъ, спустя многіе годы, заставляетъ его краснѣть. Вообще, взглядъ одареннаго умомъ миссіонера, старательно занимающагося языкомъ, стоитъ выше взгляда какого-нибудь путешественника. Кто знаетъ ихъ языкъ, тому африканцы даютъ столь же разумные, если не болѣе еще мѣткіе отвѣты, какіе дѣлаютъ наши собственные необразованные простаки; и стоитъ только намъ забыть, что столѣтія два назадъ предки простаго народа въ Англіи — вѣроятно наши собственные прапрадѣды — были такъ же непросвѣщенны, какъ теперь африканцы; мы, пожалуй, можемъ тогда смѣло говорить о духовныхъ способностяхъ, давая подразумѣвать, что наши собственныя способности чуть не архангельскія. Низкія побужденія, часто приписываемыя варварамъ, часто приносятъ между слугами и даже въ высшихъ сословіяхъ цивилизованныхъ народовъ богатую жатву

грязныхъ поступковъ; но мы надѣемся, что это исчезнетъ при всеобщемъ облагороженіи нашего рода распространеніемъ истинной религіи.

Докторъ Киркъ весьма справедливо дѣлитъ годъ на три времени: холодное, жаркое и дождливое. Холодный періодъ продолжается май, іюнь и іюль мѣсяцы; жаркій—царитъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ. Дождей можно ожидать въ остальные мѣсяцы года.

Время дождей въ Тетте нѣсколько отличается отъ многихъ другихъ лежащихъ между тропиками странъ тѣмъ, что количество падающаго дождя здѣсь значительно менѣе. Дожди начинаются въ ноябрѣ и кончаются въ апрѣлѣ. Въ первое время нашего пребыванія, въ этомъ мѣстѣ выпало только немного болѣе девятнадцати дюймовъ дождя. Въ средніе годы и когда жатва хороша, выпаденіе дождя доходитъ почти до тридцати пяти дюймовъ. Въ нѣкоторые дни совсѣмъ не бываетъ дождя, и рѣдко онъ продолжается по цѣлымъ днямъ; во многіе дни бываетъ только мимоходный проливень, который случается среди горячаго солнечнаго блеска; между тѣмъ, бываютъ промежутки до восьми или даже до четырнадцати дней, въ которые нѣтъ ни капли дождя, и тогда полевые посѣвы страдаютъ отъ солнца. Это отчасти сухое время совпадаетъ съ декабремъ и январемъ. Жаръ, повидимому, въ различныхъ широтахъ достигаетъ до опредѣленнаго пункта, а потомъ спадаетъ, слѣдуя какому–то закону, подобному тому, которому въ другихъ странахъ подчинены сильные морозы. Послѣ нѣсколькихъ дней возрастающихъ жаровъ, изъ которыхъ въ самый сильный жаръ термометръ въ тѣни показывалъ приблизительно 103°, наступаетъ здѣсь переломъ погоды и гроза на нѣкоторое время освѣжаетъ воздухъ. Въ Куруманѣ могли ждать дождя, когда термометръ стоялъ выше 84°; въ Колобенгѣ при 96° мы ожидали бури. Вода въ Замбези поднимается до высокаго уровня два раза въ годъ; въ первый, меньшій подъемъ она достигаетъ наибольшей высоты въ концѣ декабря или въ началѣ января; второй и самый

Туземные музыканты, играющіе на маримба. Ихъ слушаютъ женщины съ кувшинами на головахъ.

сильный подъемъ воды наступаетъ послѣ того, какъ рѣка переполнилась внутри страны, такимъ же образомъ какъ разливъ Нила, и эта прибыль воды въ Тетте бываетъ не раньше марта. Португальцы говорили, что въ Тетте наибольшая высота, до которой достигаетъ мартовское половодье, — тридцать футовъ, и это бываетъ только почти разъ въ четыре года; впрочемъ, наблюденія ихъ надъ чѣмъ бы то ни было никогда не бываютъ точны, за исключеніемъ слоновой кости, и въ настоящемъ случаѣ они полагались только на свои воспоминанія. Первый высотомѣръ воды въ Тетте или вообще по рѣкѣ былъ устроенъ по нашему предложенію, и въ первое половодье наибольшая высота воды была тринадцать футовъ шесть дюймовъ 17-го января 1859 г., и потомъ постепенно упала на нѣсколько футовъ передъ тѣмъ, какъ послѣдовало мартовское половодье. Рѣка вздувается внезапно, вода становится сильно цвѣтной и нечистой, а скорость теченія достигаетъ по мѣстамъ четырехъ узловъ; но день или два спустя послѣ перваго напора воды, теченіе становится болѣе равномѣрнымъ на всемъ руслѣ рѣки и принимаетъ свою обычную скорость на фарватерѣ, хотя половодье продолжается. Въ другое время, вода Замбези почти химически чиста, и фотографъ полагалъ даже, что для азотно-кислаго серебрянаго раствора она почти такъ же хороша, какъ дистиллированная вода.

Чтобы узнать, можетъ ли Кебрабаза быть судоходной при половодьѣ Замбези, мы посѣтили ее въ третій разъ, при чемъ естественно Морумбва представляла самый важный пунктъ. Найдено, что замѣченныя при нашемъ первомъ поискѣ быстрины исчезли и сравнялись, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ теченіе сдѣлалось сильнѣе. Такъ какъ пока мы ѣхали вода быстро упала, то водопадъ Морумбва не отличался существенно отъ того, какъ мы его видѣли, когда его открыли. Нѣкоторые рыбаки увѣряли насъ, что его не видно, когда вода въ рѣкѣ достигаетъ своей наибольшей высоты, и что теченіе тогда бываетъ не очень сильно. При этомъ случаѣ мы отправились на правый берегъ и нашли его при только

что наставшемъ времени дождей столь же суровымъ и утомительнымъ, какимъ былъ лѣвый берегъ. Наше движеніе впередъ затруднялось мокрой, высокой травой, брызгающими вѣтвями и слѣдующей за тѣмъ лихорадкой. Въ первую часть поѣздки мы натолкнулись только на нѣсколько покинутыхъ деревень; но наконецъ, въ одной пріятной долинѣ встрѣтили мы нѣсколькихъ туземцевъ, до жалости бѣдныхъ и голодныхъ. Женщины собирали въ лѣсахъ дикіе плоды. Одинъ молодой человѣкъ, за два ярда выбойки насъ взявшійся провести насъ къ водопаду короткой дорогой, привелъ насъ на крутой холмъ къ селенію, стоявшему на краю одного изъ его обрывовъ. Такъ какъ только что началась гроза, то мѣстный старшина предложилъ намъ укрыться въ хижинѣ, пока она пройдетъ. Нашъ проводникъ, сообщившій ему, что̀ онъ зналъ и понималъ цѣли нашего путешествія, вознагражденъ былъ за это длиннымъ отвѣтомъ въ благозвучныхъ бѣлыхъ стихахъ. При концѣ каждой строки, проводникъ, слушавшій съ глубокимъ вниманіемъ, издавалъ въ отвѣтъ стонъ, который скоро сдѣлался такъ забавнымъ, что наши люди разразились громкимъ смѣхомъ. Ни поэтъ, ни отвѣчающій проводникъ не обратили ни малѣйшаго вниманія на ихъ грубость, и столь же энергически, какъ прежде, довели дѣло до конца. Эта рѣчь, или, вѣроятнѣе, наше дурное обращеніе, произвело нѣкоторое впечатлѣніе на проводника, ибо онъ отклонился сопровождать насъ далѣе, хотя ему предлагали двойное вознагражденіе.

Не зная, что воздѣлываемый уже хлопокъ одинаковъ съ обыкновеннымъ американскимъ, если еще не лучше его, мы привезли съ собой въ Африку сѣмена хлопчатника и предложили ихъ нѣсколькимъ португальцамъ и туземцамъ, намѣревавшимся его воздѣлывать; но хотя кое-кто и пытался обратиться къ этому источнику благосостоянія, однако же ясно было, что понятія ихъ не могутъ подняться выше черной слоновьей кости, какъ называютъ они невольниковъ, слоновьихъ бивней и небольшаго количества золотаго песку.

Лихорадка, по бо́льшей части, водворяется съ марта и

апрѣля: въ мартѣ — если бываютъ значительные промежутки между дождливыми — днями, въ апрѣлѣ всегда, потому что тогда подвергаются дѣйствію палящаго солнца огромныя пространства грязи и отжившей растительности. Лихорадочный припадокъ обыкновенно продолжается недолго, но онъ быстро обезсиливаетъ человѣка; но стоитъ прекратить лихорадку и силы столь же быстро возстановляются. Давно замѣтили, что тѣ, которые въ продолженіе долгаго времени остаются на *одномъ* мѣстѣ и ведутъ недѣятельную жизнь, болѣе страждутъ отъ лихорадки, чѣмъ тѣ, которые постоянно перемѣняютъ мѣсто и заняты духомъ и тѣломъ; но мы не могли всѣ помѣститься въ небольшомъ суднѣ, когда оно отправлялось на поиски, при которыхъ перемѣна мѣста и ландшафта оказывались такъ полезными для здоровья, и нѣкоторые изъ насъ должны были оставаться и наблюдать за собственностью экспедиціи, при чемъ они дѣлали по возможности развѣдки, чтобы разузнать объ интересныхъ предметахъ въ окрестности. Какова бы ни была причина лихорадки, мы замѣтили, что ей подвергались часто всѣ въ одно время какъ болотной лихорадкѣ (malaria). Это преимущественно случалось при сѣверномъ вѣтрѣ. Сначала всѣ думали, что ежедневный пріемъ хинина предотвратитъ болѣзнь. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ наши люди, за исключеніемъ двоихъ, правильно принимали каждое утро хининъ. Лихорадка иногда схватывала тѣхъ, которые вѣрили въ хининъ, между тѣмъ какъ тѣ, которые не давали ни малѣйшей вѣры его предотвращающей силѣ, избѣгали ея. Принимали ли мы его ежедневно, или совершенно оставляли на мѣсяцъ, разницы не было никакой; лихорадка была нелицепріятна и точно такъ же правильно и часто нападала на насъ, когда мы принимали хининъ, какъ и тогда, когда онъ оставался нетронутымъ въ походной аптечкѣ, и мы, наконецъ, отказались отъ употребленія его, какъ предотвращающаго средства. Лучшее предотвращающее средство отъ лихорадки — достаточно привлекательная работа для дѣятельности и изобильная здоровая пища для ѣды. Для че-

ловѣка, имѣющаго хорошее жилище и одежду, который наслаждается этими благами, лихорадка въ Теттѣ не болѣе страшный врагъ, чѣмъ и обыкновенная простуда; но не будь одного изъ этихъ предметовъ, — залѣнись, или впади въ излишество въ ѣдѣ или въ питьѣ, или имѣй нищенскій, скудный кормъ, — лихорадка навѣрное сдѣлается чѣмъ-нибудь поважнѣе. Въ Теттѣ она слабѣе, чѣмъ въ Квиллимане или на низменныхъ морскихъ берегахъ: а такъ какъ въ этой части Африки лихорадка также обыкновенна, какъ въ Англіи простуды, то иностранцамъ всегда слѣдуетъ совѣтовать удаляться скорѣе съ береговъ на высоко-расположенныя мѣстности, чтобы когда схватываетъ ихъ лихорадка они могли бы подвергнуться только самой слабой. Когда д-ръ Киркъ предложилъ это, португальскія начальства впослѣдствіи воспользовались указаніемъ и тотчасъ выслали въ Тетте ближайшій отрядъ солдатъ. Онъ состоялъ изъ восьмидесяти человѣкъ и изъ нихъ, не смотря на безпорядокъ, которому они предавались, такъ какъ большая часть изъ нихъ принадлежала къ классу такъ называемыхъ „неисправимыхъ“,—въ три года умерло только десять и только пять отъ лихорадки. Хотя мы нашли, что хининъ вовсе не предотвращающее средство, за исключеніемъ, можетъ быть, того, что онъ дѣйствуетъ какъ укрѣпляющее тоническое, дѣлающее тѣло болѣе способнымъ противостоять вліянію болотнаго воздуха (malaria), — однако, при леченіи болѣзни онъ найденъ неоцѣненнымъ, какъ скоро оказываются боль въ спинѣ и въ ногахъ, головная боль, зѣвота, быстрый и иногда перемежающійся пульсъ, замѣтное біеніе шейныхъ жилъ, при отяжелѣвшихъ глазахъ, разгоряченной кожѣ и бѣломъ языкѣ *).

*) Лекарство, составленное изъ шести и до восьми грановъ ялаповой смолы, такого же количества ревеню и по три грана каломеля и хинина, принимаемое въ видѣ четырехъ пилюль съ тинктурой кардамона, обыкновенно уничтожаетъ всѣ симптомы въ пять-шесть часовъ. Четыре пилюли — полный пріемъ для мужчины, для женщины достаточно одной пилюли. Наши люди

Весьма странно вліяніе африканской лихорадки на нѣкоторые характеры. Веселость исчезаетъ, и весь умственный горизонтъ заволакивается мрачными облаками уныніе и меланхоліи. Самая игривая шутка не въ состояніи вызвать даже и тѣни улыбки. Лицо серіозно, глаза отяжелѣли, и рѣдкія рѣчи произносятся пискливымъ голосомъ плачущаго ребенка. Раздражительность темперамента часто бываетъ первымъ симптомомъ приближающейся лихорадки. Въ такое время мужчина чувствуетъ себя глупцомъ, если не становится такимъ на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ ничего справедливаго для жертвы, захваченной лихорадкою, нѣтъ ничего для нея пріятнаго. Больной сварливъ, склоненъ къ порицанію и противорѣчію, всегда воображаетъ себя оскорбленнымъ и бываетъ точно такимъ, какимъ одинъ ирландскій корабельный хирургъ описывалъ передъ военнымъ судомъ пьянаго: „невыносимый для общества человѣкъ“. Когда сочлены какого-нибудь общества путешественниковъ разомъ всѣ заболѣваютъ болотной лихорадкой, то жизнь становится тяжкой для предводителя экспедиціи. Когда должно быть предпринято дальнѣйшее слѣдованіе, одинъ является съ вытянутымъ лицемъ и находитъ совершенно достаточной причиной для своего отчаянія, „что онъ разбилъ

называли его „возбудителемъ“, потому что оно обладаетъ силой возбудить даже самаго унылаго. Когда оно не оказываетъ своего дѣйствія, то даютъ полную дессертную ложку горькой соли. Хининъ послѣ или во время дѣйствія этихъ пилюль, принимаемый всѣ два или три часа въ сильныхъ дозахъ, пока не послѣдуетъ онѣмѣніе или цинхонизмъ, — завершаетъ леченіе. Единственные случаи, въ которыхъ мы были вполнѣ безпомощны, были тѣ, когда наступала упорная рвота. Мы получили отъ виконта Торрингтона значительный запасъ „Варбургскихъ капель отъ лихорадки,“ лекарства, которое весьма цѣнится въ Индіи, и какъ во вниманіе къ его милостивому расположенію, что онъ намъ доставилъ это съ значительными издержками сопряженное средство, такъ и изъ желанія изыскать лекарство, на которое мы могли бы полагаться въ такой страшной болѣзни, мы испытали его на столько, на сколько могли. Въ припадкахъ дрожи оно разливаетъ теплоту, но не излечиваетъ. Одинъ старый мужчина былъ, повидимому, излеченъ, но умеръ день или два спустя. Намъ очень жаль, что мы не можемъ рекомендовать это лекарство для Африки, хотя и знаемъ, что оно высоко цѣнится въ Индіи.

фотографію со своей жены;“ другой—„что его несправедливымъ образомъ удерживаютъ въ его настоящемъ положеніи, потому что не произвели никакого спеціальнаго изслѣдованія „о десяти потерянныхъ поколѣніяхъ.“ Опасно смѣяться надъ подобными господами, потому что разгнѣванный товарищъ можетъ печатнымъ урезонить и указать на ихъ мѣсто жительства „по ту сторону эѳіопской рѣки.“ Когда кто-нибудь начинаетъ чувствовать, что всѣ злоумышляютъ противъ него,—пусть онъ или приметъ пріемъ „возбудителя“, или пусть пишетъ въ журналы. смотря по мѣрѣ разсудка, которымъ снабдила его природа.

Такъ какъ мы нашли, что съ нашимъ пароходомъ, всего только въ десять лошадиныхъ силъ, невозможно пройти черезъ Кебрабаза, и убѣдились, что потребна гораздо бо́льшая сила, чтобы провести судно во время половодья, то правительству Ея Величества былъ посланъ точный отчетъ и испрашивалось болѣе подходящее судно. Между тѣмъ наше вниманіе было обращено на изслѣдованіе рѣки Шире, сѣвернаго́ притока Замбези. Отъ португальцевъ мы не могли вызнать ничего положительнаго объ этомъ притокѣ; никто, говорили они, на немъ не бывалъ, и мы не знаемъ откуда онъ течетъ. Однако за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одна португальская экспедиція пыталась туда проникнуть, но по причинѣ непроницаемой ряски (Pistia stratiotes) оставила эту попытку. Затѣмъ многіе утверждали, что челноки никакъ не могли проложить себѣ пути сквозь массы водяныхъ растеній, покрывающихъ его поверхность. Другіе, между тѣмъ, таинственнымъ образомъ давали понять, что не ряска вернула назадъ экспедицію, а ядовитыя стрѣлы, которыми враждебные туземцы отбили португальцевъ съ большимъ урономъ. Никто не посылалъ туземныхъ торговцевъ на Шире, никто не входилъ въ сношенія съ вѣроломными дикарями, живущими на его берегахъ. Одинъ купецъ изъ Сенна разсказывалъ намъ, что онъ однажды снарядилъ караванъ, который на недалекое разстояніе прошелъ по рѣкѣ, но люди были ограблены и во-

ротились оттуда только что живыми. „Наше правительство,“ сказалъ комендантъ, „прислало намъ приказаніе помогать вамъ и покровительствовать; но вы идете туда, куда мы не отваживаемся слѣдовать; какъ мы тамъ можемъ вамъ покровительствовать?“ Никто не могъ припомнить, чтобы по Шире когда-нибудь ѣздили европейцы. Итакъ, что до насъ касалось, изслѣдованіе было совершенно ново. Всѣ португальцы думали, что манганджа храбрые, но кровожадные дикари; а при нашемъ возвращеніи мы узнали, что вскорѣ послѣ нашего отъѣзда былъ весьма распространенъ слухъ о гибельномъ результатѣ нашей смѣлой попытки: будто бы д-ръ Ливингстонъ убитъ отравленными стрѣлами, а д-ръ Киркъ смертельно раненъ.

Первый нашъ поискъ по Шире сдѣланъ въ январѣ 1859 г. На протяженіи первыхъ двадцати-пяти миль плыло внизъ по рѣкѣ значительное количество ряски, но оно не было такъ велико, чтобы остановить судоходство на челнахъ или на какомъ бы то ни было другомъ небольшомъ суднѣ. Почти вся масса этого водянаго растенія идетъ изъ одного къ западу лежащаго болота и входитъ въ рѣку почти сряду сзади одного высокаго холма, носящаго имя горы Морамбала. Выше этого мѣста оно едва замѣтно. Когда мы приближались къ селеніямъ, туземцы собирались въ большомъ числѣ, вооруженные луками и отравленными стрѣлами, и многіе, прокрадывавшіеся за деревьями, были замѣчены, что они цѣлятъ, какъ бы собираясь стрѣлять. Всѣ женщины были устранены съ дороги, а мужчины очевидно приготовились сопротивляться нападенію. Въ селеніи одного владѣльца, по имени Тингане, собралось по крайней мѣрѣ пятьсотъ туземцевъ и приказали намъ остановиться. Д-ръ Ливингстонъ сошелъ на берегъ, и послѣ его объясненія, что мы англичане и идемъ не для захвата невольниковъ и не для завоеваній, а только чтобы открыть путь, по которому могли бы приходить наши земляки для покупки хлопка, или чего другаго, что они могли бы продать, за исключеніемъ невольниковъ,—Тингане тотчасъ сталъ

совершенно дружественнымъ. Этому результату, вѣроятно, способствовало присутствіе парохода, который показывалъ, что они имѣютъ дѣло съ совершенно новымъ народомъ; ибо было общеизвѣстно, что Тингане былъ предѣломъ всѣхъ сношеній между португальскими черными торговцами и далѣе внутри живущими туземцами; ни съ той, ни съ другой стороны ни кто не могъ пройти мимо его. Онъ былъ староватый, хорошо сложенный мужчина, съ посѣдѣлой головою и болѣе шести футовъ ростомъ. Хотя онъ былъ нѣсколько взволнованъ нашимъ присутствіемъ, однако же съ готовностью исполнилъ нашу просьбу — собрать своихъ людей, чтобы всѣ могли узнать, что за цѣли у насъ были.

Когда мы входили въ сношенія съ какимъ-бы то ни было народомъ, мы почти всегда ссылались на отвращеніе англичанъ къ невольничеству. Бо́льшая часть уже знала объ усиліяхъ, которыя употребляли англичане на морѣ, чтобы подавить торговлю неграми; итакъ какъ мы трудились надъ тѣмъ, чтобы побудить ихъ, вмѣсто поимки и продажи своихъ собратій, воздѣлывать и продавать хлопокъ, то наше посольство являлось совершенно естественнымъ; затѣмъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ ясныя понятія о своей собственной выгодѣ и всѣ ревностные торговцы, то тотчасъ понята была разумность предложенія; а такъ какъ вѣра въ Высшее Существо, Творца и Промыслителя всяческихъ, и въ дальнѣйшее существованіе души по смерти у насъ общая, то она вполнѣ способствуетъ къ объясненію того, что у насъ есть книга, содержащая откровеніе воли Того, родства съ Которымъ они не знаютъ въ своемъ естественномъ состояніи. Тотъ фактъ, что Сынъ Его явился между людьми и слова Его оставилъ въ Своей книгѣ, постоянно возбуждаетъ вниманіе; но представляется огромное затрудненіе дать имъ почувствовать, что они родные Ему и что Онъ принимаетъ въ нихъ участіе. Нѣмота нравственнаго сознанія, обнаруживаемая ими, часто обезнадеживаетъ; но это явленіе можно отчасти объяснить способомъ передачи или черезъ толмача, или при несовер-

шенномъ знаніи языка, который и даровитые миссіонеры могутъ осилить только послѣ многолѣтнихъ усилій. Тѣмъ не менѣе, понятіе о томъ, что Отецъ всѣхъ существъ гнѣвается на дѣтей своихъ, когда они продаютъ и умерщвляютъ другъ друга, тотчасъ заслуживаетъ ихъ сочувствіе: такъ точно совпадаетъ оно съ собственными ихъ понятіями о справедливости и несправедливости. Но положительно возвысить ихъ нравственность можетъ, какъ и въ нашемъ собственномъ отечествѣ, не что иное, какъ многолѣтнее обученіе и примѣръ.

Нарѣчіе, которымъ здѣсь говорятъ, совершенно тожественно съ употребляемымъ въ Сенна и Тетте. Сначала мы понимали его лишь на столько, что знали, то ли говорилъ толмачъ, что ему поручено, или дозволялъ себѣ измѣненія. Довольно вѣрно изложивши то, что̀ ему говорилось, онъ съ упрямой настойчивостью заключалъ словами: „Книга говоритъ, чтобы вы воздѣлывали хлопокъ, а англичане будутъ приходить и скупать его,“ или подобной имъ самимъ придуманной шуткой, которая могла бы быть и забавной, если бы прежде всего не была преступной.

Когда мы въ первый разъ пробирались по Шире, наше вниманіе преимущественно обращено было на самую рѣку. Нужно самому прочувствовать, чтобы оцѣнить тотъ восторгъ, который ощущается по выходѣ изъ растянутыхъ болѣе чѣмъ на 200 миль лабиринтныхъ извивовъ какой-нибудь до того еще неизслѣдованной рѣки. Всю нижнюю часть рѣки нашли мы по крайней мѣрѣ въ двѣ сажени глубиною. Выше, гдѣ массу воды уменьшаютъ много отдѣляющихся и снова впадающихъ рукавовъ, она становится мельче; но такъ какъ тамъ нѣтъ ни одной отмели, то по ней легко идти на суднѣ. Мы должны были особенно заботиться о томъ, чтобы ничто изъ того, что мы дѣлали, не могло казаться подозрительнымъ для наблюдавшихъ за нами кучекъ народа. Оставивши за собой сотню миль по прямой линіи, хотя извивы рѣки удвоивали разстояніе, подъ $15^0\ 55'$ южной широты мы встрѣтили препятствіе для дальнѣйшаго слѣдованія на пароходѣ въ ве-

ликолѣпномъ водопадѣ, названномъ нами въ честь одного мужа, имя котораго стало уже міровымъ и за великодушную благосклонность котораго мы никогда не въ состояніи отплатить, — „Мурчисоновскимъ“. Туземное названіе другаго, изображеннаго на приложенномъ рисункѣ, водопада — Мамвира. Это тотъ водопадъ, при которомъ впервые была сдѣлана остановка при слѣдованіи на пароходѣ. Уголъ паденія гораздо меньше, чѣмъ у пяти водопадовъ выше этого: въ сравненіи съ тѣми онъ на самомъ дѣлѣ такъ малъ, что мы, открывши тѣ, не включали его въ ихъ число.

Мы оставались здѣсь нѣсколько дней въ надеждѣ, что выдастся удобный случай для наблюденія долготъ; но бо́льшую часть времени шелъ дождь или небо было покрыто облаками. Отважиться на сухопутную поѣздку мы сочли неблагоразумнымъ, пока туземцы такъ подозрительны, что содержали и днемъ и ночью крѣпкій караулъ на берегахъ рѣки; къ тому же и погода была неблагопріятна. Пославши двумъ изъ владѣльцевъ дары и посольства, мы возвратились въ Тетте. Спускаясь внизъ по рѣкѣ, мы быстро шли впередъ, такъ какъ намъ помогало теченіе. Бегемоты никогда не вдавались въ ошибку и давали намъ дорогу. Крокодилы, которые не были на столько умны, иногда съ величайшею быстротою бросались на насъ, полагая, что мы какое-нибудь чудовищное плавающее животное. Они оставались почти на футъ подъ водою, но ногами и туловищемъ поднимали три ясно-очерченныя волны, которыя обозначали ихъ путь; уже только за нѣсколько ярдовъ отъ предполагаемой ими добычи, они поднимали изъ воды голову и какъ камень опускались на дно, не прикасаясь къ судну.

Въ серединѣ марта того же года (1859) мы снова предприняли вторую поѣздку по Шире. Туземцы были теперь благосклонны и охотно продали намъ рису, птицъ и полевыхъ произведеній. Мы вошли въ дружественное сношеніе съ владѣльцемъ Чибиза, селеніе котораго лежало миляхъ въ десяти ниже водопада. При первомъ нашемъ посѣщеніи при-

слалъ онъ двухъ человѣкъ пригласить насъ на пиво; но пароходъ былъ для нихъ такимъ страшнымъ явленіемъ, что они, прокричавши намъ приглашеніе, спрыгнули на берегъ и предоставили свой челнокъ теченію рѣки. Чибиза, не смотря на свой черный цвѣтъ, былъ замѣчательно хитрый человѣкъ настоящій портретъ одного изъ нашихъ самыхъ знаменитыхъ лондонскихъ актеровъ и, конечно, самый умный изъ владѣльцевъ въ этой странѣ. Ему, какъ говорилъ онъ, много борьбы выпало на долю; но всегда начинали ее другіе; онъ былъ постоянно правъ и порицанія заслуживали только тѣ. Сверхъ того онъ твердо вѣрилъ въ божественное право королей. Когда его отецъ умеръ и оставилъ владѣніе ему, онъ былъ, по его словамъ, обыкновеннымъ человѣкомъ; но какъ скоро онъ принялъ высокую должность, то созналъ силу, перешедшую на главу его и на хребетъ его; онъ чувствовалъ, какъ она входила, и узналъ, что онъ владыка, одѣянный властью и одаренный мудростью; и народъ тогда сталъ его бояться и почитать. Объ этомъ упомянулъ онъ такъ, какъ упоминается о какомъ-нибудь естественно историческомъ фактѣ, когда совсѣмъ и рѣчи не можетъ быть о сомнѣніи. И его подданные въ него вѣрили, ибо они купались въ рѣкѣ, ни на волосъ не боясь крокодиловъ, такъ какъ владѣтель бросалъ туда сильное средство, которое ихъ сберегало отъ зубовъ этого страшнаго пресмыкающагося.

Пока наше судно стояло противъ селенія Чибиза, д-ръ Ливингстонъ и д-ръ Киркъ съ нѣсколькими макололо отправились пѣшкомъ на озеро Ширва. Они пошли въ сѣверномъ направленіи по гористой странѣ. Жители были слишкомъ далеки отъ благосклонности къ нимъ, а нѣкоторые изъ ихъ проводниковъ пытались ихъ завести, и они на нихъ не могли положиться. Масаказа, одинъ изъ начальниковъ макололо, слышалъ нѣсколько замѣчаній, которыя убѣдили его, что проводникъ хочетъ ихъ завести. Онъ былъ спокоенъ, пока не достигли уединеннаго мѣста; тогда подошелъ онъ къ доктору и сказалъ: „Этотъ парень негодяй, онъ хочетъ намъ бѣды;

копье у меня острое и здѣсь нѣтъ никого; не сбросить ли его въ высокую траву?“ Если бы докторъ далъ ему малѣйшій знакъ согласія, или просто промолчалъ, то этотъ проводникъ не могъ бы уже никогда сопровождать никого другаго, ибо въ одно многовеніе онъ былъ бы тамъ, гдѣ „нечестивые перестаютъ дѣлать зло“. Впослѣдствіи оказалось, что при этомъ случаѣ вовсе не предполагалось никакой измѣны, а съ ихъ стороны недоставало знанія языка и страны. Они требовали проводить ихъ къ „ніанджа мукулу“, т. е. большому озеру, и подразумѣвали подъ этимъ озеро Ширва; проводникъ повелъ ихъ вокругъ ужасно бугристой полосы гористой страны, по которой мало-по-малу дотащились до длиннаго болота, названнаго нами слоновымъ болотомъ, по причинѣ огромнаго множества этихъ животныхъ, которое мы тамъ видѣли, но которое въ дѣйствительности было мѣстомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „ніанджа мукулу“ или большаго озера. Ніанджа или ніанза значитъ вообще болото, озеро, рѣка или даже какой-нибудь простой ручей.

Общество путешественниковъ пошло наконецъ впередъ безъ проводниковъ, или только съ больными проводниками; ибо — довольно странно! — часто они были обязаны огромной благодарностью сумасшедшимъ различныхъ деревень. Одинъ изъ нихъ почтилъ ихъ, когда они спали подъ открытымъ небомъ тѣмъ, что всю ночь проплясалъ и пропѣлъ у нихъ въ ногахъ. Эти бѣдные парни симпатизировали съ изслѣдователями, вѣроятно думая, что тѣ принадлежатъ къ тому же классу, какъ и они; и такъ какъ они были свободны отъ вліянія общепринятаго взгляда своихъ земляковъ, то и питали дѣйствительное состраданіе къ чужеземцамъ, дружелюбно приставали къ нимъ и часто указывали настоящую дорогу отъ мѣста къ мѣсту, въ то время какъ ни одинъ въ здравомъ умѣ человѣкъ не соглашался на это ни за деньги, ни за доброе слово.

Положеніе манганджа было тогда весьма независимо: разительный контрастъ съ тѣмъ униженнымъ состояніемъ, въ которое они впали послѣ, когда на страну ихъ палъ тяжкій

бичъ охоты на невольниковъ. Изъ различныхъ селеній раздавались барабанные сигналы, звуки вызова и боязни доносились днемъ до ушей путниковъ, и однажды цѣлую ночь они провели безъ сна; выжидая каждое мгновеніе нападенія. Д-ръ Ливингстонъ и д-ръ Киркъ желали, чтобы ничего не произошло такого, что могло бы показаться враждебнымъ въ глазахъ туземцевъ; Масаказа съ своей стороны пламенно стремился показать, что онъ, въ случаѣ борьбы, можетъ управиться съ ними.

Терпѣніе путешественниковъ было наконецъ увѣнчано успѣхомъ; ибо 18 апрѣля открыли они озеро Ширва, значительную массу горькой воды, въ которой были піявки, рыбы, крокодилы и бегемоты. Такъ какъ озеро, вѣроятно, не имѣетъ никакого истока, то вода въ немъ слабо солоновата; повидимому оно глубоко и на немъ есть острова, поднимающіеся изъ него какъ холмы. Пунктъ, съ котораго на него смотрѣли, былъ на подошвѣ горы Пиримити или Мопеу-пеу, на юго-западной его сторонѣ. Видъ оттуда въ сѣверномъ направленіи ограничивается поверхностью озера съ двумя небольшими вдали лежащими островами; бо́льшій изъ нихъ, похожій на верхушку горы и покрытый деревьями, поднимается ближе къ первому плану. На востокъ тянется цѣпь холмовъ, а на западѣ стоитъ гора Чикала, которая, повидимому, находится въ связи съ большой массою горъ, носящихъ названіе Зомба.

Берега, близъ которыхъ провели они двѣ ночи, покрыты тростникомъ и папирусомъ. Такъ какъ они желали опредѣлить широту посредствомъ естественнаго горизонта, то на значительное разстояніе прошли въ бродъ въ водѣ къ мѣсту, на которое имъ указали какъ на песчаную отмель, но на нихъ напало столько піявокъ, что они вынуждены были вернуться; а одна женщина разсказывала имъ, что мужчины, заманивъ ихъ въ воду, хотѣли ихъ этимъ погубить. Знаніе, котораго они достигли, состояло въ томъ, что по величинѣ своей это озеро совершенно не могло идти въ сравненіе съ другимъ, лежащимъ на сѣверъ, отъ котораго оно отдѣлено только ко-

сою. Сѣвернаго конца Ширва не видали, хотя и подходили къ нему. Длина озера, вѣроятно, доходитъ отъ 60 до 80 миль, ширина около 20 миль. Высота надъ моремъ равна 1,800 футамъ, и вода вкусомъ похожа на слабый растворъ горькой соли. Окрестная страна весьма красива и покрыта богатой растительностью, а волны, которыя во время нашего тамъ пребыванія разбивались на юговосточной сторонѣ объ одну скалу и пѣнились надъ нею, еще болѣе придавали красоты картинѣ. Недалеко отъ восточнаго берега стоятъ чрезвычайно высокія горы, можетъ быть 8,000 фут. надъ поверхностью моря. Когда выступаютъ на видъ ихъ высокія крутыя вершины, иныя выше, иныя ниже облаковъ,—сцена становится величественной. Эта цѣпь называется Миланджe; къ западу стоитъ гора Зомба, вышиною 7,000 футовъ и миль въ двадцать длиною.

Такъ какъ ихъ цѣлью было болѣе снисканіе мало-по-малу довѣрія народа, чѣмъ производство изслѣдованій, то они полагали, что для *одного* похода они достаточно углубились внутрь страны; и такъ какъ они думали, что повтореніемъ своего посѣщенія, какъ сдѣлали это на Шире, вѣрнѣе могутъ достигнуть своей цѣли, то рѣшились вернуться къ судну у острова Даканамойо; но, вмѣсто того, чтобы вернуться тою же дорогой, которой пришли, они пошли на югъ мимо самыхъ горъ Чирадзуру, между родными Чибиза и оттуда черезъ проходъ Зеди внизъ къ Шире. И хорошо было, что они пришли къ судну именно въ это время, ибо нашъ славный квартермистръ, Джонъ Уэлькеръ, оставленный тамъ, все время ихъ отсутствія сильно пострадалъ лихорадкой, между тѣмъ какъ тѣ, которые двадцать два дня проблуждали въ горахъ и всѣ ночи, за исключеніемъ только *одной*, спали на открытомъ воздухѣ, вернулись здоровыми и бодрыми. Его товарищъ, Роуэ, у котораго было съ собой лекарство, не далъ ему ничего, потому что не зналъ, что у него за болѣзнь. Если взять во вниманіе уже перечисленные симптомы, или вспомнить, что въ этой странѣ почти всякая болѣзнь является въ видѣ

лихородки или измѣняется болотнымъ воздухомъ, то едва ли можно не узнать лихорадки. Такъ какъ состояніе Уэлькера было весьма опасно, то ему тотчасъ же данъ былъ сильный пріемъ каломеля. Это помогаетъ иногда, когда другія средства не дѣйствуютъ, но нужно опасаться, чтобы не произвести слюнотеченія. Если данъ пріемъ въ 20 грановъ, то можно возбудить обильное изліяніе желчи и результатомъ бываетъ излеченіе. Этимъ путемъ можно воспользоваться только тогда, когда другія средства не дѣйствуютъ, или когда къ лихорадкѣ присоединяется желтуха. Мы видѣли такого рода случай излеченія сильнымъ пріемомъ каломеля, когда натяжной пластырь, наложенный подъ ложечкой для произведенія рвоты, вытягивалъ пасоку черную, какъ портеръ, какъ будто кровь была насыщена желчью. Мы заносимъ сзади эти указанія, хотя, какъ уже сказано, мы думаемъ, что ни одна миссія или экспедиція не должна вступать въ страну иначе, какъ съ опытнымъ врачемъ, который долженъ быть существеннымъ членомъ ея штаба.

Квартермистръ Уэлькеръ скоро выздоровѣлъ, хотя вслѣдствіе особой продолжительности лихорадки тѣло его было потрясено гораздо сильнѣе, чѣмъ казалось это тотчасъ послѣ дѣйствія лекарства. Матросы во время нашего отсутствія нарубили добрый запасъ дровъ для парохода, и мы скоро пошли внизъ по рѣкѣ.

Пароходъ прибылъ въ Тетте 23 іюня, и послѣ починки отправился далѣе къ Конгоне, чтобы получить провіантъ отъ одного изъ крейсеровъ Ея Величества. Мы были въ изобиліи снабжены самыми лучшими запасами, но были на столько несчастливы, что потеряли значительную часть ихъ, и должны были теперь, какъ умѣли, переносить недостатокъ. На пути внизъ къ Конгоне, въ одномъ селеніи туземцевъ ниже Мазаро, мы купили нѣсколько гигантскихъ кочней капусты и тыквъ. Наши обѣды состояли обыкновенно изъ одной только перемѣны; но на слѣдующій день мы были изумлены нашимъ чернымъ поваромъ съ Сіэрра Леоне, который принесъ другую

перемѣну. „Что вы тамъ несете?“ спросили мы съ удивленіемъ.—„Тортъ, сэръ.“—„Тортъ! изъ чего онъ сдѣланъ?“—„Изъ капусты, сэръ.“—Такъ какъ у насъ не было сахару и мы не могли пополнить этотъ недостатокъ воображеніемъ, какъ бывало во дни дѣтства, то и не могли насладиться кушаньемъ, приготовленнымъ геніемъ Тома. Бригъ ея величества „Персіянинъ“, подъ командой лейтенанта Сомареца, посѣтилъ насъ на пути своемъ къ мысу Доброй Надежды и, хотя у него у самого было немного провіанта, великодушно предложилъ намъ однако все, безъ чего онъ могъ обойтись. Мы теперь уволили нашихъ круменовъ, такъ какъ не могли ими пользоваться при нашихъ сухопутныхъ путешествіяхъ, потому что они не мастера были ходить. Изъ макололо выбрано нѣсколько человѣкъ, такъ какъ они, кромѣ того что были хорошіе ходоки, могли рубить дрова и оберегать судно, и притомъ ограничивались только туземной пищей.

Пока мы были на Конгоне, мы нашли необходимымъ вытащить пароходъ для поправки на берегъ. Онъ былъ построенъ изъ новоизобрѣтеннаго вида стальныхъ пластинокъ, толщиною всего въ шестнадцатую долю дюйма, патентованныхъ, но, къ несчастію, прежде никогда неиспробованныхъ. Построить судно для открытій изъ неиспробованнаго матеріала было неблагоразумно. Какое-то химическое вліяніе на этотъ стальной препаратъ произвело небольшую дырку; отъ этой точки распространились по всѣмъ направленіямъ лучеобразныя вѣтви, какъ бы пятна или небольшія звѣздообразныя щели, какія иногда видны на тающемъ льдѣ. Повсюду, гдѣ на этихъ развѣтвленіяхъ находился сгибъ, произошли небольшія дырки. Дно весьма скоро сдѣлалось какъ рѣшето, совершенно усѣяно небольшими отверстіями, которыя втягивали воду. Машинистъ законопачивалъ самыя большія, но едва судно спускали на воду, какъ они снова пробивались. Утромъ обыкновенно первою новостью было непріятное извѣстіе о какой-нибудь течи въ передней части, или, пожалуй, и въ средней, что еще было хуже.

Въ началѣ августа, когда мы были въ дорогѣ, на Замбези были частые проливни; 8-го у насъ было свыше трехъ дюймовъ дождя. Этимъ огромнымъ количествомъ, которое было значительно болѣе, чѣмъ въ Тетте, въ какой бы то ни было день дождливаго времени, мы были обязаны близости моря. Иногда каюты были почти затоплены; ибо къ тому, что въ видѣ течи проникало снизу, приливалъ дождь сквозь потолокъ, и когда мы хотѣли писать, то должны были распускать зонтикъ. Способъ соединенія частей парохода также былъ новый, и вслѣдствіе дѣйствія задней части на среднюю накачивалась рѣчная вода и лилась потоками по полу и провіантскимъ ящикамъ туда, гдѣ лежали подушки, которыя должны были въ одно и то же время служить стульями и постелями. Когда стараются составить себѣ мнѣніе о климатѣ, то должны помнить, что виною лихорадки, отъ которой мы страдали, по большей части было спанье на этихъ мокрыхъ подушкахъ. Много экземпляровъ растеній, которыя д-ръ Киркъ съ трудомъ собралъ и старательно приготовилъ, были уничтожены или должны были быть еще разъ просушены, когда случайно попадали на мокрыя мѣста въ каютѣ.

Когда мы стояли около одного острова, нѣсколько миль ниже Мазаро, насъ посѣтилъ владѣтель его, Поль, родственникъ мятежнаго Маріано. Онъ только лишь возвратился изъ Мозамбика, гдѣ, употребляя мѣстное выраженіе, „арранжировался“ съ властями. Онъ разсказалъ намъ, что генералъ губернаторъ д'Альмейда ничего не зналъ о Конгоне и вмѣстѣ съ другими думалъ, что Замбези изливается въ море при Квиллимане. Его превосходительство спрашивалъ его относительно вѣрности карты д-ра Ливингстона въ этомъ пунктѣ. Мы упоминаемъ объ этомъ, потому что португальцы немного спустя пытались серіозно доказать, что Конгоне уже давно хорошо извѣстна ихъ невольничьимъ судамъ. Поль смѣшаннаго происхожденія, но, повидимому, совершенно здоровъ, такъ какъ изъ потомковъ португальцевъ въ восточной Африкѣ онъ

единственный дѣйствительно тучный мужчина. Стыдъ и срамъ, что извѣстнаго рода болѣзни, которыя ими самими занесены сюда и оставлены въ наслѣдіе, сдѣлались такъ общими между гальбкастами, что нельзя сдѣлать рѣшительнаго заключенія въ отношеніи къ дальнѣйшему ихъ здѣсь существованію, какъ расы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ августѣ 1859 года опять на Ширѣ. — Гора Морамбала. — Горячій источникъ. — За молодымъ парнемъ гонятся буйволъ. — Ніанджа Пангоно или малое озеро. — Ніанджа Мукулу или большое озеро. — Чиканда-Кадзе. — Бѣда изъ-за негодности парохода. — Западни на бегемотовъ. — Москитосы. — Слоны. Взглядъ на болота Ширѣ. Птицы. — Пальмовое вино или *сура*. — Изготовленіе соли. — Соляная почва и превосходный хлопокъ. — Островъ Дакана-мойо. — Любящая птица-носорогъ. Чибиза. — Проданное въ неволю дитя.

Запасшись дровами въ Шамоара, около середины августа, мы опять отправились на пароходѣ по Ширѣ съ намѣреніемъ лучше ознакомиться съ народомъ и совершить другое и притомъ болѣе продолжительное пѣшеходное путешествіе на сѣверъ озера Ширва, чтобы поискать озера Ніасса, о которомъ, подъ именемъ Ніиніези (звѣзды), мы уже получили нѣкоторыя свѣдѣнія. Ширѣ гораздо уже, но глубже Замбези, и по ней легко идти на суднѣ. Притокъ этотъ течетъ по низменной и чрезвычайно плодородной долинѣ шириною отъ пятнадцати до двадцати миль. Съ обѣихъ сторонъ ограничиваютъ эту долину цѣпи лѣсистыхъ холмовъ. На протяженіи первыхъ двадцати миль на лѣвомъ берегу холмы стоятъ у самой рѣки, за тѣмъ слѣдуетъ Морамбала,—имя которой означаетъ „высокая сторожевая башня“,— уединенная гора, въ 500 ярдахъ отъ берега рѣки, съ крутыми боками на западъ, достигающая до 4,000 футовъ въ высоту и до семи почти миль въ длину. На самой вершинѣ она покрыта лѣсомъ и весьма красива. Южный конецъ, разсматриваемый издали, представляетъ пре-

красный постепенный склонъ и кажется, какъ будто бы на него легко взбираться; но сторона, обращенная къ Шире, крута и скалиста, особенно въ верхней половинѣ. Почти на срединѣ горы выглядываетъ деревушка; въ ней чистая и укрѣпляющая атмосфера, и она стоитъ выше области москитосовъ. Тамъ на высотѣ совсѣмъ другой климатъ и совсѣмъ другая растительность, чѣмъ на равнинахъ; но жители большую часть своей жизни тамъ должны проводить среди бѣлыхъ клочковатыхъ облаковъ, которыя въ дождливое время ежедневно покоятся на вершинѣ ихъ любезной горы. Когда мы взобрались въ первый разъ, эти горные обитатели обошлись съ нами дружелюбно; при второмъ нашемъ посѣщеніи оказалось, что Маріано почти всѣхъ ихъ угналъ. Д-ръ Киркъ на этой и на другихъ горахъ нашелъ болѣе тридцати видовъ папоротниковъ, и даже большихъ древесныхъ папоротниковъ, хотя на равнинахъ едва попадался одинъ только видъ. Лимонныя и апельсинныя деревья растутъ дико, а ананасъ воздѣлывается жителями. Между большими деревьями вокругъ подошвы горы находятъ себѣ домъ и пищу множество птицъ калао, ястребовъ, а также обезьянъ, антилопъ и носороговъ. Горячій источникъ медленно катится по равнинѣ близъ сѣвернаго конца. Чистый какъ кристалъ, бьетъ онъ изъ земли ключемъ изъ двухъ, на нѣсколько ярдовъ удаленныхъ одна отъ другой, точекъ или очковъ и образуетъ прекрасный текучій ручей горячей воды. Температура ея была 174 градуса по Фаренг., и для сваренія въ ней яйца потребовалось времени почти столько же, какъ обыкновенно. Нашъ проводникъ бросилъ туда небольшую вѣтку, чтобы показать намъ, какъ быстро можетъ умертвить листья мадсе–авира (кипящая вода). Несчастныя ящерицы и насѣкомыя, повидимому, не понимаютъ свойства горячаго источника, такъ какъ на днѣ его лежитъ много ихъ труповъ. Одинъ большой жукъ опустился на воду и былъ мертвъ, прежде чѣмъ успѣлъ сложить свои крылья. На камняхъ вода отлагаетъ кору, пахнущую сѣрой. Около ста футовъ отъ очка источника илъ такъ го-

рячъ, что тѣло едва можетъ выдержать. Послѣ купанья въ немъ кожа становится чистой, и илъ нисколько къ ней не пристаетъ. Странно, что португальцы не обращаются къ нему въ многочисленныхъ накожныхъ болѣзняхъ, которыми часто одержимы.

Къ западу отъ Морамбала, на богатой равнинѣ, образующей косу между рѣками Шире и Замбези, показываются группы пальмъ и акацій. Здѣсь благопріятное мѣсто для всякаго рода дичи. Судорабочіе съ Замбези побоялись спать на немъ, потому что они думали, что тамъ есть львы; они предпочли провести ночь на островѣ. Нѣкоторые черные, сопровождавшіе насъ омъ Шупанга въ качествѣ вольныхъ работниковъ, кричали однажды вечеромъ, что на берегу стоитъ левъ. Было очень темно, и мы могли различить только двѣ свѣтящіяся точки, которыя должны были быть устремленными на насъ глазами льва; ибо здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, господствуетъ убѣжденіе, что ночью глаза льва всегда мечутъ огонь. Такъ какъ это не были свѣтящіеся жуки, — потому что они не зашевелились когда въ нихъ выстрѣлили, — то, вѣроятно, это были свѣтляки.

По ту сторону Морамбала Шире вьется по широкому болоту. На нѣсколько миль вдаль къ сѣверу простирается широкое море свѣжей зеленой травы, и оно такъ ровно, что можно имъ пользоваться для опредѣленія меридіанной высоты солнца. Отъ десяти до пятнадцати миль сѣвернѣе Морамбала стоитъ кровлеобразная гора Маканга или Чи-канда; нѣсколько другихъ, съ вершинами, по виду похожими на гранитъ, тянутся къ сѣверу и образуютъ восточную границу долины. Съ запада она точно также ограничена горною цѣпью, но она состоитъ изъ метаморфическихъ скалъ и начинается противъ Сенна. Пройдя часть этого болота, мы пришли къ широкому поясу пальмовыхъ и другихъ деревъ, перекрещивающему прекрасную равнину на правомъ берегу. Слѣды крупной дичи были въ большомъ числѣ. Слоны тоже наслаждаются пальмовыми орѣхами, имѣющими пріятный пряный

вкусъ и употребляемыми въ пищу людьми. Между вѣтвями одного огромнаго дерева замѣчены были два свившіеся вмѣстѣ змѣя — пиѳона — и оба застрѣлены. Большій изъ нихъ, самка, былъ длиною въ десять футовъ. Они безвредны и, говорятъ, составляютъ хорошее блюдо. Когда макололо зажгли траву тамъ, гдѣ они хотѣли рубить дрова, изъ огня выскочилъ одинокій буйволъ и яростно напалъ на одного изъ работавшихъ молодыхъ парней, по имени Мантланіане. Никогда его стройные члены не оказывали ему лучшей услуги, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ его отчаяннаго бѣгства отъ разъяреннаго животнаго. Когда онъ добѣжалъ до берега и прыгнулъ въ рѣку, бѣшеный буйволъ былъ въ какихъ-нибудь шести футахъ сзади его. Ввечеру, когда оконченъ былъ дневной трудъ рубки дровъ, нѣсколько человѣкъ пошли ловить рыбу. Они слѣдовали общему африканскому обычаю волновать воду, дѣлая удилищемъ нѣсколько сильныхъ ударовъ по ней вслѣдъ затѣмъ, какъ забросятъ уду, чтобы привлечь вниманіе рыбъ на приманку. Что они ничего не поймали, причина того была та же самая, какую при подобныхъ обстоятельствахъ приводятъ въ Англіи, именно, что „вѣтеръ охолодилъ рыбъ, и онѣ не хотятъ клюнуть“. Когда мы шли дальше, болотистый берегъ окаймленъ былъ множествомъ маисовыхъ, тыквенныхъ и табачныхъ посѣвовъ. Они принадлежали живущимъ на холмахъ туземцамъ, которые въ сухое время года спускаются и воздѣлываютъ нивы на мѣстахъ, въ другое время покрытыхъ водою. Пока произведенія полей растутъ, ловится большое количество рыбы, преимущественно Clarias capensis и Mugil Africanus: ее сушатъ для продажи или для собственнаго потребленія.

Когда мы отправились далѣе, то переплыли одинъ почти въ тридцать ярдовъ шириною глубокій потокъ, который вытекалъ изъ открытаго озера, шириною въ нѣсколько миль. На разныхъ мѣстахъ его толпы мужчинъ заняты были нагрузкой въ свои челноки корней лотуса, которые они называютъ нпика и которые, если ихъ вскипятить и поджарить,

похожи на наши каштаны и весьма распространены въ Африкѣ, какъ питательное средство. Изъ этой лагуны и черезъ этотъ потокъ сплываетъ внизъ главная масса рѣки Шире. Сама лагуна называется Ніанджа еа Мотопе (озеро грязи). Оно называется также Ніанджа Пангоно (малое озеро), между тѣмъ какъ Слоновье болото извѣстно подъ именемъ Ніанджа Мукулу (большое озеро). По береговой линіи, все еще замѣтной на прилежащихъ холмахъ, видно, что въ прежнія времена это были настоящія озера; и такъ сохранившіяся по преданію имена представляютъ только новое доказательство всеобщаго высыханія, которое испытала Африка. Никто не повѣритъ, чтобы когда-нибудь географическія познанія португальцевъ простирались далѣе этихъ большаго и малаго Ніанджа. Но виконтъ Са да Бандейра въ своемъ патріотическомъ усердіи доказать, что не мы открыли озеро *Ніасса*, въ офиціальномъ письмѣ къ мозамбикскому генералъ-губернатору дѣйствительно приводитъ единственное извѣстіе, которое могъ дать старый лиссабонскій архивъ, именно, что обитатели Сенна вели торговлю съ жителями по Маромбала, и, какъ онъ утверждаетъ, само собою понятно должны были ходить на судахъ по вышеупомянутымъ малому и большому болотамъ или ніанджа. Точно оба эти болота — озеро Ніасса! Водопады на Шире совершенно упущены изъ виду. Большіе водопады Викторіи или Мози-оа-туніа, какъ мы замѣтили, вовсе не были извѣстны португальцамъ: но прочитавъ цитату его превосходительства изъ отчетовъ одного стариннаго автора, который описалъ ихъ по наслышкѣ, мы думали, что пять большихъ Мурчисоновскихъ водопадовъ, представляющихъ паденіе въ 1,200 футовъ и только всего на разстояніи 150 миль отъ Сенна, должны бы были быть извѣстны старинпымъ португальцамъ, и мы все еще готовы повѣрить, что они были ими изслѣдованы; однако, такъ какъ открытіе отъ остальнаго міра было утаено, то оно стоитъ на одной доскѣ съ изслѣдованіями необразованныхъ африканцевъ. Стыдно сказать, но это фактъ, что добрый виконтъ теперь столь же

сильно чувствуетъ невыгоду близорукой политики своихъ предковъ въ географическихъ дѣлахъ, какъ его потомки будутъ чувствовать и оплакивать вредъ настоящей извращенной торговой политики его современниковъ. Одинъ іезуитъ сдѣлалъ когда-то предложеніе изслѣдовать озеро Марави; но нигдѣ не нашли упоминанія, было ли оно приведено въ исполненіе. Къ сожалѣнію, это все, что могли мы узнать отъ португальцевъ объ этой странѣ. Если бы мы въ состояніи были открыть что-нибудь болѣе подробное объ ихъ изслѣдованіяхъ, то мы навѣрно не пожелали бы скрыть этого.

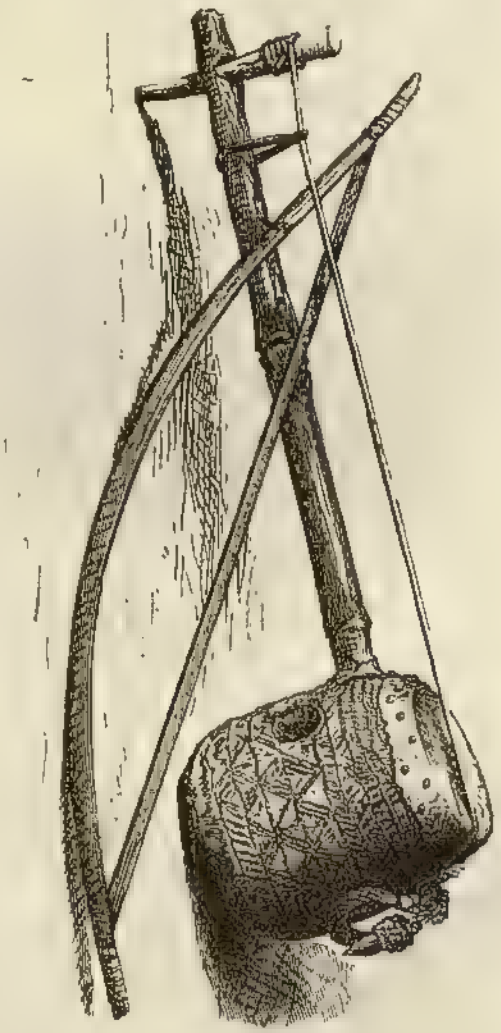
Поздно послѣ полудня перваго дня поѣздки, оставивши мѣсто, гдѣ брали дрова, мы спрашивали въ селеніи Чиканда-Кадзе у одной владѣтельницы, не продастъ ли она рису для нашихъ людей; но мы были теперь въ блаженной странѣ, гдѣ совсѣмъ не знаютъ цѣны времени и гдѣ люди, утомясь, садятся и успокоиваются; поэтому они предложили намъ подождать до слѣдующаго дня, когда они и думали продать намъ нѣсколько припасовъ. Такъ какъ, однако, у нашихъ сорока черныхъ ничего не было, чтобы сварить на ужинъ, то мы увидѣли себя вынужденными идти на пароходѣ впередъ, чтобы достигнуть селенія, лежащаго на нѣсколько миль выше. Когда мы сталкивались съ людьми, которымъ все равно было, купимъ ли что-нибудь или нѣтъ, и которые думали, что нужно торопиться только когда бѣжишь отъ врага, — наши понятія, что время деньги, а кошелекъ съ деньгами — сила, терпѣли пораженіе. Здѣсь счастливымъ образомъ неизвѣстно состояніе сильной конкуренціи, которое въ Англіи изнуряетъ душу и тѣло и дѣлаетъ жизнь тяжкой. Воздѣланныя мѣста представляютъ не болѣе какъ точечки въ отношеніи къ огромнымъ полямъ плодородной почвы, по которой никогда не проходитъ ни коса, ни плугъ. Стыдъ, что столь немногіе наслаждаются изобиліемъ, расточаемымъ щедрою рукою нашего Отца!

Жалкій маленькій пароходъ не могъ поднять всѣхъ людей, которые съ нами были; поэтому, чтобы облегчить его,

мы посадили нѣсколько человѣкъ въ боты, и они тянулись за судномъ. Въ темнотѣ одинъ изъ ботовъ перевернулся; но всѣ бывшіе на немъ, за исключеніемъ одного бѣднаго парня, не умѣвшаго плавать, были спасены. Потеря его повергла всѣхъ насъ въ печаль и увеличила опасеніе, которое мы часто чувствовали, — какъ бы съ нашимъ дряннымъ судномъ не потерять подобнымъ же образомъ кого-нибудь изъ нашихъ земляковъ. Съ нами поступили какъ нельзя хуже: насъ увѣрили, что пароходъ можетъ поднять отъ десяти до двадцати тонъ и около тридцати шести человѣкъ, но мы нашли, что съ такою тяжестью онъ такъ глубоко сидитъ въ водѣ, что почти захлебывается, и поэтому прибѣгли къ упомянутому средству, которое привело къ только-что описанному несчастному случаю.

На слѣдующій день мы достигли селенія Мбома (16′ 56° 30″ южн. шир.), обитатели котораго воздѣлывали большое количество риса и были ревностными торговцами. Рисъ продавался по изумительно низкимъ цѣнамъ, но мы не могли купить и десятой части припасовъ, предложенныхъ намъ забезцѣнокъ.

Одинъ туземный менестрель давалъ намъ вечеромъ серенаду, наигрывая много прекрасныхъ піесъ на нѣкотораго рода одностру́нной скрипкѣ и сопровождая ихъ дикимъ, но не неблагозвучнымъ пѣніемъ. Онъ сказалъ макололо, что думаетъ



Африканская скрипка съ *одною* струною.

играть всю ночь, чтобы побудить насъ дать ему подарокъ. Такъ какъ ночи были холодныя, и термометръ упадалъ до 47°, а случайно палъ густой туманъ, то его спросили, не побоится ли онъ пострадать отъ холода. Съ истиннымъ увлеченіемъ итальянскаго артиста онъ отвѣчалъ: „О, нѣтъ! я проведу ночь въ большихъ челнахъ съ моими бѣлыми товарищами; я часто слыхалъ о бѣлыхъ людяхъ, но до сихъ поръ еще никогда не видалъ ихъ и долженъ хорошенько пѣть и играть передъ ними.“ Мы однако откупились отъ него небольшимъ кускомъ выбойки, и онъ удалился въ хорошемъ расположеніи духа. При солнечномъ восходѣ вода въ рѣкѣ была 70° и такимъ образомъ на 23° теплѣе, чѣмъ воздухъ въ то же время; это произвело густой туманъ, поднимавшійся съ рѣки, какъ паръ. Въ такомъ случаѣ холодное купанье утромъ въ это время года не годится, ибо вмѣсто того, чтобы согрѣться по выходѣ изъ воды, приходится зябнуть, такъ какъ воздухъ значительно холоднѣе воды.

Цѣпь холмовъ, начинающаяся противъ Сенна, на двѣ или на три мили подходитъ къ селенію Мбома и потомъ продолжается въ сѣверо-западномъ направленіи. Главный холмъ носитъ названіе Малаве. На его покрытыхъ деревьями отлогостяхъ стоитъ нѣсколько селеній, а въ скалахъ находится обнаженный каменный уголь. Чѣмъ дальше мы подымались по рѣкѣ, тѣмъ лучше была страна: плодоносная долина становится не такъ болотистой и украшена множествомъ деревъ.

Оба берега усѣяны западнями на бегемотовъ, находящимися на каждомъ пути, проложенномъ этимъ животнымъ, когда оно выходитъ изъ воды пастись. Бегемотъ питается только травою, и гдѣ предстоитъ опасность, онъ пасется только ночью. Его чудовищныя губы дѣйствуютъ какъ сѣнокосильная машина, и образуютъ, когда онъ ѣстъ, дорожку коротко скошенной травы. Мы никогда не видали, чтобы онъ ѣлъ водяныя растенія или тростникъ. Клыки, повидимому, столько же орудія нападенія, какъ и защиты. Западня на бегемота состоитъ изъ балки длиною отъ пяти до шести футовъ,

вооружённой остріемъ копья или спицею изъ твердаго дерева. Остріе пропитано ядомъ и повѣшено на веревкѣ, протянутой чрезъ вилообразный столбъ. Веревка заднимъ концемъ задѣта внизу за крюкъ, съ котораго сходитъ, какъ скоро бегемотъ на нее наступитъ. Животныя осторожны и поэтому все еще весьма многочисленны. Одно было вспугнуто судномъ, подошедшимъ близко къ берегу. Торопясь уйти отъ него, животное бросилось стремглавъ на берегъ и угодило прямо въ западню,

Видъ парохода, западни и мертваго бегемота.

гдѣ тяжелая балка упала ему на хребетъ, и отравленное остріе копья вошло въ мясо на футъ въ глубину. Въ предсмертной борьбѣ животное бросилось назадъ въ рѣку, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ умерло и доставило потомъ пиръ туземцамъ. Ядъ, находящійся на концѣ копья, не проникаетъ въ мясо, за исключеніемъ части около раны, и эту часть отбрасываютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ падающей балкѣ, для увеличенія ея вѣса, привѣшиваютъ болѣе тяжелые камни, но здѣсь достаточно тяжело и само твердое дерево.

Въ сумерки насъ повелительнымъ голосомъ спросили съ берега: „Что вамъ нужно? Что вамъ тутъ нужно? Что значитъ все это плаваніе взадъ и впередъ?“ — „Можете тамъ спать спокойно, васъ не трогаютъ,“ было отвѣтомъ со стороны макололо.

„Течь хуже, чѣмъ когда-нибудь, сэръ, и въ трюмѣ вода стоитъ на высотѣ фута“—было нашимъ первымъ привѣтствіемъ поутру 20-го. Но мы теперь свыклись съ подобными вещами и готовы были каждую минуту услышать о какомъ-нибудь новомъ „потопѣ“. Полы каюты всегда мокры, и мы часто видимъ себя вынужденными выкачивать цѣлый день воду, что содѣйствовало распространенію между туземцами мнѣнія, будто бы англичане живутъ въ водѣ или на водѣ и не имѣютъ другихъ домовъ, кромѣ судовъ. Каюты стали теперь любимымъ мѣстомъ вывода для москитосовъ, и мы очутились среди кровопійцъ, выведенныхъ какъ на суднѣ, такъ и на берегу, изъ которыхъ нѣкоторыя породы выказывали намъ свою жестокую внимательность. Одинъ большой бурый видъ, названный португальцами mansos (ручной), подлетаетъ прямо къ своей жертвѣ и тотчасъ приступаетъ къ дѣлу, какъ будто онъ прошеный гость. У нѣкоторыхъ изъ болѣе мелкихъ породъ необыкновенно острыя жала и весьма сильный ядъ.—„Что ѣли бы эти насѣкомыя, еслибы мы не пили этой дорогой?“ приходило намъ въ голову.

Естественную пищу москитосовъ составляютъ, вѣроятно, растительные соки и гніющее растительное вещество въ илѣ, а кровь не необходима для ихъ существованія. На мѣстностяхъ, богатыхъ болотными испареніями, они такъ обыкновенны, что присутствіе ихъ можетъ служить человѣку указаніемъ, что нужно уйти изъ этихъ мѣстностей и поискать болѣе здоровыхъ. На возвышенностяхъ не показывается ни одинъ москитосъ. На низменностяхъ они кишатъ миріадами. Аппаратомъ кусанья снабжены только самки, и число ихъ повидимому, неномѣрно превосходитъ число самцовъ. Когда мы тихимъ вечеромъ становились на якорь, онѣ дѣлались

несносными, и мы какъ возможно скорѣе бѣжали подъ наши сѣтки отъ москитосовъ. Несчастная и безсонная ночь, которую можетъ доставить единственный забравшійся подъ сѣтку москитосъ, такъ хорошо извѣстна и такъ часто описывалась, что нѣтъ нужды изображать ее здѣсь. Скоро каждый по опыту узнаетъ, что единственное средство противъ этого жестокаго нарушенія покоя и душевнаго настроенія составляетъ рачительное вытряхиваніе сѣтки, прежде чѣмъ ею покрыться, такъ чтобы невозможно было укрыться въ ней ни одному изъ этихъ бичей.

Нѣсколько миль выше Мбома мы опять пришли (подъ 16° 44′ 30″ южн. шир.) къ селенію владѣльца Тингане, который восемь своихъ военныхъ барабановъ быстро созвалъ нѣсколько сотъ вооруженныхъ людей. Луки и отравленныя стрѣлы изготовляются здѣсь съ бо́льшимъ искусствомъ, чѣмъ далѣе внизъ по рѣкѣ. Партіи маріановскихъ охотниковъ за неграми сильно трусили этихъ, снабженныхъ зубцами стрѣлъ и долго держались вдали отъ селеній Тингане. Жители ихъ были теперь довольно дружелюбны къ намъ и покрыли берегъ разнообразными предметами для продажи. Вотъ выдвинулась величественная гора Пироне, которой мы дали имя горы Кларендонъ; далѣе на сѣверозападъ возвышается южный конецъ большой цѣпи Миланджe, въ видѣ недоконченнаго сфинкса, обращеннаго лицомъ къ озеру Ширва. Говорятъ, что Руо (16° 31′ 0″ южн. шир.) беретъ свое начало въ горахъ Миланджe и течетъ на югозападъ, гдѣ въ нѣкоторомъ разстояніи выше резиденціи Тингане соединяется съ Шире. На недалекомъ разстояніи по ту сторону Руо лежитъ Слоновье болото или Ніанджа-Мукулу, посѣщаемое огромными стадами этихъ животныхъ. На глазомѣръ намъ показалось, что было до восьми сотъ слоновъ заразъ. При выборѣ такого мѣста они выказали обыкновенный свой умъ, ибо ни одинъ охотникъ не можетъ близко подойти къ нимъ по болоту. Теперь держались они далеко отъ парохода; но въ первый разъ, какъ онъ сюда прибылъ, мы вошли

въ средину стада и съ палубы застрѣлили нѣсколькихъ. Одного урока достаточно было, чтобы научить ихъ, что фыркающее чудовище есть вещь, которой нужно давать дорогу, и при первомъ взглядѣ они теперь ушли мили за двѣ-за три въ середину болота, прорѣзаннаго по всѣмъ направленіямъ отдѣляющимися отъ Шире рукавами. Красивый молодой слонъ пойманъ былъ здѣсь живьемъ, въ то время какъ онъ хотѣлъ взобраться на берегъ, чтобы послѣдовать за своей удаляющейся матерью. Когда его захватили, онъ закричалъ такъ сильно, что мы, во избѣжаніе посѣщенія со стороны разъяренной матери, пошли дальше и потащили его за хоботъ по водѣ. Когда люди держали его хоботъ надъ шкафутомъ, сзади подоспѣлъ Монга, смѣлый слоновій охотникъ изъ макололо и съ нѣкотораго рода особенной охотничьей яростью провелъ своимъ ножемъ поперекъ хобота. Рана была хорошо зашита и молодое животное скоро стало совсѣмъ ручнымъ, но, къ несчастію, заживленію раны мѣшало дыханіе, и черезъ нѣсколько дней животное умерло отъ потери крови. Если бы оно осталось въ живыхъ, и мы въ состояніи были бы доставить его домой, то это былъ бы первый *африканскій* слонъ, котораго увидѣли бы въ Англіи. Африканскій слонъ-самецъ высотою въ десять и до одиннадцати футовъ съ небольшимъ и отличается отъ азіятскаго вида главнымъ образомъ выпуклою формою лба и неимовѣрною величиною ушей. Въ Азіи многіе самцы и всѣ самки безъ бивней, но въ Африкѣ оба пола снабжены этимъ оружіемъ. Эмаль коренныхъ зубовъ расположена различно у того и у другаго вида. По удивительной предусмотрительности природы постоянно выростаютъ новые зубы на мѣстахъ, гдѣ у человѣка являются зубы мудрости; они постоянно выдвигаютъ другіе и выходятъ на переднемъ концѣ челюстей; такимъ образомъ коренные зубы, вслѣдствіе возобновленія, остаются здоровыми, даже когда животное достигнетъ весьма глубокой старости. Бивни животныхъ изъ сухихъ, скалистыхъ странъ гораздо плотнѣе и тяжелѣе, чѣмъ у жи-

вотныхъ изъ сырыхъ и болотистыхъ мѣстностей, но у послѣднихъ достигаютъ гораздо болѣе значительной величины.

Болота Шире доставляютъ пищу баснословнымъ массамъ водныхъ птицъ разныхъ родовъ. Какой-нибудь часъ на вершинѣ мачты открываетъ новыя картины жизни въ африканскомъ болотѣ. Вблизи берега, на вѣтвяхъ какого-нибудь любимаго дерева покоятся стаи ангингъ и баклановъ, которые вытягиваютъ свои змѣевидныя шеи и въ нѣмомъ изумленіи направляютъ одинъ, а потомъ и другой глазъ на приближающееся чудовище. Вскорѣ потомъ болѣе робкіе начинаютъ улетать или скрываться въ рѣку; но другіе, болѣе смѣлые или болѣе спокойные, остаются и принимаютъ только мѣры осторожности, расправляя свои крылья для взлета въ одно мгновеніе. Миленькая цапля-пастухъ (Herodias bubulues), свѣтложелтаго цвѣта, но на полетѣ кажущаяся чисто бѣлой, взлетаетъ большими стаями и кружитъ надъ зеленой травою, часто указывая намъ буйволовъ и слоновъ, на спины которыхъ она садится. Стаи утокъ, изъ которыхъ многочисленнѣе всѣхъ видъ, называющійся „сорири“ (Dendrocygna personata), сидятъ (такъ какъ онѣ свой кормъ отыскиваютъ ночью, спокойно), мечтая, на маленькихъ лагунахъ, пока не спугнетъ ихъ шумъ паровой машины. Пеликаны скользятъ надъ водою, ловя рыбу, между тѣмъ какъ умбретты (Scopus umbretta) и большія цапли съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ въ лужи. Большой, черный съ бѣлымъ, со шпорами на крыльяхъ, гусь (постоянный опустошитель туземныхъ садовъ) подымается и кружитъ, чтобы отыскать, что́ могло произвести безпокойство, и потомъ снова опускается на воду съ плескомъ. Изъ массъ тростника или изъ группъ низенькихъ деревъ (Eschinomena, изъ сердцевины которыхъ дѣлаются шляпы) взлетаютъ сотни линонголо (Anastomus lamelligerus), гнѣздящіяся на нихъ колоніями, и быстро уносятся высоко въ воздухъ. Прелестные маленькіе красные и желтые ткачики (Ploceidæ) напоминаютъ намъ бабочекъ, когда летаютъ въ высокой травѣ или впорхаютъ въ отверстія своихъ

колыхающихся гнѣздъ и звонко чирикаютъ находящимся тамъ своимъ супругамъ. Эти ткачики, повидимому, имѣютъ „самцовыя гнѣзда“, которыя состоятъ только изъ кровли и находящагося подъ нею насѣста и на каждой сторонѣ снабжены входомъ. Туземцы говорятъ, что они строятся для защиты птицы отъ дождя. Хотя ея супругъ очень внимателенъ, однако мы видѣли, что самка рветъ его гнѣздо на части, но зачѣмъ? — мы не можемъ объяснить. Коршуны и стервятники ревностно заняты поисками на землѣ корма себѣ, состоящаго изъ падали; а торжественно смотрящій и съ полнымъ достоинствомъ выступающій марабу, находящій вкусъ въ мертвыхъ рыбахъ или людяхъ, медленно и важно бродитъ по почти стоячимъ каналамъ. Группы мужчинъ и мальчиковъ прилежно ищутъ въ разныхъ мѣстахъ корней лотуса и другихъ. Иные въ челнахъ стоятъ на прудахъ, покрытыхъ ряскою, и колютъ рыбу, между тѣмъ какъ другіе плаваютъ по небольшимъ прозрачнымъ потокамъ, обыскивая свои погруженныя туда рыбьи корзины.

Рыбья корзина.

Вечеромъ видны сотни миленькихъ небольшихъ ястребовъ (Erythropus vespertinus), летящихъ въ направленіи къ югу и питающихся стрекозами и саранчею. Они очевидно слетаютъ съ пальмовыхъ деревъ, гдѣ отдыхали во время дневнаго жара. Также и водорѣзы (Rhynchops) поднимаются тогда и ищутъ пищи, прорѣзывая воду своимъ нижнимъ клювомъ, который почти на полдюйма длиннѣе верхняго.

На сѣверо-восточномъ концѣ болота и почти въ трехъ миляхъ отъ рѣки начинается большой лѣсъ пальмовыхъ деревъ (Borassus Aethiopum). Онъ простирается на много миль и въ *одной* точкѣ плотно примыкаетъ къ рѣкѣ. Сѣрые стволы и зеленыя вершины этихъ огромныхъ массъ деревъ даютъ виду пріятный колоритъ. Горная цѣпь, поднимающаяся тотчасъ сзади пальмъ, въ цѣломъ представляется ярко-

зеленой и на ней много деревъ, между которыми мелькаютъ мѣста болѣе свѣтлой окраски, какъ будто бы это были полосы невоздѣланной земли. Остроугольныя скалы и ямы на ихъ бокахъ имѣютъ видъ разбитаго чудовищнаго кристалла, и это такъ часто бываетъ въ Африкѣ, что на первый взглядъ почти можно подумать, не состоитъ ли горная цѣпь изъ древнихъ кристаллизованныхъ скалъ. Хотя вѣерная пальма (Borassus) вовсе не даетъ масла, однако же это полезное дерево. Волокнистое мясо вокругъ большаго орѣха имѣетъ сладкій, пряный вкусъ, и его ѣдятъ люди и слоны. Туземцы держатъ орѣхи въ землѣ, пока не начнетъ показываться ростокъ; тогда они ихъ вырываютъ и раскалываютъ; внутренность орѣха походитъ на обыкновенный картофель и высоко цѣнится во время неурожая, какъ питательное кушанье. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ года получается пальмовое вино или *сура* въ большихъ количествахъ; когда оно свѣжее, оно представляетъ пріятный напитокъ, нѣсколько похожій на шампанское и вовсе не опьяняющій; но, простоявши нѣсколько часовъ, оно становится опьяняющимъ въ высшей степени. Въ разрѣзы, сдѣланные въ твердой внѣшней оболочкѣ дерева, — внутренность мягка или пуста,—вставляются палки длиною въ футъ, чтобы служить лѣстницей; верхушка плодоваго отпрыска срѣзывается, и сокъ, вытекающій изъ свѣжей раны, собирается въ глиняный кувшинъ, который подвѣшивается для этой цѣли. Всякій разъ, какъ собственникъ поднимается, чтобы опорожнить кувшинъ, онъ срѣзываетъ съ конца тонкій слой, чтобы снова открыть поры и сокъ продолжалъ бы течь не переставая. Въ лѣсу устроиваются временныя хижины, и мужчины съ мальчиками день и ночь остаются при захваченныхъ ими деревьяхъ, употребляя въ пищу только орѣхи, рыбу и вино. Португальцы употребляютъ пальмовое вино вмѣсто дрожжей, и оно дѣлаетъ хлѣбъ такимъ нѣжнымъ, что онъ расплывается ворту какъ пѣна.

По ту сторону болота страна выше и гораздо болѣе населена. На равнинѣ, по правому берегу, мы прошли мимо

длиннаго ряда временныхъ хижинъ съ группами мужчинъ и женщинъ, прилежно трудившихся надъ заготовленіемъ соли. Они получаютъ ее такимъ образомъ, что землю, которая весьма солона, смѣшиваютъ съ водой въ кувшинѣ, имѣющемъ небольшое отверстіе, и вытекающую жидкость испаряютъ потомъ на солнцѣ. По множеству женщинъ, которыхъ мы видѣли уносившими соль въ мѣшкахъ, мы заключили, что такимъ образомъ изготовляется, должно быть, огромное количество. Замѣчательно, что на подобной солончаковой почвѣ волокно хлопка бываетъ длиннѣе и тоньше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Мы видѣли большія полосы этой богатой солью почвы какъ въ долинахъ Шире, такъ и въ долинахъ Замбези, и по этому хлопчатникъ съ морскихъ острововъ, вѣроятно, примется здѣсь хорошо. Единственный экземпляръ этого хлопчатника, воспитанный маіоромъ Сикардомъ, далъ цвѣтъ и произвелъ длинную нить и особый оттѣнокъ этой цѣнной породы, хотя его взростили въ Тетте только на улицахъ. Тамъ попадается и выцвѣтаніе соли, происходящее, вѣроятно, вслѣдствіе разложенія скалы, съ которой жители соскребаютъ ее для своего употребленія.

Выше пальмовыхъ деревъ изъ рѣки поднимается рядъ плодородныхъ низменныхъ острововъ. Многіе изъ нихъ воздѣлываются и производятъ маисъ во всѣ времена года; ибо мы видѣли это растеніе на различныхъ степеняхъ зрѣлости,—нѣкоторые экземпляры были зрѣлы, другіе подростали, третьи только что показывались изъ почвы. Берега украшены рядами банановыхъ деревъ, и бананы повсюду въ изобиліи и дешевы. Нѣкоторыя изъ богатыхъ тростникомъ мелей такъ перевиты колокольчиками и другими вьющимися растеніями, что совершенно невозможно по нимъ пробраться. Онѣ красивы на взглядъ: гладкая стѣна живой зелени поднимается изъ чистой, какъ кристалъ, воды и украшена милыми цвѣтами, но такъ плотна, что если находиться въ водѣ, то едва можно черезъ нее добраться до земли.

Большое селеніе владѣльца Манкокве помѣщается на правомъ берегу. Онъ владѣетъ нѣсколькими плодородными остро-

вами и говорятъ, что онъ рундо или главный начальникъ большой области. Такъ какъ онъ страшно недовѣрчивъ, то и не захотѣлъ насъ видѣть; по этому мы сочли за лучшее идти дальше и не терять времени на заискиваніе его благорасположенія.

25-го августа достигли мы до острова Даканамойо, лежащаго противъ отвѣснаго утесистаго берега, на которомъ стоитъ селеніе Чибиза. Онъ ушелъ съ бо́льшею частью своихъ людей и поселился вблизи Замбези, но его старшина обѣщалъ намъ проводника и всего, въ чемъ мы еще нуждались. Нѣкоторые изъ мужчинъ были заняты очисткой, сортировкой, прядѣньемъ и тканьемъ хлопка. Это обыкновенное явленіе почти въ каждомъ селеніи, и у каждаго семейства, повидимому, есть своя полоса хлопка, какъ у нашихъ собственныхъ предковъ въ Шотландіи была у каждаго своя полоса льна. На закатѣ солнца прилетѣла огромная стая самаго большаго вида птицъ-носороговъ (Buceros cristatus), для отдыха на огромныхъ деревьяхъ, расположенныхъ по краю обрыва. Раннимъ утромъ, часто до восхода солнца, онѣ ихъ покидаютъ, и тянутся на свои кормовыя мѣста, уходя и приходя па̀рами. Онѣ, очевидно, нѣжно любятъ и крѣпко держатся другъ друга — самецъ всегда гнѣздится возлѣ самой своей самки. Когда д-ръ Киркъ выстрѣлилъ изъ ружья, одинъ красивый самецъ упалъ отъ ужаса на землю; онъ былъ взятъ живьемъ и принесенъ на бортъ; утромъ самка не полетѣла съ другими искать пищи, но летала вокругъ корабля и своимъ жалобнымъ крикомъ хлопотливо старалась побудить своего любезнаго сопутствовать ей; ввечеру она снова явилась повторять свои приглашенія. Бѣдный безутѣшный плѣнникъ скоро отказался отъ ѣды и умеръ черезъ пять дней отъ тоски, что онъ не могъ быть въ ея обществѣ. Внутренняго поврежденія послѣ смерти не найдено.

Чибиза и его жена, обнаружившіе естественное родительское чувство, разсказывали доктору при прежнемъ его посѣщеніи, что за нѣсколько лѣтъ до того нѣкоторые изъ людей

Чизака схватили и продали ихъ маленькую дочь, и что она теперь въ невольницахъ у патера въ Тетте. Воротившись въ Тетте докторъ изо всѣхъ силъ старался выкупить дѣвушку и возвратить ее родителямъ и предлагалъ вдвое болѣе того, во что́ цѣнится невольница. Патеръ, казалось, былъ готовъ, но ея не могли найти. Этотъ патеръ былъ лучше, чѣмъ жители этой страны вообще, и такъ какъ онъ всегда былъ вѣжливъ и предупредителенъ, то, вѣроятно, даромъ возвратилъ бы ее, но она была, можетъ быть, въ далеко обитающемъ племени базизулу или кто-нибудь изъ бѣлыхъ перекупилъ уже ее оттуда. Обычай очерствилъ его чувство и мы должны были сказать Чибизѣ, что дитя его никогда не вернется. Это очерствѣлое состояніе души приводитъ многихъ изъ нашихъ единокровныхъ къ подкрѣпленію рабства мѣстами священнаго писанія. Если бы мы въ состояніи были сдѣлать шагъ назадъ въ цивилизаціи, то мы могли бы найти даже среди насъ людей, которые подобнымъ образомъ стали бы утверждать, что мормонизмъ или всякое другое безобразіе происходятъ отъ Бога.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы оставляемъ судно, чтобы открыть озеро Ніасса. — Плоская возвышенность Мангандка, красивая, лѣсистая и богатая водою. — Выгонъ. — Какъ представлять себѣ мангандка. — Народъ: земледѣльцы, рудокопы, воздѣлыватели хлопка и т. д. — Иностранный и туземный хлопокъ. — Пелеле или губное кольце. — Возможная потребность въ этомъ украшеніи. — Потребители пива. — Божій судъ черезъ муаве. — Трауръ по усопшимъ. — Вѣра въ высшее существо. — Небольшое озеро Намаломбе. — Жена владѣльца унесена крокодиломъ. — Открытіе озера Ніасса 16 сентября 1859 г. — Позднѣйшее открытіе того же озера докторомъ Рошеромъ. — „Горее“ или невольничья рогатина. — Чѣмъ поддерживается торговля неграми. — Аджава. — Мангандка. — Болѣе недовѣрчивы, чѣмъ племена по Замбези. — Отсутствіе гостепріимства у Зимика. — Прекрасный и укрѣпляющій климатъ. — Однимъ пароходомъ на озерѣ Ніасса можно пріобрѣсти большое вліяніе.

28 августа 1859 г. мы покинули судно, чтобы открыть озеро Ніасса. Наше дорожное общество состояло всего изъ сорока двухъ человѣкъ—четверо бѣлыхъ, тридцать шесть макололо и два проводника. Намъ не нужно было столько людей ни для переноски багажа, ни для защиты, но мы взяли ихъ потому, что думали, что такъ какъ человѣческая натура повсюду одинакова, то черные, такъ же охотно, какъ и бѣлые, стараются поживиться отъ слабыхъ, а въ отношеніи къ сильнымъ бываютъ вѣжливы и почтительны. Мы вооружили нашихъ людей ружьями, что́ доставляло намъ вліяніе, хотя и не прибавляло намъ силы, такъ какъ большая часть ихъ еще никогда не спускали курка, и при столкновеніи, они, по всей вѣроятности, были бы опаснѣе для насъ, чѣмъ для врага

Путь нашъ пересѣкалъ долину въ сѣверо-восточномъ направленіи и шелъ вдоль прекрасной проточной воды. Во многихъ садахъ росъ превосходный хлопчатникъ. Пройдя часъ, мы остановились у подошвы холмовъ Манганджа, на которые вела трудная дорога. Растительность скоро измѣнилась; когда мы поднялись, показался бамбуковый тростникъ и встрѣтились новыя деревья и растенія, которыя дали д-ру Кирку такое непрерывное занятіе, что онъ три раза прошелъ эту полосу взадъ и впередъ. Замѣчательно красивыя деревья, сѣмя которыхъ даетъ масло и которыя принадлежатъ къ семейству магогани, великолѣпно разрослись въ углубленіяхъ, по которымъ протекаетъ рѣчка. Восхожденіе стало весьма утомительно, и мы жадно желали добраться до мѣста отдыха. Когда мы оглянулись съ высоты тысячи футовъ, намъ представилось великолѣпное зрѣлище. Глазъ однимъ взглядомъ обнималъ лежащую внизу долину и множество извивовъ ея серебристаго ручейка отъ тѣнистой покатости, гдѣ онъ, нѣнящійся и быстрый, открывается взгляду, до мѣста, гдѣ онъ медленно катится въ тихую Ширэ; затѣмъ видна сама Ширэ на нѣсколько миль вдаль выше и ниже селенія Чибиза и большой ровный ландшафтъ по ту сторону ея съ его многочисленными зелеными лѣсами до окаймляющихъ картину съ запада и сѣверозапада массъ острыхъ и кровлеобразныхъ синихъ горъ, которыя составляютъ границу плоской возвышенности Марави.

Послѣ утомительнаго перехода мы остановились въ Макалонгве, селеніи Читимба. Оно стоитъ въ лѣсистомъ углубленіи на первой изъ трехъ террасъ холмовъ Манганджа и, какъ всѣ селенія Манганджа, окружено непроницаемой изгородью ядовитыхъ молочаевъ. Дерево это бросаетъ густую тѣнь, которая мѣшаетъ стрѣлкамъ изъ лука цѣлить въ находящихся въ ней обитателей селенія. Подъ нимъ не растетъ никакая трава, и это могло быть причиной того, что оно въ такомъ обиліи употребленіи; ибо будь подъ нимъ сухая трава, она легко передавала бы огонь расположеннымъ внутри

хижинамъ; сверхъ того, изгородь дѣйствуетъ какъ предохранительная рѣшетка противъ всѣхъ летающихъ искръ. По обычаю чужестранцевъ мы присѣли подъ нѣсколькими красивыми деревьями при входѣ въ селеніе. Для бѣлыхъ людей разостлана была для сидѣнья пара цыновокъ, сдѣланныхъ изъ разщепленнаго тростника, и старшина принесъ осетати или даръ, состоявшій изъ небольшой козы и корзины муки. Онъ былъ вполнѣ вознагражденъ за это бусами и выбойкой. Онъ смѣрилъ выбойку, сложилъ ее вдвое и потомъ снова смѣрилъ. Бусы были долго разсматриваемы; онъ прежде никогда не видалъ бусъ этого цвѣта и, прежде чѣмъ взять ихъ, онъ сначала желалъ посовѣтоваться съ своими товарищами; наконецъ онъ рѣшился взять ихъ послѣ нѣсколькихъ пересмотровъ и множества суетливыхъ толковъ. Тогда принесены были мука и горохъ на продажу. Мы выложили сажень синей выбойки, — полный нарядъ для мужчины или для женщины. Нашъ начальникъ макололо Синиіане, полагавшій, что за муку достаточно одной части куска, хотѣлъ приняться рвать его, какъ Читимба замѣтилъ, что не хорошо рѣзать такую прекрасную одежду для его жены, и лучше желалъ принести еще муки. „Совершенно справедливо,“ сказалъ Синиіане: „но смотри, эта одежда весьма широка: слѣдовательно, наблюди, чтобы корзина, въ которой лежитъ мука, тоже была широка и прибавь къ ней пѣтуха, чтобы придать пріятный вкусъ мукѣ.“ Тогда тотчасъ завязалась оживленная торговля: каждый жаждалъ пріобрѣсти столь же прекрасную вещь, какъ его сосѣдъ, — и всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа. Женщины и дѣвушки стали толочь и молоть муку, а мужчины и мальчики бѣгали за кричащей домашней птицей по деревнѣ, пока загонявши не захватывали ее. Въ нѣсколько часовъ рынокъ совершенно наполнился всякаго рода туземными жизненными припасами; цѣны, однако, сбавлялись рѣдко, потому что непроданное легко могли съѣсть сами продавцы.

Такъ какъ воздухъ былъ пріятный и на холмахъ не было ни одного москитоса, то мы спали подъ деревьями. Сообразно съ нашимъ обыкновеннымъ маршрутомъ, на ранней зарѣ нашъ лагерь пришелъ въ движеніе. Послѣ чашки кофе и куска сухаря мы были уже на пути. Въ воздухѣ вѣяло пріятной прохладой и дорога была нѣсколько лучше вчерашней. Мы прошли черезъ нѣсколько селеній, занимавшихъ весьма живописныя мѣста между холмами, и спустя нѣсколько часовъ достигли верхней террасы въ 3,000 фут. надъ поверхностью моря. Возвышенность на западѣ прилегаетъ къ горамъ Миланджe, а сѣверовосточный край ея спускается къ озеру Ширва. Мы всѣ были очарованы превосходнымъ ландшафтомъ и съ возрастающимъ восторгомъ смотрѣли на его плодородныя равнины, его многочисленные холмы и величественныя горы. Въ нѣкоторыхъ изъ проходовъ мы замѣтили ежевику и множество другихъ очень красивыхъ цвѣтовъ, но послѣдніе такъ же напоминали намъ юность и отечество, какъ неуклюжіе, тернистые кусты ежевики. Мы въ недѣлю пересѣкли возвышенность въ сѣверномъ направленіи, потомъ спустились на верхнюю долину Шире, лежащую почти въ 1,200 футахъ надъ поверхностью моря. Эта долина необыкновенно плодородна и кормитъ густое населеніе. Покинувши нѣсколько плосковершинную южную часть, мы прибыли къ самой выдающейся изъ цѣпи Зомба горѣ Нджонгоне, по сѣверной подошвѣ которой протекаетъ красивая рѣка. Въ концѣ цѣпи мы были задержаны на нѣсколько дней однимъ нашимъ спутникомъ, заболѣвшимъ лихорадкой. Однажды ночью насъ внезапно разбудили буйволы, которые промчались мимо самой постели больнаго. Мы стояли тогда у лѣса на краю болота. но, не смотря на неблагопріятное положеніе мѣста и бѣдную обстановку лазарета, нашъ больной все-таки скоро выздоровѣлъ.

Страна Мангандже радуетъ богатствомъ водъ. Чистыя, прохладныя текучія воды здѣсь весьма многочисленны. Однажды мы миновали семь великолѣпныхъ ручьевъ и одинъ

источникъ въ продолженіе одного часа и къ тому же еще въ концѣ сухаго времени года. Гора Зомба, двадцати миль въ длину и отъ 7,000 до 8,000 фут. въ высоту, даетъ красивую рѣку, которая съ ея вершины течетъ по зеленой долинѣ и впадаетъ въ озеро Ширва. Возвышенности лѣсисты и на разнообразныхъ водныхъ потокахъ растетъ много деревъ удивительно высокихъ и съ превосходной древесиной.—„Вполнѣ ли годится эта страна для рогатаго скота?“ спросили мы одного изъ пастуховъ макололо, обладавшаго по своимъ занятіямъ познаніями въ кормовыхъ травахъ. — „Конечно!“ отвѣчалъ онъ: „или вы не видите изобилія тѣхъ травъ, которыя рогатый скотъ ѣстъ охотно и съ которыхъ онъ жирѣетъ?“— Не смотря на то, у жителей было немного козъ и еще менѣе овецъ. За исключеніемъ то тутъ, то тамъ являющагося леопарда, здѣсь нѣтъ ни одного хищнаго животнаго, которое могло бы тревожить домашнихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, на этихъ возвышенностяхъ можно бы развести овецъ съ волной. Манганджа живутъ обыкновенно въ селеніяхъ, изъ которыхъ въ каждомъ есть особый старшина, и изъ этихъ начальниковъ одинъ можетъ быть главою нѣсколькихъ смежныхъ селеній. Подданные считаются его дѣтьми. Всѣ небольшіе владѣльцы какого-нибудь особаго участка земли находятся въ нѣкотораго рода ленныхъ отношеніяхъ къ высшему владѣльцу, называемому рондо или рундо. Они обязаны платить ему небольшую ежегодную дань и доставлять по одному бивню отъ каждаго изъ убитыхъ слоновъ; за это на немъ лежитъ обязанность помогать имъ и защищать ихъ, когда на нихъ нападутъ враги. Манкокве — рундо южной части возвышенности; но онъ глупый человѣкъ, который никогда не посѣщаетъ своихъ вассаловъ и не поддерживаетъ ихъ, какъ дѣлалъ его отецъ, и поэтому получаетъ дань рѣдко. Однако, всѣ признаютъ его своимъ рундо и прибавляютъ, что съ ихъ стороны несправедливо было бы не платить ему дани, хотя и съ его стороны несправедливо, что онъ имъ не помогаетъ, когда они бываютъ въ нуждѣ.

Въ одной части верхней долины Шире главное начальство въ рукахъ женщины, по имени Ніанго, и въ ея областяхъ женщины стоятъ на болѣе высокой степени и пользуются болѣе почтительнымъ обхожденіемъ, чѣмъ ихъ сестры на холмахъ.

Владѣлецъ Монгази кликнулъ свою жену взять даръ, который мы ему дали. Передъ принятіемъ нашего дара и послѣ принятія его изъ его властительскихъ рукъ она съ благоговѣніемъ припадала на колѣни и хлопала въ ладоши. Тяжело было видѣть, какъ женщины горныхъ племенъ у дороги униженно падали на колѣни, когда мы проходили мимо; но совсѣмъ иначе было, когда мы шли по странѣ Ніанго. Начальникъ перваго ея селенія, хотя мы разсказали, что обитатели трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ селеній отказались принять насъ, сказалъ: „нужды нѣтъ, вы можете соснуть въ моемъ селеніи.“ Потомъ, извиняясь, онъ просилъ дозволенія прійти и его женѣ, посмотрѣть карманные часы, компасъ и другія диковинки. Она пришла съ другими женщинами и, повидимому, была скромной и разумной особой. Супругъ ея, прежде заключенія какого-нибудь торга, постоянно совѣтовался съ нею и очевидно находился подъ вліяніемъ ея мнѣнія. Мѣста, на которыхъ расположены селенія, выбраны съ умомъ и съ хорошимъ вкусомъ, ибо вблизи ихъ всегда есть проточная вода, а кругомъ растутъ тѣнистыя деревья. Во многихъ случаяхъ деревья посажены самимъ начальникомъ селенія. Боало или сборное мѣсто расположено обыкновенно въ концѣ селенія; это — выровненное и вычищенное свободное мѣсто отъ двадцати до тридцати ярдовъ ширины, около любимыхъ банановыхъ и другихъ деревъ, бросающихъ на него пріятную тѣнь. Днемъ здѣсь сидятъ мужчины за различнаго рода работой и курятъ табакъ и коноплю; и здѣсь же поютъ, пляшутъ и пьютъ пиво въ свѣтлыя, прелестныя лунныя ночи

При входѣ въ селеніе, мы, какъ дѣлаютъ всѣ чужеземцы, отправлялись тотчасъ на боало; обыкновенно, чтобы посадить насъ, разстилали намъ цыновки изъ разщепленнаго камыша

или бамбука. Затѣмъ наши проводники разсказывали мужчинамъ, какіе тамъ встрѣчались, кто мы такіе, откуда идемъ, куда направляемся и что́ у насъ за цѣль. Это какъ слѣдуетъ сообщалось владѣльцу, который, если былъ человѣкъ разумный, приходилъ тотчасъ, но если былъ трусливъ и недовѣрчивъ, то выжидалъ, пока получитъ пророче́ство и его воины будутъ имѣть время сойтись сюда изъ ближайшихъ селъ. Когда онъ является, весь народъ начинаетъ въ ладъ хлопать въ ладоши, и это продолжается пока онъ не сядетъ противъ насъ. Подлѣ него занимаютъ мѣста́ его совѣтники. Онъ дѣлаетъ одно или два замѣчанія и замолкаетъ потомъ на нѣсколько секундъ. Тогда наши проводники садятся передъ начальникомъ и его совѣтниками, и обѣ стороны склоняются впередъ и серіозно смотрятъ другъ на друга; начальникъ опять говоритъ какое нибудь слово, — напр. „амбуіату“ (нашъ отецъ или господинъ) — или „моіо“ (жизнь), и всѣ хлопаютъ въ ладоши. За другимъ словомъ хлопанье въ ладоши повторяется два раза, за третьимъ еще чаще и каждый сложенными вмѣстѣ руками прикасается къ землѣ. Потомъ всѣ встаютъ, подъ мѣрное хлопанье въ ладоши наклоняются впередъ и опять садятся съ тремя ударами въ ладоши, причемъ удары становятся все слабѣе и слабѣе, пока послѣдній не потеряется совсѣмъ или пока не будетъ положенъ конецъ сильнымъ, звонкимъ ударомъ владѣльца. Въ этомъ своего рода придворномъ этикетѣ они соблюдаютъ музыкальный тактъ. Тогда наши проводники разсказываютъ владѣльцу, часто бѣлыми стихами, все то, что́ уже разсказали его людямъ, можетъ быть, съ прибавкою того, что́ они сами думали о посѣтителяхъ. Онъ дѣлаетъ нѣсколько вопросовъ и потомъ бесѣдуетъ съ нами черезъ проводниковъ. Прямое сообщеніе между владѣльцемъ и главою общества иностранныхъ путешественниковъ не въ употребленіи. Когда они приближаются, ихъ часто спрашиваютъ: кто у нихъ парламентеръ, и парламентеръ владѣльца обращается исключительно къ указанному лицу. Въ преувеличенно утонченныхъ обычаяхъ недостатка нѣтъ. Обычные

дары обмѣнивались съ большими церемоніями, пока наши люди, измученные голодомъ, не вскрикивали: „Англичане не покупаютъ невольниковъ; они покупаютъ жизненные припасы," вслѣдъ зачѣмъ жители приносили для продажи муку, маисъ, птицъ, бататы, ямовый корень, бобы и пиво.

Манганджа — племя, склонное къ ремесламъ; кромѣ того, что они обработываютъ желѣзо и хлопокъ и занимаются плетеніемъ корзинъ, они въ обширныхъ размѣрахъ воздѣлываютъ землю. Всѣ обитатели селенія выходятъ работать на поля. Нѣтъ ничего необыкновеннаго видѣть усиленную дѣятельность мужчинъ, женщинъ и дѣтей, между тѣмъ какъ грудные младенцы тутъ же возлѣ лежатъ подъ тѣнью куста. Когда нужно очистить отъ деревъ новую полосу лѣсистой почвы, то они поступаютъ точно такъ же, какъ фермеры въ Америкѣ. Деревья срубаются ихъ небольшими топорами изъ мягкаго туземнаго желѣза; стволы и вѣтви складываются въ кучи и сожигаются, а зола разбрасывается по землѣ. Посѣвъ засѣвается между остающимися на мѣстѣ пнями, предоставляемыми гніенію. Когда нужно приготовить подъ пашню лугъ, тогда захватывается столько длинной травы, сколько можетъ удобно обхватить одинъ работникъ, и связывается въ одну вязь. Затѣмъ вокругъ этого пучка онъ оббиваетъ своимъ заступомъ, чтобы отсѣчь корни, и такимъ образомъ, оставляя всѣ вязи на мѣстахъ, продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока все разработываемое мѣсто не приметъ видъ поля, покрытаго во время жатвы небольшими хлѣбными снопами. Незадолго передъ началомъ дождей эти травяные снопы сносятся въ небольшія кучи, прикрываются землею и сожигаются, а золой и пережженной землей пользуются для удобренія почвы. Воздѣлываются богатыя нивы маиира или египетскаго дура (Holcus sorgum) вмѣстѣ съ просомъ, бобами и земляными орѣхами; также постоянно видны мѣста съ ямомъ, рисомъ, тыквами, огурцами, маніокомъ, бататами, табакомъ и коноплей или бангомъ (Canabis sativa). Маисъ растетъ во весь круглый годъ. Хлопокъ воздѣлы-

вается почти въ каждомъ селеніи. Мы нашли въ странѣ три породы хлопка, именно двѣ иностранныя и одну туземную. Тонджe манга или иностранный хлопокъ, самое имя котораго показываетъ, что онъ привезенъ, превосходнаго качества и въ Манчестерѣ цѣнится почти одинаково съ лучшимъ нью-орлеанскимъ. Онъ многолѣтній, но требуетъ пересаживанія разъ въ три года. Значительное количество этой породы воздѣлывается въ долинахъ Верхней и Нижней Шире. Каждое нѣсколько значительное семейство владѣетъ полосою хлопка, за которой, повидимому, тщательно ухаживаютъ, такъ какъ не видно было ни малѣйшей сорной травы. Полоса, по большей части, маленькая; въ этотъ разъ мы не видали ни одной свыше половины акра; но при прежнемъ посѣщеніи были замѣчены нѣкоторыя почти въ три раза больше.

Тонджe каджа или туземный хлопокъ имѣетъ болѣе короткую нить и на ощупь похожъ на шерсть. Эта порода во всякое время года засѣвается на возвышенностяхъ; но нѣкоторые жители предпочитаютъ иностранный хлопокъ, потому что тотъ даетъ болѣе прочную ткань. Третьей породы здѣсь нѣтъ. Близъ небольшаго озера Шире, нѣсколько далѣе къ Ніасса, мы замѣтили нѣкоторымъ жителямъ: „Вы должны много воздѣлывать хлопка; англичане каждый разъ будутъ приходить и покупать его.“ — „По истинѣ,“ сказалъ на это бывалый торговецъ изъ Бабиза своимъ товарищамъ: „страна полна хлопкомъ, и если эти люди придутъ покупать его, то они обогатятъ насъ.“ — Наше собственное наблюденіе надъ воздѣлываніемъ хлопка убѣдило насъ, что это не пустая фраза, а фактъ. Мы встрѣчали повсюду хлопокъ и не видали почти ни одной деревни, въ которой не было бы значительнаго числа людей, чистящихъ, прядущихъ и ткущихъ хлопокъ. Прежде всего онъ старательно отдѣляется отъ сѣмянъ на небольшую деревянную катушку пальцами или желѣзнымъ валикомъ и вытягивается въ длинныя мягкія ленты безъ верченья. Потомъ приступаютъ къ его первому навертыванію на веретено и дѣлаютъ нити толщиною почти

въ свѣтильню. Послѣ того какъ его снимутъ и навьютъ на большой клубокъ, онъ крѣпко скручивается въ послѣдній разъ и опять насучивается на веретено въ видѣ крѣпкой пряжи. Все это идетъ чрезвычайно медленно.

Туземное тканье и туземный ткачъ, курящій употребляемую въ странѣ огромную трубку табаку.

Желѣзная руда выкапывается изъ холмовъ, и произведенія изъ нея составляютъ предметъ оптовой торговли горной возвышенности. Въ каждой деревнѣ есть свои плавильни, свои угольщики и кузнецы. Они выдѣлываютъ хорошіе топоры, копья, иглы, наконечники къ стрѣламъ, ручныя и ножныя цѣпи, которыя, принимая въ разсчетъ совершенный недостатокъ нужныхъ снарядовъ, продаются по изумительно низкимъ цѣнамъ. Заступъ, вѣсящій болѣе двухъ фунтовъ, обмѣнивается на кусочекъ коленкора, который стоитъ около четырехъ англійскихъ пфеннинговъ. Въ селеніяхъ по озеру Ширва, а также и въ другихъ мѣстахъ жители занимаются въ довольно

обширныхъ размѣрахъ производствомъ каменной посуды или горшечнаго товара, изготовляя голыми руками всякаго рода посуду для варева воды и хлѣбныхъ зеренъ, которую они украшаютъ свинцовымъ блескомъ, находимымъ въ холмахъ. Иные занимаются плетеніемъ красивыхъ корзинъ изъ разще-

Кузница съ мѣхами изъ козьихъ кожъ.

пленнаго бамбука, а другіе собираютъ волокна буазе, въ изобиліи растущаго на холмахъ, и дѣлаютъ изъ него рыболовныя сѣти. Они или оставляютъ сѣти для собственнаго употребленія или промѣниваютъ ихъ рыбакамъ на рѣкѣ или озерахъ на сушеную рыбу и соль. Туземная торговля между селеніями производится, по большей части, въ видѣ мѣны на табакъ, соль, сушеную рыбу, шкуры и желѣзо. Изъ мужчинъ иные кажутся очень смышленными, имѣютъ хорошо сложенныя головы, пріятныя лица и высокіе лбы. Мы скоро привыкли забывать цвѣтъ кожи и часто видали лица, схожія съ лицами бѣлыхъ людей, которыхъ мы знавали въ Англіи, такъ что снова оживлялись въ нашихъ душахъ образы забытыхъ. Мужчины особенно чванятся уборкой своихъ волосъ; разнообразіе вкусовъ въ этомъ безконечно.

Одинъ оттопыриваетъ свои длинные локоны до тѣхъ поръ, пока они не примутъ любимаго вида роговъ буйвола; другіе предпочитаютъ, чтобы ихъ волосы висѣли вдоль спины толстымъ сверткомъ, какъ хвостъ этого животнаго; а иные носятъ ихъ тугими косичками, которыя, будучи укрѣплены спирально-обвитыми вокругъ каждаго локона лентами изъ внутренней коры какого-нибудь дерева, торчатъ на головѣ во всѣ стороны въ видѣ лучей. У иныхъ висятъ они большими прядями по плечамъ; другіе совершенно сбриваютъ ихъ. Иные брѣютъ ихъ мѣстами въ видѣ фигуръ, служащихъ украшеніемъ, и въ этихъ фигурахъ фантазія цирюльника выказывается въ полномъ своемъ развитіи. Между черными почти столько же щеголей, какъ между бѣлыми. Манганджа украшаютъ свои тѣла чрезмѣрнымъ образомъ. Они носятъ кольца на всѣхъ пальцахъ, цѣпи изъ бронзы, мѣди или желѣза, на шеѣ, рукахъ и ногахъ. Но самое странное украшеніе, если это можно назвать украшеніемъ — пелеле или кольцо въ верхней губѣ у женщинъ. Верхняя губа дѣвочки прокалывается посерединѣ у самой носовой перегородки и вставляется небольшой колокъ, чтобы проколъ не заросъ. Послѣ, когда онъ залечится, колокъ вынимается и на его мѣсто вставляется бо́льшій и такъ продолжаютъ дѣлать недѣли, мѣсяцы и годы. Губа увеличивается все болѣе и болѣе, пока отверстіе не станетъ такъ широко, что въ него легко входитъ кольцо въ два дюйма въ діаметрѣ. Пелеле носятъ всѣ жительницы возвышенностей, и оно въ общемъ употребленіи на Верхней и Нижней Шире. Болѣе бѣдные классы дѣлаютъ его изъ полаго или массивнаго бамбука, а болѣе достаточные изъ слоновьей кости или олова. Оловянныя пелеле часто имѣютъ видъ маленькаго блюдца; изъ слоновьей кости похожи на салфеточное кольцо. Женщина никогда не является въ публику безъ пелеле, за исключеніемъ времени траура по умершихъ. Ужасно отвратительно видѣть, когда верхняя губа на два дюйма выдается дальше кончика носа. Когда смѣется взрослая женщина, носящая полое бамбуковое

кольцо, то дѣйствіемъ личныхъ мускуловъ кольцо и облегающая его снаружи губа оттягивается и закидывается выше бровей. Въ кольцо выглядываетъ носъ, а оскаленные зубы показываютъ, какъ тщательно они подпилены, чтобы походили на зубы кошки или крокодила. Пелеле одной старой дамы, Чиканда-Кадзе, владѣтельницы почти въ двадцати миляхъ къ сѣверу отъ Морамбала, свѣшивалось, натурально съ частью облегающей его по краю верхней губы, ниже подбородка. Онѣ не могутъ правильно выговаривать губныя буквы, нижняя губа должна дѣлать въ этомъ случаѣ для нея все возможное, прикасаясь къ верхнимъ зубамъ и верхнимъ деснамъ. Если имъ сказать, что пелеле дѣлаетъ ихъ отвратительными, что онѣ лучше бы сдѣлали, если бы бросили ихъ, то онѣ отвѣчаютъ: „Коди! Въ самомъ дѣлѣ! это мода“. Какъ установилась эта противная мода — загадка. Не думали ли онѣ, что толстыя губы красивѣе, и поэтому обратились къ такого рода искусственному увеличенію? Молодыя женщины постоянно трогаютъ пелеле языкомъ, и это привело къ тому язвительному объясненію, будто оно было придумано, чтобы дать безопасное занятіе этому маленькому члену.

Пелеле или кольцо въ губѣ женщины изъ Мангандже.

„Зачѣмъ женщины носятъ эти вещи?“ спросили мы у стараго владѣльца Чинсунсе. Очевидно удивленный такимъ нелѣпымъ вопросомъ, онъ отвѣчалъ: „Натурально для красоты! У мужчинъ есть бороды, а у женщинъ ихъ нѣтъ; и что бы за созданіе была женщина безъ бороды и безъ пелеле! Ротъ былъ бы какъ у мужчины, а безъ бороды! Ха, ха, ха!“ Впослѣдствіи на Ровума мы нашли, что и мужчины носятъ пелеле, точно также какъ женщины. Видя дѣйствіе слабаго, но постояннаго давленія, производимаго на верхнія десны и верхніе передніе зубы, мы напали на одну мысль, о значеніи которой пусть судятъ наши медицинскіе собраты. Во многихъ случаяхъ верхніе передніе зубы были, вмѣсто естественной кривизны внаружу, представляемой рядомъ зубовъ, такъ нажаты, что линія зубныхъ ячеекъ, повидимому, имѣла кривизну обращенную внутрь. Такъ какъ это производится слабымъ давленіемъ пелеле назадъ, то отсюда видно, что особы съ слишкомъ выдающимися зубами, легкимъ, но долговременнымъ давленіемъ, производимымъ какимъ-нибудь эластичнымъ средствомъ, подобнымъ губѣ, могли бы, особенно въ юности, отодвинуть назадъ верхнія десны и верхніе зубы гораздо легче, чѣмъ можно обыкновенно подумать. Давленіе должно производиться болѣе на верхнія десны, чѣмъ на зубы.

Манганджа не особенно умѣренные люди: они варятъ въ большихъ количествахъ пиво и пьютъ его весьма охотно. Такъ какъ у нихъ нѣтъ хмѣля или другаго какого-нибудь средства для прекращенія броженія, то они вынуждены все варево выпить въ нѣсколько дней, или оно станетъ негоднымъ для употребленія. При этихъ случаяхъ бываютъ большія увеселенія, и питье, барабанный бой и пляски продолжаются день и ночь, пока не выйдетъ все пиво. Когда мы проходили холмами, мы находили иногда цѣлыя селенія, предающіяся такого рода удовольствіямъ. Самый опытный путешественникъ изъ нашего общества замѣтилъ, что онъ во всѣ шестнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Африкѣ, не видалъ такого сильнаго пьянства. Когда мы однажды послѣ полудня вошли въ селеніе,

не видно было ни одного мужчины; только нѣсколько женщинъ были подъ деревомъ и пили пиво. Черезъ нѣсколько минутъ туземный докторъ, одинъ изъ невинныхъ, „не врагъ никому, только себѣ самому,“ вышелъ, шатаясь, изъ одной хижины, повѣсивши свой рогъ для питья на шею, и началъ насъ бранить за нарушеніе этикета. „Что это за мода входить въ какое ни попало селеніе, не сказавшись, что хотятъ войти?“ Наши люди успокоили напившагося, но бывшаго въ добромъ настроеніи медика; онъ пошелъ въ свою пивную и позвалъ двоихъ изъ нихъ помочь ему вынести чудовищный кувшинъ пива, который онъ великодушно подарилъ намъ. Между тѣмъ, какъ „практическій врачъ“ былъ такъ дружески гостепріимно занятъ, владѣтель проснулся въ ужасѣ и закричалъ женщинамъ, чтобы онѣ бѣжали или всѣ погибнутъ. Дамы засмѣялись надъ мыслью, что онѣ въ состояніи бѣжать, и остались у своихъ кувшиновъ съ пивомъ. Мы нашли себѣ мѣсто для лагеря; наши люди, какъ обыкновенно, варили пищу, мы только что спокойно собрались приступить къ ней, какъ въ селеніе вбѣжала облитая потомъ толпа вооруженныхъ. Они посмотрѣли на насъ и потомъ другъ на друга, потомъ обратились къ владѣльцу и стали упрекать его, что безъ всякой нужды посылалъ за ними. „Это мирные люди, которые вамъ ничего не сдѣлаютъ; вы пропадете развѣ отъ пива,“ сказали они и ушли опять домой.

Между этими пьяными мы замѣтили разнообразные роды хмѣля, говорливыхъ, буйныхъ, мягкихъ, глупыхъ и задорныхъ; послѣднихъ, когда владѣтель, во главѣ своихъ людей, сталъ впереди и крикнулъ: „я загораживую эту дорогу; вы должны вернуться.“ Однако, когда одинъ разсерженный макололо ударилъ его прикладомъ своего ружья, онъ отскочилъ въ сторону болѣе съ поспѣшностью, чѣмъ съ достоинствомъ.

Туземное пиво блѣдно-краснаго цвѣта и густо, какъ овсянка. Зерна возращаютъ, сушатъ на солнцѣ, обращаютъ въ муку и слегка кипятятъ. День или два пиво остается сладкимъ, съ небольшой примѣсью кислоты, которая дѣлаетъ его въ

высшей степени пріятнымъ напиткомъ въ жаркомъ климатѣ, или когда лихорадка возбуждаетъ сильную жажду кислаго питья. Одинъ глотокъ его тотчасъ утоляетъ эту жажду. Опьяненіе можетъ наступить только послѣ сильной и продолжительной попойки. Такъ какъ зерна находятся въ мелкораздробленномъ состояніи, то они такимъ образомъ легко перевариваются, и варево весьма питательно. Въ Тетте мѣра пива вымѣнивается на одинаковый по величинѣ кувшинъ зеренъ. Это пиво, доставлявшее столько удовольствія нашимъ чернымъ товарищамъ, подносилось намъ въ даръ почти въ каждомъ селеніи. На холмахъ питье пива, повидимому, ни болѣзней никакихъ не производитъ, ни жизни не сокращаетъ. До этого мы никогда не видали столькихъ сѣдоголовыхъ стариковъ и старухъ; опираясь на свои клюки, они приходили съ другими посмотрѣть на бѣлыхъ людей. Старому владѣльцу Муата Манга едва ли было менѣе девяноста лѣтъ; его почтенный видъ произвелъ замѣтное впечатлѣніе на макололо. „Онъ старый человѣкъ,“ говорили они, „весьма старый человѣкъ; его кожа виситъ складками, точно какъ на чреслахъ слона.“ „Не было ли — спрашивали его — у васъ охоты путешествовать, желанія посмотрѣть другія страны и народы?“ — Нѣтъ, онъ никогда этого не чувствовалъ и никогда въ жизни не оставлялъ своего дома. Долголѣтіемъ они обязаны тому, что не часто моются. Одинъ старецъ говорилъ намъ, что, какъ онъ себя запомнитъ, онъ только разъ въ своей жизни вымылся, но это было такъ давно, что онъ уже и не знаетъ, какое при этомъ ощущеніе. — „Зачѣмъ вы моетесь? — спрашивали у макололо жены Чинсунсе: — наши мужчины никогда не моются.“

Въ долинѣ Верхней-Шире, одинъ мужчина, удостоивши насъ нѣсколькими странными географическими замѣчаніями, слѣдовалъ за нами въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Макололо очень имъ тяготились, потому что въ каждомъ селеніи, въ которое мы вступали, онъ объявлялъ: „Эти люди заблудились; они не знаютъ куда идутъ.“ Тщетно они бранили его

и гнали прочь. Какъ скоро мы выступали, онъ опять появлялся на нашей дорогѣ, съ своей небольшой котомкой за плечами, которая заключала все его земное достояніе, и также какъ прежде готовый съ своими ненужными замѣчаніями. Всѣ старанія прогнать его пропадали даромъ, пока не пришла намъ счастливая мысль — пригрозить ему, что мы стащимъ его въ рѣку и вымоемъ; тогда онъ тотчасъ ушелъ прочь, и мы его уже не видали. Между манганджа много одержимыхъ накожными болѣзнями. У иныхъ вереды на конечностяхъ; обыкновенно самою злою изъ болѣзней, которыя мы видѣли, бываетъ какой-нибудь чирей безъ боли, почти неизлечимый. Иные жители навзглядъ точно выпачканы по всему тѣлу пятнами штукатурки, а другіе одержимы проказою съ мыса Доброй Надежды. Даже у нѣкоторыхъ птицъ ноги обезображены особымъ утолщеніемъ кожи. Мы замѣтили и людей, отмѣченныхъ рябинами, и спросили владѣльца Монази: не знаетъ ли онъ, съ береговъ или изъ внутри страны заходитъ къ нимъ оспа? Такъ какъ онъ, по обыкновенію, былъ навеселѣ, и охотно готовъ былъ сдѣлать намъ комплиментъ, то онъ милостиво отвѣчалъ, что не знаетъ этого, но полагаетъ, что она, должно быть, заходитъ къ нимъ отъ англичанъ.

Суевѣрный судъ божій, основанный на питьѣ ядовитаго муаве, въ большомъ употребленіи здѣсь, и когда кто-нибудь заподозрѣвается въ преступленіи, то прибѣгаютъ къ этому суду. Если желудокъ не приметъ яда, то обвиненный объявляется невиннымъ; но если ядъ подѣйствуетъ, то виновность считается доказанною. Ихъ вѣра въ его различительную силу такъ крѣпка, что его добровольно требуетъ себѣ выпить заподозрѣнный преступникъ, не исключая даже и владѣльцевъ. Чибиза, вѣруя въ его дѣйствіе, пилъ его нѣсколько разъ, чтобы оправдать свой характеръ. Когда онъ утверждалъ, что всѣ его войны были справедливы, то ему было замѣчено, что каждый владѣлецъ стоитъ за свою невинность, и потому мы не можемъ судить объ этомъ. „Если вы сомнѣ-

ваетесь въ моемъ словѣ, — сказалъ онъ, — то дайте мнѣ выпить муаве.“ Одинъ владѣтель у подошвы горы Зомба счастливо выдержалъ божій судъ, за день до нашего прихода къ его селенію, и его люди выражали свою радость о его оправданіи тѣмъ, что два дня и двѣ ночи напролетъ пили пиво, плясали и били въ барабаны. Очень можетъ быть, что туземный докторъ, заготовляющій составъ для отравленнаго напитка, въ состояніи спасти тѣхъ, кого онъ считаетъ невинными; но трудно довести туземцевъ до того, чтобы они заговорили объ этомъ предметѣ, и никто не скажетъ, изъ чего состоитъ ядъ муаве. Намъ показывали деревья, изъ которыхъ, какъ говорятъ, добываютъ этотъ ядъ; но мы всегда имѣли причины недовѣрять тѣмъ, кто намъ это сообщилъ. Однажды въ одномъ селеніи нашли мы дерево, съ котораго снято было много кусковъ коры и которое было сродно съ тангена или тангхина, древеснымъ ядомъ, употребляемымъ для божьяго суда на Мадагаскарѣ; но мы не могли узнать объ этомъ ничего подробнѣе. Тѣ, которые найдены виновными въ колдовствѣ, предаются смерти посредствомъ муаве.

Объ умершемъ женщины вопятъ два дня. Присѣвши на землю, онѣ поютъ нѣсколько жалостныхъ словъ и кончаютъ каждый стихъ вытянутымъ звукомъ: а-а, или о-о, или еа-еа-а. Въ домѣ умершаго, что̀ есть налице пива, все выставляется на землю вмѣстѣ съ мукою, а вся кухонная и питейная посуда разламывается, какъ вещи, которыя уже не будутъ болѣе употребляться. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ знаки траура по своимъ умершимъ родственникамъ. Трауръ состоитъ изъ узкихъ полосокъ пальмовыхъ листьевъ, которые навертываются вокругъ головы, рукъ, ногъ, шеи и груди и носятся до тѣхъ поръ, пока не свалятся сами собою. Они вѣрятъ въ бытіе высшаго существа, Мнамбэ или также Морунго, и въ будущую жизнь. „Здѣсь мы живемъ немногіе дни, — говорилъ старый Чинсунсе, — но по смерти будемъ жить еще разъ; гдѣ, или въ какомъ состояніи, или съ какимъ обществомъ, — этого мы не знаемъ, потому что мертвые ни-

когда не приходятъ назадъ, чтобы намъ сказать объ этомъ. Иногда мертвые приходятъ и являются намъ въ сновидѣніяхъ; но они никогда не разговариваютъ, никогда не сказали намъ, откуда они пришли или какъ имъ тамъ живется."

Выше водопадовъ нашъ путь лежалъ по Шире, въ этихъ мѣстахъ широкой, глубокой рѣкѣ, за то менѣе быстрой. На одномъ мѣстѣ она расширяется въ небольшое озеро, носящее названіе Памаломбе, полное прекрасной рыбы; длиною это озеро отъ десяти до двѣнадцати миль, а шириною отъ пяти до шести миль. Берега его низменны и, оно окружено густою стѣною папируса. На западномъ его берегу возвышается цѣпь холмовъ, тянущихся на сѣверъ. Когда мы достигли селенія владѣтеля Муана-Моези и были почти еще на день пути отъ Ніасса, намъ сказали, что никогда еще и не слыхивали о тамошнемъ озерѣ; что рѣка Шире начинается еще „два мѣсяца" дальше, чѣмъ мы теперь ее видимъ, и тамъ она выходитъ между отвѣсными скалами, которыя возвышаются почти до облаковъ. Эта новость точно съ неба свалилась на нашихъ людей, и они говорили: „Лучше намъ вернуться къ судну; ни къ чему не поведетъ, что мы стараемся найти озеро." — „Мы, во что бы ни стало, должны идти и посмотрѣть эти чудесныя скалы," сказалъ докторъ. — „А когда мы ихъ увидимъ," возразилъ Мазаказа, „то вы захотите еще что-нибудь видѣть" — „Но тамъ *есть* озеро," добавилъ потомъ Мазаказа, — „не смотря на все ихъ лганье, ибо оно стоитъ въ книгѣ." Мазаказа, который питалъ безграничное довѣріе ко всему, что стояло въ книгѣ, пошелъ и выбранилъ туземцевъ за то, что они ему сказали неправду. „Есть тамъ озеро", — говорилъ онъ, — „потому что какъ могъ бы бѣлый человѣкъ узнать о немъ по книгѣ, если бы его не было?" Тогда они подтвердили, что нѣсколько миль дальше есть озеро. Дальнѣйшія изслѣдованія сдѣлали вѣроятнымъ, что исторія объ „отвѣсныхъ скалахъ" могла относиться къ трещинѣ, которая въ сѣверовосточной части озера была извѣстна какъ туземцамъ, такъ и арабамъ. Бока ея поднимаются

такъ высоко, что, говорятъ, проходящая по дну долины дорога уходитъ подъ землю. Вѣроятно, это трещина, подобная той, которая производитъ водопады Викторіи и образуетъ долину Шире.

Вечеромъ владѣтель принесъ небольшое количество муки въ подарокъ и сидѣлъ съ нами нѣсколько минутъ. Оставляя насъ, онъ сказалъ, что желалъ бы, чтобы мы хорошенько соснули. Едва онъ отошелъ, какъ съ рѣки раздался дикій, жалобный крикъ, за которымъ послѣдовалъ вой женщинъ. Крокодилъ унесъ первую жену владѣтеля, когда она только что принялась мыться. Макололо живо схватили свое оружіе и бросились на берегъ, но было слишкомъ поздно, — ея уже не было. Вопль женщинъ продолжался всю ночь, а на слѣдующее утро встрѣтили мы еще другихъ, которыя пришли въ селеніе принять участіе въ общемъ горѣ. Печаль ихъ была, очевидно, сердечная, такъ какъ мы видѣли слезы, текшія по ихъ щекамъ. Когда Муана Моези сообщилъ объ этомъ несчастіи своимъ сосѣдямъ, то сказалъ, „пришли въ его селеніе бѣлые люди, мылись на томъ мѣстѣ, гдѣ его жена черпала воду и купалась, натирали себя бѣлымъ лекарствомъ (мыло), и его жена, пришедшая послѣ того купаться, была схвачена крокодиломъ; онъ не знаетъ, было ли это вслѣдствіе употребленнаго лекарства, или нѣтъ.“ Намъ нечего было осуждать его за это. На нашемъ обратномъ пути на насъ смотрѣли съ почтительнымъ страхомъ, и когда мы подошли, всѣ мужчины бѣжали, а женщины остались на мѣстѣ, и это вызвало у нашихъ людей замѣчаніе: „Женщины имѣютъ передъ мужчинами то преимущество, что не имѣютъ нужды бѣжать отъ копья.“ Обычай купаться, о которомъ мы при первой нашей встрѣчѣ съ народомъ Чинсунсе положительно думали, что онъ неизвѣстенъ туземцамъ, былъ, какъ послѣ оказалось, обыкновеннымъ въ другихъ частяхъ страны Манганджа.

Мы открыли озеро Нiасса вскорѣ послѣ полудня 16 сентября 1859 г. Его южный конецъ лежитъ подъ 14° 25′,

южн. широты и 35° 30′ вост. долготы. На этомъ мѣстѣ ширина долины почти двѣнадцать миль. По обѣимъ сторонамъ озера холмы, но поднимавшійся отъ горящей травы дымъ не позволилъ намъ тогда видѣть далеко. Долго спустя послѣ нашего возвращенія съ Ніасса мы получили письмо отъ капитана королевскаго флота, Р. Б. Ольдфильда, тогда командовавшаго судномъ Ея Величества „Лира“, съ извѣстіемъ, что д-ръ Рошеръ, предпріимчивый нѣмецъ, который, къ сожалѣнію, лишился жизни изъ-за своей страсти къ открытіямъ, точно также достигнулъ озера, но только 19 ноября, послѣ нашего открытія, и что онъ при своемъ прибытіи былъ извѣщенъ туземцами, что на южномъ берегу находилось общество бѣлыхъ людей. Если сличить числа (16 сентября и 19 ноября), то мы были тамъ почти за два мѣсяца до д-ра Рошера. Извѣстіе такого же содержанія, какъ и извѣстіе капитана Ольдфильда, было напечатано и въ капскихъ газетахъ въ письмѣ полковника Ригби, консула и политическаго резидента Ея Величества въ Занзибарѣ, къ губернатору сэру Джорджу Грэю. Ригби заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ, сообщенныхъ слугами д-ра Рошера, когда они достигли берега.

Гдѣ д-ръ Рошеръ впервые увидалъ воды Ніасса—неизвѣстно, такъ какъ неизвѣстно точное положеніе Нуссеева на берегахъ озера, гдѣ онъ долго жилъ. Когда его убили, онъ былъ за три дня пути на сѣверовостокъ отъ Нуссеева, и именно на арабской дорогѣ, которая выводитъ на обыкновенный перекрестный пунктъ Равума. Убійцы схвачены однимъ изъ владѣтелей, посланы въ Занзибаръ и казнены. Говорятъ, что онъ свои открытія держалъ при себѣ, чтобы по возвращеніи въ Европу объявить все заразъ въ блистательномъ описаніи путешествія. По всему этому мы могли только догадываться, что такъ какъ онъ отправился арабской дорогой отъ Кильва (Квилоа), то достигъ озера на арабскомъ перекрестномъ пунктѣ Ніамбо, который лежитъ у Ценга, или, можетъ быть,

противъ залива Катакота *). Постоянное опубликованіе нашихъ писемъ королевскимъ географическимъ обществомъ было, какъ мы увидѣли, неоцѣненнымъ благодѣяніемъ. Оно твердо опредѣляло время каждаго открытія и увѣковѣчило его.

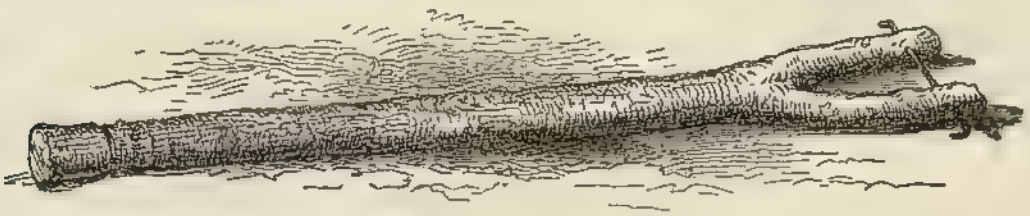
Когда владѣтель селенія близъ соединенія озера съ рѣкою Шире, старикъ, по имени Мозаука, услышалъ, что мы сѣли подъ деревомъ, то пришелъ и дружески пригласилъ насъ въ свое селеніе. Онъ привелъ насъ къ великолѣпному баніановому дереву, которымъ онъ, казалось, гордился. Корни разрослись по низу въ видѣ гигантскаго кресла безъ сидѣнья. Четверо изъ насъ спали въ промежуткѣ между его ручками. Мозаука принесъ намъ въ даръ козу и корзинку муки, „чтобы усладить наши сердца“. Онъ сказалъ намъ, что какъ разъ возлѣ расположилась большая партія невольниковъ, которыхъ ведутъ арабы. Они были въ прошломъ году выше, въ странѣ Казембе, и теперь на обратномъ пути со множествомъ невольниковъ, слоновьей костью и малахитомъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришло съ полдюжины вожаковъ посмотрѣть насъ. Они были вооружены длинными ружьями и на нашъ взглядъ казались большими негодяями. Конечно, о насъ они подумали то же самое, потому что предложили намъ купить нѣсколько маленькихъ дѣтей; но когда имъ было сказано, что мы англичане, они струсили и ночью покинули свой лагерь. Воротившись на Конгоне мы нашли, что судно Ея Величества „Линксъ“ взяло въ плѣнъ нѣсколькихъ изъ этихъ невольниковъ; ибо одна женщина разсказывала намъ, что они видѣли насъ прежде въ селеніи Мозаука, и что арабы бѣжали отъ страха передъ *неизвѣстной* толпой басунгу.

Это большая невольничья дорога изъ внутреннихъ странъ; другія пересѣкаютъ Шире нѣсколько ниже и нѣкоторыя на самомъ озерѣ. Мы могли бы освобождать этихъ невольниковъ, но не знали, что намъ съ ними послѣ дѣлать. Когда мы встрѣ-

---

*) См. Добавленіе.

чали мужчинъ, которыхъ вели въ невольничьихъ рогатинахъ, докторъ долженъ былъ выслушивать упреки макололо, которые никогда не обращали въ рабство: „А, вы называете насъ злыми; но развѣ мы такая дрянь, какъ эти парни? От-



„Горее“ или невольничья рогатина.

чего вы не хотите дозволить намъ ударить на нихъ?“ Освобожденіе ихъ и возможность бѣжать немного бы имъ помогли, такъ какъ обитатели окрестныхъ селеній скоро захватили бы ихъ и опять продали бы въ рабство. Владѣтели изъ манганджа продаютъ своихъ собственныхъ подданныхъ, ибо во многихъ селеніяхъ на возвышенности встрѣтили мы аджава и торговцевъ невольниками, которые навѣрно были обнадежены прійдти къ нимъ за невольниками. Владѣтели всегда показываютъ видъ, что стыдятся этой торговли и стараются оправдаться. „Мы продаемъ немногихъ и только тѣхъ, которые сдѣлали преступленія.“ Обыкновенно въ торговлю идутъ низшіе и преступные классы, и отсюда происходитъ безнравственность рабовъ. Кромѣ преступниковъ, вѣроятно, продаются и другіе, напр., обвиняемые въ колдовствѣ. Иногда внезапно исчезаютъ и безпомощныя сироты, и никто не спрашиваетъ потомъ, что́ съ ними сдѣлалось. Искушеніе продавать своихъ подданныхъ особенно велико, такъ какъ на холмахъ немного слоновьей кости, и владѣтель часто не имѣетъ ничего, кромѣ человѣчьяго мяса, чтобы купить иностранныхъ товаровъ. Аджава предлагаютъ выбойку, бронзовыя кольца, горшечный товаръ и иногда прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и охотно берутъ на себя трудъ украсть тѣхъ, кого укажетъ владѣтель. За мужчину даютъ они четыре, за женщину — три, а за мальчика или дѣвочку — два ярда выбойки, и сбы-

ваютъ ихъ португальцамъ въ Мозамбикъ, Ибоэ и Квилимане.

Другой приточный каналъ, питающійся жертвами изъ всѣхъ классовъ, но главнымъ образомъ изъ простаго народа, часто открывается, когда одна часть племени, подъ вліяніемъ страсти къ барышу, начинаетъ воровать и продавать своихъ собственныхъ соплеменниковъ. Зло на этомъ не останавливается. Слѣдствіемъ его бываетъ вражда. Болѣе слабая часть племени изгоняется и во время своихъ странствованій часто становится вполнѣ безнравственной, такъ что безъ всякаго зазрѣнія совѣсти живетъ хищничествомъ и продажею своихъ плѣнниковъ, даже своихъ собственныхъ сочленовъ. Таково именно было состояніе той части племени аджава, съ которой мы впервые сошлись.

Манганджа были недовѣрчивѣе и менѣе дружелюбны, чѣмъ племена по Замбези. Ихъ трудно было убѣдить, что наша цѣль, съ которою мы пришли въ ихъ страну, была дѣйствительно такова, какъ мы имъ объясняли. Естественно, они судили о насъ по побужденіямъ, которыми руководились сами. Одинъ владѣтель въ долинѣ Верхней Шире, плаксивая физіономія котораго подала нашимъ людямъ поводъ окрестить его именемъ Китлаболова (меня непремѣнно убьютъ), замѣтилъ что еще прежде приходили общества путешественниковъ, разсказывая столь благонамѣренныя исторіи, какъ наша, но спустя нѣсколько дней напали на его людей и значительное число ихъ увели въ неволю. Во многія селенія по долинѣ намъ не дозволили войти, и обитатели не хотѣли даже продать намъ съѣстныхъ припасовъ. Люди Зимика, напр., стали у входа въ молочайную изгородь и объявили, чтобы мы не смѣли входить. Мы сѣли какъ разъ возлѣ подъ деревомъ. Какой-то молодой парень держалъ гнѣвную рѣчь, выплясывая изъ стороны въ сторону съ своимъ лукомъ и отравленными стрѣлами и угрожая намъ яростными жестами. Рѣчь его прервалъ какой-то старикъ, приказавшій ему сѣсть и не говорить такъ чужеземцамъ. Онъ послушался неохотно, выражая свою недовѣр-

чивость мрачными взглядами, и многозначительно вытянулъ свои большія губы. Женщины, какъ мы замѣтили, покинули селеніе, и такъ какъ мы догадывались, что можетъ случиться бѣда, то, къ великому неудовольствію нашихъ людей, продолжали путь дальше. Наши были очень злы на туземцевъ за ихъ негостепріимство въ отношеніи къ иностранцамъ, а на насъ за то, что мы не могли имъ дозволить задать „хорошую потасовку ничтожнымъ созданіямъ.“—„Это оттого, что идемъ съ бѣлыми людьми,—ворчали они,—еслибы мы были съ нашимъ владѣтелемъ, то сегодня за ужиномъ мы поѣли бы ихъ козъ, да нѣсколько изъ нихъ самихъ были бы въ нашихъ рукахъ — нести завтра наши узлы.“ Когда мы вернулись на дорогу, оставивши вправо его селеніе, Зимпка послалъ къ намъ съ извиненіемъ, говоря, что „онъ былъ тогда боленъ и притомъ въ другомъ селеніи; насъ отослали не по его приказанію; его люди не знали, что мы просто путешественники, не желавшіе нарушать мира въ его странѣ.“

Спѣша къ оставшимся на суднѣ, мы не могли остановиться въ селеніяхъ, принадлежавшихъ этому владѣтелю; но обитатели вышли къ намъ съ продающимся товаромъ и приглашали насъ остановиться и провести у нихъ ночь, приводя, какъ уважительную причину: „Какъ же намъ сказать, что бѣлые люди проходили по нашей странѣ и мы ихъ не видали?“ Чтобы удовлетворить этихъ любопытныхъ, мы сдѣлали привалъ на рѣчкѣ. Мы показались имъ скорѣе красными, чѣмъ бѣлыми, и хотя они любятъ свѣтлые цвѣта, однако наше одѣяніе придавало намъ странный видъ. Голубые глаза показались чѣмъ-то дикимъ, а рыжая борода отвратительной. По огромному числу пожилыхъ лицъ, видѣнныхъ нами на возвышенности, и по приращенію духовной и тѣлесной силы, которую мы чувствовали, подымаясь съ низменностей, мы заключили, что климатъ здоровъ, и что наши земляки могли бы наслаждаться тамъ добрымъ здоровьемъ, а также и значительнымъ достаткомъ; они могли бы побудить множество расположенныхъ къ ремесленнымъ занятіямъ туземцевъ къ воздѣлы-

ванію хлопка, буазе, сахара и другихъ цѣнныхъ произведеній, равно какъ и къ обмѣну ихъ на европейскіе мануфактурные товары, и въ то же время ученіемъ и примѣромъ наставить туземцевъ въ великихъ истинахъ нашей святой религіи.

Наше пребываніе на озерѣ, по необходимости, было недолговременно. Мы нашли, что лучшій планъ разсѣять всякое подозрѣніе, какое могло бы возникнуть въ умахъ какого-нибудь народа, привыкшаго только къ торговлѣ невольниками, былъ — сдѣлать короткое посѣщеніе, потомъ на время уйдти и дать народу время убѣдиться, что хотя мы совсѣмъ иначе приступаемъ къ дѣлу, чѣмъ другіе, однако, неопасны и скорѣе склонны къ дружбѣ. Часть нашего общества находилась на суднѣ, и каждая неосмотрительность съ ихъ стороны могла бы сдѣлаться опасной для доброй славы нашей экспедиціи.

Торговля изъ странъ Казембе и Катанга, равно и изъ другихъ внутреннихъ частей, идетъ по пути къ арабской гавани Кильва и португальскимъ гаванямъ Ибоэ и Мозамбикъ черезъ Ніасса и Шире. Единственные предметы торговли въ настоящее время составляютъ невольники, слоновья кость, малахитъ и мѣдныя вещицы для украшеній. По извѣстіямъ, собраннымъ полковникомъ Ригби въ Занзибарѣ и изъ другихъ источниковъ, почти всѣ невольники, отправляемые на судахъ изъ вышеназванныхъ гаваней, идутъ изъ области Ніасса. При посредствѣ какого-нибудь маленькаго парохода, который скупалъ бы слоновью кость съ озера и рѣки выше водопадовъ, что́ составляетъ вмѣстѣ до 600 миль береговой линіи,—торговля неграми въ этой странѣ была бы совершенно лишена выгодъ, потому что только слоновья кость, которую несутъ невольники, дѣлаетъ возможнымъ, что послѣдніе не проѣдаютъ всего барыша, приносимаго поѣздкой. Это произвело бы вліяніе на огромную часть страны; ибо мазиту, обитающіе вокругъ сѣвернаго конца озера, не дозволятъ торговцамъ неграми проходить этой дорогой черезъ ихъ страну. Они были бы самыми дѣятельными союзниками англичанъ и для себя

только выиграли бы вслѣдствіе увеличенія торговли. При настоящемъ положеніи дѣлъ туземные торговцы слоновьей костью и малахитомъ подвергаются тяжкимъ грабежамъ, и еслибы мы могли имъ дать ту же цѣну, которую они теперь получаютъ, доставивши свои товары за триста миль на берегъ, то они воротились бы и не пошли дальше. Только тѣмъ, что мы отрѣжемъ доступъ внутрь страны, мы могли бы уничтожить торгъ неграми на берегахъ. Только что предложенный планъ препятствовалъ бы торговлѣ невольниками по Замбези съ одной стороны и по Кильва съ другой стороны; и за предѣлами этой мѣстности остались бы подъ наблюденіемъ нашихъ крейсеровъ только португальская гавань Ингамбане на югѣ и нѣкоторая часть владѣній занзибарскаго султана на сѣверѣ. По озеру жители воздѣлываютъ огромное количество хлопка для своей собственной потребности и могли бы продавать фунтъ по пенни или даже еще дешевле. Провозъ идетъ водянымъ путемъ по Шире и Замбези вплоть до Англіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ волоковъ, на разстояніи тридцати пяти миль мимо мурчисоновскихъ водопадовъ, гдѣ дорога менѣе чѣмъ въ сорокъ миль могла бы быть построена съ ничтожными издержками; такъ что, повидимому, можно въ короткое время ввести, вмѣсто беззаконной торговли настоящаго времени, законную и обширную торговлю.

Полковникъ Ригби, капитаны Вильсонъ, Ольдфильдъ и Чэмпэнъ, и всѣ самые разумные офицеры берега единогласно были того мнѣнія, что одно небольшое судно на озерѣ рѣшительно имѣло бы болѣе вліянія и оказало бы болѣе значительныя услуги для подавленія торговли неграми, чѣмъ полдюжины военныхъ кораблей на океанѣ. Благоразумныя мѣры, въ небольшихъ размѣрахъ предпринятыя внутри страны, стоили бы такимъ образомъ ничтожныхъ издержекъ, и англійская политика относительно торга невольниками имѣла бы тотъ же счастливый исходъ на восточномъ берегу, какъ и на западномъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвращеніе къ судну.—Почти ядовитый сокъ маніока.—„Кассерипъ“ или сокъ маніока вполнѣ охранительное средство для мяса. — Отъ селенія Чабиза д-ръ Киркъ идетъ прямою дорогою въ Тетте. — Большая тягость похода. Магнетическія наблюденія Чарльза Ливингстона. — Сухарь-шире. — Пшеничная мука необходима для европейскихъ желудковъ. — Время года для сѣянія пшеницы.— Отъѣздъ къ Конгоне. — Двѣ мили слоновъ. — Нашъ великодушный другъ синьоръ Феррао. — Конгоне. — Для улучшеній мы вытащили судно на берегъ. — Приходитъ судно Ея Величества „Линксъ“. — Потеря почтовой сумки. — Отъѣздъ въ Тетте 16 декабря. — Губернаторъ въ Шупанга. — Его и наши мнѣнія. — Признанія одного стараго торговца невольниками. — Поль Маріано. — Прибытіе въ Тетте 2 февраля 1860. — Сказачное серебряное производство въ Чикова. — Грабежи баніаи, которымъ подвергаются португальцы. — Законы о роскоши. — Теттеанскіе португальцы. — Вино или климатъ? — Похороны.— Свадьбы. — Каменный уголь и золото. — Мы откладываемъ свою поѣздку внутрь страны. — Опять внизъ къ Конгоне. — 15 марта вверхъ по рѣкѣ. — Употребляемый для торга невольниками тайный каналъ. — Губернаторъ Квиллимане посылается открыть Конгоне. — Попытка Сёнлея начать законную торговлю по рѣкѣ Ангоксе. — Майоръ Сикардъ въ Мазаро. — Обмѣнъ именъ. — Его выгоды. — „Страждущему одышкой“ дѣйствительно очень худо. — Рэй по долгу службы идетъ домой. — Рѣка Кваква. — „Комическія созданія“. — Мыши. — Надежда для жирныхъ людей или мокрицы какъ лекарство. Зулу приходятъ и требуютъ въ Сенна свои ренты. — Полосатыя сеннасскія свиньи и лихорадки. — Лихорадочное растеніе. — Мы достигаемъ Тетте 25 апрѣля.— Недостатокъ орошенія. — *Одна* отрасль теттеанской промышлености.

Послѣ сухопутнаго четыредневнаго похода, мы въ нѣсколько утомленномъ состояніи возвратились, 6 октября 1859 года, на судно. Утомленіе произошло скорѣе отъ нѣкотораго рода отравленія, чѣмъ отъ обыкновенныхъ трудовъ до-

роги. Мы употребляли для приготовленія супа немного тѣста муллигатавней, въ случаѣ если недоставало времени сварить другое кушанье. Однажды поздно послѣ полудня мы, послѣ необыкновенно длиннаго перехода, достигли Микена у подошвы горы Нджонгоне, на сѣверъ отъ Зомба, и повару приказано было положить двѣ полныя ложки тѣста; но вмѣсто того, онъ положилъ его цѣлый горшокъ. Вкусъ супа былъ довольно острый, но мы прибавили туда варенаго риса, и такъ какъ были очень голодны, то покушали въ достаточномъ количествѣ. Вслѣдствіе слишкомъ сильнаго пріема мы нѣсколько дней чувствовали себя очень нехорошо, а нѣкоторые изъ общества только тогда выздоровѣли, когда мы уже возвратились на судно. Наше нездоровье могло отчасти произойти отъ другой причины. Извѣстно, что одинъ видъ маніока (Jatropha maligna) ядовитъ въ сыромъ состояніи; но послѣ тщательнаго кипяченія въ двухъ водахъ, которыя сливаются, ядъ извлекается и маніокъ дѣлается годнымъ для кушанья. Ядовитый видъ легко узнать, отломивъ кусокъ коры съ корня и положивъ на языкъ. Если горчитъ, то кора ядовита. Но, вѣроятно, и сладкій видъ содержитъ какое-нибудь вредное вещество. Сокъ, который, какъ у нашего картофеля, вреденъ при употребленіи въ пищу, употребляется въ „перечныхъ кувшинахъ“ Вестъ-Индіи подъ именемъ „кассерипъ“ какъ лучшее предохранительное средство для мяса. Сокъ этотъ, слитый вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ воды и англійскаго перца въ глиняный сосудъ, какъ говорятъ, сохраняетъ положенное туда мясо весьма долго, даже цѣлые годы. Съ этой смѣсью не должно соприкасаться ни желѣзо, ни сталь, иначе она становится кислою. Этотъ „перечный кувшинъ“, о которомъ мы впервые узнали отъ его благословенія епископа Вателя, въ жаркомъ климатѣ въ высшей степени экономическій погребокъ для кушанья; всякое мясо— говяжье, баранье, свиное или птичье — все, что̀ осталось отъ обѣда, сохраняется вполнѣ, если положено въ смѣсь и прибавлено немного свѣжаго кассерипъ, между тѣмъ какъ иначе

оно было бы испорчено жаромъ климата или мухами. Между тѣмъ, нашъ поваръ варилъ корень маніока точно такъ же, какъ обыкновенно варилъ мясо, именно накладывалъ имъ полный горшокъ, обливалъ его водою и оставлялъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока вода впитается и все сварится. Этимъ способомъ ядовитыя свойства корня не уничтожаются и корень не дѣлается здоровою пищею; ибо, не смотря на нашу систематическую осмотрительность покупать только безвредный видъ, мы все-таки ежедневно страдали отъ его дѣйствія, а вредъ этого способа приготовленія открытъ нами только какъ разъ къ концу похода.

Поднимаясь на 3,000 футовъ надъ низменностью по возвышенности, или спускаясь съ высоко расположенныхъ мѣстъ на низменную долину Шире, мы замѣтили значительную перемѣну климата. Внизу былъ гнетущій зной, термометръ стоялъ на 84° и до 103° въ тѣни и наши жизненныя силы были такъ же истощены и вялы, какъ были свѣжи на высотахъ въ прохладной температурѣ какихъ-нибудь 20°. Вода въ рѣкѣ была 84° или еще теплѣе, между тѣмъ какъ та, которую мы пили изъ источниковъ холмовъ, была только 65°.

Было найдено необходимымъ двоихъ изъ нашей среды послать въ Тетте прямо съ Шире, и д-ръ Киркъ, съ проводниками изъ людей Чибиза и сопровождаемый Рэемъ, машинистомъ, исполнилъ переходъ. Мы нашли страны на сѣверъ и востокъ такъ обильными водою, что въ этомъ отношеніи не предчувствовали никакихъ затрудненій для похода менѣе чѣмъ на сотню миль; но наши друзья сильно терпѣли въ этомъ случаѣ. Небольшое количество воды, которое можно получить въ это время года изъ ямокъ въ руслахъ высохшихъ водяныхъ источниковъ, было такъ солоно, что увеличивало жажду (нѣкоторые туземцы, въ самомъ дѣлѣ, добываютъ изъ нея соль), а когда, послѣ длинныхъ промежутковъ, находили менѣе соленую воду, то она была отвратительна и грязна вслѣдствіе частыхъ посѣщеній крупной дичи. Цеце были въ изобиліи. Страна была ровная и большія по-

лосы ея были покрыты лѣсомъ мопане, листья котораго доставляли только ничтожную тѣнь изсохшей землѣ, такъ что на ней почти и трава не расла. Солнце такъ палило, что люди часто уходили съ дороги, въ тщетной надеждѣ прохладить на мгновеніе свои обожженныя ноги въ почти безтѣнныхъ кустахъ, а туземецъ, несшій провіантъ, состоявшій изъ соленаго свинаго мяса, заблудился и пришелъ въ Тетте два дня спустя послѣ остальнаго общества; изъ его ноши остались одни только волокна мяса; растопленный палящимъ солнцемъ жиръ весь стекъ къ нему на спину. Вскорѣ комендантъ, капитанъ Ралозо, сдѣлалъ эту дорогу столбовою для каравановъ, отправляющихся за невольниками. Это путешествіе почти убило двухъ дѣятельныхъ молодыхъ друзей нашихъ, и что съ этого времени должны будутъ вынести на этой дорогѣ невольники—никто и вообразить не можетъ; но обращеніе въ рабство, вѣроятно, никогда не можетъ обойтись безъ неслыханныхъ страданій и ужасныхъ жизненныхъ утратъ.

Чтобы опредѣлить наклоненія и уклоненія магнитной стрѣлки, Чарльзъ Ливингстонъ сдѣлалъ рядъ магнитныхъ наблюденій на островѣ Даконамойо, по образцу сдѣланныхъ на островѣ Экспедиціи и въ Тетте. Затѣмъ корабль покинулъ островъ и отправился къ Конгопе. Всѣ наши съѣстные припасы истощились, за исключеніемъ чая и соленаго свинаго мяса; но птицъ, бобы и муку изъ маиира мы могли покупать отъ туземцевъ. Съ этой мукой, однако, не мирятся европейскіе желудки и пшеничная мука въ томъ или другомъ видѣ неизбѣжно необходима для здоровья бѣлаго человѣка въ Африкѣ. Нашъ остроумный первый или главный кочегаръ, Рауэ, приготовлялъ муку изъ маиира различнымъ образомъ: прежде пекъ онъ просто чистую муку, потомъ подбавлялъ къ ней немного свинаго жиру; въ послѣднее время примѣшивалъ къ ней бананы и, наконецъ, бананы съ гвоздикой; но въ какомъ бы видѣ ни былъ испеченъ ужасный сухарь-шире, всегда слѣдовалъ одинъ и тотъ же неизбѣжный результатъ,—жгучая изжога во все время процесса пищева-

ренія. Потому миссіонерамъ и торговцамъ можно бы посовѣтовать обезпечивать себя постояннымъ запасомъ пшеницы, и этого они могли бы достигнуть такъ же легко, какъ португальцы, еслибы только выбрали удобное время года для ея посѣва. Апрѣль и май, начало холоднаго времени, мѣсяцы, въ которые нельзя ожидать, чтобы шелъ дождь, нужно прибѣгать какъ на мысѣ Доброй Надежды къ орошенію, производить которое необыкновенно легко. Если пшеница сѣется во время дождей, то все растетъ въ солому. Энергическіе люди, будучи въ чужой странѣ, могли бы относительно своего пропитанія никогда отъ ися не зависѣть.

Манкокве прислалъ теперь посольство и велѣлъ сказать, что онъ желалъ бы, чтобы мы по дорогѣ остановились въ его селеніи. Когда мы тамъ были, онъ взошелъ на бортъ съ приличнымъ подаркомъ и сказалъ, что его молодые люди отсовѣтовали ему посѣтить насъ прежде; но теперь онъ порѣшилъ посмотрѣть то, что̀ видѣли всѣ другіе. Одинъ мужчина съ лысой четыреугольной головой, бывшій, когда мы шли вверхъ по рѣкѣ, его первымъ министромъ, былъ теперь въ отставкѣ и владѣтеля сопровождалъ другой старикъ, заступившій его мѣсто. Когда мы проходили слоновье болото, видѣли мы девять большихъ стадъ слоновъ; иногда они составляютъ линію длиною въ двѣ мили. 26 октября нашла сильная гроза, и выпало много большихъ градинъ къ удивленію нашихъ сенаанцевъ, которые никогда не видали крупнаго града, хотя дальше внутри страны онъ довольно обыкновенъ. Въ Куруманѣ выпалъ такой градъ, что убивалъ козъ, птицъ и антилопъ; въ Колобенгѣ тоже градомъ выбило стекла въ окнахъ миссіонерскаго дома.

2-го ноября мы бросили якорь на высотѣ Шамоара, и послали лодку въ Сенна привезти сухарей и другихъ жизненныхъ припасовъ. Сеньоръ Феррао съ своимъ обычнымъ великодушіемъ подарилъ намъ молодаго быка, котораго послалъ къ намъ въ челнѣ. Желая узнать, былъ ли бы намъ пріятенъ другой быкъ, онъ посовѣтовался со своимъ португальско-

англійскимъ словаремъ и спросилъ довѣреннаго матроса, не хочетъ ли онъ взять еще другаго (another); но Джекъ, не взявшій во вниманіе португальскаго произношенія англійскаго звука th, отвѣчалъ: „О нѣтъ, господинъ, благодарю васъ, я не могу взять въ лодку никакой выдры (an otter), онѣ такія страшныя кусаки!“

Каждую ночь мы должны были сажать судно на какую-нибудь песчаную отмель; течь въ немъ была такъ сильна, что въ глубокой водѣ оно потонуло бы, и, чтобы удержать его на водѣ, помпа должна была дѣйствовать цѣлый день. Ежедневно выпадали сильные дожди, производившіе въ каютахъ обыкновенныя непріятныя слѣдствія; и такъ какъ мы не могли долѣе ждать нашихъ спутниковъ, отправившихся сухимъ путемъ отъ Шире въ Тетте, то мы спустились къ Конгоне и для починки вытащили судно на берегъ. Вскорѣ затѣмъ прибыло съ провіантомъ Ея Величества судно „Линксъ“, подъ командою лейтенанта Берклея; боръ, до того довольно долго бывшій совершенно гладкимъ, именно передъ его приходомъ сдѣлался довольно неровнымъ, такъ что прошло два или три дня прежде, чѣмъ оно могло соединиться съ нами. На другой день съ „Линкса“ попытались выслать двѣ лодки, и одна изъ нихъ, не попавшая въ проходъ, разбилась въ сильномъ прибоѣ противъ острова. Офицеръ, которому поручена была другая лодка, артиллеристъ Гунтъ, поступилъ благородно и своимъ ловкимъ поведеніемъ достигъ того, что спасъ всѣхъ людей съ первой лодки. Естественно, что были потеряны вещи, которыя они собирались доставить намъ, но мы были благодарны и за то, что спаслись всѣ люди. Потеря почтовой сумки, заключавшей прошлогоднія депеши правительства и письма нашихъ друзей, была для насъ очень горестна, такъ какъ мы собирались отправиться въ экспедицію во внутренность страны, для чего потребно было отъ восьми до девяти мѣсяцевъ, а тяжко то время, когда нѣтъ извѣстій отъ друзей и семейства мѣсяцевъ двадцать. При починкѣ нашего утлаго судна мы получили дружескую и дѣя-

тельную помощь лейтенанта Бэрклея и 16 декабря опять могли отправиться въ Тетте.

По дорогѣ встрѣтили мы губернатора Квиллимане, ѣхавшаго въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ. Онъ сказалъ, что ему предписано лиссабонскимъ правительствомъ по личномъ удостовѣреніи, выбрать лучшую гавань для кораблей и лучшее мѣсто для выгрузки товаровъ. Мы сообщили ему указанія, какъ ему найти Конгоне. Онъ прибавилъ, что убѣжденъ, что португальцы его области знали устье и пользовались имъ для вывоза невольниковъ, но не хотѣли сказать ему, гдѣ оно, и поэтому онъ обратился къ намъ. Къ несчастію, его превосходительство заболѣлъ на слѣдующее утро лихорадкой и воротился, не достигнувъ устья рѣки. Затѣмъ португальскимъ правительствомъ былъ посланъ одинъ морской офицеръ для изслѣдованія различныхъ входовъ. Онъ только *поглядѣлъ* и составилъ потомъ отчетъ, въ которомъ воспользовался опубликованными нами промѣрами глубины, не указывая на нихъ. Его собственные земляки смѣялись надъ нелѣпымъ тщеславіемъ, обнаруженнымъ ихъ правительствомъ въ томъ, что оно такимъ образомъ старалось собрать свѣдѣнія, а между тѣмъ всегда утверждало, что имѣло ихъ уже прежде. Когда мы были противъ острова Экспедиціи, покрышка котла на нашемъ пароходѣ лопнула, какъ это уже часто случалось прежде. Къ нашему счастію, это произошло на привольномъ для дичи мѣстѣ и, поэтому, пока котелъ починялся, мы запаслись буйволовымъ мясомъ и дичью.

31 декабря 1859 мы достигли Шупанга, гдѣ должны были пробыть восемь дней, чтобы подождать прибытія миткаля изъ Квиллимане. Сѣрый коленкоръ или шитингъ — обыкновенное средство обмѣна въ восточной Африкѣ, и во время нашей экспедиціи внутрь страны онъ долженъ былъ служить вмѣсто денегъ. Губернаторъ и двѣ его прекрасныя взрослыя дочери были въ Шупанга. Рѣдко случается, чтобы португалецъ выказывалъ отвращеніе къ прислугѣ изъ черныхъ, но этотъ предпочиталъ, чтобы за нимъ ходили его дочери, и онѣ отправляли

свою обязанность съ привлекательной готовностью. Это было для насъ тѣмъ пріятнѣе, что мы въ этой странѣ рѣдко встрѣчали за столомъ португальскихъ дамъ. Его превосходительство, хотя вовсе недовѣрчивый, но совершенно откровенный,— въ самомъ дѣлѣ здѣсь обыкновеніе высказывать печальныя истины,—сказалъ, что живущіе здѣсь португальцы — жалкіе люди, совершенно погрязшіе въ непотребствѣ и лишенные всякой предпріимчивости. Нѣсколько крупныхъ рабовладѣльцевъ могли бы, если бы въ нихъ хоть сколько-нибудь было силы, каждый послать отъ пятидесяти до ста невольниковъ на мысъ Доброй Надежды, островъ Маврицію и въ Англію учиться сахарному производству и ремесламъ; затѣмъ они могли бы изготовлять сами себѣ выбойку изъ растущаго на мѣстѣ хлопка и сами же могли бы производить свой сахаръ, вмѣсто того, чтобы вывозить изъ чужихъ земель; даже онъ не видалъ никакого основанія, почему бы вскорѣ не имѣть имъ желѣзной дороги поперекъ континента въ Ангола!

Замѣчанія его превосходительства доказывали недостатокъ, часто замѣчаемый у португальцевъ и напоминающій тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые нелѣпо тщеславятся насмѣшкой надъ всѣмъ англійскимъ. Судя по нашимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, чужеземцамъ или жаль ихъ, когда они, какъ намъ часто случалось, слышатъ какого-нибудь господина, заключающаго свою рѣчь возгласомъ: „Мнѣ ужасно стыдно, что я родился португальцемъ,“ или они ихъ презираютъ. Въ его замѣчаніяхъ проглядывали также грандіозныя мечты, которыя питаются при совершенномъ пренебреженіи къ чисто матеріальнымъ занятіямъ и промышленности. Индиго высотою въ шесть футовъ дико росъ въ изобиліи подъ нашими ногами; около мили дальше попадается превосходный хлопокъ, который самъ собою растетъ, не смотря на то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ его ежегодно выжигаютъ, а сахарный тростникъ легко можно было бы воздѣлывать въ большей части дельты Замбези; но вмѣсто того, чтобы разумнымъ образомъ воспользоваться благодѣяніемъ этой очевидной выгоды,

наши друзья всегда прилежно отсылаютъ работу на островъ Бурбонъ, питая грандіозныя мечты о какой-то долженствующей составиться изъ англійскихъ капиталистовъ въ восточной Африкѣ второй ость-индской компаніи. Программа этой англійской компаніи, старательно составленная министромъ лиссабонской короны, съ похвальнымъ усердіемъ печется объ учрежденіи школъ, о постройкѣ мостовъ и дорогъ и объ углубленіи гаваней въ этой странѣ „попа Джона“, и все это по истеченіи двадцати лѣтъ должно перейти къ португальцамъ!

Его превосходительство указалъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что отечественное правительство Португаліи поддерживало колоніи въ Восточной Африкѣ съ ежегоднымъ убыткомъ въ 5,000 фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ оттуда мало или и совсѣмъ не велась торговля съ Португаліей, и никогда ни одинъ португалецъ не собралъ богатствъ и не возвратился, чтобы обогатить ими отечество. Дѣйствительно, есть надъ чѣмъ скорбѣть, что государственные люди, извѣстные, по изданнымъ ими законамъ, какъ мужи просвѣщенные, даютъ, какъ говорятъ, средства, которыми въ этой странѣ рабства непрерывно поддерживается столько страданія, а между тѣмъ съ претензіей на господство исключаютъ другія націи тамъ, гдѣ они не имѣютъ отнюдь ни малѣйшей власти. Не значитъ ли это цѣнить пустое хвастовство въ Европѣ слишкомъ дорого, именно выносить изъ-за него единодушную ненависть всего христіанства въ качествѣ перваго, начавшаго новую поморскую торговлю неграми, и послѣдняго, отказывающагося отъ нея?

Одинъ старый торговецъ неграми, весьма хворый и почти слѣпой, обыкновенно свободно и откровенно разсказывалъ намъ объ измѣнчивыхъ обстоятельствахъ его прошлой жизни. Ясно было, что онъ видѣлъ невольничество не въ томъ свѣтѣ, какъ мы. Всѣ его земляки знали, что подъ предлогомъ гуманности легче всего было расшевелить его щедрость, и въ отношеніи къ намъ онъ дѣйствительно былъ въ высшей степени велико-

Свадебная процессія въ Тетте. Жениха и невѣсту несутъ въ мачиласахъ. Тріумфальная арка у дома тестя. Невольники стрѣляютъ, какъ это въ обычаѣ при свадьбахъ и погребеніяхъ.

душенъ и предупредителенъ. Когда мы выразили свое изумленіе, что такой гуманный человѣкъ даетъ поводъ обвинять себя въ такой большой жестокости, какъ вывозъ рабовъ, онъ съ гнѣвомъ сказалъ, что никогда не лишалъ рабовъ ихъ отечества. Онъ вывозилъ только „Brutos do mato“, полевой рабочій скотъ, т. е. еще дикихъ, или незадолго до того на хищничествѣ пойманныхъ туземцевъ. При такого рода пониманіи дѣла онъ совершенно серіозно разсказывалъ намъ, что онъ, когда умерла его жена, для утоленія своей скорби, сдѣлалъ набѣгъ на племена по устью Шире и захватилъ много плѣнныхъ. Онъ началъ торговать невольниками въ Ангола и пріобрѣлъ достаточное богатство, но какъ-то увлекся и въ короткое время все растратилъ въ распутной жизни въ Ріо-де-Жанейро, почему говорилъ: „Золото, пріобрѣтенное торговлей невольниками, не идетъ впрокъ, и скоро опять возвращается къ дьяволу“. Лѣтъ за двѣнадцать онъ вышелъ изъ Квиллимане съ партіей слоновьей кости; судно было захвачено какъ невольничье и отведено на мысъ Доброй Надежды. Наши крейсеры захватывали и другія его суда, и онъ ничего не могъ возразить противъ этого, это было совершенно справедливо и прекрасно, потому что они дѣйствительно назначались для торговли неграми. Но что англичане захватили это судно,—это, по его мнѣнію, было несправедливо, потому что оно тогда совершало законный путь. Англійскіе офицеры были того же мнѣнія; они думали ему возвратить его, да такъ бы и сдѣлали, потому что они были честные люди, но подлецъ, его собственный землякъ на мысѣ, воспротивился имъ, и поэтому его судно было признано настоящимъ призомъ. Нѣсколько лѣтъ позже сопровождалъ насъ вверхъ по рѣкѣ одинъ корабельный офицеръ, бывшій въ крейсерствѣ захватившемъ его корабль, и когда онъ опять увидѣлъ нашего друга, то тотчасъ сообщилъ ему, что британское правительство, узнавъ впослѣдствіи, что захватъ его корабля былъ противозаконный, выплатило португальскому правительству сполна какъ цѣну судна, такъ и стоимость груза.

Синьоръ Віанна, поселенецъ, только-что купилъ помѣстье въ три квадратныя мили, одна сторона котораго была мѣстомъ битвы при Мазаро, и долженъ былъ за это выплатить въ три года девятьсотъ доллеровъ или 180 фунтовъ стерлинговъ. Онъ арендовалъ также у правительства сорокъ миль изъ владѣній Маріано, лежащихъ по Шире и Замбези. Господинъ Ацеведо арендовалъ на нѣсколько лѣтъ восемьдесятъ миль земли на восточной сторонѣ отъ Мазаро. Аренда въ нѣсколько сотъ доллеровъ собирается съ колоносъ или крѣпостныхъ, которые тому, кто арендовалъ землю, ежегодно доставляютъ одинъ или два куля зеренъ и отправляютъ извѣстныя послуги, довольно сходно съ тѣмъ, какъ это дѣлается при системѣ домовъ свободныхъ отъ поборовъ (cottar). Ландены или зулусы на противоположномъ или южномъ берегу сошли, чтобы получить свою дань, но Віанна послалъ имъ небольшой подарокъ и просилъ ихъ не притѣснять его, пока губернаторъ въ отлучкѣ. Между тѣмъ онъ послалъ всѣ свои вещи на противоположный берегъ и вскорѣ затѣмъ ушелъ съ губернаторомъ, не заплативши зулусамъ. Главная цѣль уплаты дани зулусамъ — получить дозволеніе рубить на двадцать миль внутрь страны стоящій гигантскій лѣсъ изъ гунда для постройки большихъ „кочесъ“ (coches) или челновъ, которые ходятъ по Замбези. Онъ рубкой лѣса изъ участка наготовилъ столько челновъ, что ихъ хватитъ лѣтъ на десять, и думалъ, что прежде чѣмъ пройдетъ это время, его поступокъ, сдѣланный украдкою, будетъ уже давно позабытъ. Тѣмъ не менѣе, онъ горько жаловался на недостатокъ уваженія, которое должны бы питать эти туземцы къ губернатору и къ нему самому.

Пока мы были въ Шупанга, проѣзжалъ чрезъ него въ челнѣ на пути къ Сенна Поль Маріано въ качествѣ военноплѣннаго. Онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ *нѣсколькихъ бѣдныхъ черныхъ парней*, изъ которыхъ одинъ былъ плотникомъ извѣстнаго синьора Ацеведо. Офицеръ и нѣсколько солдатъ сдѣлали нападеніе на Маріано и взяли его въ плѣнъ. Сестра

его пришла къ губернатору и прямо, въ присутствіи нѣсколькихъ знатныхъ мужчинъ, спросила его, сколько онъ потребуетъ денегъ за освобожденіе ея брата. Естественно, его превосходительство весьма смутился ея дерзостью и съ гнѣвомъ далъ ей отказъ; но довольно странно, что черезъ нѣсколько дней Поль бѣжалъ, и возвратился на свой островъ, гдѣ съ тѣхъ поръ его постоянно оставляютъ въ покоѣ. Прежде чѣмъ мы узнали, куда онъ ушелъ, мы спросили одного господина, знакомаго съ дорогами страны, куда, по его мнѣнію, бѣжалъ Поль. „Ba (qual!)!“ сказалъ онъ: „безъ сомнѣнія, домой!“ И дѣйствительно такъ было.

Въ это время у насъ были частые дожди, и рѣка значительно поднялась; нашъ ходъ вверхъ по рѣкѣ шелъ очень медленно, и мы достигли Тетте только 2 февраля 1860. Въ тотъ же самый день вернулся и Торнтонъ съ геологической поѣздки, отъ которой нѣкоторые португальцы ожидали, что опять будетъ открыта сказочная серебряная руда. Въ странѣ есть легенда, что іезуиты прежде въ Чикова знали и разработывали рудникъ благороднаго металла. Торнтонъ въ обществѣ одного цвѣтнаго промышленика доходилъ до Зумбо; вскорѣ затѣмъ онъ покинулъ Замбези, примкнулъ къ экспедиціи барона фанъ-деръ-Деккена и изслѣдовалъ снѣжныя горы Килиманджаро къ сѣверозападу отъ Занзибара. Спутникъ Торнтона, промышленикъ, возвратился съ большимъ количествомъ слоновьей кости, которую онъ нашелъ и въ большомъ множествѣ и по дешевой цѣнѣ. Однако, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ въ странѣ, которая имѣетъ притязаніе въ Европѣ считаться португальской, уплатить тяжкія подати банІан и другимъ племенамъ. Во время этого шестимѣсячнаго поиска, кромѣ бусъ и латунной проволоки, выдано различнымъ владѣльцамъ 200 шестнадцати-ярдныхъ кусковъ выбойки за позволеніе пройти черезъ ихъ земли. Кромѣ этихъ относительно тяжкихъ налоговъ, туземцы *этой португальской области* имѣютъ обычай налагать подати за предполагаемыя миландосъ или преступленія, въ которыхъ хотя

бы безсознательно могли провиниться люди промышленика. Купцы, однако, охотно подчиняются платежу податей, вмѣсто того, чтобы подвергаться опасности борьбы. Слоновья кость довольно дешева для расплаты. Каждый теттеанскій купецъ, какъ говорятъ, обязанъ платить за содержаніе извѣстнаго числа принадлежащихъ къ гарнизону солдатъ, и тотъ, который только-что вернулся изъ внутренней страны, долженъ былъ содержать пять человѣкъ, хотя ему не оказано было никакихъ услугъ. Отъ Зумбо до Чикова слоновья кость обыкновенно сплавляется въ челнахъ; тамъ челны оставляютъ и мимо Кебрабаза слѣдуетъ сухопутный транспортъ. Этотъ промышленикъ нанялъ баніаи, чтобы пронести слоновью кость мимо быстрины. Сошлись на томъ, что они получатъ за походъ по три ярда выбойки на каждаго; но по дорогѣ они нѣсколько разъ сбрасывали свои ноши и требовали все больше и больше, пока ихъ требованія не остановились на десяти ярдахъ. „Я со своими собственными людьми могъ бы ихъ забрать и побить“, сказалъ промышленикъ, „но пришедши въ Тетте я былъ бы наказанъ губернаторомъ, потому что нарушилъ миръ въ странѣ. Если бы баніаи ограбили слоновью кость у находившихся сзади меня людей моего каравана, то вся помощь, которую я получилъ бы со стороны нашихъ властей для возвращенія ея, состояла бы въ неудовольствіи, которое я испыталъ бы, узнавши что они, по выслушаніи моей жалобы, послали къ баніаи купить мою слоновью кость для себя самихъ по дешевой цѣнѣ“.

Теперь уже умершій пожилой офицеръ былъ дѣйствительнымъ комендантомъ крѣпости въ Тетте и былъ рѣдкимъ образцомъ губернатора. Вскорѣ по достиженіи власти, онъ издалъ законъ о дороговизнѣ, которымъ опредѣлялись рыночныя цѣны туземныхъ продуктовъ. Вслѣдствіе опустошительной войны прежнихъ лѣтъ жизненные припасы вздорожали почти втрое противъ того, какъ было встарину; поэтому, его превосходительство рѣшилъ привести цѣны къ ихъ прежнему нормальному состоянію и объявилъ, чтобы на бу-

дущее время за два ярда коленкору продавалось двадцать-четыре штуки птицъ вмѣсто восьми, и чтобы въ такомъ же отношеніи понижена была цѣна овецъ, козъ и масла. Первый пришедшій на рынокъ туземецъ отказался продать своихъ птицъ по таксѣ и тотчасъ притащенъ къ разгнѣванному губернатору и, за неповиновеніе въ отношеніи къ этому новому возстановленію стараго закона, приговоренъ—быть водимымъ цѣлый день взадъ и впередъ по улицѣ, со своимъ кудахтающимъ товаромъ на шеѣ, и затѣмъ быть отосланнымъ въ темницу, чтобы тамъ провести ночь. Другой бѣдный парень вынесъ на продажу кувшинъ масла изъ земляныхъ орѣховъ, и такъ какъ онъ отказался продать его по законной цѣнѣ, то приговоренъ выпить значительное его количество. Единственное затрудненіе, на которое наткнулся этотъ господинъ при введеніи своей реформы, произошло отъ туземцевъ, которые перестали являться со своими продуктами на рынокъ до тѣхъ поръ, пока не отмѣнили законъ.

Такъ какъ на всѣ привозныя вина и спиртовые напитки наложена довольно высокая пошлина, то Тетте, разсматриваемый какъ простое селеніе, долженъ приносить довольно большіе доходы. Обыкновенно вся вина возлагается на климатъ. Такъ купцы, которые весьма общительны, даютъ по своимъ домамъ другъ другу вечеринки. Во время этихъ собраній можно быть свидѣтелемъ замѣчательно ослабляющаго вліянія климата. Въ теченіе какого-нибудь часа значительное число сочленовъ становятся слишкомъ слабыми, чтобы держаться сидя на стульяхъ; они безсознательно скользятъ подъ столъ, между тѣмъ какъ другіе, громко распѣвая и болтая, держатся, произнося клятвы вѣчной дружбы, но мало-по-малу теряя контроль и надъ языкомъ, и надъ членами, падаютъ другъ къ другу въ объятія. У двери сидятъ невольники, которые, такъ какъ они понимаютъ эти симптомы, входятъ и уносятъ домой своихъ слабыхъ и распростертыхъ на землѣ господъ. Мы не посовѣстились бы приписать эти симптомы опьянѣнію, если бы опьянѣніе и не выражалось здѣсь фразой:

„онъ говоритъ по-англійски“, что значитъ: „онъ напился“, такъ что каждое такое обвиненіе имѣетъ видъ какого-то tu quoque. При сильномъ развитіи невоздержности и другихъ пороковъ между португальцами въ Тетте, мы должны были удивляться не тому, что у нихъ была лихорадка, а тому, какъ они всѣ вмѣстѣ не перемерли. Ихъ обычаи были бы убійственны во всякомъ климатѣ. Туземцы удивлялись даже еще болѣе, чѣмъ мы; наши макололо, напр., съ изумленіемъ смотрѣли на эти общественныя попойки и Сининіане описывалъ одну изъ нихъ такъ, что участники ея хорошо бы сдѣлали, если бы послушали: „Одинъ португалецъ встаетъ,“ говоритъ онъ, „и кричитъ Viva! т. е. я доволенъ; другой кричитъ Viva! и я тоже доволенъ; и затѣмъ всѣ они громко кричатъ Viva! — всѣ мы довольны; они такъ радуются, получивши немного пива.“ Однажды вечеромъ видѣлъ онъ трехъ пьяныхъ офицеровъ; среди своего веселья они подрались изъ-за ложнаго извѣстія; одинъ наскочилъ на своего противника и старался его укусить, а пока эти два катались по полу, третій схватилъ стулъ и тузилъ ихъ обоихъ. Сининіане былъ изумленъ такимъ поведеніемъ и воскликнулъ: „Что же за люди эти бѣлые, если они даже со своимъ начальствомъ такъ обращаются?“

Общее однообразіе жизни въ Тетте иногда прерывается смертнымъ случаемъ или свадьбой. Если умершій вліятельная особа, то количество пороха, уничтожаемаго его невольниками, огромно. Въ отношеніи къ ихъ средствамъ издержки ихъ можно сравнить съ тѣми, въ которыя обходится въ Англіи нелѣпымъ образомъ совершаемое чрезмѣрно великолѣпное погребеніе. Когда мы были въ Тетте, мы всегда сочувственно выказывали нашу, готовность на помощь и участіе своимъ присутствіемъ при послѣднихъ торжествахъ, чтобы смягчить печаль оставшихся ближнихъ. Мы были убѣждены, что они, если бы мы понесли потерю, сдѣлали бы то же самое въ отношеніи къ намъ. Мы никогда не могли пожаловаться на недостатокъ гостепріимства. Большое дружелюбіе, съ ка-

кимъ встрѣтили насъ многіе, о которыхъ мы уже часто говорили, никогда не исчезнетъ изъ нашей памяти до дня нашей смерти. Если мы говоримъ объ ихъ недостаткахъ, то дѣлаемъ это съ сожалѣніемъ, а не со злобою. Что они занимаются торговлей неграми, это огромный промахъ. Ихъ правительство ставитъ ихъ въ ложное положеніе, отрѣзывая ихъ отъ остальнаго міра, и они всегда говорятъ объ этомъ съ горечью, которая, если бы была услышана, могла бы измѣнить тонъ государственныхъ людей въ Лиссабонѣ. Но здѣсь нѣтъ печати, нѣтъ книжныхъ лавокъ и едва ли есть какой-нибудь школьный учитель. Если бы мы родились въ подобныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, — мы содрогаемся при одной мысли объ этомъ!

Свадьбы празднуются съ такими же увеселеніями, какъ повсюду. Мы присутствовали при одной свадьбѣ въ домѣ одного изъ нашихъ друзей, — патера. Выходила замужъ его крестница, и онъ дружелюбно пригласилъ насъ принять участіе въ его радости. Мы познакомились при этомъ со старой донной Евгеніей, которая была замужней дамой и имѣла дѣтей, когда пришли невольники изъ Кассандже, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ насъ родился. Все празднество отличалось хорошимъ вкусомъ и приличіемъ.

Другая свадьба составила въ католической церкви шествіе, сходное, по нашему мнѣнію, съ шотландскимъ обычаемъ и понравившееся намъ какъ нельзя болѣе. Нашъ другъ, капитанъ Террацао, собрался жениться на одной молодой дамѣ, носившей ни болѣе, ни менѣе, какъ знаменитое имя Викторіи Александрины, дочери одного изъ самыхъ богатыхъ купцовъ въ Тетте. Но мать ея была въ простомъ сожительствѣ и, чтобы объявить дѣтей законными, сначала должна была отпраздноваться свадьба родителей, и тогда Террацао получилъ свою невѣсту, а другой знатный господинъ ея сестру въ тотъ же самый день. Намъ кажется, достойно сожалѣнія, что, по нашимъ законамъ, тѣ, которые имѣли несчастіе родиться внѣ брака, приговорены, безъ всякой вины съ своей

стороны, носить во всю жизнь клеймо позора. При свадебныхъ шествіяхъ невѣстъ и жениховъ несутъ въ подвѣшенныхъ къ шестамъ койкахъ, которыя называются махилласъ. Невольницы въ полномъ своемъ нарядѣ радуются на счастье своихъ господъ и госпожъ. Невольники несутъ махилласъ или обнаруживаютъ свою радость стрѣляніемъ изъ ружей. Друзья молодыхъ, обыкновенно въ черныхъ фракахъ и высокихъ цилиндрическихъ шляпахъ, которыя, когда мы ихъ видимъ за границей, кажутся намъ даже еще отвратительнѣе, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ, идутъ въ торжественной процессіи за махилласъ. Женщины стоятъ тамъ, какъ изображено на рисункѣ, и дивятся нарядамъ своихъ сосѣдокъ, граціозно покачивая на головахъ свои кувшины съ водою, и всѣ приглашенные гости обильнымъ питьемъ, промываютъ пыль, которой наглотались въ толпѣ народа; затѣмъ слѣдуетъ пиръ, танцы и радостное веселье.

Въ окрестностяхъ Тетте почти единственный важный предметъ — каменный уголь, встрѣчающійся за нѣсколько миль къ сѣверу. Онъ выдается тамъ наружу въ профиляхъ утесовъ у родниковъ рѣки Ревубуе. Слои толщиною отъ четырехъ до семи футовъ; одинъ изъ измѣренныхъ нами мы нашли въ двадцать пять футовъ толщиною. Съ поверхности лежащій уголь содержитъ много шифернаго сланца; но сдѣлавши шахту въ горизонтальномъ направленіи глубиною отъ двадцати-пяти до тридцати футовъ, мы получили уголь лучшаго достоинства, и онъ далъ хорошій паръ. Заключенные въ немъ корни растеній показываютъ, что онъ принадлежитъ къ древней формаціи. Онъ лежитъ подъ крупнозернистымъ сѣрымъ песчаникомъ, на которомъ часто видны слѣды волнъ, а на поверхности есть отпечатки растеній и пропитанное кремнекислотой дерево. Во многихъ текучихъ водахъ къ югу отъ Тетте находили и золото; но пока процвѣтаетъ невольничество, каменный уголь и золото безполезны и сохранятся для будущихъ поколѣній.

Такъ какъ мы узнали, что трудно было бы для нашего общества, пока не соберется новая жатва, добывать по ту сторону Керабаза жизненные припасы, и знали затрудненія, съ которыми сопряжена охота въ мокрое время года при такомъ большомъ многолюдствѣ, то мы рѣшили отложить нашу поѣздку внутрь страны до мая, а между тѣмъ еще разъ спуститься къ Конгоне въ надеждѣ получить письма и деньги съ военнаго корабля, который долженъ былъ прійти въ портъ. Мы оставили Тетте 10 февраля и въ Сенна услыхали, что наша потерянная почтовая сумка найдена туземцами на берегу къ западу отъ Миламбе, доставлена въ Квиллимане, оттуда въ Сенна и, разойдясь съ нами гдѣ-нибудь на рѣкѣ, отослана дальше въ Тетте. Въ Шупанга губернаторъ сообщилъ намъ, что это была очень большая сумка; такъ какъ она ушла выше по рѣкѣ, то это насъ мало удовлетворило.

Въ гавани были чрезмѣрно обременительны москитосы, и особенно когда легкій вѣтеръ съ сѣвера вѣялъ черезъ деревья мангле. Мы прожили нѣсколько недѣль въ хижинахъ, построенныхъ нашими людьми. Тѣ, которые занимались охотою для цѣлаго общества, постоянно бывали мокры и получали лихорадку, но обыкновенно выздоравливали какъ разъ во время, чтобы выйти снова прежде чѣмъ выйдетъ все мясо. Такъ какъ не явилось ни одного корабля, то мы двинулись 15 марта и остановились на Луабо около лагеря охотниковъ на бегемотовъ, чтобы запастись дровами. Отъ этихъ охотниковъ наши люди опять слышали о пути для челновъ, идущемъ отъ этого мѣста къ Квиллимане, но они отказались показать его. Губернаторъ Квиллимане уже жаловался, что португальцы его области скрываютъ отъ него этотъ путь изъ видовъ торговли невольниками, и отказались показать его даже *ему*. Мазаказа былъ вполнѣ убѣжденъ, что своей дипломатіей онъ могъ бы вывѣдать о немъ у этихъ охотниковъ, и говорилъ, что они мягкій языкъ ѣдятъ, а жесткій ихъ пугаетъ; но ночью всѣ они ушли. Впослѣдствіи мы

узнали, что входъ въ него идетъ черезъ естественное отверстіе, называемое Кушишоне и находящееся между второй и третьей милями выше канала Конгоне, но на противоположномъ берегу Замбези. Однако, онъ не имѣетъ значенія, такъ какъ по немъ могутъ только иногда проходить небольшіе челны.

Португальское правительство въ Лиссабонѣ стремилось съ того времени съ забавной серіозностью доказать, что эти страны уже давно были ему хорошо извѣстны. Остальному міру это совершенно все равно. *Мы*, съ своей стороны, должны были открыть ихъ, или, по крайней мѣрѣ, снова открыть; и въ отношеніи къ полнотѣ свѣдѣній, которыми обладаетъ это министерство, странно, что ничего изъ его познаній не видно было въ приказахъ, данныхъ его чиновникамъ въ Африкѣ. Губернаторъ Квиллимане получилъ приказаніе изслѣдовать Конгоне, но прямо и откровенно говорилъ, что не знаетъ, гдѣ находится эта гавань. Нашъ другъ, маіоръ Сикардъ, получивъ отъ насъ удостовѣреніе, что въ окружающихъ ее бухтахъ не могли встрѣтиться зулусы, съ лукавымъ намѣреніемъ рѣшился захватить въ свое владѣніе большую полосу земли и послалъ туда невольниковъ, чтобы разбить садъ и построить ему на Конгоне домъ, который сообщилъ бы свое значеніе гавани. Не зная, что мы заимствовали это названіе отъ стороны естественнаго канала между рукавомъ Конгоне и Замбези, они выполнили его приказаніе на мѣстѣ, отстоявшемъ оттуда слишкомъ на двадцать миль. Мы ясно видѣли, что мы и наши португальскіе друзья смотримъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы имѣли въ виду великій результатъ благодѣянія, участниками въ которомъ, по основаніи свободной торговли, должны были сдѣлаться всѣ, какъ бѣлые, такъ и черные. Они ничего не видѣли дальше того, что мы побудимъ англійскихъ купцовъ основать компанію, вся выгода которой, по ихъ притязанію, должна перейти къ португальцамъ. Такъ легко было насквозь видѣть ихъ близорукую и эгоистическую политику, что

мы постоянно указывали нашимъ коммерческимъ друзьямъ въ Англіи на то, что безъ свободнаго судоходства по Замбези они тщетно отваживались бы на это препятствіе. Положительно ничего не терпимо, кромѣ торга невольниками. У Сенлэй, Эсквайръ изъ Іоганна, по порученію покойнаго адмирала Уивиля, отправился съ грузомъ товаровъ по рѣкѣ Анконшѣ или Ангоксѣ, чтобы завести законную торговлю съ туземцами. Все шло по его ожиданіямъ. Тогда два португальскіе чиновника подъ ложными предлогами заманили его въ Мозамбикъ и, какъ скоро онъ подошелъ подъ выстрѣлы крѣпости, объявили его военноплѣннымъ, а грузъ и судно конфисковали „за противозаконную торговлю въ португальскихъ владѣніяхъ.“ Будь онъ торговецъ неграми, небольшая поголовная подать, безъ сомнѣнія, доставила бы ему и кровъ, и пиршество во дворцѣ генералъ-губернатора.

Въ Мазаро нашли мы нашего друга, маіора Сикарда, съ молотками, заступами, лопатами, фашинами и невольниками для постройки крѣпости и таможни на Конгоне. Такъ какъ у насъ не было никакой особой причины скрывать гавань, и мы многихъ уже увѣдомили о ея существованіи, то мы снабдили его картой вьющихся рукавовъ, которые, протекая между деревьями мангле, производятъ путаницу при изслѣдованіи, и дали ему достаточныя указанія, чтобы онъ въ состояніи былъ найти свою дорогу внизъ по рѣкѣ. Съ нимъ были остатки нашей, находившейся въ бѣгахъ, почтовой сумки, и было не особенно пріятно найти, что, за исключеніемъ пакета со старыми газетами, двухъ фотографій и трехъ писемъ, написанныхъ прежде чѣмъ мы оставили Англію, все было потеряно.

Сининіане въ Шупанга обмѣнялся именемъ съ однимъ зулу и въ слѣдующее утро на перекличкѣ не далъ отвѣта; онъ не обратилъ вниманія и на второй и на третій вызовы; наконецъ, одинъ изъ его земляковъ пояснилъ: „онъ уже не называется Сининіане; его имя — Мошошома“, и на это имя онъ тотчасъ откликнулся. Обычай мѣняться именами

съ людьми другихъ племенъ довольно обыкновенен; помѣнявшіеся считаются вѣрными товарищами, и впослѣдствіи всегда оказываютъ другъ другу особое попеченіе. Если одинъ случайно посѣтитъ городъ своего товарища, то ожидаетъ отъ него прокормленія, крова и другихъ дружескихъ услугъ. Когда Чарльзъ Ливингстонъ въ дождливое время былъ на Кебрабаза, одинъ голодный, иззябшій туземный путешественникъ сдѣлался другомъ его на всю жизнь, и даже не изъ-за обмѣна именъ, а вслѣдствіе нѣкотораго количества пищи и небольшаго куска выбойки. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, когда мы были на пути во внутреннюю страну, пришелъ въ нашъ лагерь человѣкъ, принесшій съ собою богатый даръ изъ риса, муки, пива и пѣтуха, и напомнилъ намъ о томъ, что́ было для него сдѣлано (но что́ было совершенно забыто Чарльзомъ Ливингстономъ); онъ сказалъ, что видя насъ теперь путешествующими, „ему очень непріятно было бы, если бы мы заснули голодные и жаждущіе.“ Многіе изъ нашихъ людей, подобно туземнымъ жителямъ, отказались отъ своихъ собственныхъ именъ и приняли имена владѣльцевъ; другіе пошли далѣе тѣхъ, которые приняли имена высоко стоящихъ людей, ибо они перенесли на себя имена горъ и водопадовъ, видѣнныхъ нами на нашемъ пути. У насъ были Чибиза, Марамбала, Зомба и Кебрабаза, и ихъ звали этими именами даже когда они вернулись въ свое отечество.

Мы такъ часто задерживались и занимались „Ма-Робертомъ“, иначе „страждущимъ одышкой,“ что читатель, хотя и десятой доли всего не упомянуто, можетъ подумать, что мы говорили о немъ болѣе чѣмъ достаточно. Господинъ, черезъ посредство котораго главнымъ образомъ навязано было намъ это жалкое судно, уже умеръ, а съ нимъ исчезла и досада изъ нашихъ сердецъ. Однако же мы чувствовали, что весьма серіозно стоитъ пожалѣть, когда кто-нибудь, ради позорной выгоды, обдѣлываетъ дѣла, о которыхъ нельзя говорить, когда его нѣтъ. У насъ былъ еще въ отечествѣ достоуважаемый и великодушный другъ нашъ, недавно умер-

шій адмиралъ Вашингтонъ, чтобы позаботиться о томъ, чтобы не пришлось намъ опять страдать; но намѣреніе выполнить огромное дѣло на озерѣ Ніасса посредствомъ парохода, который можно было бы разнять и пронести мимо водопадовъ, было такъ прекрасно, — и, если оно удастся, можно было въ самомъ дѣлѣ такъ надѣяться вполнѣ измѣнить жалкую систему, цѣлые вѣка вредившую странѣ,—что мы, для пріобрѣтенія должнымъ образомъ устроеннаго судна, послали машиниста Рэя домой, чтобы наблюдать за его постройкой. Для „страждущаго одышкой“ онъ не могъ уже быть полезенъ, такъ какъ этотъ былъ совершенно неизлечимъ. Мы послали вмѣстѣ съ нимъ пять ящиковъ съ экземплярами, которые были тщательно собраны и высушены д-ромъ Киркомъ; четыре изъ нихъ, къ величайшему нашему огорченію и досадѣ, никогда не дошли до садовъ Кью. Всѣ мы провожали нашего машиниста пѣшкомъ до небольшаго протока, впадающаго въ Кваква или рѣку Квиллимане, откуда онъ могъ пройти въ соименную гавань, чтобы отправиться въ Англію.

Разстояніе отъ Мазаро на этой сторонѣ Замбези до Кваква при Нтерра около шести миль, и дорога лежитъ по удивительно плодородному черноземy. Ночь провели мы въ длинномъ сараѣ, устроенномъ при Нтерра на берегу рѣки для путешественниковъ, которые часто по нѣскольку дней должны ожидать челновъ. Мы старались заснуть, но москитосы и крысы безпокоили такъ, что дѣлали сонъ невозможнымъ. Крысы, или, скорѣе, большія мыши этой страны, совершенно сходныя съ Mus pumilio (Смитъ), чрезвычайно забавныя животныя, и по своей веселости, часто отъ всей души смѣются. Безпрерывно онѣ будили насъ, вспрыгивая на наши лица и потомъ разражаясь громкимъ смѣхомъ хи, хи, хи! надъ выполненнымъ геройскимъ подвигомъ. Чувство смѣшнаго, повидимому, въ нихъ чрезвычайно сильно; онѣ смѣются и громко покрикиваютъ при попыткахъ, дѣлаемыхъ въ темнотѣ обезпокоенной и разгнѣванной человѣческой природой, чтобы по-

ложить конецъ ихъ безвременной забавѣ. Ихъ мудрые европейскіе сродники покидаютъ, какъ разсказываютъ, тонущій корабль; напротивъ эти мыши заняли квартиры въ нашемъ протекающемъ и тонущемъ суднѣ. Днемъ спокойныя и невидимыя, онѣ ночью выходятъ и дѣлаютъ свои шутливые походы. Какъ скоро мы всѣ засыпаемъ, онѣ вдругъ выскакиваютъ на провіантскіе ящики и по нашимъ лицамъ прыгаютъ къ каютной двери, гдѣ всѣ разражаются громкимъ хи, хи, хи, хи! хи, хи! чтобы показать, какъ они ликуютъ надъ этой шуткой. Съ тѣмъ же удовольствіемъ идутъ онѣ за тѣмъ дальше и снова вскакиваютъ на людей. Каждую ночь бѣгаютъ онѣ взадъ и впередъ, безпристрастными лапками будятъ каждаго соннаго и хохочутъ, насмѣхаясь надъ безцѣльными ударами, безполезнымъ ворчаньемъ и смертоносными атаками оскорбленнаго человѣчества. Въ другомъ мѣстѣ мы наблюдали видъ большой мыши, весьма сродной съ Euryotis unisulcatus (F. Cuvier), когда она карабкалась по шероховатой и не совсѣмъ прямой стѣнѣ съ шестью дѣтенышами, крѣпко прицѣпившимися къ заду. Дѣтеныши были на столько взрослы, что покрылись уже шерстью, а иные не отпали даже отъ удара, который повалилъ взрослую на землю. Мы не могли рѣшить, не дѣйствуютъ ли непроизвольные мускулы, удерживая своею дѣятельностью дѣтенышей. Тяжесть ихъ, повидимому, требуетъ нѣкотораго рода каталептическаго состоянія челюстныхъ мускуловъ, которое дало бы имъ возможность держаться.

Нерѣдко съ дровами заносили въ судно также скорпіоновъ, тысяченожекъ и ядовитыхъ пауковъ, и они при случаѣ находили себѣ дорогу въ наши постели; но всякій разъ мы бывали такъ счастливы, что замѣчали и истребляли ихъ прежде, чѣмъ они успѣвали нанести вредъ. Корабельные офицеры, жившіе на этихъ берегахъ, говорили, что если скорпіонъ и тысяченожка, попавши подобнымъ образомъ на судно, останутся на немъ нѣсколько недѣль, то ядъ ихъ теряетъ почти всю свою остроту; но мы не могли въ этомъ

убѣдиться. Съ дровами часто являлись змѣи, но чаще онѣ подплывали къ намъ по рѣкѣ, легко вползали на бортъ по якорной цѣпи; нѣсколько ядовитыхъ пойманы нами въ каютахъ. Одна зеленая змѣя жила у насъ нѣсколько недѣль; днемъ она скрывалась за обшивкой палубы. Быть разбуженнымъ въ темнотѣ пятифутовой холодной зеленой змѣей, скользящей у кого-нибудь по лицу,—довольно непріятно, какъ бы ни было скоро это движеніе. Судно безпокоили миріады двухъ видовъ мокрицъ; онѣ не только обгрызали намъ корни ногтей, но заползали и портили также наши жизненные припасы, фланель и сапоги; всѣ наши старанія истребить этихъ разрушительныхъ мучителей были тщетны; „если убить одну", говорили матросы, „то сотни сходятся на ея погребеніе." Въ сочиненіи коммандора Оуэна сказано, что стертыя въ кашицу мокрицы составляютъ разбивающее средство отъ сильнаго развитія вѣтровъ въ животѣ (карминативное средство); это не подтвердилось; но когда ихъ ѣдятъ обезьяны, то онѣ такъ худѣютъ отъ этого, что невольно рождается мысль, что лекарство изъ мокрицъ въ отношеніи къ жирнымъ людямъ имѣло бы такую же силу, какою отличается курсъ леченія въ Бантингѣ.

Когда мы прибыли въ Сенна, мы нашли, что зулусы пришли съ войскомъ для полученія своей ежегодной дани. Эти люди соблюдали строгую дисциплину и никогда не обирали жителей. Дань взимается по праву завоеванія, такъ какъ зулусы когда-то на голову разбили сенпаанцевъ и загнали ихъ на острова, расположенные по Замбези. При этомъ убито было пятьдесятъ четыре португальца, и селеніе, не смотря на глиняную крѣпость, никогда уже не могло снова достигнуть своей прежней силы. Лихорадка была теперь въ сильномъ развитіи, и большая часть португальцевъ были больны ею. Въ селеніи было значительное число гнилыхъ лужъ, наполненныхъ зеленымъ, гніющимъ иломъ, въ которыхъ съ наслажденіемъ валялись растрепанныя, длинорылыя, похожія на борзыхъ собакъ, свиньи. Большая часть огоро-

женнаго палисадомъ пространства, которое образуетъ продолговатый четыреугольникъ, какъ говорятъ, въ тысячу ярдовъ длины и пятьсотъ ярдовъ ширины, покрыта высокимъ индиго, кассіями и кустами, и между ними находятся насыпи, на которыхъ когда-то стояли церкви и монастыри. Воздухъ не можетъ свободно обращаться; поэтому вовсе не удивительно, что жители страждутъ отъ лихорадки. Кормъ свиней неописанно отвратителенъ; но онѣ сами составляютъ любимое кушанье, и здѣсь, также какъ въ Тетте, можно слышать, какъ хозяева сзываютъ ихъ съ ихъ прогулокъ, съ прибавленіемъ нѣжныхъ именъ, въ родѣ „Іоао," „Маноэль," „кудіа! кудіа (кушать, кушать)! Антоніо!" Мы видѣли одну странную породу, которая случайно появилась между этими вообще неинтересными животными. Поросята были красиво разрисованы попеременными желтовато-бурыми и бѣлыми полосами, и эти, почти въ дюймъ шириною, ленты были расположены не такъ, какъ у зебры, а проходили горизонтально вдоль тѣла. Полосатость является иногда у муловъ и лошадей, и предполагаютъ, что она означаетъ возвращеніе къ первоначальному дикому типу, такимъ же образомъ, какъ породистые домашніе голуби своей черной полосой поперекъ хвоста иногда обнаруживаютъ наклонность возвратиться къ оперенію дикихъ голубей. Эта полосатая порода, можетъ быть, имѣетъ сродство съ первоначальными дикими свиньями, поросята которыхъ дѣйствительно имѣютъ полосы, хотя эти полосы исчезаютъ по мѣрѣ возрастанія животнаго.

Чтобы имѣть надлежащее понятіе объ окрестномъ ландшафтѣ, мы всходили на расположенный сзади селенія холмъ Барамуана. Насъ предостерегали объ опасности получить лихорадку отъ одного растенія, растущаго на его вершинѣ. Д-ръ Киркъ нашелъ, что это было Pœdevia fœtida, которая, если ее понюхать, дѣйствительно производитъ головную боль и лихорадку. У него, какъ уже показываетъ самое названіе, зловонный запахъ. Это *единственный* случай, когда лихорадка совпадаетъ съ противнымъ запахомъ. Во многихъ

случаяхъ, повидимому, дурныя испаренія и лихорадка не имѣютъ никакой связи. Вслѣдствіе обильныхъ дождей жатва въ сеннаанской области была богатая; это было счастьемъ послѣ отчасти плохой жатвы двухъ прошедшихъ лѣтъ. Къ 25 апрѣля мы достигли Тетте. И здѣсь жатва была великолѣпна, и жители говорили, что съ 1856 года, когда д-ръ Ливингстонъ спустился сюда по рѣкѣ, у нихъ ни разу не было такого обилія. Кто видалъ приготовленія для орошенія земель въ другихъ странахъ, напр. на мысѣ Доброй Надежды и въ Египтѣ, тотъ изумится, что не дѣлается никакой попытки къ проведенію воды или изъ Замбези, или изъ какого-нибудь ея притока; ничего не дѣлается, чтобы отвести ее изъ рѣки, а засуха и голодъ переносятся такъ, какъ бы они были неизбѣжными наказаніями Провидѣнія, которыхъ нельзя смягчить. Хотя наши друзья въ Тетте пренебрегали лежащей передъ глазами ихъ выгодой, на которую жадно бросились бы другія націи, однако же и они въ *одной* отрасли промышленности превзошли весь свѣтъ. Въ нѣкоторомъ родѣ аномалія, что животное, по строенію тѣла и по жизнедѣятельности ближе всѣхъ сродное человѣку, относительно работы и вѣрности въ дружбѣ стоитъ отъ него далѣе всѣхъ; но здѣсь хорошо воспользовались геніемъ обезьянъ. Ихъ пріучили охотиться за нѣкоторыми „безкрылыми насѣкомыми, которыя болѣе извѣстны, чѣмъ въ почетѣ.“ Насъ приглашали посмотрѣть на эту отрасль тетеанской индустріи, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что обезьяна очень къ ней способна, и обѣ стороны, повидимому, извлекаютъ изъ этого свою пользу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Приготовленіе къ путешествію въ страну макололо. — Садъ матросовъ. — Пшеница: время и способъ сѣянія. — Отправленіе изъ Тетте 15 мая для возвращенія макололо домой.—Равнодушіе и побѣги.—Дурное вліяніе знакомства съ невольниками. — Человѣкъ-левъ и левъ-человѣкъ. — Словесный разговоръ со львомъ. — Народное повѣрье. — Новый путь черезъ холмы Кебрабаза. — Сандіа.—Охота на слоновъ.—Охотничій законъ. — Пиршество изъ слоновьяго мяса. — Мы натолкнулись у Морумбва на Замбези и совершаемъ обозрѣніе Кебрабаза съ одного конца до другаго. — Опять баніан. — Видъ Кебрабаза. — Равнины Чикова и открытая рѣка. — Извѣстіе Сандіа о Кебрабазѣ.

Такъ какъ мы по чести считали себя обязанными возвратиться съ тѣми, которые въ 1856 году были вѣрными спутниками д-ра Ливингстона и покровительству и услугамъ которыхъ были обязаны за совершеніе путешествія, считавшагося всѣми португальцами въ Тетте до того времени невозможнымъ, то дѣлались всѣ нужныя приготовленія, чтобы ихъ опять отвести въ свое отечество.

Мы пристали на суднѣ къ лежащему противъ Тетте острову Каніимбе и до отправленія нашего въ страну макололо пріобрѣли небольшую часть земли для устройства сада для двухъ англійскихъ матросовъ, которые, на время нашего отсутствія, должны были оставаться на службѣ. Мы снабдили ихъ запасомъ сѣмянъ, и они начали работать съ такою ревностью, что по правдѣ заслуживали счастливаго успѣха. Первый ихъ опытъ въ африканскомъ садоводствѣ не удался по въ высшей степени неожиданной причинѣ; все сѣмя

было вырыто мышами и внутренность его выѣдена.—„Да, сказалъ старый туземецъ, увидѣвши на слѣдующее утро шелуху:—„это случается въ этомъ мѣсяцѣ, потому что это мѣсяцъ мышей, и сѣмя слѣдовало сѣять въ прошломъ мѣсяцѣ, когда я сѣялъ свое.“ Однако, матросы на слѣдующій день посѣяли еще болѣе, и такъ какъ они рѣшились перехитрить мышей, то на этотъ разъ совершенно прикрыли посѣвъ травою. Лукъ вмѣстѣ съ другими воздѣлываемыми португальцами растеніями засѣвается обыкновенно въ началѣ апрѣля, чтобы онъ воспользовался выгодами холоднаго времени года; пшеница на томъ же основаніи нѣсколько позднѣе. Если посѣять ее при началѣ дождливаго времени, въ ноябрѣ, то вся она выростаетъ, какъ уже выше замѣчено, въ солому; но такъ какъ въ маѣ дождя почти не бываетъ, то пользуются глубоко лежащими мѣстами, которыя понимаются водою изъ рѣки. Заступомъ дѣлаютъ ямку въ илѣ, бросаютъ туда нѣсколько сѣмени и заваливаютъ опять землю ногою. Если не поблагопріятствуютъ нѣкотораго рода туманные ливни, глубже по рѣкѣ ниспадающіе просто густымъ туманомъ, то вода приносится къ корнямъ пшеницы изъ рѣки въ земляныхъ горшкахъ, и почти въ четыре недѣли жатва готова къ уборкѣ. Тетеанская пшеница вывозится, какъ лучшая порода изъ растущихъ въ странѣ; но одно низкое мѣсто въ Маруру, возлѣ самаго Мазаро, даетъ весьма хорошія жатвы, хотя оно, судя по тому, что приливъ поднимается лишь на нѣсколько дюймовъ, лежитъ почти на уровнѣ моря.

Въ прилежномъ приготовленіи къ нашему путешествію прошло нѣсколько дней; выбойки, бусы и латунная проволока зашиты были для похода въ старый парусъ, и на каждомъ тюкѣ было выставлено имя носильщика. Макололо, работавшимъ для экспедиціи, заплачено за ихъ услуги, и каждый, пришедшій съ докторомъ изнутри страны, получилъ въ подарокъ выбойки и вещицы для украшенія для защищенія ихъ отъ бо́льшаго холода ихъ отечества, и для показанія, что они не даромъ ходили. Хотя ихъ изъ вѣжливости

называли макололо, такъ какъ они гордились этимъ именемъ, однако же Каніата, главный начальникъ, былъ единственный настоящій макололо изъ всего общества, и онъ занялъ высшее мѣсто по смерти Секвебу въ силу своего происхожденія. Другіе принадлежали къ завоеваннымъ племенамъ батока, башубіа, ба-селса и барозе. Нѣкоторые изъ этихъ людей къ своимъ собственнымъ порокамъ присоединили еще пороки теттеанскихъ невольниковъ; другіе тѣмъ, что они въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ мучились въ работѣ на челнахъ и при слоновьей охотѣ, часто имѣли возможность скопить кое-что и могли бы принести заработокъ съ собою въ свое отечество, но все это они должны были издержать на жизненные припасы, чтобы держать прочихъ во время голода, и въ послѣднее время подзаимствовали беззаботные обычаи невольниковъ и растратили излишекъ заработаннаго ими на пиво и водку (agua ardiente).

15 мая все было готово, и около двухъ часовъ пополудни мы оставили селеніе, гдѣ проживали макололо. Значительное число людей покидало его не такъ охотно, какъ мы могли предполагать за мѣсяцъ по ихъ рѣчамъ; но хотя нѣкоторые совершенно отказались отправиться съ нами, другіе пошли, хотя и сказано было, что ихъ никто не будетъ принуждать къ тому, если они не захотятъ идти. Иные влюблены были въ невольницъ, которымъ они помогали пахать и полоть и потреблять доходъ съ ихъ садовъ. Отъ нихъ родилось четырнадцать дѣтей, и такъ какъ у нихъ не было владѣтеля, который имъ приказывалъ бы или имѣлъ бы притязанія на ихъ услуги, то они думали, что здѣсь имъ такъ же хорошо, какъ въ ихъ отечествѣ. Они сознавали и сожалѣли, что не могутъ назвать своими ни женъ, ни дѣтей; рабовладѣльцы имѣютъ притязанія на все; но ихъ естественныя склонности были такъ сильны, что они крѣпко привязались къ домашнимъ узамъ. По португальскому закону, крещеныя дѣти невольницъ всѣ свободны; но обычай жителей Замбези уничтожаетъ этотъ законъ. Когда указываютъ на него, то офицеры смѣются и говорятъ: „Эти законы, вышедшіе изъ

Лиссабона, весьма отяготительны, но здѣсь они, вѣроятно, вслѣдствіе жаркаго климата, какъ-то потеряли всю свою силу.“ Только *одна* женщина присоединилась къ нашему обществу — жена одного мужчины изъ Батока. Она была дана ему владѣльцемъ Чизака въ уваженіе его умѣнья танцовать. Одинъ купецъ послалъ съ нами трехъ своихъ людей для передачи подарка Секелету; маіоръ Сикардъ также далъ намъ троихъ въ помощь на обратномъ пути, а два знатные португальца предложили намъ самымъ дружественнымъ образомъ пару ословъ. Мы ночевали въ четырехъ миляхъ выше Тетте и такъ какъ слышали, что баніаи, обременяющіе тяжкою данью португальскихъ купцовъ, живутъ главнымъ образомъ по правому берегу, то мы, не вполнѣ полагаясь на нашихъ людей, переправились на лѣвый берегъ. Если бы баніаи явились съ недружелюбною цѣлью, то, можетъ быть, наши проводники, имѣя свое отечество позади себя, бросили бы свои узлы и бѣжали. Двое изъ нихъ дѣйствительно на этомъ самомъ мѣстѣ порѣшили не идти далѣе, и возвратились въ Тетте. Еще одинъ, Монга, изъ Батока, былъ въ большомъ замѣшательствѣ, и совсѣмъ не зналъ, какимъ путемъ пойдти, такъ какъ онъ за три года до того ранилъ копьемъ своего начальника Каніата. Это считается у макололо преступленіемъ, ведущимъ за собою смертную казнь, и онъ боялся, что, можетъ быть, поэтому будетъ казненъ при своемъ возвращеніи. Онъ тщетно старался утѣшить себя тѣмъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни братьевъ, которые пожалѣли бы о немъ, и что умирать придется же. Онъ человѣкъ добрый, и взойдетъ къ звѣздамъ къ Іисусу, а поэтому смерть ему ничего не значитъ. Не смотря на эти разсужденія, онъ все же былъ очень разстроенъ до тѣхъ поръ, пока Каніата не увѣрилъ его, что никогда не упомянетъ владѣльцу о его проступкѣ; на самомъ дѣлѣ онъ не упоминалъ объ этомъ никогда даже доктору, что́ навѣрно сдѣлалъ бы, если бы это тяжело залегло ему на сердце. Общество Монга было весьма пріятно намъ, по-

тому что онъ былъ парень веселый, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, и его стройная, мужественная фигура, при опасности, всегда была впереди; легко было узнать ее въ борьбѣ со слонами, потому что онъ былъ лѣвша.

Мы начали съ короткихъ переходовъ, тихо прогуливаясь, и продолжали такъ значительное число дней, пока не привыкли къ походу. Это такъ важно, что, по нашему мнѣнію, можно бы болѣе успѣть съ солдатами, если бы переходы первыхъ двухъ дней были легкіе и постепенно увеличивались бы по разстоянію и по скорости. Ночи были холодныя, съ сильными росами и иногда ливнями, и съ нами было нѣсколько случаевъ лихорадки. Каждую ночь нѣсколько изъ нашихъ людей убѣгали, и мы вполнѣ ждали, что всѣ, у которыхъ были дѣти, предпочтутъ вернуться въ Тетте, потому что, какъ извѣстно, маленькія дѣти представляютъ самыя крѣпкія узы даже для рабовъ. Ни къ чему не вело толковать имъ, что если они не желаютъ воротиться, то они только пришли бы и сказали намъ; мы не озлились бы на нихъ, если бы они предпочли Тетте своему отечеству. Общеніе съ невольниками разрушило въ нихъ чувство чести, они не хотѣли уйти при дневномъ свѣтѣ, и убѣгали ночью; но былъ только одинъ случай захвата съ собою нашихъ вещей, хотя въ двухъ другихъ случаяхъ они унесли собственность своихъ товарищей. До самаго времени, когда мы благополучно достигли холмовъ Кебрабаза, вернулись тридцать мужчинъ, почти третья часть общества, и ясно было, что если бы насъ покинули еще нѣсколько, то вещи Секелеу не могли бы быть доставлены. Наконецъ, когда всѣ негодные ушли, побѣги прекратились.

Когда однажды послѣ полудня мы остановились въ одномъ изъ селеній по Кебрабаза, подошелъ къ намъ мужчина, увѣрявшій, что онъ можетъ обратиться во льва. Понюхавши пороху изъ разряженнаго ружья, онъ отошелъ къ сторонѣ, чтобы не слышать болѣе запаха; при этомъ дрожалъ онъ въ высшей степени притворнымъ образомъ, но выполнилъ свою

роль вполнѣ. Макололо другъ передъ другомъ объясняли намъ, что онъ пондоро или человѣкъ, могущій измѣнять свой видъ по произволу, и прибавляли, что онъ дрожитъ, когда понюхаетъ пороху.“ Посмотрите-ка, какъ онъ все еще дрожитъ! „Мы сказали имъ, чтобы они попросили его сейчасъ же обратиться во льва, и что мы дадимъ ему за это кусокъ выбойки. „О, нѣтъ! возразили они: — „если мы ему это скажемъ, то онъ обратится, а когда мы будемъ спать, придетъ и заѣстъ насъ.“ Такъ какъ у нихъ въ отечествѣ были подобныя суевѣрныя фокусничества, то они тотчасъ же столь же крѣпко увѣровали въ пондоро, какъ и туземцы селенія. Намъ разсказали, что онъ принималъ на себя видъ льва и днемъ скрывался въ лѣсахъ, иногда даже не являясь по цѣлому мѣсяцу. Его предусмотрительная жена устроивала ему хижину или пещеру, въ которую она ставила жизненные припасы и пиво для своего оборотившагося господина, метаморфоза котораго не наносила никакого вреда его человѣческому аппетиту. Въ эту хижину кромѣ пондоро и его жены не входилъ никто, и никогда чужеземецъ не прислонялъ своего оружія къ стоящему возлѣ нея баобабу. Мфумо или маленькій владѣтель другаго незначительнаго селенія хотѣлъ наложить штрафъ на нашихъ людей за то, что они приставили свои мушкетоны къ старой, близкой къ паденію хижинѣ, такъ какъ это была хижина пондоро. Иногда пондоро пользуется пріобрѣтенною силою для охоты въ пользу селенія, и послѣ одного или двухъ дней отсутствія его жена чуетъ льва, беретъ нѣкоторое лекарство, ставитъ его въ лѣсу и опять быстро удаляется оттуда, чтобы левъ не убилъ и ее. Это лекарство даетъ пондоро возможность снова обратиться въ человѣка, вернуться въ свое селеніе и сказать: „Идите и возьмите дичь, которую я убилъ для васъ.“ Естественно, что̀ пользуются тѣмъ, что надѣлалъ левъ; отправляются въ лѣсъ и приносятъ домой буйвола или антилопу, которыхъ онъ убилъ, будучи львомъ, или скорѣе нашелъ, настойчиво поддерживая въ лѣсу свой обманъ. Пондоро другаго

селенія видѣли мы одѣтымъ фантастическимъ образомъ, съ многочисленными, обвѣшанными вокругъ него, волшебными средствами и толпою мальчиковъ, которые бѣжали за нимъ строемъ и чествовали его громкими ликованіями.

Они вѣрятъ также, что души умершихъ владѣльцевъ переходятъ во львовъ и дѣлаютъ ихъ неприкосновенными. Когда мы однажды по той сторонѣ Кафуэ застрѣлили на пути буйвола, голодный левъ, вѣроятно привлеченный запахомъ мяса, подошелъ къ самому нашему лагерю и разбудилъ своимъ рыканіемъ весь народъ. Туба Мокоро, раздѣлявшій народное суевѣріе, что это животное есть замаскированный владѣтель, серьезно выспрашивалъ его въ короткіе промежутки, когда тотъ умолкалъ. „Вы владѣтель, а? Вы называетесь владѣтель, не правда ли? Что же вы за владѣтель такой, что шляетесь въ темнотѣ и хотите украсть у насъ мясо буйвола! Не стыдно ли вамъ самого себя? Хорошъ владѣтель въ самомъ дѣлѣ! Вы точно навозный жукъ и думаете только о себѣ самомъ. У васъ сердце не владѣтеля. Что вы сами себѣ не убьете быка? У васъ вѣрно камень въ груди вашей, а вовсе не сердце!“ Такъ какъ Туба Мокоро не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія на обороченнаго владѣльца, то одинъ изъ людей, самый спокойный изъ всего общества, рѣдко говорившій, взялъ дѣло на себя и обратился ко льву другимъ образомъ. Своимъ медленнымъ, спокойнымъ тономъ онъ выставлялъ ему неблагоприличіе такого поведенія въ отношеніи къ иностранцамъ, которые не сдѣлали ему ничего дурнаго. „Мы были намѣрены спокойно воротиться черезъ эту землю къ нашему собственному владѣльцу. Мы никого никогда не сгубили, никогда ничего не украли. Буйволовое мясо принадлежитъ намъ, а не ему, и неприлично для большаго владѣльца, какъ онъ, шнырять въ темнотѣ и, какъ гіенѣ, воровать у чужестранцевъ ихъ мясо. Онъ могъ бы пойти и изловить самъ для себя; въ лѣсу бездна дичи.“ Такъ какъ пондоро былъ глухъ къ разумному разсужденію и только рыкалъ еще громче, то люди разсердились и грозили послать

сму пулю въ тѣло, если онъ не пойдетъ своей дорогой. Они схватились за ружья, чтобы выстрѣлить въ него, но онъ благоразумнымъ образомъ оставался въ темнотѣ, внѣ свѣтлаго круга, образованнаго нашимъ лагернымъ огнемъ, а туда они не рѣшились пуститься. Мы вложили немного стрихнину въ кусокъ мяса и бросили его ему; но онъ вскорѣ ушелъ, и мы уже не слыхали его величественнаго рыканья.

Обитатели по Кебрабаза были теперь въ лучшемъ положеніи относительно пищи и находились въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ, чѣмъ при прежнихъ нашихъ посѣщеніяхъ; жатва была обильная; они вполнѣ могли наѣдаться, напиваться и наслаждаться жизнью, какъ только могли лучше. Въ селеніи Дефью, близъ того мѣста, у котораго стоялъ корабль при первой поѣздкѣ, мы нашли двухъ мфумо или старшинъ, сына и сына зятя прежняго владѣльца. Сынъ зятя имѣлъ болѣе надеждъ наслѣдовать во владѣніи, чѣмъ собственное потомство владѣльца, такъ какъ несоспоримо было, что дитя сестры — семейной крови. Мужчины всѣ разрисованы поперекъ носовъ и посреднѣ лбовъ короткими горизонтальными штрихами или рубцами и носятъ, какъ древніе египтяне, одну латунную серьгу отъ двухъ до трехъ дюймовъ въ поперечникѣ. Иные носятъ длинные волосы, какъ древніе ассиріане и египтяне, и у нѣкоторыхъ глаза наклонно направлены внизъ и внутрь, какъ у китайцевъ.

Перешедши въ бродъ быструю Луйа, мы покинули нашу прежнюю, шедшую по берегамъ Замбези, дорогу и направились въ сѣверозападномъ направленіи позади одной изъ цѣпей холмовъ, восточный конецъ которой называется Монгва, по имени одной акаціи, растущей тамъ и имѣющей особенно сильный непріятный запахъ. Нашъ путь вился по долинѣ, по небольшому горному протоку, почти высохшему, и велъ потомъ черезъ скалистые утесы одного изъ высокихъ холмовъ. Страна была тогда очень суха и вода попадалась лишь кое-гдѣ въ какомъ-нибудь родникѣ и въ немногихъ колодцахъ, вырытыхъ въ руслахъ ручьевъ. Обитатели были

бѣдны и употребляли всѣ усилія убѣдить въ этомъ путешественниковъ. Мужчины, совсѣмъ не такъ какъ на равнинахъ, проводили большую часть своего времени на охотѣ; это происходило, вѣроятно, отъ того, что у нихъ было на склонахъ холма только немного годной подъ сады почвы и только не совсѣмъ вѣрная надежда на жатву того, что́ отчасти сѣется въ долинахъ. Женщинъ не видно было въ селахъ къ востоку отъ Чиперизива, гдѣ мы проводили ночь. Мы сдѣлали два выстрѣла по цесаркамъ, бывшимъ въ долинѣ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги; тогда женщины убѣжали въ лѣса, а мужчины вышли и желали знать, не вызовъ ли это на войну, и только нѣсколько стариковъ вернулись, услыхавши, что мы питаемъ мирныя намѣренія. Старшина Камбира извинялся, что у него не было наготовѣ никакого дара, и принесъ намъ послѣ немного муки, жаренаго жиряка (Nytax capensis) и кувшинъ пива; онъ желалъ считаться бѣднымъ. Пиво у него было привезено издалека, своего у него не было. Какъ манганджа, эти жители привѣтствуютъ тоже хлопаньемъ въ ладоши. Когда кто-нибудь подходитъ къ мѣсту, гдѣ сидятъ другіе, то прежде чѣмъ сѣсть, хлопаетъ въ ладоши передъ каждымъ по порядку и тѣ отвѣчаютъ тѣмъ же. Если у него есть что сказать, то какъ говорящій, такъ и слушающій бьютъ въ ладоши въ заключеніе каждаго отдѣла, и потомъ еще разъ сильно въ концѣ рѣчи. Проводникъ, котораго далъ намъ старшина, передъ уходомъ съ нами привѣтствовалъ такимъ же образомъ каждаго изъ своихъ товарищей. Различіе въ языкѣ здѣсь такъ ничтожно, что всѣ племена этой страны въ сущности принадлежатъ къ *одной* семьѣ.

Мы шли все въ томъ же направленіи и миновали въ продолженіе дня только двѣ небольшія деревни. За исключеніемъ шума, производимаго походкой нашихъ людей, все вокругъ насъ было тихо: видно было только нѣсколько птицъ. Появленіе птицы вдовы показало, что она еще не сложила свои прекрасныя длинныя перья. Мы миновали неизмѣримое

количество чернаго дерева и бакаута, а также дерева, изъ гладкой и горькой коры котораго дѣлаются сосуды для зеренъ. Вообще страна покрыта лѣсомъ изъ деревъ обыкновенной величины. Мы ночевали въ небольшомъ селеніи близъ Синдабве, гдѣ наши люди купили много пива и весь вечеръ необыкновенно шумѣли. На слѣдующее утро завтракали мы подъ зелеными дикими финиковыми пальмами близъ красивой, украшенной цвѣтами рѣки, протекающей по прелестной долинѣ Зибахъ. Теперь гора Чиперизива была между нами и частью лежащей близъ Морумбва рѣки, такъ какъ мы въ этомъ случаѣ, чтобы уменьшить трудности нашей прежней дороги, обошли ее съ сѣвера. Здѣсь распрощался съ нами на французскій ладъ послѣдній дезертиръ, завзятый воръ. Тюкъ выбойки, несенный имъ, онъ бросилъ на дорогѣ ярдовъ за сто до мѣста, гдѣ мы остановились, но бѣжалъ съ мушкетономъ и большею частью латунныхъ колецъ и бусъ своего товарища Ширимба, который довѣрилъ ихъ его покровительству безъ всякаго подозрѣнія.

Идя далѣе по этой прекрасной долинѣ, мы достигли почти черезъ часъ селенія Сандіа. Владѣтель, какъ говорили, только лишь ушелъ на охоту, и они не знали, когда онъ вернется. Это такой обыкновенный отвѣтъ на освѣдомленіе о начальникѣ мѣста, что естественно думать, что онъ означаетъ просто желаніе узнать цѣль иностранцевъ, прежде чѣмъ подвергать опасности своего начальника. Такъ какъ нѣкоторые изъ нашихъ людей были больны, то здѣсь была сдѣлана остановка. Люди Сандіа были очень вѣжливы: вечеромъ посѣтилъ насъ одинъ изъ его родственниковъ, и принесъ большой кувшинъ пива; онъ не хотѣлъ видѣть насъ кушающими безъ напитка, и потому предложилъ его намъ въ подарокъ. Хотя они живутъ далеко отъ рабовладѣльцевъ, въ обычаяхъ туземцевъ и въ манерѣ ихъ выражаться есть многое, что напомнило намъ патріарховъ. Обитатели долины Зибахъ — бадема, и состояніе ихъ лучше, чѣмъ жителей, черезъ селенія которыхъ мы только что проходили; у нихъ

больше одеждъ, украшеній, пищи и лакомствъ. На продажу вынесены были въ большомъ количествѣ птицы, яйца, сахарный тростникъ, бататы, земляные орѣхи, желтякъ, любовныя яблоки, испанскій перецъ, рисъ, мапира (Holcus sorghum) и масло. Мапира можно назвать житомъ страны. На югѣ и западѣ оно извѣстно подъ именемъ каффрскаго и гвинейскаго жита, въ Египтѣ подъ именемъ дура и въ Индіи подъ именемъ бадджери. Зерна его круглы и бѣлы, или красновато-бѣлы, почти такой же величины, какъ сѣмя конопли, которое даютъ канарейкамъ. Нѣсколько сотенъ зеренъ образуютъ массивный колосъ, который сидитъ на стеблѣ толщиною въ обыкновенную палку и высотою отъ восьми до восемнадцати футовъ. Воздѣлываются также табакъ, конопля и хлопокъ, какъ повсюду на Кебрабаза. Здѣсь почти въ каждомъ селеніи мужчины заняты пряденіемъ и тканіемъ хлопка въ значительныхъ размѣрахъ.

Такъ какъ мы не могли двинуться далѣе на слѣдующее утро, то шестеро изъ нашихъ молодыхъ людей, охотно желавшихъ попробовать свои мушкетоны, отправились на слоновью охоту. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они ничего не видали, и нѣкоторые изъ нихъ, утомившись, предложили пойти въ какое-нибудь селеніе и купить жизненныхъ припасовъ. „Нѣтъ! сказалъ Мантланіане: — мы вышли на охоту, поэтому пойдемъ дальше.“ Вскорѣ они наткнулись на стадо слоновыхъ матокъ и телятъ. Какъ только первая матка замѣтила надъ собою на скалѣ охотниковъ, она съ настоящимъ материнскимъ инстинктомъ поставила своего дѣтеныша между своими передними ногами, чтобы защитить его. Охотники разсыпались и наудачу выстрѣлили въ стадо. „Изъ этого ничего не выйдетъ“, закричалъ Мантланіане, „выстрѣлимъ всѣ въ эту *одну*.“ Бѣдное животное приняло въ себя зарядъ и спрыгнуло въ равнину, гдѣ второй залпъ ее покончилъ; дѣтеныш ушелъ со стадомъ. Люди были внѣ себя отъ радости и съ громкими криками и веселыми пѣснями плясали вокругъ павшей царицы лѣса. Они воротились, неся,

какъ знаки побѣды, хвостъ и часть хобота, и вступили въ лагерь, маршируя какъ солдаты и съ замѣтнымъ чувствомъ, что они значительно выросли въ это утро.

Такъ какъ здѣсь существуетъ законъ, что половина слона принадлежитъ владѣльцу, на землѣ котораго онъ убитъ, то надлежащимъ образомъ увѣдомлена была о счастливомъ успѣхѣ жена Сандіа. Португальскіе торговцы всегда подчиняются этому налогу, и если бы онъ былъ туземнаго происхожденія, то едвали можно было бы считать его несправедливымъ. Владѣтель долженъ имѣть источникъ дохода, и такъ какъ иные владѣтели не могутъ имѣть ничего кромѣ слоновой кости или невольниковъ, то этотъ налогъ порождаетъ возраженій менѣе, чѣмъ всякій другой, какой могъ бы придумать какой-нибудь черный министръ финансовъ. Однако, онъ, повидимому, явился у самихъ португальцевъ и оттуда потомъ распространился между пограничными племенами. Губернаторы зорко слѣдятъ за каждымъ слономъ, убитымъ на земляхъ, принадлежащихъ коронѣ, и требуютъ отъ своихъ вассаловъ одного изъ клыковъ. Мы не находили этого закона ни у одного изъ племенъ внѣ круга дѣйствій португальскихъ промышленниковъ или вдали отъ круга походовъ тѣхъ арабовъ, которые въ торговлѣ подражаютъ португальскимъ обычаямъ. Въ 1855 году на Кафуэ владѣльцы покупали мясо, битое нами, и не требовали съ насъ никакой дани, и точно то же было при нашихъ поѣздкахъ по Шире. Португальскіе невольники, посланные своими господами стрѣлять слоновъ, вѣроятно способствовали распространенію этого закона; ибо они стремились достигнуть благорасположенія владѣльца, въ землю котораго приходили, тѣмъ, что совѣтовали ему требовать половину каждаго убитаго слона, и за этотъ совѣтъ имъ хорошо платили пивомъ. Когда мы нашли, что въ пользу этого закона говорили португальцы, мы сказали туземцамъ, чтобы они требовали бивней съ *нихъ;* но англичане, которые совсѣмъ не то, предпочитаютъ чистый туземный обычай. Это побудило, какъ послѣ будетъ упомя-

нуто, Сандіа поколебаться; но у насъ не было никакого желанія настаивать въ свою пользу на какомъ-нибудь исключеніи тамъ, гдѣ для оправданія требованія могли сослаться на силу обычая.

Жена Сандіа сказала, что въ день нашего прибытія она послала своему мужу вѣстника и ожидаетъ его скораго возвращенія; но нѣкоторые изъ ея подданныхъ по утру отправились съ нашими людьми къ слону и приняли то, что́ мы вздумали дать. Мы сопровождали нашихъ охотниковъ черезъ холмы на слоновью долину къ сѣверу отъ Зибахъ. Это была красивая долина, покрытая высокою, густою травою, на которой спокойно паслись слоны, когда на нихъ сдѣлано было нападеніе. Мы нашли трупъ нетронутымъ; это была цѣлая гора мяса.

Раздѣлъ слона представляетъ зрѣлище совершенно единственное въ своемъ родѣ. Люди стоятъ въ мертвой тишинѣ вокругъ животнаго, между тѣмъ какъ начальникъ путешествующаго общества объясняетъ, что, по старому праву, голова и правая задняя нога принадлежатъ тому, кто убилъ животное, т. е. тому, кто нанесъ ему первую рану; лѣвая задняя нога тому, кто нанесъ вторую рану, или кто первый коснулся животнаго, когда оно пало; мясо вокругъ глаза англичанину или начальнику путешествующихъ и различныя части начальникамъ различныхъ огней или группъ, изъ которыхъ состоялъ лагерь, при чемъ онъ не забываетъ настоять на сбереженіи жира и внутренностей для втораго раздѣла. По окончаніи этой рѣчи туземцы пришли тотчасъ въ восторгъ и подняли дикій крикъ, воткнувъ кругомъ въ трупъ множество копій, длинныя пики которыхъ колебались въ воздухѣ надъ ихъ головами. Восторгъ ихъ съ каждой минутой становится все сильнѣе и сильнѣе и достигаетъ высшей своей точки, когда, какъ показываетъ шумъ газа, вскрывается внутренность этой огромной массы. Иные вспрыгиваютъ туда и катаются тамъ въ страстномъ желаніи овладѣть драгоцѣннымъ жиромъ, между тѣмъ какъ другіе съ громкимъ

крикомъ уносятъ куски окровавленнаго мяса, чтобы бросить ихъ въ траву и поспѣшить назадъ захватить еще болѣе. Всѣ болтаютъ и кричатъ разомъ, какъ можно громче. Иногда двое или трое, не обращая вниманія ни на какіе законы, схватываются за одинъ и тотъ же кусокъ мяса и ведутъ изъ-за него короткую словесную перебранку. То тамъ, то тутъ раздается убійственный крикъ, и какой-нибудь туземецъ выныряетъ изъ движущейся массы мертваго слона и извивающихся тутъ и тамъ людей, съ рукой, больно прорѣзанной копьемъ его восторгающагося друга и сосѣда; чтобы остановить напрасную кровь, ему нужна тряпица и нѣсколько успокоительныхъ словъ. Въ невѣроятно короткое время разрѣзываются цѣлыя тонны мяса и складываются кругомъ въ особыя кучи.

Вскорѣ по раздѣленіи животнаго пришелъ Сандіа. Онъ пожилой мужчина и носитъ черный, сдѣланный изъ волоконъ, сансевіеры парикъ, съ виду прекрасно выглаженный и вылощенный. Это растеніе (Sanseviera) сродно алоэ, и его толстые, мясистые листья, по виду схожіе отчасти съ нашими ситниковыми, даютъ, если ихъ размять, очень красивую, крѣпкую нить, которая идетъ на бичевы, сѣти и парики. Эта нить легко принимаетъ окраску и могла бы стать хорошимъ предметомъ торговли. Парики изъ нея, какъ мы увидали послѣ, въ этой странѣ довольно обыкновенны, хотя можетъ быть и не такъ обыкновенны, какъ у насъ волосяные парики. Мозамела владѣтеля Сандіа, т. е. небольшая, украшенная рѣзьбой деревянная подушка, совершенно сходная съ древне-египетской, висѣла у него сзади на шеѣ. Эту подушку и циновку для спанья туземцы обыкновенно носятъ при себѣ, когда ходятъ на охоту. Владѣтель посѣтилъ различные лагерные огни нашихъ людей и принялъ отъ нихъ въ даръ мясо, но сказалъ, что онъ охотнѣе поѣлъ бы ихъ съ своими набольшими, такъ какъ желалъ спросить ихъ совѣта, долженъ ли онъ получить отъ англичанъ половину слона. Его кабинетъ, не видѣвшій никакого достаточнаго основанія, почему слѣдовало бы ему

уклониться отъ установившагося обычая, счелъ за лучшее съ подлежащими налогу бѣлыми поступить точно такъ же, какъ съ подлежащими налогу черными, и получить половину, принадлежащую правительству Сандіа. Послѣ полудня владѣтель вернулся съ своими совѣтниками, въ сопровожденіи своей жены и нѣсколькихъ другихъ женщинъ, несшихъ пять кувшиновъ пива; три, объяснилъ онъ, назначены въ подарокъ бѣлымъ людямъ, а остальные два на продажу. Походка у женщинъ была замѣчательно прямая, вѣроятно потому, что онѣ съ дѣтства пріучены носить у себя на головахъ тяжелые водяные кувшины. Это приводитъ въ дѣйствіе всѣ спинные мускулы и могло бы послужить весьма благодѣтельнымъ упражненіемъ для тѣхъ, которые и у насъ страдаютъ слабостью становаго хребта. Между головой и кувшиномъ онѣ носятъ, можетъ быть для красы, кусокъ дерева.

Переднюю ногу слона мы туземнымъ способомъ приготовили для самихъ себя. Въ землѣ была вырыта большая яма, въ которой разведенъ былъ огонь, и когда внутренность ямы мало-по-малу раскалилась, вся нога была вложена туда и покрыта горячей золой и землей; надо всѣмъ этимъ былъ разведенъ новый огонь и поддерживался во всю ночь. На слѣдующее утро приготовленная такимъ образомъ нога была у насъ на завтракѣ, и мы нашли ее прекрасною. Это бѣловатая масса, слегка студенистая и сладкая какъ мозгъ. Послѣ ѣды слоновьей ноги длинный переходъ представляетъ благоразумную мѣру предосторожности, чтобы не получить желчной лихорадки. Хоботъ и языкъ слона также хороши, и послѣ медленнаго, слабаго варенія очень похожи на филей буйвола и языкъ быка, но все остальное мясо вязко, и его, вслѣдствіе его особеннаго вкуса, можно ѣсть только съ голоду. Что́ за порціи мяса истребили наши люди, — совершенно изумительно. Они варили по стольку, сколько вмѣщалось въ ихъ горшкахъ, и ѣли до тѣхъ поръ, пока для нихъ становилось физически невозможнымъ проглотить еще сколько-

нибудь. Затѣмъ слѣдуетъ неистовая, сопровождаемая дикимъ пѣніемъ, пляска, и, какъ скоро они протрясутъ свое первое блюдо и обмоютъ потъ и пыль танца, они снова начинаютъ жарить; затѣмъ слѣдуетъ короткій сонъ; вскорѣ они опять просыпаются и снова къ мясу; итакъ, во всю ночь насквозь идетъ вареніе и ѣда, жареніе и глотанье, съ небольшими короткими промежутками сна. Какъ другія мясоядныя, эти люди могутъ выносить голодъ гораздо долѣе, чѣмъ другія, ѣдящія супъ, племена. Наши люди могли на столько хорошо варить мясо, какъ только можетъ требовать этого всякій разумный путешественникъ; а свареное въ глиняныхъ горшкахъ, похожихъ на индійскія чатти, оно на вкусъ гораздо лучше, чѣмъ когда варится въ чугунныхъ.

Супъ ихъ никуда не годится, по крайней мѣрѣ для шотландскаго пищеваренія, ослабленнаго лихорадкой. Если при нихъ въ дорогѣ нѣтъ женщинъ, то они, какъ скоро вода вскипитъ, проворно бросаютъ въ нее муку горстями, пока варево не сгустится такъ, что когда его быстро снять съ огня и поставить на землю, то его нельзя уже мѣшать; тогда поваренокъ держитъ горшокъ, а поваръ, схвативши мутовку обѣими руками, напрягаетъ всѣ свои силы повернуть ее нѣсколько разъ, чтобы поразмѣшать эту крѣпкую массу и не дать ей пригорѣть отъ жару. Тогда приносится она намъ, при чемъ поваръ не отпускаетъ ее до тѣхъ поръ, пока хоть что-нибудь остается на мутовкѣ, когда онъ вынимаетъ ее изъ горшка. При этомъ способѣ варенія мука только подмачивается и разогрѣвается, но не варится. Такъ много муки остается сырою, что она постоянно производитъ изжогу. Это единственный способъ у туземцевъ варить муку маиира. Они очень рѣдко пекутъ изъ нея пироги, какъ изъ овсяной крупы; ибо если она даже мелко смолота и совершенно бѣла, она все-таки не совсѣмъ спекается. Маисовая мука легче обращается въ тѣсто, но и она менѣе годна для печенья, чѣмъ пшеничная или даже овсяная мука. Трудно было уговорить людей, чтобы они для насъ дольше кипя-

тили супъ. Когда слабость отъ лихорадки вынуждала насъ внимательно присматривать за варенiемъ, то они острили надъ нами и издѣвались, что мы точно женщины; они откровенно признавали, что было ниже достоинства бѣлыхъ людей спускаться до такихъ мелочей. Они смотрѣли на супъ черныхъ племенъ изъ муки и воды, какъ англичане обыкновенно смотрятъ на французскихъ лягушекъ, и тѣхъ, кто его ѣстъ, называютъ „просто водохлебы“, а супъ макололо изъ муки и молока играетъ у нихъ роль англiйскаго ростбифа.

Сандiа далъ намъ двухъ проводниковъ. 4-го iюня мы оставили слоновью долину и отправились на западъ. Перешедши черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, мы вступили въ долину Чингерере или Пагуругуру, по которой въ дождливое время течетъ ручей Паджодце. Горы слѣва у насъ, между нами и Замбези, носили, какъ сказали намъ наши проводники, то же названiе, что и долина, но находящiяся при устьѣ Паджодце называются Морумбва. Мы попали на рѣку въ непо́лной полумилѣ кверху отъ водопада Морумбва. Когда мы взбирались на подошву этой горы у Паджодце, мы нашли, что отъ водопада мы находимся только на разстоянiи дiаметра горы. При измѣренiи водопада мы прежде стояли на его южномъ крылѣ; теперь мы были на сѣверномъ его крылѣ и тотчасъ опять узнали луковичную гору, которая называется здѣсь Цакавума, и которой гладкая, выпуклая поверхность блеститъ надъ дробящейся водою. Съ того мѣста, на которое мы взобрались, и на разстоянiи отъ 700 до 800 ярдовъ уголъ ея съ компасомъ достигалъ 180°. Поэтому мы здѣсь довершили теперь нашъ обзоръ всей Кебрабаза и видѣли въ цѣломъ то, чего никогда за все время, какъ существуетъ исторiя, не видали европейцы.

Различiе уровня между Паджодце и Тетте достигаетъ, какъ показалъ барометръ, почти 160 футовъ; но мы должны напомнить, что наши наблюденiя въ обоихъ мѣстахъ были сдѣланы не одновременно. Отчасти конусообразная форма стоящей справа Цакавума и болѣе напоминающая замокъ

форма Морумбва съ лѣвой стороны ограничиваютъ узкія ворота, въ которыхъ находится водопадъ. Талусъ каждаго портала, которые оба вмѣстѣ уходятъ къ сѣверу, образуетъ по направленію отъ водопада къ Паджодце узкое, корытообразное углубленіе съ отвѣсно стоящими боковыми стѣнами. Въ этомъ углубленіи вьется глубокая зеленая рѣка между массивными черными, угловатыми скалами; выше ея до самой Чикова по Замбези опять видно русло высокой воды и глубокіе, вымытые водою желобы, сходные съ такими же на нижнемъ концѣ Кебрабаза, но русло высокой воды здѣсь только отъ 200 до 300 ярдовъ шириною, и рѣка, текущая въ этой части ложбины, украшена въ разныхъ мѣстахъ бѣлою пѣною значительнаго числа небольшихъ быстринъ. По движенію на водѣ кусковъ дерева, мы по карманнымъ часамъ опредѣлили, что скорость теченія на быстрыхъ мѣстахъ доходитъ отъ 3,3 до 4,1 узла въ часъ. Немного пройдя выше Паджодце мы завтракали. Еще недолго спустя, на сравнительно спокойномъ мѣстѣ Замбези, названномъ Мовуци, гдѣ иногда торговцы переправляются съ южнаго на сѣверный берегъ, прошелъ баніайскій начальникъ мѣста съ дюжиною вооруженныхъ спутниковъ и безсовѣстнымъ образомъ потребовалъ платы за дозволеніе намъ продолжать нашъ путь. Это вовсе не было дружелюбнымъ напрашиваніемъ на подарокъ, и потому наши люди сказали ему, что англичане не привыкли платить дань за ничто; поэтому онъ безуспѣшно вернулся назадъ. Владѣтель баніаи на противоположномъ берегу носитъ имя Цуда, которое португальцы, за его корыстныя наклонности, передѣлали въ Іуда. Разговаривая о насъ съ нѣкоторыми изъ нашего общества, онъ сказалъ: „Когда эти люди шли внизъ по рѣкѣ, они прошли мимо и не дали мнѣ ничего; англійская выбойка хороша; теперь, когда они идутъ вверхъ по рѣкѣ, я пришелъ, чтобы одѣться въ нее“. Прежде еще чѣмъ мы окончили завтракъ, пришелъ его посланникъ, усѣлся наглымъ образомъ среди насъ и повелъ рѣчь не къ намъ, а къ своимъ слугамъ. Эта рѣчь о

насъ возбудила гнѣвъ въ макололо и они возразили: „Англійская выбойка хороша, и англичане платятъ за все, что они ѣдятъ. Теперь они мирно идутъ по Божьей землѣ, не нанося вреда ни странѣ, ни садамъ, хотя англійскія ружья съ шестью стволами, и англійскія пули бьютъ далеко и попадаютъ мѣтко.“ Такъ какъ мы все-таки остались на лѣвомъ берегу, то мы избѣжали столкновенія съ этими безпокойными и отяготительными баніаи.

Остальной путь по Кебрабаза далѣе къ Чикова велъ около самой рѣки, стиснутой и скалистой. Цѣпи высокихъ, покрытыхъ деревьями горъ, съ глубокими, узкими долинами, въ которыхъ находятся сухія русла или текущіе ручьи, тянутся съ сѣверовостока и уходятъ на противоположный берегъ рѣки въ югозападномъ направленіи. Когда мы оглянулись назадъ, горный ландшафтъ по Кебрабаза былъ великолѣпенъ; особенно бросаются въ глаза своей формой и отвѣсными стѣнами два гигантскіе портала водопада; громадные лѣса все еще сохраняли свои разнообразные блестящіе осенніе цвѣта—зеленый, желтый, красный, пурпуровый и бурый, составлявшіе прекрасный контрастъ съ сѣрою корою стоящихъ на заднемъ планѣ стволовъ. Между пестро окрашенными деревьями иныя бросались въ глаза своимъ новымъ нарядомъ изъ свѣжей яркозеленой листвы, какъ будто зима для другихъ была для нихъ весною. Блистающее солнечное сіяніе на этихъ горныхъ лѣсахъ и вѣчно мѣняющіяся формы облачныхъ тѣней, скользящихъ по нѣкоторымъ частямъ поверхности, прибавляли новую прелесть уже и безъ того безподобно прекраснымъ сценамъ.

Скалы и быстрины Кебрабаза, видѣнныя нами, совершенно ясно показали намъ, что онѣ будутъ всегда предѣломъ для судоходства при обыкновенномъ низкомъ уровнѣ воды въ рѣкѣ; но такъ какъ поднятіе воды въ этомъ проходѣ доходитъ въ отвѣсномъ направленіи до восьмидесяти футовъ, то весьма вѣроятно, что при высокомъ стояніи ея, когда всѣ быстрины сглажены, пароходъ можно было бы провести вверхъ

для прохода на верхнюю Замбези. Самый страшный водопадъ, Морумбва, при ширинѣ тридцати ярдовъ, имѣетъ только около двадцати футовъ высоты и долженъ совершенно исчезать, когда вода достигнетъ восьмидесяти футовъ высоты. Тѣ изъ макололо, которые заправляли судномъ, не безпокоились о томъ, что пароходъ оставленъ внизу, такъ какъ они по горло были сыты тѣмъ, что вѣчно кололи дрова, которыхъ требовала ненасытная печь „страждущаго одышкой“. Мбіа, злой шутникъ, смѣясь кричалъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ: „О, Кебрабаза хороша, очень хороша, — не пускаетъ судно вверхъ къ Секелету, слишкомъ много работы, дрова рубить, дрова рубить: Кебрабаза хороша.“ Повсюду разсказывали, и обыкновенно вѣрили, что только однажды португалецъ, по имени Хозе Педро, — прозванный туземцами Ніаматимбира, владѣтель, или, вѣрнѣе, капитано Цумбо, человѣкъ съ величайшею предпріимчивостью, но съ малою гуманностью, — желавшій узнать могла ли быть судоходной Кебрабаза, привязалъ въ челнъ двухъ невольниковъ и спустилъ ихъ отъ Чикова по Кебрабазѣ, чтобы посмотрѣть выплывутъ ли они на другомъ концѣ. Такъ какъ не было и слѣдовъ ни невольниковъ, ни челна, то его превосходительство заключилъ, что Кебрабаза не судоходна. Одинъ торговецъ, при внезапномъ поднятіи рѣки, спустилъ большой челнъ, и внизу онъ найденъ былъ неповрежденнымъ; но самое успокоительное извѣстіе было извѣстіе стараго Сандіа, который утверждалъ, что при высокой водѣ вся Кебрабаза вполнѣ гладка, и что онъ ее часто видалъ такою.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

7 іюня 1860 г. мы идемъ отъ Кебрабаза далѣе къ Чикова. — Какъ разводятъ огонь туземные путники.—Ночное расположеніе лагеря.—Туземныя названія звѣздъ.—Лунная слѣпота.—Нашъ добровольный истопникъ. — Политическіе разговоры туземцевъ.—Нашъ способъ дѣлать переходы.—Изъ удовольствія не слѣдуетъ дѣлать мученія.—Цивилизованные выказываютъ болѣе стойкости, чѣмъ не цивилизованные. — Вѣжливость Читора. — Просачивающаяся вода предпочитается туземными женщинами. — Бѣлые — домовые для черныхъ.—Страхъ дикихъ животныхъ передъ человѣкомъ.—Первое впечатлѣніе, произведенное силою голоса одного осла.

Съ холмовъ Кебрабаза, длиною отъ тридцати-пяти до сорока миль, мы вышли, 7 іюня 1860 г., на равнины Чикова, сдѣлавши весь путь короткими переходами. Холодныя ночи произвели у многихъ изъ нашихъ людей опасный кашель, а простуды въ этой странѣ почти постоянно переходятъ въ лихорадку. Въ Чикова Замбези внезапно расширяется и принимаетъ видъ и величину, какъ въ Тетте. Близъ этого пункта мы нашли большой слой угля, лежавшій на лѣвомъ берегу.

Время отъ времени мы встрѣчались съ туземными путешественниками. На длинныхъ походахъ они носятъ съ собою матрацъ и деревянную головную подушку, горшокъ и мѣшокъ муки, трубку и кисетъ съ табакомъ, ножъ, лукъ и стрѣлы, а также двѣ небольшія палки отъ двухъ до трехъ футовъ длиною, чтобы можно было добыть огня, когда они вынуждены ночевать вдали отъ людскихъ жилищъ. Сухое дерево постоянно есть въ изобиліи, и огонь добываютъ они

слѣдующимъ способомъ: на одной изъ палокъ, которая снаружи очень шероховата и внутри имѣетъ небольшую сердцевину, дѣлается зарубка, и эта палка съ зарубкой накладывается горизонтально на лежащій на землѣ клинокъ ножа. Кто хочетъ добыть огня, тотъ присѣдаетъ на корточки, кладетъ большіе пальцы ногъ на каждый конецъ палки, чтобы держать ее совершенно плотно, беретъ другую палку, которая сдѣлана изъ весьма твердаго дерева и на которой сдѣлано тупое остріе, и ставитъ се подъ прямымъ угломъ въ зарубку; вертикально вставленную палку, какъ мутовку, быстро вертятъ между ладонями взадъ и впередъ и въ то же время нажимаютъ внизъ; въ теченіе какой-нибудь одной минуты треніе воспламеняетъ частицы сердцевины палки съ зарубкою, которыя, въ видѣ раскаленнаго древеснаго угля, спадаютъ дальше по клинку ножа и попадаютъ въ горсть тонкой сухой травы, которою машутъ въ воздухѣ взадъ и впередъ и тѣмъ воспламеняютъ. Для рукъ непріятная работа добывать огонь этимъ способомъ, потому что потребное для того сильное буравленіе и нажиманіе скоро производитъ пузыри на мягкихъ частяхъ рукъ.

Такъ какъ мы вступили теперь въ страну, обильную львами, то наши люди стали обращать больше вниманія на ночное расположеніе лагеря. Какъ они привыкли поступать со своими владѣльцами, такъ и бѣлыхъ людей они оставляли въ центрѣ; Каніата, его люди и оба осла располагались у насъ справа; банубіа Туба Мокоро впереди, корпусъ батока Мазаказа и Сининіане налѣво, а сзади раскладывали свой огонь шесть теттеанцевъ. Мѣста для своихъ огней они выбирали такъ, чтобы дымъ не шелъ намъ въ лицо. Какъ только мы останавливались, выискивалось мѣсто для англичанъ, а затѣмъ уже всѣ занимали свои опредѣленныя мѣста и складывали свои ноши. Люди поочереди принимались срѣзывать нѣсколько длинную, сухую траву и стлать намъ постели на какомъ-нибудь мѣстѣ, ровномъ отъ природы или выровненномъ заступомъ; тогда другіе, назначенные для носки на-

шихъ постелей, приносятъ наши шерстяныя одѣяла и подушки и кладутъ рядомъ три одѣяла на траву, такъ что одѣяло д-ра Ливингстона находится въ срединѣ, одѣяло д-ра Кирка справа и одѣяло Чарльза Ливингстона слѣва. Наши походныя сумки, ружья и револьверы тщательно складываются у насъ въ головахъ, а въ ногахъ разводится огонь. У насъ не было ни палатки, ни другой какой покрышки, за исключеніемъ вѣтвей дерева, подъ которымъ мы случайно располагались, и прекрасное зрѣлище, когда проснешься и видишь каждый сукъ, каждый листъ и каждую вѣточку вытянувшагося дерева рисующимися на ясномъ, горящемъ звѣздами и освѣщенномъ луною небѣ. Звѣзды первой величины носятъ названія, имѣющія тоже значеніе на весьма обширномъ пространствѣ страны. Венера, когда она является по вечерамъ, называется здѣсь Итанда, „самая старшая“ или „первородная“, а когда она является въ другіе часы, то Манджика, „первородная утра“; когда она является одна только, то блескъ ея лучей таковъ, что они даютъ тѣнь. Сиріусъ носитъ названіе Куева Узико, „вожатый ночи“, такъ какъ полагаютъ, что онъ ведетъ за собою всю ночь. Луна, на сколько намъ извѣстно, не производитъ въ этой странѣ никакого дурнаго вліянія. Мы тамъ ложились и любовались ею, пока сладкій сонъ не смыкалъ намъ глазъ, и остались невредимыми. Въ Тетте четверо или пятеро изъ нашихъ людей ослѣпли отъ вліянія луны; хотя они не спали на воздухѣ, однако стали такъ слѣпы, что товарищи ихъ должны были подносить ихъ руки къ общему блюду; въ отечествѣ ихъ болѣзнь эта неизвѣстна. Когда наши потомки изслѣдуютъ, что, оставя въ сторонѣ дурные запахи, причиняетъ лихорадку, и что, оставивъ въ сторонѣ луну, служитъ причиной лунатизма людей,—они пожалѣютъ о нашей глупости.

Для самихъ себя наши люди срѣзывали очень небольшое количество травы и спали на фумбасъ или спальныхъ мѣшкахъ, — двойныя цыновки изъ пальмовыхъ листьевъ шести

футовъ длиною и четырехъ шириною, зашитыя съ трехъ сторонъ четыреугольника и только по *одной* сторонѣ оставленныя открытыми. Ими пользуются какъ покрышкой отъ холода, сырости и москитосовъ и влѣзаютъ въ эти мѣшки, какъ мы влѣзали бы въ наши постели, если бы одѣяло было пришито къ нашимъ кроватямъ на верхней, нижней и на *одной* изъ боковыхъ сторонъ. Когда они всѣ попрячутся въ свои фумбасъ, видно только одни мѣшки, разложенные вокругъ разныхъ огней. Иногда два лица спятъ въ *одномъ* мѣшкѣ, что на самомъ дѣлѣ представляетъ очень тѣсный союзъ. Одинъ изъ людей, Матонга, по собственному желанію принялъ на себя одного заботу о нашемъ огнѣ и получалъ за свои услуги, какъ обычную дань, головы и шеи всѣхъ убитыхъ нами животныхъ, и, такимъ образомъ за исключеніемъ дней, когда мы били только цесарокъ, пища у него была въ изобиліи. Нѣсколько дней нашей куриной діэты онъ выносилъ равнодушно; но потомъ, въ случаѣ если не было убито никакой большой дичи, онъ ходитъ и жалуется намъ такъ же серіозно, какъ сдѣлалъ со львомъ, позавидовавшимъ нашему буйволовому мясу: „Морена, господинъ, голодный мужчина не можетъ наполнить свой желудокъ головкою какой-нибудь птицы, отъ недостатка мяса онъ пропадаетъ съ голоду и отъ совершенной слабости скоро не въ состояніи уже будетъ носить дрова къ огню; чтобы спасти его отъ голодной смерти, ему нужно дать цѣлую птицу“. Такъ какъ его требованіе совершенно справедливо, а цесарки есть въ изобиліи, то естественно, что просьба его удовлетворяется. Въ сухое время года по Замбези цесарки встрѣчаются въ значительномъ числѣ; онѣ собираются тогда въ большія стаи, ежедневно являются къ рѣкѣ пить и проводить ночь на высокихъ деревьяхъ акацій по ея берегамъ. Въ теченіе дневнаго перехода, мы обыкновенно натыкались на двѣ и на три стаи и находили, что онѣ жирны и въ превосходномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Шупанга, попадается другая порода, имѣющая прелестный черный хохолокъ на головѣ и представляю-

щая гораздо болѣе красивыхъ птицъ, чѣмъ обыкновенный видъ; туземное ея имя — *кеанга-торе*, и пятна ея прекраснаго ярко-синяго цвѣта. Естествоиспытатели называютъ этихъ куръ **Numida cristata.**

Каждую ночь въ лагерѣ зажигалась дюжина огней, и такъ какъ люди, пробуждаясь отъ холода, время отъ времени подкладывали новыхъ дровъ, то огни поддерживались до самаго дня. Сухое, жесткое дерево можно въ изобиліи достать безъ труда, и оно горитъ хорошо. По миновапіи великаго дѣла варенія и ѣды, всѣ садились вокругъ лагерныхъ огней и занимались бесѣдой и пѣніемъ. Каждый вечеръ одинъ изъ батока игралъ на своей санза и продолжалъ свою игру до глубокой ночи, сопровождая ее импровизированною пѣснію, въ которой воспѣвалъ ихъ подвиги, какіе они когда-нибудь совершили съ тѣхъ поръ, какъ покинули свое отечество. Иногда подымались жаркія политическія пренія, и можно подивиться обнаруживаемой при этомъ говорливости. Весь лагерь приходитъ въ возбужденіе, и люди перекрикиваются другъ съ другомъ отъ различныхъ огней, между тѣмъ какъ иные, языки которыхъ никогда не развязываются при разговорѣ о какомъ-нибудь другомъ предметѣ, разрѣшаются какою-нибудь страстною рѣчью. Дурное правленіе владѣтелей даетъ неисчерпаемую тему. „Мы сами лучше могли бы управлять,“ кричали они: „и что вообще пользы отъ владѣтелей? Они даже не работаютъ. Владѣтель толстъ и жиренъ, и у него много женъ, а мы, отправляющіе тяжкую работу, страждемъ отъ голода и у насъ только *одна* жена или, еще хуже, и совсѣмъ ни одной: это, однако же, дурно, несправедливо и превратно“. Всѣ кричатъ „эге!“ что равносильно англійскому: „слушайте, слушайте!“ Затѣмъ поднимаются громкіе голоса начальниковъ мѣстъ, Каніата и Туба, которые берутъ предметъ съ законной стороны. „Владѣтель отецъ народа; можетъ ли быть народъ безъ отца, ге? Владѣтель поставленъ отъ Бога; кто скажетъ, что владѣтель не мудръ? Мудръ онъ, а дѣти его глупы.“ Туба ведетъ обыкно-

венно до того, что вынуждаетъ умолкнуть всякую оппозицію; и если его доказательства не всегда вѣрны, то все-таки его голосъ самый громкій, и онъ убѣжденъ, что послѣднее слово его.

Примѣромъ того, какъ мы шли, пусть послужитъ слѣдующее. Мы встаемъ почти въ пять часовъ, или вскорѣ послѣ первыхъ проблесковъ дня, пьемъ чашку чаю и съѣдаемъ кусокъ сухаря; слуги складываютъ одѣяла и прячутъ въ носимые ими походные мѣшки; прочіе привязываютъ свои фумбасъ и горшки на концы носильныхъ палокъ, которыя кладутъ на плечи; поваръ въ сохранности несетъ блюда, и всѣ съ солнечнымъ восходомъ въ дорогѣ. Если попадается удобное мѣсто, то около девяти часовъ до полудня мы останавливаемся завтракать. Для сбереженія времени кушанье обыкновенно приготовляется съ вечера, а теперь только подогрѣвается. Послѣ завтрака мы продолжаемъ походъ, отдыхаемъ въ серединѣ дня и отправляемся рано послѣ полудня. По прямой линіи, или какъ ворона летаетъ, въ часъ мы оставляемъ за собою приблизительно отъ двухъ до двухъ съ половиною миль, и нашъ настоящій походъ продолжается въ день рѣдко болѣе пяти — шести часовъ. Этого совершенно достаточно въ жаркомъ климатѣ для человѣка, если онъ не хочетъ обременять себя, а мы изъ нашихъ дальнихъ походовъ всегда старались сдѣлать лучше удовольствіе, чѣмъ обремененіе. Спѣшить по странѣ, злоупотреблять своими туземными спутниками и свирѣпо смотрѣть на нихъ, тщеславиться только глупою поспѣшностью, какъ быстро прошли какое-нибудь разстояніе, значитъ совершенно яснымъ образомъ соединить глупость съ безвкусіемъ, между тѣмъ какъ дружественное вліяніе на самое чувство черныхъ, удовольствіе, идя обыкновеннымъ шагомъ, наблюдать ландшафтъ и все новое и, наконецъ, весело отдыхать вмѣстѣ съ нашими товарищами, — это дѣлаетъ путешествіе въ высшей степени пріятнымъ. Хотя мы не слишкомъ спѣшили, однако были немного изумлены, найдя, что мы измучили нашихъ

людей, и даже начальникъ, который несъ не слишкомъ болѣе нашего и никогда, какъ мы это часто дѣлывали, не охотился послѣ полудня, былъ не лучше своихъ товарищей. Нашъ опытъ служитъ доказательствомъ, что природа европейца, даже въ тропическихъ странахъ, въ состояніи дольше выдержать и болѣе перенести, чѣмъ природа самаго закаленнаго мясояднаго африканца.

Какъ скоро мы располагались лагеремъ, одинъ или двое изъ насъ обыкновенно уходили на охоту, болѣе по нуждѣ, нежели изъ удовольствія, ибо мясо нужно было какъ для людей, такъ и для насъ самихъ. Мы предпочитали брать съ собою кого-нибудь, чтобы нести домой дичь, или водили другихъ туда, гдѣ она лежитъ; но такъ какъ они часто ворчали и жаловались, что они утомлены, то мы не дѣлали никакихъ особыхъ возраженій противъ того, чтобы ходить намъ только однимъ, не смотря на то, что для насъ въ этомъ заключался лишній трудъ—сдѣлать другой походъ, чтобы показать людямъ, гдѣ находится животное, которое мы застрѣлили. Если оно было мили за двѣ, то было довольно утомительно ходить два раза, особенно въ тѣ дни, когда мы, вмѣсто отдыха, должны были охотиться для удовлетворенія ихъ нуждъ. Какъ тѣ, которые въ Англіи занимаются дѣломъ благотворительности, измученный охотникъ, употребляющій всѣ усилія, для того, чтобы жить со всѣми въ христіанской любви, легко впадаетъ въ искушеніе покончить тѣмъ, что онъ приноситъ только достаточное количество мяса для трехъ бѣлыхъ и прочее бросаетъ, а „неблагодарныхъ бѣдныхъ праздношобцевъ“ отсылаетъ въ постель безъ ужина. И, однако, только постоянною благотворительностью, даже доходящею до той степени, когда мудрецы называютъ ее слабостью, повсюду, вызывается убѣжденіе, что наши побужденія довольно возвышенны, чтобы заслужить прямое уваженіе.

Равнины Чикова очень плодородны, имѣютъ жирную черную почву и прежде питали большое населеніе, но опустошительная война и невольничество истребили большую часть

обитателей. Не смотря на великолѣпно разрастающіяся сорныя травы, хлопокъ все еще держится въ покинутыхъ садахъ разоренныхъ деревень. Между равниной Чикова и воздѣланною равниной, на которой стоятъ селенія владѣтеля Читора, лежитъ камышевое болото (джунгле), съ нетронь меня (Mimoza), эбеновымъ деревомъ и терномъ „подожди немножко“. Читора принесъ намъ въ подарокъ пищи и питья, потому что онъ, какъ выразился онъ съ природной вѣжливостью африканца, „не желалъ бы, чтобы мы заснули голодными; онъ слышалъ о докторѣ, когда тотъ шелъ внизъ по рѣкѣ, и имѣлъ большое желаніе видѣть его и поговорить съ нимъ, но тогда былъ дитятей и не могъ говорить въ присутствіи взрослыхъ мужчинъ. Онъ радъ, что видѣлъ теперь англичанъ, и ему жаль, что съ нимъ нѣтъ людей, иначе онъ прислалъ бы ихъ къ намъ готовить кушанье“. Все его позднѣйшее поведеніе показало, что онъ былъ искренень.

Многія изъ африканскихъ женщинъ очень причудливы въ отношеніи къ водѣ, употребляемой ими на питье и кушанье, и предпочитаютъ ту, которая просачивается сквозь песокъ. Чтобы достать себѣ такой воды, онѣ охотнѣе роютъ ямы въ песчаныхъ отмеляхъ близъ потока и черпаютъ воду, которая туда медленно просачивается, чѣмъ брать ее изъ столь же чистой и свѣтлой рѣки. Этотъ обычай обыкновенень по Замбези, Ровума и озеру Ніаса, и многіе португальцы въ Тетте усвоили этотъ обычай туземцевъ и посылаютъ челны добывать воду на низменный островъ, лежащій среди рѣки. Также и люди Читора удовлетворяли своимъ потребностямъ изъ мелкихъ колодцевъ, находящихся въ песчаномъ руслѣ небольшаго, у самой деревни протекающаго, ручейка. Обычай этотъ могъ явиться вслѣдствіе наблюденія, что вода главной рѣки въ извѣстныя времена года бываетъ нездорова. Почти девять мѣсяцевъ въ году вокругъ безчисленныхъ деревень вдоль тысячи миль, съ которыхъ Замбези беретъ воду, выбрасывается навозъ. Когда наступаютъ сильные дожди и плыветъ потоками громадная зловонная масса, сложенная въ кучи, вода

портится отъ навоза и, безъ упомянутыхъ мѣръ осторожности, туземцы оказались бы столь же мало брезгливыми, какъ тѣ, которые въ Лондонѣ пьютъ нечистоты, вылитыя въ Темзу въ Ридингѣ и Оксфордѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что матросы, напившись африканской рѣчной воды, такъ сильно страдали отъ лихорадки, прежде чѣмъ введена была во флотѣ нынѣшняя превосходная система сгущать воду.

Въ появленіи бѣлыхъ людей для неиспорченныхъ туземцевъ Африки должно быть нѣчто страшно отталкивающее; ибо когда мы при входѣ въ селенія, не посѣщавшіяся прежде европейцами, встрѣчали ребенка, который спокойно и беззаботно подходилъ къ намъ, то въ мгновеніе, когда онъ поднималъ на насъ глаза и видѣлъ людей въ „мѣшкахъ“, навастривалъ лыжи въ смертной тоскѣ отъ ужаса, какой мы едва ли почувствовали бы, если бы встрѣтили въ дверяхъ британскаго музея ожившую египетскую мумію. Испуганная дикимъ крикомъ ребенка, мать кидается изъ своей хижины, но при первомъ взглядѣ на тотъ же страшный призракъ снова убѣгаетъ назадъ. Собаки поджимаютъ хвосты и убѣгаютъ въ ужасѣ, а куры оставляютъ своихъ цыплятъ и съ крикомъ взлетаютъ на кровли домовъ. Еще недавно столь спокойное селеніе становится сценой замѣшательства и безпорядка, пока не успокоится насмѣшливымъ увѣреніемъ нашихъ людей, что бѣлые люди вовсе не ѣдятъ черныхъ. Шутка въ Африкѣ часто производитъ лучшее вліяніе, чѣмъ торжественныя увѣренія. Многіе изъ нашихъ молодыхъ щеголей могли бы при входѣ въ африканскую деревню испытать, какъ свалилась бы съ нихъ надутость, когда они увидѣли бы передъ собою всѣхъ прекрасныхъ дѣвицъ бѣгущими отъ нихъ, какъ отъ отвратительныхъ людоѣдовъ, или какъ они—что мы можемъ засвидѣтельствовать—обратились бы прямо въ домовыхъ, а мамки, держа далеко отъ нихъ своихъ безпокойныхъ дѣтей, говорили бы: „слушайтесь, а то позову бѣлыхъ людей съѣсть васъ.“

Запахъ человѣка чрезвычайно страшенъ для всякаго рода дичи, вѣроятно гораздо страшнѣе, чѣмъ его видъ. Стадо

антилопъ на разстояніи сотни ярдовъ смотрѣло на насъ во всѣ глаза и боязливо оставалось на мѣстѣ, пока нашъ цугъ наполовину прошелъ мимо, но мгновенно ринулось прочь, какъ скоро заслышало запахъ людей, прошедшихъ мимо. Охотнику, идущему на африканское животное съ подвѣтренной стороны, не до шутокъ, такъ какъ оно не можетъ выдержать даже отдаленнаго аромата такъ страшнаго для всѣхъ дикихъ животныхъ человѣческаго рода. Страхъ ли это и ужасъ передъ людьми, которые, какъ Всемогущій сказалъ Ною, должны стоять выше всѣхъ животныхъ лѣса? Левъ, когда онъ подстерегаетъ свою добычу, можетъ броситься на человѣческое существо, какъ на всякое другое животное, случайно проходящее мимо, исключая носорога или слона; львица, когда у нея дѣти, могла бы, пожалуй, чтобы защитить своихъ дѣтенышей, напасть на человѣка, проходящаго мимо такъ, что вѣтеръ отъ него достигаетъ до львицы, и безсознательно испугавшаго ее своимъ запахомъ; буйволы или другія животныя могли бы броситься на цугъ путниковъ, думая, что они имъ окружены; но вообще, ни дикое животное, ни змѣя не обращаются на человѣка за исключеніемъ случаевъ, когда они ранены или ошиблись. Если горилла, не будучи ранена, выходитъ на борьбу съ нимъ и дѣлаетъ ему вызовъ, то она составляютъ исключеніе изъ извѣстныхъ намъ дикихъ животныхъ. Изъ того, какъ слонъ убѣгаетъ при первомъ взглядѣ на человѣка, видно, что это колоссальное животное, будучи по истинѣ царемъ животныхъ, убѣжало бы даже отъ какого-нибудь ребенка.

Столь же большое удивленіе, какъ три бѣлые человѣка, возбуждали два наши осла. Велико было изумленіе, когда одинъ изъ нихъ началъ кричать. Боязливые трепетали болѣе, чѣмъ когда слышали возлѣ себя рыканіе льва. Они всѣ повергнуты были въ ужасъ и съ нѣмымъ испугомъ уставились на рѣзкоголосаго, пока тотъ не издалъ послѣдній обрывистый звукъ; когда они потомъ убѣдились, что ничего отъ него болѣе не будетъ, они поглядѣли другъ на друга и разразились

громкимъ смѣхомъ надъ своимъ общимъ изумленіемъ. Когда одинъ оселъ поощрилъ другаго испытать силу своего голоса, интересъ, который нашли въ этомъ устрашенные посѣтители, былъ равенъ тому интересу, съ которымъ лондонцы тѣснились на первый разъ, чтобы посмотрѣть прославленнаго бегемота.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Слои каменнаго угля подъ теттеанскимъ сѣрымъ песчаникомъ. — Употребленіе каменнаго угля неизвѣстно туземцамъ. — Мбіа убиваетъ бегемота. — Западни и ямы.—Осторожность слоновъ въ отношеніи къ ямамъ.—Бѣлые муравьи и ихъ ходы. — Черные муравьиные солдаты дѣлаются господами надъ бѣлыми муравьями. — Языкъ муравьевъ. — Кусающіе муравьи. — Воздается почтеніе плутовской обезьянѣ. — Горы. — Чикванитсела. — Страданіе дикихъ животныхъ. — Человѣчій буйволъ. — Мпенде. — Чилондо. — Монагенгъ убитъ. — Животныя, на которыхъ не охотятся съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.— Пангола. — Владѣтель, любящій винтовки. — Унди и судьба африканскихъ государствъ. — Промышленики ли африканцы? — Пребываніе въ Цумбо на Лоангва 26 іюня. — Слѣдствія анархіи. — Убіеніе Мпанвге. — Секваша.

Теперь, когда мы перешли пограничный ручей Ніаматарара, мы были въ тѣ Чикова и между песчаниковыми скалами, похожими на тѣ, которыя господствуютъ между Луната и Кебрабаза. Въ послѣднемъ ущельѣ, какъ уже упомянуто, какимъ-то большимъ огненнымъ геологическимъ переворотомъ подняты вулканическія и сіэнитовыя массы; слои набросаны одинъ на другой въ одну смѣшанную кучу. Въ Кебрабаза каменный уголь естественно исчезъ, но снова является въ Чикова. Теттеанскій сѣрый песчаникъ обыкновененъ около Синджере и гдѣ онъ видѣнъ съ ископаемымъ деревомъ на поверхности, подъ нимъ повсюду лежитъ каменный уголь; здѣсь, какъ въ Чикова, по берегамъ Замбези видно много слоевъ. По направленію къ югу эта страна представляетъ свободную равнину и лѣсную мѣстность, съ очертаніями

холмовъ и горъ вдали; но послѣднія, какъ говорятъ туземцы, стоятъ отъ нихъ слишкомъ далеко, чтобы знать ихъ названія. Главные холмы справа у насъ, когда мы смотримъ вверхъ по рѣкѣ, находятся въ разстояніи отъ шести до двѣнадцати миль и даютъ по мѣстамъ отроги къ рѣкѣ съ ручьями, протекающими по ихъ узкимъ долинамъ. Берега Замбези представляютъ двѣ хорошо очерченныя террасы; первая или самая низшая обыкновенно узка и очень плодородна, а верхняя — сухая степь, терпистое болото (джонгле) или лѣсъ изъ мопане (Bauhinia). Одна изъ этихъ равнинъ, близъ Кафуэ, покрыта большими болотами и стволами окаменѣлаго лѣса. На красивой рѣкѣ Синджере, которая течетъ изъ холмовъ Чиробироби, стоящихъ миляхъ въ восьми къ сѣверу, мы остановились на два дня. Въ ея руслѣ лежитъ много глыбъ каменнаго угля, снесенныхъ быстрымъ теченіемъ. Туземцы повидимому никогда не догадывались, что каменный уголь горитъ, и когда мы имъ сообщали объ этомъ, они покачивали головами, недовѣрчиво улыбались и говорили „*коди*“ (въ самомъ дѣлѣ), откровенно признавая это за чистую дорожную сказку. Они были совершенно изумлены, когда увидали его свободно горящимъ на нашемъ кострѣ. Они говорили намъ, что между холмами видѣли его массами: но такъ какъ мы уже давно замѣтили, что находимся на неизмѣримомъ угольномъ слоѣ, то ничто не побуждало насъ изслѣдовать его далѣе. На югъ отъ него былъ открытъ каменный уголь въ 1856, и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тетте на рѣкѣ Ревубуэ изслѣдовано нѣсколько слоевъ. Очевидно, это было расширеніе того же самаго пласта, но въ углѣ было болѣе смолы. На открытомъ огнѣ онъ давалъ пузыри и газъ, какъ хорошій англійскій уголь.

Близъ устья Синджере идетъ поперекъ рѣки плотина изъ черныхъ базальтовыхъ скалъ, называемая Какилоле; но въ ней двое открытыхъ воротъ отъ шестидесяти до восьмидесяти ярдовъ ширины, и русло очень глубоко.

На одной изъ мелкихъ отмелей лежало стадо бегемотовъ

въ мнимой безопасности. Дѣтеныши играли между собою, какъ щенки, лазили на спины къ своимъ матерямъ, старались пастью захватиться другъ за друга, обрывались и скатывались въ воду. Мбіа, одинъ изъ макололо, подошелъ въ бродъ къ спящимъ животнымъ почти на двѣнадцать ярдовъ и выстрѣлилъ въ отца стада; такъ какъ онъ былъ очень жиренъ, то скоро всплылъ и былъ безопасно вытащенъ у селенія, лежащаго ниже по рѣкѣ. Когда мы завтракали, насъ посѣтилъ старшина этого селенія. Онъ носилъ черный парикъ изъ сансевіеры и тисненую рубашку. Послѣ ко-

Стадо бегемотовъ.

роткаго молчанія, онъ сказалъ Мазаказа: „Вы при бѣлыхъ людяхъ; почему же вы не скажете имъ, чтобъ они дали мнѣ кусокъ выбойки?“—„Мы чужеземцы,“ отвѣчалъ Мазаказа: „почему вы не принесете намъ нѣсколько жизненныхъ припасовъ?“ Онъ понялъ ясный намекъ и принесъ намъ двухъ куръ, чтобы мы не разсказывали, что проходили мимо него и ничего не получили изъ пищи. Какъ обыкновенно, мы ему за это дали кусокъ выбойки. Въ отношеніи къ бегемоту онъ

не изъявлялъ никакихъ претензій, но сказалъ, что взялъ бы, если бы угодно было дать ему. Наши люди на два дня сполна запаслись мясомъ и разрѣзали огромныя количества на длинныя, узкія полосы, которыя они наполовину высушили, наполовину зажарили на деревянныхъ козлахъ надъ огнемъ. Въ этой странѣ много дичи ловится въ ямы. Въ землю втыкаются снабженныя острыми концами сваи, на которыя дичь падаетъ и закалывается. Туземцы заботливо предостерегаютъ иностранцевъ отъ этихъ западней, равно какъ и отъ отравленныхъ бревенъ, повѣшенныхъ на высокихъ деревьяхъ, чтобы бить слоновъ и бегеметовъ. Не трудно узнать ямы, когда на нихъ уже обращено вниманіе; но на мѣстахъ, гдѣ земля отнесена далеко, и никому объ этомъ въ голову не приходитъ, нечаянная, въ девять футовъ глубиною, западня представляетъ случай, о которомъ путешественникъ не легко опять позабудетъ. Ощущенія, которыя чувствуютъ, когда такимъ образомъ въ одно мгновеніе проглатываются землею, совершенно оригинальны. За моментнымъ уничтоженіемъ сознанія слѣдуетъ шумный звукъ ливня песку и сухой травы и полусознательная мысль о томъ, гдѣ мы и какъ попали въ темноту. Разсудокъ пробуждается, чтобы убѣдить упавшаго, что онъ провалился должно быть черезъ то небольшое отверстіе вверху, черезъ которое мерцаетъ свѣтъ дня, и что онъ теперь находится тамъ, гдѣ долженъ былъ быть какой-нибудь бегемотъ. Свалиться въ бегемотную яму легко, какъ въ бездну, но снова вылѣзть наверхъ работа утомительная. Боковыя стѣны гладки и ненадежны, а крестомъ положенныя камышевки, поддерживающія покрышку, ломаются, если вздумаютъ за нихъ хвататься. Крикъ изъ ямы не слышенъ находящимся въ окрестности людямъ, и только повторенныя и въ высшей степени отчаянныя усилія могутъ снова вывести на Божій свѣтъ заживо погребеннаго. Въ Тетте намъ разсказывали объ одномъ бѣломъ охотникѣ необыкновенно маленькаго роста, который бухнулся въ яму, когда подкрадывался къ сидящей на деревѣ цесаркѣ. Чтобы опять выбраться, онъ долженъ

былъ пробиться все время до полудня. Только лишь посчастливилось ему выбраться и онъ отчистилъ грязь съ своего платья, какъ свалился въ другую яму, которая, какъ это часто случается, была какъ разъ возлѣ первой, и прежде чѣмъ могъ выкарабкаться изъ *этой*, насталъ вечеръ.

Слоны и буйволы рѣдко возвращаются къ рѣкѣ одною и тою же дорогою по двѣ ночи сряду,—такъ боятся они опасности, угрожающей имъ отъ этой человѣческой выдумки. Старый слонъ идетъ впереди стада и вскрываетъ хоботомъ ямы, чтобы другіе могли видѣть отверстія и идти по твердой почвѣ. Жертвами обыкновенно бываютъ слоновьи самки, болѣе боязливыя отъ природы, чѣмъ самцы, и, матерински заботясь о своихъ дѣтенышахъ, онѣ высоко держатъ хоботъ и обнюхиваютъ каждую частичку воздуха въ ожиданіи мнимой опасности, которая въ дѣйствительности часто у нихъ подъ ногами. Менѣе робкій самецъ низко держитъ хоботъ и обращаетъ вниманіе на свою дорогу, во-время предупреждаемый этимъ необыкновенно чувствительнымъ органомъ.

Нашъ лагерь на Синджере стоялъ подъ широко раскинувшеюся дикою смоковницею. Изъ многихъ видовъ этого весьма обширнаго семейства, распространеннаго по всей странѣ, виды смоковницъ или баніановъ, повидимому, считаются въ Африкѣ священными съ самыхъ древнихъ временъ. Почва кишитъ бѣлыми муравьями, глиняные ходы которыхъ, построиваемые для защищенія отъ птичьихъ глазъ, поднимаются надъ поверхностью земли по стволамъ деревъ и распространяются вдоль вѣтвей, изъ которыхъ маленькіе плотники выталкиваютъ все подгнившее или омертвѣлое дерево. Весьма часто въ ходахъ на землѣ остается снаружи точная форма вѣтвей и внутри ни кусочка дерева. Въ первую изъ проведенныхъ здѣсь нами ночей, эти разрушительныя насѣкомыя прогрызлись сквозь наши травяныя постели, напали на наши одѣяла, а нѣкоторыя большія красноголовыя кусали даже наше тѣло.

Въ иные дни ни одного бѣлаго муравья не было видно на чистомъ воздухѣ; въ другіе же дни, и именно въ извѣстные часы, они миріадами высыпали изъ ходовъ и съ необыкновенной ревностью и энергіей трудились, чтобы натащить въ свои гнѣзда кусочковъ сухой травы. При этомъ

Муравьиные ходы.

прилежномъ занятіи жатвой ящерицы и птицы пользовались временемъ и наслаждались богатымъ пиршествомъ на счетъ тысячъ несчастныхъ работниковъ. Когда они роятся, туземцы ловятъ ихъ въ безчисленномъ множествѣ, и ихъ поджаренныя тѣла, какъ говорятъ, схожи, по маслянистому вкусу, съ мягкимъ рисомъ, зажареннымъ въ закрытомъ сосудѣ на хорошемъ свѣжемъ маслѣ.

Около нашего лагеря сильный грабительскій корпусъ большихъ черныхъ муравьевъ напалъ на гнѣздо бѣлыхъ. Такъ какъ война происходила внутри ходовъ, то мы не могли видѣть боеваго порядка; но скоро оказалось, что черные выиграли сраженіе и ограбили бѣлое государство, потому что возвращались съ тріумфомъ, унося яйца и лучшіе кусочки

тѣлъ побѣжденныхъ. Въ муравьяхъ нельзя отрицать нѣкоторой способности, похожей на языкъ. Если разорить часть ихъ постройки, то увидишь чиновника, вышедшаго произвести слѣдствіе о поврежденіи; по точномъ осмотрѣ развалинъ, онъ издаетъ нѣсколько ясныхъ и отчетливыхъ звуковъ, и тотчасъ куча рабочихъ начинаетъ снова задѣлывать проломъ. Когда это дѣло окончено, дается второе приказаніе, и рабочіе уходятъ, какъ это видно, если снять мягкую, только что построенную часть. Въ одну дождливую ночь мы попытались переночевать въ одной изъ хижинъ туземцевъ, но не могли спать изъ-за нападеній со стороны воинственныхъ батальоновъ одного весьма маленькаго вида муравьевъ (formica), длиною не болѣе шестнадцатой доли дюйма. Мы скоро замѣтили, что они состояли подъ правильной дисциплиной и старались исполнять хитрые планы отличнаго вождя. Первыми предметами нападенія были наши руки и затылки. Вокругъ осажденнаго мѣста въ тишинѣ располагались большими массами эти маленькіе бичи. Мы могли слышать отъ двухъ до трехъ разъ повторенное рѣзкое, звонкое слово команды, хотя мы до сихъ поръ не вѣрили въ существованіе голоса муравья; непосредственно за этимъ чувствовали мы, что войско стремглавъ бросается на насъ, прокусываетъ нѣжную кожу, вцѣпляется въ волосы и скорѣе дозволяетъ отрывать себѣ челюсти, чѣмъ отрывать себя отъ мѣста, къ которому прицѣпилось. Когда мы снова укладывались въ надеждѣ, что прогнали ихъ, едва только гасили свѣчу и все смолкало, какъ маневръ повторялся. Давались ясныя и слышныя приказанія, и нападеніе возобновлялось. Спать въ этой хижинѣ было такъ же тяжело, какъ въ траншеяхъ подъ Севастополемъ. Бѣлый муравей, питающійся растеніями, поѣдаетъ только предметы растительнаго происхожденія и кожу, которая при дубленіи проникается растительнымъ запахомъ. „Въ слѣдствіе опустошеній бѣлыхъ муравьевъ сегодняшній богачъ можетъ стать на завтра бѣднымъ,“ говорилъ одинъ португальскій купецъ; „когда онъ боленъ и не можетъ присмотрѣть за сво-

имъ имуществомъ, его невольники не смотрятъ за нимъ, и скоро оно истребляется этими насѣкомыми.“ Красноватые муравьи, называемые на западѣ загонщиками, каждый день пересѣкали намъ путь плотными колоннами, шириною въ дюймъ, и ни люди, ни животныя не могутъ превзойти ихъ въ воинственности. Достаточная причина для войны простое приближеніе къ нимъ, даже если это сдѣлалось случайно. Многіе выходятъ изъ рядовъ и останавливаются съ открытыми челюстями или нападаютъ съ раскрытой пастью и злобно кусаютъ. На охотѣ мы очень часто попадали на нихъ. Пока мы были заняты дичью и совсѣмъ не думали о муравьяхъ, они спокойно покрывали насъ съ головы до ногъ и потомъ начинали кусать всѣ въ одно и то же мгновеніе. Захвативши своими сильными клещами кусочикъ кожи, они вертятся вокругъ него, какъ-бы рѣшаясь его вырвать. Ихъ укушеніе такъ страшно остро, что самый храбрый долженъ метаться изъ стороны въ сторону и потомъ скрестись, чтобы удалить тѣхъ, которые все еще держатся своими крючковатыми челюстями, какъ стальными клещами. Этотъ видъ встрѣчается большими массами на сырыхъ мѣстахъ, и, обыкновенно, попадается по берегамъ проточныхъ водъ. Мы ничего не слыхали о томъ, чтобы они когда-нибудь дѣйствительно убили животное, за исключеніемъ змѣи пифона, да и ту, когда она пресыщена и въ совершенной летаргіи; но они скоро обираютъ всякое мертвое животное вещество; повидимому это составляетъ ихъ главную пищу, и ихъ назначеніе въ домохозяйствѣ природы состоитъ въ должности мусорщиковъ.

12 іюня мы снялись съ Синджере. Наши люди несли на продажу и для себя связки бегемотнаго мяса. Завтракать мы расположились противъ запруды Какололе, которая съуживаетъ рѣчное русло къ западу отъ горъ Маніерере. Проказница обезьяна, между прочимъ, самая большая изъ когда-либо видѣнныхъ нами, весьма жирная и ручная, спокойно выходила изъ одного сада, когда мы подходили. Обезьяна въ этой странѣ животное священное, и ихъ никогда не безпоко-

ятъ и не убиваютъ, потому что обитатели благочестиво вѣрятъ, что души ихъ предковъ приняли теперь эти униженныя формы, и предчувствуютъ, что рано или поздно такимъ же образомъ должны и сами они измѣниться: будущность столь же неутѣшительная для черныхъ, какъ постукивающіе духи для бѣлыхъ. Сады раздѣлены между собою единственнымъ рядомъ маленькихъ камней, нѣсколькими горстями травы или незначительной бороздкой, сдѣланной заступомъ. Иные окружены камышевымъ заборомъ слабой постройки, достаточнымъ, однако, чтобы остановить всегда осторожнаго бегемота, который боится западни. Женщины пользуются его излишней осторожностью и подвѣшиваютъ плодъ кигеліа съ кусочкомъ палки на концѣ въ видѣ западни въ миніатюрѣ. Это сохраняетъ маисъ, до котораго онъ безмѣрно жаденъ.

Женщины обыкновенно стремятся найти себѣ занятіе. Онѣ сопровождаютъ мужчинъ въ военный лагерь, продаютъ свои собственные товары и оказываются столь же честными торговками, сколько скромными чувствительными особами. Въ другихъ мѣстахъ онѣ приносятъ на головахъ вещи на продажу и, стоя на колѣняхъ, въ почтительномъ разстояніи выкидаютъ, когда ихъ супруги или отцы, зашедшіе дальше, вздумаютъ возвратиться, чтобы взять ихъ товары и вымѣнять. Можетъ быть, что въ этомъ пунктѣ здѣшнія женщины занимаютъ золотую середину между горными племенами манганджа и ягасъ на сѣверѣ, живущими на горныхъ вершинахъ близъ Килиманджаро. Говорятъ, что въ послѣднемъ мѣстѣ вся торговля ведется женщинами, онѣ содержатъ правильные рынки и совершенно не дозволяютъ, чтобы на рыночное мѣсто вошелъ мужчина.

Вслѣдствіе огромнаго количества бегемотнаго мяса, поѣденнаго нашими людьми, иные изъ нихъ были не совсѣмъ здоровы, и наши переходы, по необходимости, были коротки. Пройдя 13 верстъ въ три часа, мы провели остатокъ дня въ селеніи Чазирибера на ручьѣ, текущемъ по прекрасной, лежащей къ сѣверу долинѣ, ограниченной великолѣпною гор-

ною цѣпью. Юговосточный уголъ цѣпи образуетъ Пинкве или Мбингве, иначе называемое Моеу. 16 іюня мы были въ въ цвѣтущей долинѣ Сенга, подвластной старшинѣ Маніаме и расположенной на подошвѣ горы Мотемва. Почти всѣ горы въ этой сторонѣ покрыты лѣсомъ и травою, зелеными или желтыми, смотря по времени года. Иныя высотою отъ 2,000 до 3,000 футовъ виднѣются на горизонтѣ, покрытыя деревьями. Скалы выдаются какъ разъ на столько, что можно видѣть ихъ наслоенія, или ихъ гранитную форму, и хотя онѣ не покрыты густою массою ползучихъ растеній, какъ горы въ болѣе влажныхъ восточныхъ сторонахъ, однако все же наводятъ на мысль, что большая часть крутыхъ боковъ плодородна, и ни одна не производитъ впечатлѣнія той неплодородности, которая на сѣверныхъ горахъ заставляетъ воображать, что кости міра прорвались сквозь его кожу.

Обитатели селенія сказали намъ, что мы на слѣдахъ португальскаго гальбкаста, который незадолго пытался въ Сенга купить слоновой кости, но что обитатели отказались вступить съ нимъ въ торговлю, потому что близъ Цумбо онъ убилъ владѣльца и двадцать изъ его людей. Онъ грозилъ отнять слоновью кость силой, если не хотятъ ее продать; но еще въ ту же ночь слоновья кость и женщины отправлены изъ селенія и осталось только порядочное количество вооруженныхъ мужчинъ. Тогда купецъ уѣхалъ, боясь оказаться слабѣйшимъ, когда дѣло дойдетъ до битвы. Главный начальникъ миль на пятьдесятъ по сѣверному берегу Замбези въ этой странѣ Чиквантзела или Секуананджила. Онъ живетъ на противоположной или южной сторонѣ и тамъ владѣнія его еще обширнѣе. Мы послали ему изъ Сенга подарокъ и на слѣдующее утро посолъ извѣстилъ насъ, что у него кашель и онъ не можетъ переправиться повидаться съ нами. „И его подарокъ тоже кашляетъ,“ замѣтилъ одинъ изъ нашего общества, „что онъ не идетъ къ намъ? У вашего владѣтеля мода такъ обращаться съ иностранцами: получаетъ ихъ подарокъ и за это не присылаетъ имъ никакихъ жиз-

ценныхъ припасовъ?“ Наши люди сочли Чикванитзела за необыкновеннаго скрягу; но такъ какъ могло быть, что нѣкоторые изъ нихъ пожелаютъ воротиться тѣмъ же путемъ, то они не вздумали его бранить сильнѣе.

Мужчины и женщины были прилежно заняты приготовленіемъ почвы для ноябрскихъ посѣвовъ. Крупная дичь здѣсь въ изобиліи; стада слоновъ и буйволовъ ночью сходятъ къ рѣкѣ, но днемъ удаляются. Они скоро пріучаются къ этому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на нихъ производится охота.

Ширина равнинъ, по которымъ мы проходили, постоянно мѣняется, смотря потому, подходятъ ли къ рѣкѣ или отходятъ отъ нея изборожденные и лѣсистые холмы. На южной сторонѣ мы видѣли холмы Бунгве и длинный, прямой, лѣсистый хребетъ Шангомбе; первые составляютъ рядъ, тянущійся по Замбези съ юговостока на сѣверозападъ. 16-го мы застрѣлили старую паллагу и нашли, что бѣдное животное испытывало болѣе чѣмъ обыкновенную мѣру животныхъ страданій. У ней, совершенно слѣпой на оба глаза, было нѣсколько опухолей и сломанная нога, которая не подавала никакой надежды къ выздоровленію. Дикія животныя иногда очень страдаютъ отъ болѣзней и долго влачатъ бѣдственное существованіе, пока не прикончитъ ихъ какое-нибудь хищное животное. Однажды мы отогнали безгриваго льва и львицу отъ мертваго буйвола, который былъ истощенъ до послѣдней степени. Они подстерегли его, когда онъ, шатаясь, спускался къ рѣкѣ утолить свою жажду, и вспрыгнули на него, когда онъ сталъ опять взбираться на берегъ. Одинъ вцѣпился въ горло, другой въ его высокій, выдающійся хребетъ, который сломился подъ сильными лапами льва. Борьба, если она вообще была, должна была быть короткою. Когда мы ихъ спугнули, они поѣли только внутренность. Замѣчательно, что дикія животныя постоянно начинаютъ съ этой части и что ее же всегда прежде всего выбираютъ и наши люди. Если бы это не было мудрымъ указаніемъ, что только самые сильные самцы должны поддерживать видъ, то едва ли не были бы

принуждены пожалѣть одинокаго буйвола, который изъ-за какого-нибудь тѣлеснаго недостатка или изъ-за приближающейся дряхлой старости изгнанъ изъ стада. Лишенный нѣжнаго вліянія женскаго сообщества, онъ естественно становится вздорливымъ и одичалымъ; теперь уже никто другой не участвуетъ въ необходимой бдительности противъ враговъ; онъ становится раздражителенъ, поставленъ въ состояніе вѣчной войны со всѣми кто наслаждается жизнью, и чѣмъ скорѣе наполнитъ онъ собою послѣ изгнанія желудокъ льва или дикой собаки, тѣмъ лучше для него самого и для спокойствія страны. Хотя мы не расположены пускаться въ дидактику, однако же мы невольно обращаемся мыслью къ какому-нибудь сварливому старому холостяку или гнѣвливому супругу,—къ этому человѣчьему буйволу, при приближеніи котораго жена и дѣти или бѣдные родственники отъ страха задерживаютъ дыханіе, мы не можемъ питать ни малѣйшаго состраданія, потому что это неразумное животное не можетъ оправдываться слабостью темперамента; ибо когда онъ въ стадѣ себѣ подобныхъ, онъ неизмѣнно вѣжливъ и свою тиранію выказываетъ только когда онъ съ тѣми, которые не могутъ вбить ему вѣжливости.

20 іюня мы расположились лагеремъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ прежде д-ру Ливингстону на его путешествіи съ западнаго на восточный берегъ угрожалъ одинъ владѣтель по имени Мпенде. Этотъ владѣтель не былъ оскорбленъ, но у него было огнестрѣльное оружіе и онъ грозилъ напасть на иностранцевъ съ ясной цѣлью показать свое могущество. Однако же, когда совѣтникъ Мпенде выяснилъ ему, что д-ръ Ливингстонъ принадлежитъ къ племени, о которомъ извѣстно имъ, что „оно чернаго человѣка любитъ и не обращаетъ въ невольничество“, то его поведеніе изъ враждебнаго внезапно обратилось въ дружелюбное, а такъ какъ мѣсто для обороны было выбрано хорошо, то Мпенде, можетъ быть, совершенно благоразумно поступилъ, рѣшившись на эту перемѣну. Теперь насъ посѣтили три его совѣтника, и мы дали имъ великолѣп-

ный подарокъ для ихъ владѣтеля, который на слѣдующее утро пришелъ самъ и подарилъ намъ козу, корзину варенаго маиса и другую съ горошкомъ. Нѣсколько миль выше этого мѣста старшина Чилондо съ Ніамазуза извинялся, что онъ прежде не доставилъ намъ челновъ. „Его не было дома и виною въ томъ были его „дѣти", потому что они не сказали ему, когда докторъ проходилъ мимо; онъ не отказалъ бы въ челнахъ". Видъ нашихъ людей, которые теперь всѣ вооружены были мушкетонами, произвелъ большой эффектъ. Нисколько не пуская въ ходъ хвастовства, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ возбуждаютъ уваженіе и заставляютъ быть благоразумными людей, которые иначе могли бы почувствовать себя расположенными къ безпокойству. Кромѣ нашего столкновенія съ Мпенде, ничто не могло быть мирнѣе нашего путешествія по этой полосѣ страны въ 1856 г. У насъ тогда не было ничего, что могло бы раздражить алчность обитателей, и люди поддерживали свое существованіе или продажею слоновьяго мяса, или тѣмъ, что выполняли колѣнца иностранныхъ плясокъ. Бо́льшая часть обитателей были очень великодушны и дружелюбны; но баніаи, обитающіе ближе къ Тетте, преградили намъ путь угрожающимъ военнымъ танцемъ. Устрашенный этимъ, одинъ изъ нашего общества убѣжалъ, какъ мы думали, куда глаза глядятъ, и, его нельзя было найти послѣ старательнаго трехдневнаго исканія. Очевидно тронутые нашей бѣдностью, баніаи дали намъ возможность идти дальше. Отъ одного мужчины, оставленнаго нами на островѣ нѣсколько пониже селенія Мпенде, узнали мы впослѣдствіи, что бѣдный Монагенгъ бѣжалъ туда и былъ убитъ начальникомъ мѣста только потому, что былъ безоруженъ. Съ того времени этого старшину возненавидѣли его земляки, и онъ ими умерщвленъ.

Нашъ путь часто пролегалъ по широкимъ площадямъ, повидимому, необитаемаго ландшафта. Поразительное спокойствіе проникаетъ воздухъ; не слышно ни единаго звука, ни птичьяго, ни другаго животнаго, ни какого бы то ни было живаго

существа; вблизи ни одной деревни, въ воздухѣ тихо, небо и земля погружены въ глубокій, душный покой, и длинный, вьющійся цугъ утомленныхъ путниковъ на жгучей, ослѣпляющей равнинѣ похожъ на одинокій корабль среди пустыннаго моря. Но вотъ мы замѣчаемъ, что не мы одни только въ пустынѣ; кругомъ насъ есть еще другія живыя формы, которыя со вниманіемъ смотрятъ любопытными глазами на всѣ наши движенія. Какъ только мы вступаемъ въ лѣсокъ, внезапно появляется неожиданное стадо паллагъ или водяныхъ козловъ, которые стояли такъ спокойно и тихо, какъ будто составляли часть ландшафта; или мы проходимъ группой густыхъ терновниковъ и видимъ сквозь кусты темныя, призрачныя формы буйволовъ, которые уставлялись на насъ съ опущенными головами и злобными, неукротимыми глазами: то крутой поворотъ наталкиваетъ насъ на какого-нибудь туземца, который завидѣлъ насъ издали и приближается медленнымъ шагомъ, чтобы разсмотрѣть ближе.

23 іюня мы вступили въ главное селеніе Пангола, въ разстояніи отъ рѣки болѣе мили. Развалины глиняной стѣны показывали, что была сдѣлана грубая попытка подражать португальской крѣпости. Мы расположились подъ стройной, дикой смоковницей, вокругъ ствола которой привязано было волшебное лекарство, чтобы защитить отъ воровъ медъ дикихъ пчелъ, рой которыхъ расположился въ одной изъ вѣтвей. Это обыкновенная уловка. Волшебство или лекарство покупается у докторовъ зерни и состоитъ изъ полоски пальмоваго листа, который чѣмъ-нибудь вымазанъ и украшенъ нѣсколькими кусочками травы, дерева или корней. Это обвязывается вокругъ дерева и полагаютъ, что оно обладаетъ силою навлекать на вора, который черезъ него перелѣзетъ, болѣзнь и смерть. Слѣдовательно, при нѣкоторыхъ общественныхъ состояніяхъ, суевѣріе не безъ пользы; оно предотвращаетъ иныя преступленія и проступки однимъ только священнымъ страхомъ, который оно производитъ.

Пангола явился подъ хмѣлькомъ и разговорчивый. „Мы

друзья, мы большіе друзья; я вамъ принесъ съ собой корзину зеленаго маиса, — вотъ она!“ Мы благодарили и вручили двѣ сажени выбойки, — четверную цѣну его подарка. Нѣтъ, онъ не могъ принять такого маленькаго дара; ему нужно было граненое двуствольное ружье, — лучшее диксоновское. „Вы знаете, мы друзья, мы вѣдь всѣ друзья.“ Но хотя мы охотно признали это, однакоже не могли отдать ему лучшее наше ружье, и тогда онъ ушелъ въ горькой досадѣ. На слѣдующее утро рано, когда мы начали молитву, Пангола пришелъ опять, но уже трезвый. Мы объяснились съ нимъ, что хотимъ молиться Богу, и предлагали ему остаться; онъ, повидимому, былъ въ страхѣ и пятился; но послѣ божественной службы онъ опять накинулся на насъ изъ-за ружья. Нисколько не помогло, что мы сказали ему, что намъ предстоитъ длинное путешествіе, и ружье намъ нужно, чтобы стрѣлять для себя дичь. — „И онъ тоже долженъ имѣть мясо для себя и своихъ людей, потому что они не разъ страдали отъ голода.“ Затѣмъ онъ раздражился, и его народъ отказался продать жизненныхъ припасовъ, развѣ только по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ. Такъ какъ они знали, что у насъ ничего не было поѣсть, то навѣрное полагали, что выпудятъ насъ голодомъ къ согласію. Но двое изъ нашихъ людей ушли съ солнечнымъ восходомъ и застрѣлили прекраснаго водянаго козла, тогда жизненные припасы упали до самой низкой цѣны; теперь они совершенно охотно готовы были продать, но наши люди озлились на нихъ за то, что тѣ пробовали принудительную мѣру и не хотѣли купить. Черная корысть перехитрила сама себя, какъ это часто бываетъ съ бѣлой жадностью, и не въ одномъ этомъ случаѣ поступки африканцевъ напоминали намъ англосаксовъ: постоянная, всему свѣту извѣстная склонность постыднымъ образомъ воспользоваться самыми необходимыми потребностями человѣка показываетъ, что одинъ и тѣ же общія побудительныя причины довольно далеко распространены между всѣми расами. Нельзя навѣрное сказать, что во всѣхъ жилахъ течетъ одна и та же кровь, или что

всѣ произошли изъ одного и того же племени; но путешественникъ можетъ считать несомнѣннымъ, что въ практической жизни бѣлые и черные плуты всѣ люди и братья.

Пангола былъ „дитя“ Мпенде или вассалъ его. Сандіа и Мпенде отъ Кебрабаза до Цумбо единственные независимые владѣтели и принадлежатъ къ племени манганджа. Страна къ сѣверу отъ видимыхъ отсюда съ Замбези горъ называется Сенга, а ея обитатели—ассенга или басенга; но они, повидимому, принадлежатъ всѣ къ той же самой семьѣ, какъ и остальные манганджа и марави. Прежде всѣ манганджа были соединены подъ правленіемъ главнаго своего владѣтеля Унди, государство котораго простиралось отъ озера Ширва до рѣки Лоангва; но по смерти Унди оно распалось на части, и бо́льшую часть его по Замбези оттянули себѣ ихъ могущественные сосѣди съ юга, баніан. Это съ незапамятныхъ временъ всегда было неизбѣжной судьбой каждаго африканскаго государства. Владѣтель, обладающій бо́льшимъ умомъ, возвышается, подчиняетъ всѣхъ своихъ менѣе сильныхъ сосѣдей и основываетъ государство, которымъ правитъ болѣе или менѣе мудро, пока не умретъ. Его преемникъ, не имѣя талантовъ завоевателя, не можетъ удержать господства; нѣкоторые изъ болѣе способныхъ подчиненныхъ владѣтелей возстаютъ какъ самостоятельные владыки, и черезъ немного лѣтъ остается только воспоминаніе о государствѣ. Это, что можетъ быть разсматриваемо, какъ нормальное состояніе африканскаго общества, дастъ поводъ къ частымъ и опустошительнымъ войнамъ, и народъ тщетно тоскуетъ по какой-нибудь силѣ, которая могла бы заставить всѣхъ жить въ мирѣ. Въ этомъ отношеніи какая-нибудь европейская колонія считалась бы туземцами за неоцѣнимое благодѣяніе для Африки, лежащей между поворотными кругами. Тысячи промышленыхъ туземцевъ поселились бы около нея мирно и посвятили бы себя тому мирному призванію земледѣлія и торговли, которое они такъ любятъ, и могли бы, не обезпокоиваемые войною или военнымъ крикомъ, прислушаться къ исправляющимъ и облагорожива-

ющимъ истинамъ Евангелія Іисуса Христа. Манганджа по Замбези, какъ и ихъ земляки по Шире, охотно занимаются земледѣліемъ и, кромѣ своихъ обыкновенныхъ различныхъ хлѣбовъ, обработываютъ въ большомъ количествѣ табакъ и хлопокъ, на сколько нужно для удовлетворенія ихъ потребностей. На вопросъ: „Будутъ ли они трудиться для европейцевъ?“ получается утвердительный отвѣтъ, если европейцы принадлежатъ къ тому классу, который можетъ платить за работу разумную плату, а не къ тѣмъ проходимцамъ, которые сами нуждаются въ заработкѣ. Отъ резиденціи Сандіа до резиденціи Пангола всѣ были одѣты особенно хорошо, и замѣтно, что вся одежда изъ туземнаго матеріала составляла произведеніе ихъ собственныхъ станковъ. Въ Сенга много желѣза изъ добываемой тамъ и весьма искусно обработываемой руды.

Согласно съ обычаемъ при посѣщеніи селенія обществомъ вооруженныхъ иностранцевъ, Пангола взялъ предосторожность переночевать въ одной изъ деревень, лежащихъ внѣ его резиденціи. Гдѣ ночуетъ владѣтель, этого никогда никто не знаетъ или ни за какія деньги сказать не захочетъ. На слѣдующее утро онъ не пришелъ, и мы поэтому пошли своей дорогой; но черезъ нѣсколько минутъ увидѣли, что ружьелюбивый владѣтель подходитъ съ нѣсколькими вооруженными людьми. Прежде чѣмъ съ нами встрѣтиться, онъ оставилъ дорогу и расположилъ свою „свиту“ подъ деревомъ, въ ожиданіи, что мы остановимся и дадимъ ему случай насъ помучить; но такъ какъ мы были уже сыты, то и пошли напрямикъ; онъ, повидимому, былъ озадаченъ и едва могъ вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Нѣсколько секундъ онъ не говорилъ ни слова, но наконецъ пришелъ едва на столько въ себя, что могъ проговорить: „Вы идете мимо Пангола. Развѣ вы не видите Пангола?“ Мбіа шелъ въ это время именно съ осломъ и, будучи радъ каждому случаю, когда могъ выказать свое крошечное знаніе англійскаго языка, крикнулъ ему въ отвѣтъ: „Совершенно справедливо! подите-ка сюда!“ „Хлопъ, хлопъ, хлопъ.“ Этотъ пріятель, Пангола,

мучилъ бы и давилъ бы какого-нибудь купца, пока не были бы исполнены его нерезонныя требованія.

26-го іюня мы завтракали въ Зумбо, на лѣвомъ берегу Лоангва, близъ развалинъ нѣсколькихъ прежнихъ португальскихъ домовъ. Лоангва была слишкомъ глубока, чтобы можно было перейти ее въ бродъ, а челновъ не было на нашей сторонѣ. Увидѣвши два небольшіе челна на противоположномъ берегу, близъ нѣсколькихъ вновь воздвигнутыхъ хижинъ двухъ гальбкастовъ изъ Тетте, мы остановились и крикнули лодочникамъ, чтобы тѣ переѣхали. Изъ ихъ движеній ясно видно было, что они находились въ состояніи жестокаго опьянѣнія. Такъ какъ у насъ былъ одинъ непроницаемый для воды плащъ, который можно было обратить въ маленькій ботикъ, то мы послали въ немъ Матланіане. Три полупьяные невольника доставили намъ тогда два разсохшихся челнока, которые мы связали вмѣстѣ и снабдили собственными нашими людьми. Перевозить можно было только по пяти человѣкъ заразъ, и послѣ того какъ мы съѣздили четыре раза, невольники начали кричать, что они хотятъ выпить. Ничего не получивъ, потому что у насъ ничего не было, они стали наглѣе и объявили, что на этотъ день никто больше не переѣдетъ. Сининіане увѣщевалъ ихъ, какъ вдругъ одинъ изъ тройки прицѣлился въ него изъ заряженнаго ружья. Въ одно мгновеніе ружье было вырвано изъ рукъ мошенника, градъ ударовъ посыпался ему на спину и онъ, помимо воли, нырнулъ въ рѣку. Печальный и трезвый выползъ онъ на берегъ, и всѣ трое съ высоты дерзкаго хвастовства низпали въ глубину невольнической трусости. Въ ружьѣ, какъ мы нашли, былъ чудовищный зарядъ, и нашего малаго могло бы разорвать на куски, если бы не скорость, съ которою его сотоварищи отстояли справедливость въ беззаконной странѣ. Около восьми часовъ вечера мы всѣ переѣхали въ добромъ здоровьѣ.

Къ объясненію того, что бываетъ тамъ, гдѣ не существуетъ никакого правительства или никакого закона, слу-

жить слѣдующее: Два гальбкаста, которымъ принадлежали эти люди, оставили Тетте съ четырьмя-стами невольниковъ, вооруженныхъ старыми синайскими ружьями, съ цѣлью охотиться за слонами и торговать слоновьею костью. Когда мы шли вверхъ, то слышали отъ туземцевъ объ ихъ противозаконныхъ подвигахъ, а когда спускались, то снова слышали отъ разныхъ лицъ, бывшихъ очевидцами главнаго преступленія, и всѣ извѣстія въ главномъ были совершенно сходны. Это печальная исторія. Когда купцы достигли Зумбо, одинъ изъ нихъ, прозванный туземцами Секваша, затѣялъ съ недовольнымъ старшиною Намакузуру заговоръ убить владѣтеля Мпангве, чтобы Намакузуру могъ получить себѣ владѣніе, а за убіеніе Мпангве, купецъ долженъ получить десять большихъ бивней слоновьей кости. Секваша посѣтилъ Мпангве съ избранной толпой вооруженныхъ невольниковъ. Мпангве принялъ его дружелюбно и обращался съ нимъ со всякой честью и гостепріимствомъ, какія обыкновенно оказываются иностранцамъ высшаго сословія, а женщины сварили свои лучшіе припасы для предложеннаго ему пиршества. На пиру, а также и за пивомъ, гальбкастъ угощался сколько душѣ угодно. Затѣмъ Секваша предложилъ Мпангве, не позволитъ ли тотъ его людямъ стрѣлять, для препровожденія времени, изъ ружей. Безъ всякаго подозрѣнія въ обманѣ и изъ желанія послушать трескъ ружейной пальбы, Мпангве тотчасъ далъ свое согласіе. Невольники встали, дали убійственный залпъ по веселой группѣ беззаботныхъ зрителей и въ мгновеніе убили владѣтеля и двадцать изъ его людей. Оставшіеся въ живыхъ въ ужасѣ бѣжали. Дѣти и женщины были захвачены въ рабство и селеніе разграблено. Секваша послалъ къ Намакузуру посольство: „я убилъ льва, безпокоившаго васъ; приходите и потолкуемъ о дѣлѣ.“ Тотъ пришелъ и принесъ слоновью кость. „Нѣтъ,“ сказалъ гальбкастъ: „будемъ дѣлить землю.“ Онъ взялъ бо́льшую часть себѣ, и принудилъ мнимаго узурпатора отдать браслеты въ знакъ подчиненія въ качествѣ „дитяти“ или вассала Секваша. Они съ тріум-

ѳомъ посланы были къ начальству въ Тетте. Губернаторъ Квиллимане говорилъ намъ, что онъ получилъ приказаніе изъ Лиссабона воспользоваться нашимъ проходомъ, чтобы возстановить Зумбо. Сообразно съ этимъ, эти купцы, какъ знакъ королевскаго управленія, построили небольшой полисадъ на плодородной равнинѣ праваго берега Лоангва, на милю выше мѣста прежней миссіонерской церкви въ Зумбо. Кровопролитія совершенно не было нужно, потому что туземцы, такъ какъ земля въ Зумбо куплена давно, во всякое время сами по себѣ признали бы пріобрѣтенное этимъ способомъ право. Въ 1856 году они говорили въ этомъ отношеніи д-ру Ливингстону, что хотя они и обработываютъ землю, но она принадлежитъ не имъ, а бѣлому человѣку. Секваша и его товарищъ оставили свою слоновью кость подъ надзоромъ нѣсколькихъ своихъ невольниковъ, которые теперь, въ отсутствіе своихъ господъ, проводили время весело и ежедневно напивались произведеніемъ ограбленныхъ селъ. Старшій невольникъ пришелъ и умолялъ о мушкетонѣ забывшагося лодочника, который вернулся. Онъ полагалъ, что господинъ его былъ вполнѣ правъ убивши Мпангве, когда его просили сдѣлать это за десять бивней, и даже оправдывалъ его такимъ образомъ: „Если бы васъ кто-нибудь пригласилъ откушать, развѣ вы не пошли бы?“

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Красивое положеніе Зумбо. — Церковь въ развалинахъ. — Почему католическія миссіи не успѣли въ поддержаніи христіанской вѣры? — Ма-мбурума. — Противоневольническіе принципы, рекомендація. — Джуджубе. — Цеце. — Докторъ Киркъ опасно боленъ въ горномъ лѣсу. — Геройскіе подвиги нашихъ людей на охотѣ. — Гіены. — Медовая кукушка. — Чѣмъ объяснить ея инстинктъ— эгоизмомъ или дружелюбіемъ? — Змѣя. — Покинутое селеніе Мпангве. — Высшая дичь въ изобиліи. — Различіе вкуса въ ней. — Что мы видѣли на походѣ. — „Гарь," вслѣдствіе травяныхъ пожаровъ. — Рѣка Чонгве. — Базизулу и ихъ превосходный хлопокъ. — Докторъ избѣгаетъ носорога. — Дикая собака. — Эмигрирующія семейства. — Томбаніама. — Устье Кафуэ.

Мы провели день при развалинахъ Зумбо. Прежніе купцы, которыхъ вѣроятно руководили іезуитскіе миссіонеры, должно быть, были люди съ умомъ и вкусомъ. Они выбрали для своего селенія въ странѣ самое привлекательное и самое живописное положеніе и имѣли основаніе надѣяться, что оно скоро сдѣлается богатымъ, вслѣдствіе выгодной торговли по рѣкамъ Замбези и Лоангва, которыя стекаются въ этомъ мѣстѣ съ сѣвера и запада, и вслѣдствіе золота и слоновьей кости страны Маника съ юга. Современные португальцы навѣрно имѣли бы основаніе гордиться предпріятіемъ своихъ предковъ. Если когда-нибудь въ елисейскихъ поляхъ разговоръ этихъ древнихъ и почтенныхъ мужей, такъ много рисковавшихъ для христіанства, обращается къ ихъ африканскому потомству, имъ не легко выражать другъ другу свои чувства. Съ капеллы, около которой лежитъ разбитый церковный ко-

локоль, прекрасный видъ на обѣ благородныя рѣки: зеленыя поля, волнообразный лѣсъ, прелестные холмы и величественныя горы въ отдаленіи. Теперь она вполнѣ развалина, а кругомъ образуется пустырь. Дикая птица, спугнутая необыкновеннымъ звукомъ приближающихся шаговъ, подымается съ грубымъ крикомъ. Терновые кусты, со знаками опустошеній, сдѣланныхъ бѣлыми муравьями, великолѣпно разросшаяся трава съ иглистыми сѣменами и вредныя сорныя травы покрываютъ все мѣсто. Нечистоплотная гіена запятнала святыню, на ея развалившихся стѣнахъ усѣлась ночная сова выплевывать непереваримыя части своей добычи. Не легко смотрѣть безъ печальнаго чувства на полное запустѣніе какого-нибудь мѣста, гдѣ собирались молиться Высшему Существу или всѣ вмѣстѣ говорили: „Ты еси Царь Славы, Христе!“ и думать о томъ, что туземцы этой страны ничего не знаютъ о Его религіи, ни разу не слыхали даже Его имени; странное суевѣріе заставляетъ ихъ удаляться отъ этого священнаго мѣста, какъ отъ язвы, и никогда не приближаться къ нему. Кромѣ развалинъ ничего не было, что бы могло напоминать намъ, что христіанское государство имѣло здѣсь когда-нибудь купцовъ; ибо современные туземцы то же самое, что́ были ихъ отцы, когда португальцы въ первый разъ обогнули мысъ Доброй Надежды. Ихъ языкъ, если извѣстія о немъ не погребены въ Ватиканѣ, до сихъ поръ еще неизвѣстенъ. Ни единому искусству, кромѣ искусства дистилировать, посредствомъ ружейнаго ствола, спиртовые напитки, они не научились отъ иноземцевъ, и если бы все племя бѣлыхъ внезапно оставило страну, то единственнымъ памятникомъ по немъ были бы развалины нѣсколькихъ, построенныхъ изъ камня и глины, стѣнъ и губительный остатокъ торга невольниками—вѣра, что человѣкъ можетъ продать человѣка,—вѣра, происхожденіемъ своимъ обязанная не туземцамъ, потому что ее находятъ только тамъ, гдѣ оказываются слѣды португальцевъ.

Такъ какъ у прежнихъ миссіонеровъ не было недостатка ни въ мудрости, ни въ предпріимчивости, то въ высшей степени интересно было бы узнать точную причину, почему имъ не удалось распространить свою религію. Наше наблюденіе надъ вліяніями системъ, одобряющихъ невольничество, будь они туземнаго или европейскаго происхожденія, служитъ доказательствомъ, что *они* поддерживаютъ только варварство. Враждебные случаи, какъ случай Секваша, а также Симоэнса, который свое хищничество простеръ вверхъ по рѣкѣ до Кариба, — и многіе другіе имѣли точно то же вліяніе, какъ уже упомянутая нормальная туземная политика: опустошается одна полоса страны за другою, а охотникъ за невольниками достигаетъ огромнаго благосостоянія и вліянія. Перейра, основатель Зумбо, гордился тѣмъ, что его прозвали „Ужасомъ“. Его богатство, какъ обыкновенно, разсѣется по вѣтру: если не вымучитъ его какой-нибудь бѣдный губернаторъ, то расточатъ дѣти смѣшаннаго брака, которыя ему наслѣдуютъ. Можетъ быть, миссіонеры издавна, какъ прежде многіе частные люди изъ насъ самихъ, терпѣли эту систему обращенія въ неволю, которая неизбѣжно ведетъ къ войнѣ, и не такимъ ли образомъ упустили они достигнуть вліянія на туземцевъ, что они не вводили никакой другой политики на мѣсто той, которая господствовала уже столѣтія прежде, чѣмъ они пришли?

28-го іюня мы продолжали нашъ путь. Дичи было чрезвычайно много, было и нѣсколько львовъ. Мбіа спугнулъ одного, услаждавшагося дикой свиньей, и остатки свиньи присвоилъ для собственнаго употребленія. Мясо дикой свиньи и зебры львы ѣдятъ чрезвычайно охотно и истребляютъ значительное число этихъ животныхъ. Послѣ полудня мы пришли въ селеніе владѣтельницы Ма-мбурума, но сама она жила теперь на противоположномъ берегу рѣки. Нѣсколько ея подданныхъ посѣтили насъ и сказали, что она была поражена ужасомъ, видя своего сына и другихъ дѣтей убитыми Секваша, и что она бѣжала на другой берегъ; но когда сердце исцѣлится, она вернется и будетъ жить въ своемъ

собственномъ селеніи и между своимъ собственнымъ народомъ. Она постоянно навѣдывалась у черныхъ купцовъ, поднимавшихся по рѣкѣ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь извѣстій о бѣломъ человѣкѣ, который проходилъ съ быками. „Онъ ушелъ въ море“, было ихъ отвѣтомъ, „но мы принадлежимъ тому же народу“.—„О, нѣтъ, объ этомъ вы напрасно мнѣ говорите; онъ не беретъ невольниковъ, а желаетъ мира; вы принадлежите не его племени.“ Этотъ противный невольничеству характеръ возбуждаетъ столь общее вниманіе, что каждый миссіонеръ, который глазомъ мигнетъ при чудовищныхъ бѣдствіяхъ, заключающихся въ торгѣ невольниками, навѣрно достигнетъ того, что произведетъ какое-нибудь доброе впечатлѣніе на характеръ туземцевъ.

Здѣсь мы оставили рѣку и поднялись на долину, ведущую къ проходу Мбурума или Моганго. Ночи были холодныя, и на 30-е іюня термометръ при солнечномъ восходѣ упалъ на 39°. Мы прошли черезъ селеніе изъ двадцати большихъ хижинъ, на которое напалъ Секваша на обратномъ пути по убіеніи владѣльца Мпангве. Онъ взялъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, чтобы обратить въ неволю, и увезъ всѣ жизненные припасы, за исключеніемъ чудовищной корзины отрубей, которыя обыкновенно туземцы запасаютъ на время голода. Его невольники разбили всѣ водоносы и жернова для молотья муки.

На холмахъ видны теперь деревья буаце и бамбукъ; но кусты джуджубе или зизифуса, которые, очевидно, занесены были изъ Индіи, не идутъ далѣе по рѣкѣ. Эти плоды, называемые португальцами maçaas, за ихъ въ нѣкоторомъ родѣ яблочный вкусъ, мы ѣли во всю дорогу отъ Тетте сюда, и здѣсь они были больше обыкновенныхъ, хотя непосредственно далѣе вверхъ ихъ уже нѣтъ. Дерево манго не встрѣчается по ту сторону этого мѣста, потому что португальскіе купцы никогда не селились по ту сторону Зумбо. Цеце здѣсь многочисленнѣе и отяготительнѣе, чѣмъ гдѣ мы до сихъ поръ были. Онѣ сопровождали насъ на походѣ и часто какъ пчелиный

рой жужжали надъ нашими головами. Онѣ весьма лукавы и такъ нѣжно опускаются, когда хотятъ укусить, что присутствіе ихъ замѣтишь не прежде, какъ когда онѣ утолятъ жажду своимъ копьевиднымъ хоботомъ. Уколъ рѣзокъ, но боль проходитъ въ одно мгновеніе; за ней слѣдуетъ непріятный зудъ, почти такой, какъ при укушеніи москитоса. Эта муха непремѣнно умерщвляетъ всякое домашнее животное, за исключеніемъ козы и осла; но человѣкъ и дикія животныя избѣгаютъ этого. Мы сами были жестоко искусаны на этомъ пути, точно также и ослы наши, но ни мы, ни ослы не чувствовали послѣдствій.

Воды, за исключеніемъ дождливаго времени, въ проходѣ Мбурума мало. Мы, однако, останавливались возлѣ нѣсколькихъ красивыхъ источниковъ въ руслѣ теперь высохшей рѣчки Подебоде, которая продолжается до конца прохода и по мѣстамъ представляетъ пруды. Вслѣдствіе тяжелой болѣзни д-ра Кирка мы остановились здѣсь на два дня. Онъ нѣсколько разъ впадалъ въ лихорадку и замѣтилъ, что когда мы были на прохладныхъ высотахъ, онъ чувствовалъ себя хорошо, но когда мы, случайно, съ бо́льшей высоты спускались на ме́ньшую, онъ чувствовалъ ознобъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ температура была на 25° выше, чѣмъ вверху. Чтобы узнать, не будутъ ли лучше другія соединенія, чѣмъ тотъ препаратъ, которымъ мы обыкновенно пользовались, онъ испыталъ различныя лекарства. Когда мы остановились у этой воды, онъ внезапно ослѣпъ и отъ слабости не могъ стоять. Люди съ большою живостью изготовили ему травяную постель, на которую мы и положили нашего спутника съ печальными предчувствіями, которыя можетъ представить себѣ во всей ихъ тяжести только тотъ, кто ухаживалъ за больнымъ въ дикой странѣ. Мы боялись, что онъ, при своихъ опытахъ, принялъ слишкомъ много лекарствъ, но дали ему однако дозу нашихъ лихорадочныхъ пилюль. На третій день онъ ѣхалъ на одномъ изъ двухъословъ, который охотно позволилъ взлѣзть на себя, а на шестой онъ шелъ такъ хорошо, какъ любой изъ насъ.

Мы упомянули этотъ случай, чтобы еще разъ указать на то, что мы часто замѣчали, именно -- что передвиженіе паціента съ мѣста на мѣсто самое лучшее для исцѣленія, и чѣмъ болѣе мужества въ человѣкѣ, чѣмъ менѣе онъ отдается болѣзни,—тѣмъ менѣе вѣроятность его смерти.

Снабжаемые водою изъ прудовъ, находимыхъ въ Подебоде, при устьѣ ея мы опять достигли Замбези. Когда туземный охотникъ идетъ по сухой полосѣ, онъ узнаетъ гдѣ можно ожидать воды по животнымъ, которыхъ видитъ. Присутствіе серны, антилопы-пырца, дикаго козла или слоновъ вовсе не доказательство, что есть вблизи вода; ибо эти животныя блуждаютъ на огромныхъ полосахъ земли, и можно встрѣтить ихъ въ разстояніи многихъ миль отъ воды. Но не то зебра, паллага, буйволъ и носорогъ; гдѣ показываются они, тамъ навѣрно можно считать, что отъ воды недалеко, потому что они никогда далеко отъ нея не уходятъ. Но когда среди торжественной тишины лѣса ухо поражается пѣніемъ веселыхъ птицъ, тогда несомнѣнно, что вода какъ разъ подъ рукою. Пока мы здѣсь отдыхали подъ тамариндовымъ деревомъ, мы слушали, вмѣстѣ съ любовными звуками голубей, нѣкоторое новое и пріятное пѣніе неизвѣстныхъ маленькихъ птицъ на раскинувшихся надъ этимъ прекраснымъ источникомъ деревьяхъ.

Наши люди на охотѣ напали на огромное стадо буйволовъ, спокойно лежавшихъ въ длинной сухой травѣ, и начали яростно бросать молніи на изумленныхъ животныхъ. Въ слѣпомъ увлеченіи охотой, производившейся прежде копьями, нѣкоторые забывали заряжать ружья пулями и, между тѣмъ какъ они проворно стрѣляли холостыми зарядами, они въ то же время изумлялись, что буйволы не падали. Убійца молодаго слона, всадившій свои четыре пули въ то же количество буйволовъ, выстрѣлилъ три заряда дробью нумеръ 1, которая дана была ему для охоты на цесарокъ. Забавныя замѣчанія и веселость этого маленькаго приключенія казались слушателю рѣзвой болтовней дѣтей. Мбіа и Мантланіане убили впрочемъ каждый по буйволу; оба животныя были въ лучшемъ состоя-

ніи; мясо ихъ было какъ отличное бычачье и отзывалось дичью. Стая голодныхъ, воющихъ гіенъ считала этотъ вкусъ также привлекательнымъ; исполненныя страстнымъ желаніемъ участвовать въ пирѣ, онѣ ночью бродили вокругъ лагеря. По счастью, онѣ отъявленные трусы и никогда не нападаютъ ни на человѣка, ни на животныхъ, развѣ на сонныхъ, больныхъ или въ другомъ какомъ невыгодномъ состояніи. Со свѣтлымъ костромъ въ ногахъ у насъ, присутствіе ихъ не порождаетъ никакой заботы. Кусокъ мяса, повѣшенный на деревѣ и именно на столько высоко, чтобы за нимъ нужно было вскочить, если она захочетъ его достать, и короткое копье, крѣпко воткнутое древкомъ въ находящуюся подъ нимъ почву, составляютъ хитрость, приводящую гіену къ самоубійству вслѣдствіе паденія на копье.

Медовая кукушка необыкновенно замѣчательная птица. Какъ случилось, что каждый членъ ея семейства знаетъ, что всѣ люди, бѣлые и черные, охотно ѣдятъ медъ? Въ ту минуту, какъ маленькій пріятель замѣтитъ человѣка, онъ спѣшитъ его привѣтствовать сердечнымъ приглашеніемъ идти вмѣстѣ къ пчелиному рою, какъ переводитъ Мбіа, и взять немного меду. Онъ отлетаетъ въ надлежащемъ направленіи, садится на какое-нибудь дерево и осматривается, слѣдуютъ ли за нимъ; затѣмъ онъ перелетаетъ на какое-нибудь другое дерево и еще на другое, до тѣхъ поръ, пока не приведетъ васъ на мѣсто. Если вы не принимаете перваго его приглашенія, онъ преслѣдуетъ васъ съ горячей настойчивостью, такъ заботливо стараясь приманить чужаго къ пчелиному рою, какъ другія птицы стараются отклонить его отъ своихъ собственныхъ гнѣздъ. За исключеніемъ времени, когда они были на походѣ, наши люди не упускали случая принять это приглашеніе и выражали это принятіе особеннымъ отвѣтнымъ свистомъ, который, какъ они говорили, означалъ: „Ладно, стунай впередъ; мы идемъ.“ Птица никогда не обманывала и всегда приводила къ пчелиному рою, хотя отъ нихъ можно было только немного попользоваться медомъ. Начало этого

оригинальнаго обычая кукушки, какъ и привязанности собаки, лежитъ ли въ дружбѣ къ человѣку или въ любви къ сладкимъ кусочкамъ добычи, которые остаются на землѣ? Своекорыстіе, помогающее замѣтить опасность, повидимому, служитъ руководствомъ въ бо́льшей части случаевъ, какъ напр. у птицъ, сторожащихъ буйволовъ и носорога. Трава часто такъ высока и густа, что совершенно незамѣтно можно подойти вплоть къ этимъ животнымъ; но бдительная птица, сидящая на животномъ, видитъ приближеніе опасности, ударяетъ крыльями и кричитъ и побуждаетъ такимъ образомъ покровительствуемаго ею силача бѣжать отъ врага, котораго тотъ ни видалъ, ни слыхалъ; въ награду внимательный маленькій сторожъ имѣетъ право выклевывать паразитовъ своего жирнаго друга. Въ другихъ случаяхъ даже само животное даетъ своей добычѣ знакъ бѣжать; такъ гремучая змѣя, когда она раздражается сдѣлать нападеніе, столь же мало можетъ воздержаться отъ употребленія своихъ погремушекъ, какъ кошка воспротивиться верченію хвостомъ, когда она ярится при охотѣ за мышью, или кобра воздержаться отъ раздуванія и вытягиванія въ стороны кожи на шеѣ, прежде чѣмъ она вонзитъ свои ядовитыя жала въ свою жертву. Мѣстами въ этомъ проходѣ было много змѣй; онѣ лежали на солнышкѣ, но ускользали въ зелень, какъ скоро мы подходили. Однажды утромъ замѣтили мы небольшую змѣю одного смертельно ядовитаго вида, называемую каконе, на кустѣ, на сторонѣ дороги; она спокойно лежала тамъ плашмя и переваривала пожранную на завтракъ ящерицу. Хотя она лежала прямо на виду, однако краски и цвѣта ея такъ точно походили на небольшую вѣтвь, что многіе не замѣчали ея, даже когда ихъ спрашивали, развѣ они ничего не видятъ на кустѣ. Здѣсь же скользнула отъ насъ одна еще другаго вида, который рѣдко замѣчаютъ, и быстрое, подобное молніи движеніе котораго дало начало поговоркѣ туземцевъ, что когда кто-нибудь видитъ эту змѣю, онъ непремѣнно станетъ богатымъ человѣкомъ.

Мы переночевали близъ разореннаго селенія убитаго владѣтеля Мпангве: прелестное мѣсто, впереди Замбези и сзади далеко тянущіеся сады, за которыми видѣнъ полукругъ холмовъ, далѣе назадъ переходящихъ въ высокія горы. Эти горы оставались справа нашей дороги, и путь нашъ велъ по нѣсколькимъ рѣчкамъ, повидимому, постоянно имѣющимъ воду, и, между прочимъ, по Селоле, которая, какъ кажется, протекаетъ мимо высокаго пика Чіарапела. По берегамъ этихъ рѣчекъ часто попадаются человѣческія жилища: но нельзя сказать, что страна обитаема. Число дичи всякаго рода изумительно возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Какъ примѣръ того, что можно встрѣтить тамъ, гдѣ нѣтъ человѣческихъ жилищъ, и гдѣ не введено огнестрѣльнаго оружія, мы упомянемъ, что мы дѣйствительно видали по временамъ. Утромъ 3 іюля стадо слоновъ протянулось мимо нашего ночлега ярдахъ въ пятидесяти и пошло вдоль сухаго русла одной рѣчки внизъ къ Замбези. Уйдя на нѣсколько минутъ впередъ главнаго корпуса, мы натыкались на большую стаю цесарокъ, стрѣляли сколько нужно на обѣдъ, или на слѣдующее утро на завтракъ, и бросали ихъ на дорогѣ, чтобы ихъ подобрали находившіеся сзади насъ поваръ и его помощники. Пока мы шли далѣе, черезъ дорогу перебѣжали три разновидности франколиновъ, а сотни птицъ взвились съ большимъ шумомъ крыльевъ и полетѣли на деревья. Цесарки, франколины, горлицы, утки и гуси—пернатая дичь этой страны. При восходѣ солнца стадо паллагъ, стоящее какъ овечье стадо, подпустило перваго человѣка нашего длиннаго гуська ярдовъ на пятьдесятъ; но такъ какъ у насъ было мясо, то мы дали имъ проскакать спокойно и невозмутимо. Вскорѣ затѣмъ наткнулись мы на стадо водяныхъ козловъ, которые здѣсь цвѣтомъ значительно темнѣе и мясомъ грубѣе, чѣмъ тотъ же видъ вблизи моря. Они смотрѣли, на насъ а мы на нихъ. Мы пошли дальше посмотрѣть стадо самокъ куду съ однимъ или двумя великолѣпными по рогамъ самцами, которые уходили по сухимъ склонамъ холмовъ. Стрѣлять антилопъ мы перестали, потому

что наши люди такъ часто наѣдались мясомъ, что стали жирными и лакомками. Они говорили, что не могутъ болѣе употреблять никакой дичи, такой сухой и безвкусной, и спрашивали, почему имъ не даютъ дроби стрѣлять болѣе вкусныхъ цесарокъ.

Около восьми часовъ цеце начинаетъ летать вокругъ насъ и ѣдко кусать намъ руки и затылки. Именно когда мы думаемъ о завтракѣ, мы натыкаемся на нѣсколько буйволовъ, пасущихся на дорогѣ; но какъ только они увидятъ человѣка, они тотчасъ бѣгутъ тяжелымъ галопомъ. Мы стрѣляемъ, и самый передній, тяжело раненый, отдѣляется отъ стада и остается между деревьями; но такъ какъ весьма опасное дѣло преслѣдовать раненаго буйвола, то мы продолжаемъ нашъ путь. Эта-то потеря раненаго и дѣлаетъ огнестрѣльное оружіе такъ гибельнымъ для этихъ полевыхъ животныхъ и со временемъ всѣхъ ихъ уничтожитъ. Маленькія энфильдовскія пули въ этомъ отношеніи хуже старыхъ крупныхъ. Онѣ часто проходятъ сквозь животное, не умерщвляя его, и послѣ оно погибаетъ безъ всякой пользы для человѣка. Послѣ завтрака мы тянемся къ какому-нибудь водяному пруду; на берегу его стоитъ пара слоновъ, а въ почтительномъ отдаленіи сзади этихъ монарховъ дичи видно стадо зеброъ или водяныхъ козловъ. Какъ скоро они насъ замѣтили, царственныя животныя тотчасъ удалились, но зебры остались, подпустивши къ себѣ передняго человѣка на восемь ярдовъ, и тогда уже взрослыя и молодыя граціозно понеслись галопомъ прочь. Зебра весьма любопытна, и это ведетъ ее часто къ погибели, потому что у нея въ обычаѣ оставаться на мѣстѣ и смотрѣть на охотника. Въ этомъ пунктѣ она прямая противоположность съ антилопой-ныромъ, которая, если она разъ увидѣла или зачуяла опасность, несется какъ вѣтеръ и никогда ни на мгновеніе не остановится, чтобы оглянуться. Иногда застрѣливалась самая красивѣйшая зебра изъ стада, причемъ наши люди получали внезапную наклонность къ мясу, которое они называли „царемъ хорошаго мяса“. На поросшихъ короткой

травою равнинахъ между нами и рѣкою множество антилопъ различныхъ видовъ, которыя тихо пасутся или отдыхаютъ. Дикія свиньи обыкновенны, и въ теченіе дня гуляютъ открыто, но такъ робки, что рѣдко подпускали насъ близко къ себѣ. Когда онѣ испуганы, онѣ вытягиваютъ вверхъ свои тонкіе хвосты и проворно убѣгаютъ по прямой линіи, при чемъ туловище держатъ такъ ровно, точно локомотивъ на желѣзной дорогѣ. Черезъ милю по ту сторону пруда выходятъ три буйволицы со своими телятами изъ лѣса и спускаются въ равнину. Толпа обезьянъ на углу лѣса самымъ поспѣшнымъ образомъ убѣгаетъ въ глубины его, заслышавъ громкое пѣніе Синтелека, а взрослые угрюмые ихъ товарищи встрѣчаютъ громкимъ и гнѣвнымъ лаемъ, какъ только завидятъ человѣческое путешествующее общество. Рано послѣ полудня мы могли еще разъ видѣть буйволовъ или другихъ животныхъ. Мы расположились на сухой, высокой террасѣ, случайно спугнувши одинокаго слона. Ночи теперь теплѣе и представляютъ почти столько же интереснаго и новаго, какъ и дни. Новый міръ пробуждается и выходитъ, болѣе многочисленный, если судить по производимому имъ шуму, чѣмъ тотъ, который былъ при солнечномъ сіяніи. Львы и гіены рыскаютъ вокругъ насъ и подходятъ иногда непріятно близко, хотя они никогда не отваживаются зайти среди насъ. Незнакомыя птицы поютъ свои милыя пѣсни, между тѣмъ какъ другія пищатъ и отвратительно кричатъ, какъ будто онѣ испуганы или разсержены. Удивительные звуки насѣкомыхъ поражаютъ ухо; одинъ звукъ, о которомъ туземцы говорили, что онъ издается однимъ большимъ жукомъ, похожъ на послѣдовательный рядъ размѣренныхъ гармоническихъ ударовъ по наковальнѣ, между тѣмъ какъ многіе другіе совершенно невозможно описать. Однажды видѣли мы маленькаго маки, скакавшаго съ проворствомъ лягушки съ вѣтки на вѣтку; онъ чиликалъ какъ какая-нибудь птица, и величиною былъ не болѣе малиновки. Пресмыкающіяся, хотя ихъ весьма много, безпокоили насъ рѣдко: во все время путешествія страдали

только два человѣка отъ ужаленія, да и то весьма незначительно; одинъ думалъ, что укушенъ какою-нибудь змѣею, а другой былъ ужаленъ скорпіономъ.

Началось сожиганіе травы и произвело синюю туманную атмосферу американскаго индійскаго лѣта, которая въ Западной Африкѣ называется „гарью“ (smokes). На цѣлыя мили горятъ огни по вечерамъ на горныхъ скатахъ, но гаснутъ во время ночи. Съ высоты ихъ они кажутся широкою, въ видѣ зигзага бѣгущею фейерверочною линіею въ воздушномъ пространствѣ.

Въ ночь на 6 іюля мы спали на лѣвомъ берегу Шонгве, которая идетъ между лежащихъ у насъ справа холмовъ и шириною она въ двадцать ярдовъ. Въ послѣднее время маленькое, съ юга вышедшее, племя базизулу поселилось здѣсь подъ предводительствомъ Даданго и выстроило селеніе. Иные изъ ихъ домовъ четыреугольные, и они, повидимому, стоятъ на дружественной ногѣ съ бакоа, которымъ принадлежитъ страна. Они, какъ и другіе туземцы, воздѣлываютъ хлопокъ, но какой-то совершенно иной породы, чѣмъ всѣ тѣ, которыя мы до сихъ поръ видѣли въ Африкѣ; штапель весьма длинный и сѣменная коробка больше, чѣмъ мы обыкновенно встрѣчали; сѣмена связаны, какъ у пернамбуковаго хлопка. Они принесли сѣмена съ собою изъ своего отечества, котораго далекія горы, все еще обитаемыя ихъ земляками, владѣющими множествомъ скота и употребляющими щиты, можно видѣть съ этого высокаго мѣста. Эти люди признали себя „дѣтьми“ великаго главнаго владѣльца Кваніакаромбе, который, какъ говорятъ, господинъ всѣхъ базизулу. Это племя извѣстно географамъ, заимствующимъ свои познанія отъ португальцевъ, подъ именемъ *морузуруса*, а вышеупомянутые холмы должны быть страною Чангамира, извѣстнаго въ исторіи воинственнаго владѣтеля, къ которому никогда не дерзалъ приближаться ни одинъ португалецъ. Базизулу, по слухамъ, воинственные горные обитатели; ближе къ рѣкѣ въ равнинахъ обитаютъ сидима; совершенно какъ на сѣверной сторонѣ бабимпе жи-

вутъ почти на два дни пути отъ рѣки на высотахъ, а макоа на рѣкѣ или около нея. Владѣтель базизулу, у которыхъ мы теперь были, былъ гостепріименъ и дружелюбенъ. Черезъ сады съ топотомъ пробиралось стадо буйволовъ и разбудило нашихъ людей, что рѣдко могли сдѣлать рыкающіе львы.

На слѣдующій день нашъ путь велъ по верхней террасѣ и сквозь густой дерновый джонгль. Гдѣ нѣтъ дороги, тамъ путешествіе всегда трудно, но еще безпокойнѣе оно тамъ, гдѣ лѣсъ пересѣченъ множествомъ тропинокъ, пробитыхъ дичью. Здѣсь мы шли каждый отдѣльно, и когда д-ръ Ливингстонъ наклонился, чтобы взять на пробу дикій плодъ морула, на него съ гнѣвнымъ сопѣніемъ кинулся носорогъ; но страннымъ образомъ онъ остановился какъ вкопанный, будучи отъ него въ разстояніи не болѣе какъ на свою собственную длину, и далъ ему время бѣжать; при прыжкѣ сучекъ вырвалъ у него часы и когда онъ вполовину обернулся, чтобы подхватить ихъ, онъ увидѣлъ носорога въ отдаленіи съ его дѣтенышемъ еще на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ будто бы онъ во время нападенія былъ удержанъ какою-то невидимою рукою. Отбѣжавши ярдовъ на пятьдесятъ и думая, что его спутники какъ разъ позади его, онъ крикнулъ „берегись“, но носорогъ бросился съ громкимъ сопѣньемъ въ другомъ направленіи. До этого случая докторъ обыкновенно ходилъ безоружнымъ, но послѣ уже никогда.

Изъ одной части джонгля слышался особенный лай, и Чарльзъ Ливингстонъ нашелъ, что лай этотъ шелъ отъ стаи дикихъ собакъ, ссорившихся изъ-за остатковъ буйвола, котораго они убили и почти сожрали. У дикой собаки (Hyæna venatica) большая голова и весьма сильныя челюсти; уши длинныя, цвѣтъ черный и желтый въ пятнахъ, съ бѣлымъ пучкомъ на концѣ хвоста. Онѣ гоняются за своей дичью стаями и преслѣдуютъ животное, за которымъ сначала погнались, неотступно, пока его не загонятъ. Балала пустыни Калагари, какъ говорятъ, прежде приручали ихъ и употребляли для охоты. Одинъ умный туземецъ въ Колобенгѣ помнилъ, что онъ, будучи мальчикомъ, видѣлъ возвращеніе стаи такихъ

собакъ съ охоты подъ надзоромъ ихъ хозяевъ, которые гнали ихъ какъ стадо козъ, и для безопасности загнали въ яму. Въ это послѣполудня д-ръ Киркъ застрѣлилъ прекраснаго оленя-самца, перваго, котораго мы убили. Онъ былъ въ превосходномъ состояніи и необыкновенно жиренъ; но мясо, хотя оно смотрѣло такъ привлекательно, разстроило здоровье всѣхъ, кто много поѣлъ его, особенно тѣхъ, которые ѣли жиръ. Туземцы, живущіе въ мѣстахъ обильныхъ дичью и знакомые съ различными родами дикихъ животныхъ, имѣютъ предубѣжденіе противъ жира оленя самца, паллачи, зебры, бегемота и свиньи; однако, они никогда имъ не пренебрегаютъ, такъ какъ климатъ дѣлаетъ весьма сильною потребность во всякомъ питаніи изъ животнаго царства; но они держатся того мнѣнія, что онъ причиняетъ чирьи и проказу, между тѣмъ какъ жиръ овецъ и быковъ, когда животное здорово, никогда не производитъ дурныхъ послѣдствій.

Мы часто встрѣчали семейства, переходившія изъ одного мѣста въ другое, при чемъ они, точно такъ же, какъ и мы, шли гуськомъ. Отецъ и супругъ идетъ впереди, неся свои лукъ и стрѣлы, путевой мѣшокъ, топоръ и копье и что-нибудь еще небольшое; вслѣдъ за нимъ идетъ его сынъ или его сыновья, точно также вооруженные, но несущіе тяжести; затѣмъ слѣдуютъ жена и дочери съ большими ношами домашней рухляди на головахъ. Они приближались къ намъ безъ страха и безъ низкопоклонства невольниковъ, которое внизъ по рѣкѣ, гдѣ утвердилось невольничество, такъ обыкновенно. Когда мы убивали какое-бы то ни было животное, то этимъ путешествующимъ обществомъ предлагалась къ услугамъ добрая порція мяса. У корня или на вѣтвяхъ большой дикой смоковницы, на общественномъ сборномъ мѣстѣ каждаго селенія бываетъ выставлено собраніе великолѣпныхъ роговъ буйволовъ и антилоповъ, гордые трофеи счастливыхъ успѣховъ на охотѣ. На этихъ мѣстахъ было нѣсколько самыхъ блистательныхъ буйволовыхъ головъ изъ всѣхъ, какія мы видывали: рога, образовавши полный кругъ,

начинали второй завитокъ. Для любителя роговъ это была бы богатая страна.

Утромъ 9 мы завтракали, миновавши четыре селенія, въ резиденціи нашего стараго друга Томбаніама, который теперь живетъ на материкѣ, уступивши покрытый камышемъ островъ, гдѣ мы его въ первый разъ видѣли, буйволамъ, которые обыкновенно истребляли его жатвы и оказывались задорными въ отношеніи къ его людямъ. Онъ держалъ большую стаю ручныхъ голубей и нѣсколько прекрасныхъ, жирныхъ каплуновъ, одного изъ которыхъ подарилъ намъ, вмѣстѣ съ корзиною муки. Соль въ этой части страны была въ изобиліи; жители получаютъ ее обыкновеннымъ способомъ съ равнинъ.

Вблизи остановился гальбкастъ-купецъ, товарищъ Секваша, и значительное число его людей. Когда молодецъ увидалъ насъ, онъ былъ въ полномъ ужасѣ и при разговорѣ дрожалъ такъ сильно, что макололо и другіе туземцы замѣтили это и высказали. Страхъ его вытекалъ изъ чувства виновности, такъ какъ мы не сказали ничего, что́ могло бы его ужаснуть, и не намекали на убійство до послѣднихъ минутъ передъ нашимъ уходомъ, когда замѣчено было, что такъ какъ д-ръ Ливингстонъ былъ рекомендованъ убитому владѣтелю, то онъ считаетъ обязанностью донести объ этомъ, и что португальское правительство никогда не похвалитъ такого дѣла. Онъ защищался тѣмъ, что говорилъ, что они поставили настоящаго владѣльца, другой былъ узурпаторъ. Когда мы отправлялись, онъ замѣтно весьма успокоился. Послѣ полудня мы прибыли къ одной изъ пограничныхъ деревень Камбадзо, главное селеніе котораго на островѣ Ніампунго или Ніангалуле, на устьѣ Кафуэ. Владѣтель былъ здѣсь съ визитомъ, и они давали пиръ въ честь его высочества, какъ это обыкновенно бываетъ при такихъ случаяхъ. Было много веселья, музыки, питья и танцевъ. Мужчины вмѣстѣ съ женщинами выпили „немножко слишкомъ“, но не перешли за ступень церемоній. Жена старшины, посмотрѣвъ на

насъ нѣсколько мгновеній, крикнула другимъ: „Прежде ходили черные купцы, называвшіе себя базунгу или бѣлыми людьми, а теперь мы въ первый разъ видимъ настоящихъ базунгу.“ Вскорѣ явился и Камбадзо; онъ жалѣлъ, что мы не пришли прежде, чѣмъ было выпито все пиво, но воротился назадъ, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли оно совершенно и окончательно допито и не осталось ли еще какого-нибудь кувшинчика.

Естественно, это была только характеристическая вѣжливость, ибо онъ положительно зналъ, что все выпито до дна; поэтому мы, въ сопровожденіи самаго разумнаго изъ его старшинъ, пошли далѣе къ Кафуэ или Кафудже. Передъ самымъ устьемъ расположенный высокій горный хребетъ представляетъ мѣсто, съ котораго открывается блистательный видъ на двѣ огромныя рѣки и плодородную страны по ту сторону ихъ. Сзади на сѣверъ и востокъ стоитъ высокая горная цѣпь, вдоль подошвы которой мы шли. Вся цѣпь покрыта деревьями, растущими даже на выдающихся вершинахъ Чіарапела, Моринди и Чіава; на этой послѣдней цѣпь изгибается на сѣверозападъ и мы могли видѣть далекія горы, гдѣ владѣтель Семалембуэ въ 1856 году плѣнилъ всѣ наши сердца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Семалембуэ. — Нчомокела. — Мы слышимъ о миссіи г. Моффата къ Мозелекатсе. — Туземный охотничій законъ. — Горы. — Прежнее состояніе страны. — Ни искусство, ни сила не имѣютъ вліянія древняго чуда. — Зависть къ чужеземцамъ принадлежитъ не африканскому, а арабскому характеру. — Баве и „баенда пези“ или „голыши“. — Ихъ гостепріимство. — Мы покидаемъ Замбези и идемъ вверхъ по Зунгве къ возвышенности Батока. — Сбетуане. — Куча камней. — Батока миролюбивые люди. — Они занимаются лѣсоводствомъ. — Кладбища. — Муаве. — Лекарство отъ цеце. — Желаніе мира. — Хлѣба воздѣлываются въ значительномъ размѣрѣ. — Поэтъ и пѣвецъ. — Музыкальные инструменты. — Нашъ голый другъ. — Церемоніальное куреніе табаку. — Европейцы никогда прежде не посѣщали Баве. — Торгъ невольниками преслѣдуетъ насъ по пятамъ. — Генералъ-губернаторъ Мозамбика пытается запереть Ровума. — Сеабензо. — Мы убиваемъ слона. — Сколько ихъ убивается ежегодно. — Метеоръ. — Водопады видны болѣе чѣмъ за двадцать миль. — Лихорадка лечимая и нелечимая. — Мошоботване. — На водопадахъ мы встрѣчаемъ маколоко.

9 іюня мы попытались послать подарокъ Семалембуэ, но здѣшніе жители отказались принять на себя отвѣтственность за передачу. Мы, — обладающіе искусствомъ письма, — не можемъ представить себѣ отвѣтственности, которой подвергается кто-нибудь вслѣдствіе обвиненія, что онъ утаилъ часть вещей, которыя были посланы отъ одной особы къ другой, въ случаѣ если онъ не можетъ доказать, что онъ доставилъ все, что ему было поручено. Вѣсти о хищническомъ набѣгѣ, который будто бы былъ сдѣланъ макололо или батока на мѣсто истока Кафуэ, были здѣсь приняты нашими людьми съ большимъ гнѣвомъ, такъ какъ выходило, что эти гра-

бители хотятъ запереть страну, которую они, напротивъ, такъ усердно старались сдѣлать доступною. Ниже соединенія рѣкъ, на мелкой песчаной отмели, лежало большое стадо бегемотовъ, тѣла которыхъ надъ водою выдавались какъ черныя массы скалъ. Островъ Камбадзо, называемый Ніангалуле, имя, которое опять встрѣчается на устьѣ Замбези, богатъ превосходными деревьями мотзпкири (Trachelia), и на немъ четыре весьма высокія статныя пальмы, выросшія изъ одного ствола. Кафуэ напомнила намъ нѣкоторымъ образомъ Шире, такъ какъ она течетъ между крутыми берегами и имѣетъ по обѣимъ сторонамъ плодородную мѣстность. Рѣка меньше и съ мéньшей скоростью теченія. Старшина селенія, близъ котораго мы расположились, принесъ подарокъ изъ муки, куръ и бататовъ. Бататы были и красные и бѣлые. На этомъ путешествіи при различныхъ случаяхъ мы ощущали недостатокъ въ овощахъ при чрезмѣрномъ аппетитѣ, который не могъ быть удовлетворенъ нашей пищей, состоящей изъ мяса и туземной муки. Онъ становился все сильнѣе и сильнѣе, пока мы не получили муки изъ бататовъ, которая его утолила. Въ этихъ частяхъ Африки господствуетъ большая скудость въ овощахъ. Туземцы собираютъ въ лѣсахъ различныя породы дико растущихъ растеній, которыя они, безъ сомнѣнія, употребляютъ для утоленія такого же ненасытимаго аппетита, какой испытали мы.

Вслѣдствіе сильнаго вѣтра и непрочнаго состоянія челновъ наше общество переправилось черезъ Кафуэ только поздно послѣ полудня 11 числа. Переправившись, мы очутились въ странѣ Баве. Крючки на удочкахъ, изготовленныхъ въ самой странѣ, были здѣсь, какъ мы замѣтили, съ зубцомъ, какъ на европейскихъ удочкахъ. Въ другихъ мѣстахъ только просто изогнутъ конецъ крючка и въ задержаніи рыбы играетъ ту же роль какъ зубецъ. Мы переночевали близъ селенія на недалекомъ разстояніи выше брода. Здѣшніе жители батокскаго происхожденія, того же самаго, какъ многіе изъ нашихъ людей и называютъ себя батонга (независимые) или

баленджи; языкъ ихъ только немного отличается отъ языка бакоа, которые живутъ между двумя рѣками Кафуэ и Лоангва. Высшій владѣтель области живетъ къ западу отъ этого мѣста и называется нчомокела — наслѣдственный титулъ. Могилы семейства находятся на небольшомъ холмѣ близъ этого селенія. Когда мы вступали въ селеніе и выходили изъ него, женщины привѣтствовали насъ рукоплесканіями и возгласами луллилоо, а мужчины хлопали почетнымъ, какъ они полагаютъ, образомъ руками по ляжкамъ. Здѣсь собираются огромныя жатвы маиира (Holcus sorghum). Одна ея порода на плодовой ножкѣ образуетъ естественный изгибъ, такъ что массивный колосъ свѣшивается. Зерно складывается въ кучи на деревянныхъ помостахъ, равно какъ и множество другихъ продуктовъ. Мужчины искусные охотники и бьютъ слоновъ и буйволовъ длинными, тяжелыми копьями. Утромъ 12 іюня мы на нѣсколько минутъ остановились противъ узкаго острова Сикакоа, на нижнемъ концѣ котораго есть селеніе. Намъ здѣсь сказали, что столица Мозелекатсе удалена отъ этого мѣста на мѣсяцъ пути. Они слышали потомъ, что къ Мозелекатсе пришли англичане и сказали ему, что убивать людей несправедливо, а онъ имъ отвѣтилъ, что родился, чтобы убивать людей, но хотѣлъ оставить этотъ обычай, и съ того времени какъ англичане ушли, онъ не посылалъ своихъ людей на убійство, какъ прежде, а за данью выбойкой и слоновьей костью. Это извѣстіе относится къ прибытію преподобнаго Р. Моффата изъ Курумана, который, какъ узнали послѣ, основалъ миссіонерство. Разсказъ интересенъ, такъ какъ онъ показываетъ, что содержаніе ученія миссіонера, если и не полно выраженное, въ короткое время распространилось на триста миль, а мы не знали, какъ далеко распространились внутри страны свѣдѣнія о дѣйствіяхъ англичанъ на берегахъ.

Когда мы находились противъ высокаго, лѣсистаго острова Калаби, мы подпали одному изъ охотничьихъ законовъ страны, который ведетъ свое начало отъ самыхъ древнихъ вре-

менъ. Взрослый буйволъ лежалъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ насъ поперекъ дороги. Нашъ проводникъ бросилъ свое небольшое копье въ его ляжку, и, едва раненый, онъ только что хотѣлъ уйти, какъ три ружейныя пули свалили его. „Онъ мой," сказалъ проводникъ. Онъ первый его поранилъ, а постоянный туземный охотничій законъ предписываетъ, чтобы животное принадлежало человѣку, который первый источилъ изъ него кровь; двѣ ноги по одной сторонѣ принадлежали по тому же самому закону намъ, за то, что мы его добили. Животное было весьма старо, слѣпо на одинъ глазъ и шелудиво. Рога, только остатки и не длиннѣе фута, искрошились, вѣроятно, когда онъ отъ старости потерялъ силу, отличающую его полъ; рога длиною отъ восемнадцати до двадцати дюймовъ не могли быть стерты просто объ деревья. На слѣдующій день мы видѣли много буйволовъ, спокойно стоявшихъ среди густаго терноваго джонгля, сквозь который мы только хотѣли пройти. Они часто оставались на мѣстѣ, пока мы не подходили къ нимъ на пятьдесятъ или на сто ярдовъ.

Вдали передъ нами постоянно были горы, и мы иногда пробирались по холмамъ, которые подходили вплоть къ рѣкѣ или перерѣзывали ее. Такъ было съ горами, носящими названіе Мойо. Онѣ вообще состоятъ изъ вулканическихъ или метаморфическихъ каменныхъ породъ, глинянаго сланца или траппа, съ фарфоровой яшмой и цеолитомъ; главную каменную породу въ центральной части страны, гдѣ не поднимаются ни сіенитъ, ни гнейсъ, повидимому, составляетъ сѣрый, крупнозернистый песчаникъ, который намъ извѣстенъ подъ именемъ теттеанскаго песчаника. Огромныя массы его лежатъ все еще горизонтально или только слегка наклонены. Когда его положеніе весьма измѣнено, то онъ поднятъ выступаніемъ вулканическихъ породъ и около мѣста прикосновенія или отвердѣлъ, или растопленъ, и каменный уголь, который въ другихъ мѣстахъ всегда лежитъ подъ нетронутыми пластами, скристаллизованъ или совершенно сожженъ. Вулка-

ническія породы часто образуютъ жилы, какъ напр. тѣ, которыя носятъ имя Накабеле и тянутся такъ плотина черезъ западный входъ въ проходѣ Кариба. Близъ вылившихся породъ мы встрѣчали обыкновенно мягкіе известковые туфы, какъ бы послѣ вулканическаго вліянія излилось много горячихъ источниковъ и изъ ихъ воды отложилась известь.

Между тѣмъ, вѣроятно, что до этого періода изверженія и поднятія, песчаникъ составлялъ дно огромнаго внутренняго озера, на низкихъ берегахъ котораго цвѣли растенія каменнаго угля, и послѣ нихъ, когда страна мало-по-малу поднялась, послѣдовали деревья, которыя мы теперь находили пропитанными кремнемъ на поверхности. Эти, можетъ быть, были подъ водою, когда страна опять подпала какой-нибудь вулканической дѣятельности, и подверглись дѣйствію ея при высокой температурѣ, при которой кремнеземъ могъ быть въ растворѣ. Но какъ бы это ни произошло, достовѣрно, что тутъ есть угольный пластъ неизвѣстной величины; ибо каменный уголь обнаженъ полосами возлѣ лавы или базальта, составляющаго главную каменную породу области водопада Викторіи, и простирается, съ разрывами пластовъ, на которые мы указали, къ востоку за Тетте. Потомъ мы опять видимъ его въ Ровума, съ тѣми же отличительными признаками ископаемаго дерева, лежащаго на сѣромъ песчаникѣ. Въ связи съ богатымъ количествомъ прекрасной желѣзной руды, присутствіе этого огромнаго угольнаго пласта приводитъ къ мысли, что Африкѣ предстоитъ важная будущность.

14 іюля мы покинули рѣку у горной цѣпи, которая образуетъ тѣснину Кариба, направляясь съ сѣверо-востока и юго-запада поперекъ рѣки. На верхнемъ концѣ быстрины Кариба входитъ сюда съ юга потокъ Саніати; на источникахъ его, какъ говорятъ, главныя мѣста скотоводства Мозелекатсе. Нашъ путь велъ кругомъ сѣвернаго конца горы, и мы расположились лагеремъ около селенія великодушнаго владѣльца Молои, который принесъ намъ три огромныя корзины прекрасной маниковой муки, десять куръ и два кувшина пива.

Когда его отдарили, онъ всталъ и сказалъ или пропѣлъ съ маленькимъ приплясываніемъ: „мотота, мотота, мотота“, что наши люди переводятъ „благодарю, благодарю, благодарю“. За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего прибытія онъ посѣтилъ Мозелекатсе и видѣлъ англійскихъ миссіонеровъ, жившихъ въ своихъ каретахъ. „Они говорили Мозелекатсе“, сказалъ онъ, „что они принадлежатъ къ его семейству или его друзья, что будутъ воздѣлывать землю и жить на собственный счетъ“; а онъ отвѣчалъ: „Земля передъ вами, а я приду и посмотрю вашу работу.“ Это опять было главными чертами изъ того, что́ происходило, когда Моффатъ представилъ миссіонеровъ своему старому другу, и показывало, еще сверхъ того, что мысль о потерѣ страны, вслѣдствіе допущенія иностранцевъ, очевидно не приходитъ прямо на умъ туземцамъ. Можно бы полагать, что такъ какъ язычникамъ не извѣстны силы механики, — почти магическія дѣйствія какой-нибудь машины, открытія новѣйшей науки и искусства, или присутствіе необычайной силы, которая, напримѣръ, связана съ появленіемъ военнаго корабля, произвели бы впечатлѣніе, какое когда-то дѣлало чудеса, именно приковало бы вниманіе и внушило бы благоговѣйный ужасъ. Но хотя мы и слышали, какъ туземцы, при видѣ даже небольшихъ чудесъ того, въ чемъ могла руководствовать насъ наука, восклицали въ изумленіи: „Вы боги, а не люди!“ — однако сердце ихъ оставалось нетронутымъ. Когда пытались поднять ихъ нравственно, то къ желаемой цѣли всегда было легче дойти, когда приходилъ учитель, не облеченный никакою силою, могущею возбудить зависть или страхъ. Язычники, незамѣчающіе алчности и ненависти, которыя слишкомъ часто характеризуютъ подвигающійся потокъ переселенія, съ величайшею внимательностью прислушиваются къ посланничеству божественной любви, когда оно вѣщается людьми, очевидно обладающими тѣми же человѣческими симпатіями, какъ и они сами. Владѣтель, впервые принимающій иностранцевъ въ своемъ городѣ, возбуждаетъ зависть своимъ счастьемъ. Подозрительность къ иностран-

цамъ больше характеризуетъ арабовъ, чѣмъ африканцевъ, и если путникъ оставляетъ женщинъ въ покоѣ, то ему нечего страшиться, кромѣ племенъ торгующихъ невольниками, да и этихъ не всегда.

Мы видѣли большіе рои красивыхъ „нумидійскихъ журавлей“. Цесарки все еще были многочисленны, но нѣсколько робче, такъ какъ туземцы много бьютъ ихъ здѣсь стрѣлами и ловкимъ бросаньемъ своихъ дубинъ. Мамбо, — здѣшнее названіе владѣтеля, — острова Мочуэ прислалъ къ намъ своего брата и своихъ знатнѣйшихъ людей, чтобы передать намъ подарокъ и „услышать слова, которыя, какъ говорятъ, должны побудить страну оставаться въ мирѣ“. Мы извинились, что прошли мимо, не заходя къ нему, и объясняли, что иностранцы не могутъ знать, съ кѣмъ они имѣли бы дѣло. Онъ предложилъ послать съ нами депутацію къ Секелету, чтобы снова завести дружественныя сношенія, которыя существовали въ прежніе годы и которыя недавно прерваны вслѣдствіе грабежа и войны; но докторъ сказалъ, что онъ не знаетъ, мудро ли царствуетъ Секелету, или онъ слушаетъ совѣтовъ старыхъ воителей, желавшихъ, чтобы онъ шелъ по слѣдамъ воинственнаго отца своего Себетуане. Когда мы проводили вечеръ противъ Мочуэ, пришли нѣсколько человѣкъ съ маримба и принадлежащими къ нему буйволовыми рогами, по которымъ били палками; но наши люди отослали ихъ, зная, что мы скоро соскучились бы при ихъ монотонной игрѣ и неловкомъ танцѣ. По островамъ и лѣвому берегу Замбези на всемъ протяженіи отъ рѣки Кафуэ было густое населеніе; правый берегъ столь же плодороденъ, но безлюденъ, потому что Мозелекатсе не дозволялъ жить тамъ никому, кто могъ бы дать знакъ тревоги, когда онъ высылаетъ грабителей. Отъ селенія Молои и далѣе обитатели называются баве и ба-селеа, хотя они изъ Батока. На рѣчкѣ Лозито заготовляется много соли и продается въ большихъ количествахъ весьма дешево.

Сопровождаемые дружественными баве, мы шли по плодородной, покрытой сплошнымъ лѣсомъ странѣ. Баве весьма гостепріимны; многіе изъ нихъ называютъ сами себя „баэнда пези“ или „голыши“, такъ какъ единственное ихъ одѣяніе — красная краска. Мы останавливались по мѣстамъ въ ихъ селеніяхъ, гдѣ насъ какъ слѣдуетъ привѣтствовали крикомъ луллилоо и подчивали сладкимъ, вновь сваренымъ пивомъ, которое, такъ какъ оно еще не выбродило, не опьяняло. Оно въ этомъ состояніи называется литингъ или маконде. Нѣкоторые изъ мужчинъ носили большіе щиты изъ буйволовой кожи и всѣ вооружены были тяжелыми копьями. Окрестность обыкновенно очищена отъ лѣса, и большія пространства обработаны, но нигдѣ нельзя сказать о странѣ, что она густо населена. Въ каждомъ селеніи были сдѣланы подмостки и на нихъ наложены кучи несмолотаго туземнаго хлѣба. Часть была смолота, ссыпана въ длинные, сдѣланные изъ травы мѣшки и сложена на деревянныхъ лавкахъ.

Мы переправились на нашемъ пароходѣ черезъ нѣсколько рѣчекъ, каковы: Мандора, Лофіа, Манцая (съ солоноватою водою), Римбе, Чибуэ, Чезіа, Чилола (содержащая куски каменнаго угля), о которыхъ нечего болѣе сказать, какъ только то, что мы переходили ихъ. Островъ и быстрина Накандзало, о которыхъ мы прежде слышали, не имѣли никакого значенія, такъ какъ быстрина была только полмили въ длину и только съ одной стороны острова. Островъ Калузи представляетъ одно изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ дѣлались астрономическія наблюденія, Мозіа — мѣсто, гдѣ покинулъ насъ служившій по собственной волѣ поэтъ, а острова Моченіа и Мпанде на устьѣ рѣки Зунгве — мѣста, гдѣ мы покинули Замбези.

Когда мы наслаждались гостепріимствомъ и обществомъ „голышей“, мы старались узнать, не есть ли нагота знакъ какого-нибудь особеннаго ордена у баве, но они могли только сослаться на обычай. Нѣкоторые изъ нихъ охотно всегда ходили нагишемъ, не имѣя на то особой причины. Стыдли-

вость, повидимому, спитъ въ нихъ и не пробуждается отъ того, что мы смѣемся и шутимъ надъ ихъ наружностью. Они очевидно чувствовали себя не менѣе приличными, чѣмъ мы чувствуемъ себя, надѣвъ свои платья; но, что́ бы ни говорилось въ пользу нагихъ статуй, намъ казалось, что человѣкъ въ естественномъ состояніи въ высшей степени нераціозное животное. Если бы мы могли видѣть въ подобномъ состояніи значительное число недѣлимыхъ изъ нашихъ низшихъ классовъ, то, вѣроятно, наружность была бы еще хуже, такъ какъ они не были бы чернаго цвѣта, который нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ одѣяніе.

При частныхъ ссорахъ бабе обращаютъ вниманіе на то, чтобы не убить другъ друга; но когда одно селеніе объявляетъ войну другому, они уже не наблюдаютъ за этимъ. Побѣдоносная партія, какъ говорятъ, четвертуетъ одинъ изъ труповъ враговъ, только-что убитыхъ, и совершаетъ надъ остатками нѣкоторыя церемоніи. Побѣжденные просятъ своихъ побѣдителей дать одну часть и имъ, и когда это желаніе исполняется, совершаютъ и они тѣ же самыя церемоніи и оплакиваютъ своихъ мертвыхъ товарищей; послѣ чего они, недавно еще воевавшіе, могутъ мирно посѣщать другъ друга. Иногда голова убитаго берется и прячется въ муравейникъ, пока не исчезнетъ все мясо; тогда нижняя челюсть носится тѣмъ, кто его убилъ, какъ знакъ побѣды. Но этого мы никогда не видали и получили предъидущее извѣстіе отъ одного толмача.

Мы оставили Замбези при устьѣ рѣчки Зунгве, или Мозама, или Дела, по которой мы шли далѣе вверхъ сначала въ западномъ, а потомъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Въ песчаномъ руслѣ Зунгве вовсе не было тогда воды на протяженіи первыхъ восьми или десяти миль. Однако, на берегахъ ея расли ивы; вода скоро начала проявляться въ промоинахъ, а нѣсколько миль выше былъ красивый, текучій, пріятно-прохладный потокъ. Какъ во многихъ другихъ рѣкахъ отъ Чикова до Сикамане, въ берегѣ видны были слои сланцевой

глины и каменнаго угля, и здѣсь были находимы большіе корни стигмаріи или сродныхъ съ нею растеній. Мы слѣдовали по теченію Зунгве до подошвы возвышенности Батока, по крутымъ и неровнымъ бокамъ которой изъ краснаго и бѣлаго кварца мы взобрались до высоты болѣе, чѣмъ въ 3,000 футовъ. Здѣсь, на прохладныхъ, и укрѣпляющихъ высотахъ, освѣженіе духа и тѣла было усладительно, и видъ на лежащую внизу долину, покрытую горячимъ, душнымъ блескомъ, теперь, когда мы находились вверху въ нѣжномъ сіяніи, былъ не непріятенъ Намъ открылся превосходный видъ на большую долину, по которой течетъ Замбези. Воздѣланная часть въ сравненіи съ прочимъ ландшафтомъ такъ мала, что долина кажется почти сплошнымъ лѣсомъ съ немногими травяными полянами. Ночь на 28 іюля провели мы высоко надъ уровнемъ моря при рѣчкѣ Тіотіо близъ Табачеу или Чиребучина, имена, оба обозначающія бѣлую гору: Утромъ землю покрывалъ бѣлый иней, а на водяныхъ лужахъ былъ тонкій ледъ. Идя по южной сторонѣ Табачеу, мы вскорѣ сошли съ холмовъ на ту часть огромной плоской возвышенности, которая носитъ имя Матаба, и оглянувшись видѣли всю дорогу черезъ долину Замбези до стоящаго миляхъ въ тридцати высокаго горнаго хребта, который изъ Машона, страны на юговостокѣ, идетъ къ сѣверозападу и соединяется съ хребтомъ, въ углу котораго находятся водопады Викторіи, а потомъ съ этого мѣста уклоняется далеко на сѣверовостокъ. Еще немного лѣтъ назадъ, эти обширныя плоскія возвышенности были населены батока. Многочисленныя стада скота давали молоко въ изобиліи, а жирная почва богато вознаграждала трудъ земледѣльца. Теперь на превосходныхъ пастбищахъ откармливаются большія стада буйволовъ, зебръ и антилопъ, и въ этой странѣ, гдѣ прежде проживало множество народа, не видно уже ни одного человѣка. Съ утра понедѣльника до поздняго послѣ полудня въ субботу, когда мы совершили весь путь отъ Табачеу до Моачемба, которая удалена отъ водопадовъ Викторіи только на двадцать одну

милю, и постоянно проходили мимо покрытыхъ развалинами мѣстъ совершенно покинутыхъ селеній батока, мы не встрѣтили ни одного человѣка. Батока были изгнаны изъ своей превосходной страны вслѣдствіе нападенія Мозелекатсе и Себетуане. Многія племена бечуана и базуту, бѣжавшія отъ Мозелекатсе, владѣтеля зулу или матебеле, достигли Замбези выше водопадовъ. Такъ какъ они вышли изъ страны, въ которой нѣтъ ни одной рѣки, то ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ плавать, и одно племя, называемое бамангвато, желавшее переправиться черезъ Замбези, было перевезено, мужчины и женщины отдѣльно, однимъ изъ владѣльцевъ батока на различные острова, потомъ мужчинъ оставили умирать съ голоду, а женщинъ перевозчикъ взялъ себѣ и своему народу. Секоми, настоящему владѣтелю бамангвато, тогда дитяти на рукахъ своей матери, удалось спастись вслѣдствіе дружбы одного изъ батокскихъ частныхъ людей. Это благодѣяніе, повидимому, сдѣлало неизгладимое впечатлѣніе на сердце Секоми, ибо хотя онъ въ другихъ случаяхъ безчувственъ, однако никогда не пропускаетъ случая навѣдаться о здоровьѣ своего благодѣтеля.

Себетуане съ своей обычной ловкостью перехитрилъ вѣроломныхъ батока тѣмъ, что самымъ вѣжливымъ образомъ настоялъ, чтобы ихъ владѣтель остался на своей собственной сторонѣ, пока не переправится благополучно весь народъ и скотъ. Тогда владѣтель прилично былъ награжденъ скотомъ и латунными кольцами; послѣднія составляли собственность женъ Себетуане. Едва только макололо, называвшіеся тогда базуто, благополучно переправились, какъ на нихъ напалъ весь батокскій народъ. Еще до сегодня макололо съ гордостью указываютъ на мѣсто при Леконе, близъ котораго они стояли лагеремъ, когда Себетуане стоялъ, сравнительно съ окружавшею его огромною ордою, всего съ какой-нибудь горстью воиновъ и ожидалъ нападенія, воины небольшой толпой, а жены и дѣти за ними, наблюдая за скотомъ. Батока естественно выставили впередъ тѣхъ, которые стали

ветеранами вслѣдствіе войны, непрерывавшейся по цѣлымъ годамъ. Себетуане всегда оправдывалъ свои послѣдовательныя завоеванія въ этой странѣ, утверждая, что батока выступили на бой съ человѣкомъ, который былъ въ бѣгствѣ для спасенія своей жизни и который никогда не сдѣлалъ имъ несправедливости. Они, повидимому, никогда не были воинственнымъ племенемъ. Проходя по ихъ странѣ, мы замѣтили однажды большую кучу камней, и нашъ проводникъ удостоилъ насъ слѣдующаго повѣствованія: „Выступили однажды наши предки воевать противъ другаго племени; здѣсь они остановились на отдыхъ. Послѣ долгаго совѣщанія пришли они къ единогласному заключенію, что, вмѣсто того, чтобы идти далѣе, вести войну и губить своихъ сосѣдей и, можетъ быть, гибнуть самимъ, они сдѣлаютъ лучше, если для засвидѣтельствованія несправедливости, оказанной имъ другимъ племенемъ, воздвигнутъ эти кучи камней; по исполненіи чего они спокойно вернулись домой.“ Такіе миролюбивые люди не могли устоять противъ макололо, а и того менѣе, естественно, противъ еще болѣе воинственныхъ матебеле, которые пришли позднѣе и изгнали изъ страны даже ихъ завоевателей, макололо. Себетуане, однако, воспользовался тактикой, которой онъ научился у батока, заманилъ большую толпу этихъ новыхъ враговъ дальше, на другой островъ, и совершенно разбилъ, когда они надлежащимъ образомъ оголодали. Пришла гораздо бо́льшая армія войскъ Мозелекатсе съ челноками; но успѣхъ ихъ былъ теперь уничтоженъ тѣмъ, что Себетуане весь свой народъ и скотъ отправилъ на островъ и защитилъ такъ, что никто не могъ подступиться. Упадшіе духомъ, пристыженные и пораженные лихорадкой, они вернулись къ водопадамъ и умерли всѣ кромѣ пяти человѣкъ.

Но если батока и никогда, повидимому, не имѣли склонности воевать съ людьми, то все же они рѣшительно смѣлые охотники на слоновъ и буйволовъ. Они безстрашно подходятъ вплоть къ этимъ страшнымъ животнымъ и убиваютъ ихъ

большими копьями. Баніаи, которые давно напугали всѣхъ португальскихъ купцовъ, были изумлены смѣлостью и храбростью батока, тотчасъ вступавшими въ схватку со слонами; и Чизака, португальскій мятежникъ, который прежде побудилъ толпу людей этого племени поселиться у него, ограбилъ всѣ лежащія вокругъ Тетте португальскія виллы. Они носятъ названіе базимилонгве, и нѣкоторые изъ нашихъ людей нашли между ними родныхъ. Также Синиіане и Матенга, двое изъ нашего путешествующаго общества, были однажды сманены къ участію въ португальскомъ походѣ противъ Марано положительнымъ извѣстіемъ, что докторъ прибылъ и прислалъ за ними, чтобы они шли въ Сенна. Когда они нашли, что ихъ, должно быть, сманили на войну, они удалились, увидѣвши, какъ былъ убитъ одинъ офицеръ съ большимъ числомъ тетеанскихъ невольниковъ.

Батока достигли нѣкоторой цивилизаціи, сажая и ухаживая за различными плодовыми и маслосѣмянными деревьями страны. Никакое другое племя не садитъ плодовыхъ деревъ или не воздерживается отъ срубанія ихъ; но здѣсь видѣли мы иныя, которыя были разсажены правильными рядами, и стволы которыхъ имѣли въ діаметрѣ полные два фута. Величественное старое мозибе, дерево, дающее заключенный въ нѣжной кожицѣ бобъ, весьма, какъ говорятъ, жирный, видѣло, вѣроятно, двѣсти лѣтъ. Д-ръ Киркъ нашелъ, что мозибе дерево особаго рода, сродное съ однимъ видомъ, встрѣчающимся только въ Западной Индіи. Мотсикири, называемое иногда мафута, даетъ крѣпкій жиръ и масло, которое вывозится изъ Ингамбане. Говорятъ, что два старые батокскіе путника, спустившись къ самой Лоангва, нашли джуджубе или цизифусъ въ плодахъ и всю дорогу до большихъ водопадовъ пронесли съ собою сѣмена, чтобы ихъ посадить. Два дерева изъ этихъ сѣмянъ можно еще видѣть тамъ — это единственные оставшіеся въ странѣ экземпляры этого рода.

Батока по правамъ весьма близки къ утонченнымъ націямъ, и у нихъ есть постоянныя кладбища или на скатахъ

холмовъ, которые становятся отъ этого священными, или подъ большими, старыми, тѣнистыми деревьями. Батока почитаютъ могилы своихъ предковъ и всаживаютъ въ землю, въ головахъ ихъ, самые огромные слоновьи бивни въ видѣ памятниковъ, или убираютъ всю могилу самою дорогою слоновьею костью. Нѣкоторыя же племена бросаютъ трупъ въ рѣку, чтобы онъ былъ проглоченъ крокодиломъ, или зашиваютъ его въ цыновку и помѣщаютъ на вѣтвь какого-нибудь баобаба, или бросаютъ его въ какое-нибудь одинокое, мрачное, покрытое густою тропическою растительностью мѣсто, гдѣ онъ доставляетъ пиршество отвратительнымъ гіенамъ; но батока погребаютъ своихъ мертвецовъ почетнымъ образомъ и считаютъ съ того времени это мѣсто священнымъ. Точно такъ же, какъ другія племена, батока прибѣгаютъ къ суду Божьему посредствомъ яда муаве; но они часто допускаютъ замѣну заподозрѣннаго колдуна пѣтухомъ. Близъ устья Кафуэ къ нашему ночлегу пришелъ съ подаркомъ мамбо или владѣтель съ нѣсколькими своими старшинами. Лбы ихъ были натерты тонкой бѣлою мукою, и видъ отличался необыкновенной серіозностью. Незадолго до нашего прибытія были они обвинены въ колдовствѣ; въ сознаніи невинности они рѣшились на божій судъ и предприняли пить ядовитое муаве. Съ этою цѣлью совершили они путешествіе на священный холмъ Ичомокела, на которомъ покоятся трупы ихъ предковъ, и, послѣ торжественнаго призыванія невидимыхъ духовъ, чтобы они доказали невинность дѣтей своихъ, проглотили муаве: ихъ стошнило, и они поэтому признаны невинными. Очевидно, что они вѣрятъ, что душа живетъ вѣчно, и что души отшедшихъ знаютъ, что дѣлаютъ оставшіяся здѣсь, и радуются или не радуются, смотря по ихъ добрымъ или злымъ дѣяніямъ. Это общее вѣрованіе. Собственникъ большаго челнока не хотѣлъ продать его, потому что онъ принадлежалъ духу его отца, который ему помогаетъ, когда онъ убиваетъ бегемота. Другой, когда торгъ его челнока былъ уже близокъ къ окончанію, отказался совершить продажу, потому

что онъ на вѣтви дерева, подъ которымъ стоялъ, увидѣлъ большую змѣю, и утверждалъ, что это духъ его отца, явившійся протестовать противъ продажи.

Нѣкоторые владѣтели батока были, какъ говорятъ, людьми съ значительною предпріимчивостью. Владѣніе одного, въ западной части этой страны, было съ юга защищено р. Замбези, а съ сѣвера и востока у него лежало непроходимое камышевое болото, круглый годъ наполненное водою, и открытою для нападенія оставалось только западная граница. Онъ напалъ на мысль прорыть широкій и глубокій каналъ отъ камышеваго болота къ Замбези, длиною почти въ милю, и такъ какъ онъ дѣйствительно выполнилъ этотъ планъ, то изъ его владѣнія образовался большой островъ, на которомъ паслись его стада, и годъ за годомъ вызрѣвали его хлѣба, въ безопасности отъ всякаго рода грабителей.

Другой владѣтель, умершій уже нѣсколько лѣтъ назадъ, вѣрилъ, что онъ открылъ цѣлительное средство для скота, искусаннаго цеце; его сынъ Мойара показалъ намъ одно растеніе, новое для нашихъ ботаниковъ, и сказалъ намъ также, какъ приготовляется лекарство: нужно высушить и растереть въ тонкій порошокъ кору корня и, — что̀ должно понравиться нашимъ друзьямъ гомеопатамъ, — дюжину цеце. Эта микстура дается внутрь и скотъ обкуриваютъ, сожигая подъ нимъ остатокъ собранныхъ растеній. Это леченіе должно продолжаться цѣлыя недѣли, пока замѣтны симптомы отравленія. Это лекарство, какъ онъ откровенно признавался, вылечивало не всякій искусанный скотъ. „Потому что,“ говорилъ онъ, „скотъ, да и люди тоже, умираютъ не смотря на леченіе; но если стадо случайно попадаетъ въ область цеце и будетъ искусано, то этимъ лекарствомъ моего отца Кампакампа все же можно спасти нѣсколько штукъ, между тѣмъ какъ безъ него всѣ неизбѣжно померли бы.“ Онъ условился, чтобы мы не показывали лекарства другимъ людямъ, а если оно будетъ нужно намъ въ этой странѣ, то пользовались бы имъ; но если бы мы были далеко, то сдѣлали бы его сами, а когда

мы увидимъ, что оно излечиваетъ скотъ, то должны вспомнить о немъ и прислать ему подарокъ.

Наши люди повсюду распространяли, что мы желаемъ, чтобы племена жили въ мирѣ, и что хотѣли бы воспользоваться нашимъ вліяніемъ для того, чтобы Секелету запретилъ батока Мошоботване и подвластнымъ ему владѣльцамъ макололо дѣлать хищническіе набѣги на ихъ землю. Они уже сильно пострадали, но ихъ представленія ихъ земляку Мошоботване вызвали только отвѣтъ: „Макололо дали мнѣ копье, какъ же мнѣ имъ не пользоваться?“ На самомъ дѣлѣ, будучи замѣчательно быстроногъ, онъ первый поведлъ макололо къ завоеванію страны. Какъ миротворцамъ, намъ было оказано величайшее гостепріимство, и отъ Кафуэ до водопадовъ ни одному изъ нашего общества не дали пострадать отъ голода. Туземцы присылали на наши ночлеги богатые подарки изъ самой мелкой бѣлой муки и жирныхъ каплуновъ, чтобы придать ей вкуса, большіе кувшины пива, чтобы усладить наши сердца; сверхъ того, тыквы, бобы и табакъ, чтобы мы „не спали ни голодными, ни жаждущими.“

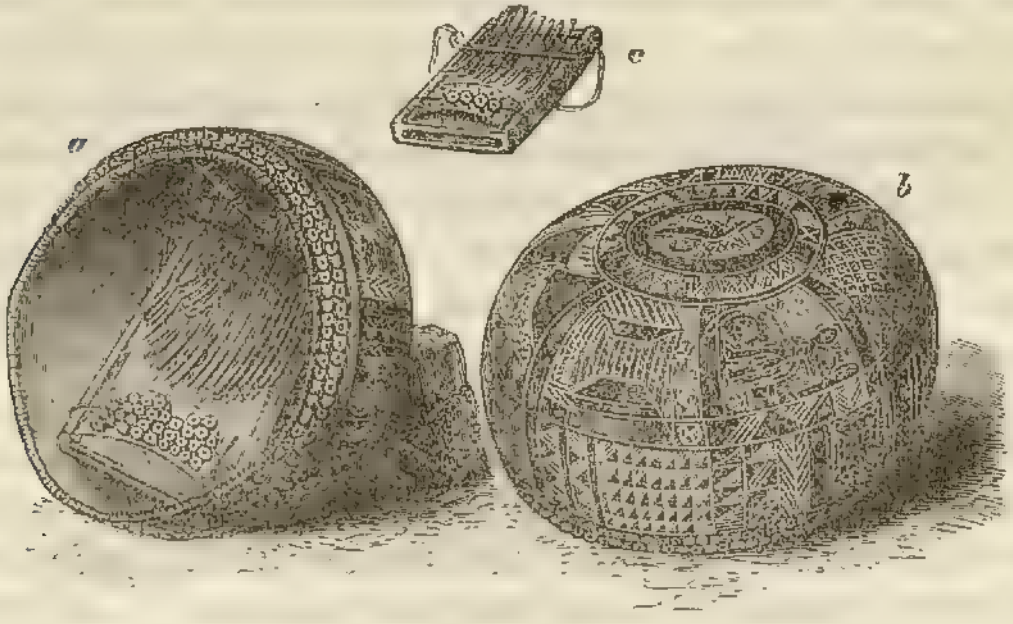
Когда мы отъ Кафуэ переходили къ Зунгве, то часто проходили мимо нѣсколькихъ селеній въ теченіе дневнаго похода. Вечеромъ приходили депутаты изъ селеній, въ которыхъ мы не могли остаться на ночь, съ добровольными подарками изъ жизненныхъ припасовъ. Больно было бы имъ, если бы чужеземцы прошли мимо не воспользовавшись ихъ гостепріимствомъ. Не разъ насъ привѣтствовали изъ хижинъ и просили подождать минутку и выпить немножко пива, которое съ радостью приносилось. Нашъ переходъ походилъ на тріумфальное шествіе. Мы вступали въ каждое селеніе и оставляли его при радостныхъ крикахъ его обитателей; мужчины хлопали въ ладоши, а женщины восторженно кричали свое луллилоо съ рѣзкимъ крикомъ: „Да спимъ“ или „Миръ!“ Когда мы однажды шли черезъ село, нашъ проводникъ крикнулъ обитателямъ: „Почемы вы не хлопаете въ ладоши и не привѣтствуете, когда видите людей, желающихъ принесть

миръ странѣ?“ Когда мы останавливались переночевать, то ничего не было необыкновеннаго, если обитатели добровольно устроивали намъ лагерь. Одни быстро выравнивали заступами землю для нашихъ постелей, другіе несли сухой травы и старательно разсыпали ее по этому мѣсту; иные своими небольшими топорами быстро дѣлали кустарную изгородь, чтобы защитить насъ отъ вѣтра, а когда, какъ это иногда случалось, вода была нѣсколько далеко, то еще иные спѣшили къ ней и приносили ее вмѣстѣ съ дровами, чтобы варить наше кушанье. Туземцы народъ промышленый и очень любятъ земледѣліе. По цѣлымъ часамъ мы шли черезъ непрерывныя поля маиира или ихъ хлѣбныя поля огромной ширины; но нельзя дать никакого понятія о количествѣ находящейся подъ заступомъ почвы сравнительно съ какой бы то ни было европейской страной. Пространство такъ велико, что самыя огромныя воздѣланныя поля, при взглядѣ на далекій ландшафтъ, исчезаютъ въ немъ какъ простыя пятна. Если воздѣлываніе хлѣбовъ сопоставить съ потребностями народа, то онъ въ отношеніи къ своей промышлености вообще достоинъ всякой похвалы. Туземцы устраиваютъ многочисленные хлѣбные амбары, отъ которыхъ ихъ селенія кажутся больше, чѣмъ они есть, и когда вода въ Замбези упадаетъ, они сносятъ на низкіе песчаные острова большія количества хлѣбовъ, связанныхъ въ травяные пучки и хорошо укрытыхъ глиной для сохраненія отъ нападеній грабителей мышей и людей. Вслѣдствіе опустошеній амбарнаго долгоносика, туземцамъ трудно сохранить хлѣбъ до наступленія новой жатвы. Сколько бы они ни воздѣлали и какъ бы ни была богата жатва, она должна быть поѣдена въ одинъ годъ. Можетъ быть, поэтому-то они такъ много употребляютъ хлѣба на пиво. Пиво, которое варятъ эти батока или баве, не то что кислое и опьяняющее боала или помбе, встрѣчаемое у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, но сладкое и весьма питательное, только съ небольшою кисловатостью, достаточною для того, чтобы сдѣлать его пріятнымъ напиткомъ. Жители всѣ были

толстые и сильные, и мы не замѣтили между ними ни одного случая опьянѣнія, хотя всѣ пили много этого литинга или сладкаго пива. И мужчины и мальчики работали охотно, хотя получали только весьма ничтожное вознагражденіе. Наши люди могли нанимать такое число ихъ, какое вздумается, за нѣсколько бусъ на день для перенесенія своихъ ношъ. Нашъ скупой и грязный эксповаръ имѣлъ пару шароваръ, которыя ему кто-то далъ; долго носивши ихъ самъ, за одну сильно истаскашную штанину онъ нанялъ человѣка нести цѣлый день свою тяжелую ношу; другой человѣкъ несъ ее на слѣдующій день за другую штанину, а что осталось отъ старыхъ штановъ безъ пуговицъ, этимъ заплатилъ онъ еще одному человѣку за третій день.

Время отъ времени между африканцами, какъ и между другими отраслями человѣческаго рода, являются люди съ замѣчательными способностями. Иные привлекаютъ своею мудростью вниманіе огромныхъ странъ и возбуждаютъ ихъ удивленіе; другіе служили предметомъ удивленія для своихъ современниковъ вслѣдствіе дара чревовѣщанія или особенной ловкости въ бросаніи копья или въ стрѣлянія изъ лука; но, при совершенномъ отсутствіи литературы, всѣ прежніе подвиги погибли, и мудрость не перешла къ потомству. У нихъ были и свои миннезингеры, но простое преданіе не сохранило ихъ изліяній. Одинъ изъ нихъ, и даже очевидно настоящій поэтъ отъ природы, примкнулъ на нѣсколько дней къ нашему обществу и, когда мы останавливались, воспѣвалъ обитателямъ селеній наше достоинство и славу въ плавныхъ, гармоническихъ стихахъ. Это былъ родъ бѣлыхъ стиховъ и каждый стихъ состоялъ изъ пяти слоговъ. Когда онъ началъ въ первый разъ, пѣснь его была коротка, но съ каждымъ днемъ онъ собиралъ все болѣе извѣстій о насъ и прибавлялъ ихъ къ поэмѣ, пока похвалы намъ не стали одой значительной длины. Когда большое разстояніе пути, на которое онъ удалился отъ своего отечества, вынудило его возвратиться, онъ выразилъ свое сожалѣніе, что долженъ оставить насъ и

естественно ему было заплачено за это полезное и пріятное ласкательство. Другой, хотя и менѣе даровитый сынъ поэзіи принадлежалъ къ числу батока нашего собственнаго путешествующаго общества. Каждый вечеръ, пока другіе варили, болтали или спали, повторялъ онъ свои пѣсни, содержавшія исторію всего того, что́ онъ видѣлъ въ странѣ бѣлыхъ людей и на возвратномъ пути. Когда онъ, не приготовясь, пѣлъ новую пьесу, онъ никогда не затруднялся; потому что, когда не являлось настоящее слово, онъ останавливался и заканчивалъ тактъ оригинальнымъ музыкальнымъ звукомъ, совершенно ничего незначившимъ. Онъ акомпанировалъ своимъ стихамъ на санса, инструментѣ, изображенномъ на рисункѣ (*c*), на девяти желѣзныхъ клавишахъ котораго играется большими пальцами, между тѣмъ какъ остальные пальцы прикладываютъ къ задку, чтобы держать его. Полые концы и



a) Бутылочная тыква для резонанса. *b*) Бутылочная тыква, украшенная фигурами. *c*) Санса.

украшенія обращены къ груди играющаго. Людей, имѣющихъ наклонность къ музыкѣ, но слишкомъ бѣдныхъ для того, чтобы купить себѣ санса, можно видѣть хорошо играющими на инструментѣ, который сдѣланъ изъ значительнаго числа связанныхъ въ видѣ санса толстыхъ хлѣбныхъ соло-

минъ и клавишъ изъ разщепленнаго бамбука, и хотя онъ издаетъ только слабый звукъ, однако самъ игрокъ, повидимому, удовлетворяется. Когда на этомъ инструментѣ играютъ съ бутылочной тыквой, служащей для резонанса, то онъ даетъ болѣе сильный звукъ. Куски раковинъ и жести прибавляются, чтобы составить звенящій акомпаниментъ, и бутылочная тыква тоже бываетъ изукрашена.

Когда мы размышляли объ оригинальномъ народѣ, извѣстномъ подъ именемъ „баенда пези" (голыши), мы думали, что это, можетъ быть, какой-нибудь орденъ, подобный ордену франкмасоновъ, но между природными африканцами нѣтъ никакого тайнаго общества. Въ Ангола существуетъ нѣкотораго рода братство, сочленовъ котораго португальцы называютъ „Empacassciros", но оно даетъ только общее право стола въ каждой изъ ихъ хижинъ, и, чтобы быть въ него принятымъ, нужно обладать искусствомъ стрѣлять эмпакассо (буйволовъ или гну). Это совершенно то же самое, что отличаетъ и толпы, въ которыя соединяются молодые макололо на праздникѣ обрѣзанія. Съ того времени они считаются въ отношеніи другъ къ другу вполнѣ равными и обязанными подчиняться дисциплинѣ своего общества, а въ случаѣ трусости—подвергаться наказанію. На сколько мы могли узнать, знакомство съ масонствомъ въ этой странѣ никому не было бы полезно ни на сколько. Благородный образчикъ ордена „баенда пези" посѣтилъ насъ однажды и заслужилъ наше уваженіе, хотя все имущество, съ которымъ онъ явился, состояло изъ табачной трубки съ чубукомъ, который на длинѣ двухъ футовъ былъ обвернутъ полированнымъ желѣзомъ. Онъ принялъ приличный подарокъ. „Богъ создалъ меня голымъ," говорилъ онъ, „и поэтому я никогда не носилъ одежды какого бы ни было рода." Философія этого человѣка совершенно походила на философію иныхъ грязныхъ людей, которыхъ мы знавали и которые свой недостатокъ брезгливости оправдывали тѣмъ, что говорили: „пальцы созданы прежде, чѣмъ вилки." На слѣдующее утро рано мы второй разъ сошлись съ

нашимъ голымъ другомъ. На этотъ разъ его сопровождали жена и дочь, несшія два большіе кувшина пива. Онъ желалъ, чтобы мы освѣжились имъ, прежде чѣмъ отправимся въ путь. Обѣ женщины, имѣвшія столь же приличный и скромный видъ, какъ всѣ, которыхъ мы видѣли въ Африкѣ, были хорошо одѣты и изукрашены, какъ и всѣ туземныя женщины. Иныя носили оловянныя серьги вокругъ уха, часто до девяти на каждомъ ухѣ. Мужчины натираютъ свое тѣло красною охрой. Иные сплетаютъ изъ внутренней коры деревъ головную повязку шириною въ два дюйма и сбриваютъ волосы съ нижней части головы, такъ что она обнажается на дюймъ выше ушей. Волосы на верхней части тщательно смазываются красною охрою смѣшанною съ масломъ и перевязываются повязкою: это придаетъ головѣ видъ, какъ будто на ней маленькая фуражирская шапка. Нѣсколько нитокъ грубыхъ бусъ и немного полированной желѣзной проволоки около рукъ, всегда неразлучная трубка и небольшіе желѣзные щипцы, чтобы брать раскаленные угли, составляютъ все одѣяніе самаго щеголеватаго молодаго человѣка изъ басанда-пези. Всѣ остальныя ихъ способности, повидимому, прекрасно развиты; но такъ какъ ни шутка, ни насмѣшка не могутъ пробудить чувства стыдливости, то вѣроятно, что одно только одѣяніе пробудило бы это спящее чувство. Почти нагія дѣвочки отъ восьми до десяти лѣтъ взяты были прислужницами для дѣтей въ домѣ миссіонерства въ Колобенгѣ. Черезъ четырнадцать дней онѣ поспѣшно закрывали свои груди, даже если кто проходилъ черезъ комнату, въ которой онѣ спали. У зулу, при случайномъ обнаженіи, чѣмъ менѣе одеждъ, тѣмъ больше стыдъ.

На болѣе низкомъ берегу Замбези въ теченіе зимнихъ мѣсяцовъ воздѣлываются большія количества табаку, и обитатели, можетъ быть, самые сильные курильщики въ мірѣ. Они рѣдко выпускаютъ изо рта трубку, и такіе вѣжливые курильщики, какихъ только кто-нибудь могъ встрѣтить въ вагонахъ желѣзной дороги. Когда они приходили съ подаркомъ,

то, прежде чѣмъ закурить, хотя мы были въ ихъ собственной землѣ, спрашивали, не имѣемъ ли мы чего-нибудь противъ того, что они при насъ курятъ? Мы естественно никогда не дѣлали возраженій. Они думали, что нашли улучшенную методу куренія. Описаніе ея, можетъ быть, заинтересуетъ тѣхъ, кто у насъ очень любитъ „траву“. Они дѣлаютъ затяжку, выпускаютъ болѣе густой дымъ и потомъ стараются внезапнымъ вдыханіемъ подхватить и проглотить, какъ они говорятъ, настоящую эссенцію, истинный духъ табака, совершенно теряющійся при обыкновенномъ способѣ куренія. Табакъ-батока славится въ странѣ своею крѣпостью, и онъ дѣйствительно такъ же очень крѣпокъ, какъ и очень дешевъ; за нѣсколько нитокъ бусъ можно купить столько, что благоразумному человѣку хватитъ на шесть мѣсяцевъ. У единственнаго курильщика изъ нашего общества онъ, по своей крѣпости, произвелъ головную боль; но это-то самое свойство издалека привлекаетъ туземцевъ покупать его.

Обитателей выше Кариба никогда прежде не посѣщали иностранцы. Владѣтель Коба, когда его спросили, не существуетъ ли преданія, что чужеземцы прежде приходили въ эту страну, отвѣчалъ: „Ни малѣйшаго: наши отцы всѣ померли, не сказавши намъ, что они видѣли такихъ людей, какъ вы. Я въ восхищеніи отъ того, что вижу сегодня никогда невиданное ими.“ Другіе говорили, относясь къ старымъ людямъ, имѣющимъ обычай разсказывать чудесныя сказки: „Мы настоящіе старики; смотря на васъ, мы видѣли болѣе странныя вещи, чѣмъ кто-нибудь изъ нашихъ предшественниковъ.“ Единственное преданіе о томъ, что иностранцы заходили въ страну, относится къ поѣздкѣ Симозиса къ Саніати при входѣ въ проходъ Кариба. По свидѣтельству обитателей страны и разсказамъ, которые сообщены намъ товарищами этого хищника, это былъ систематическій хищническій набѣгъ, подобный набѣгу Секваша. Какъ боэры и другіе, съ которыми мы познакомились, этотъ человѣкъ, который еще живетъ въ Тетте, чтобы оправдать свое завоеваніе сколь возможно

больше, выдавалъ обитателей, подвергшихся нападенію, за матебеле, и когда говорили, что они баве, племя изъ батока, онъ отвѣчалъ: „Вотъ, а мы думали, что они матебеле (ланденсы), потому что они были голые.“ Накопивши, съ помощью никогда невиданнаго до тѣхъ поръ туземцами огнестрѣльнаго оружія своихъ спутниковъ, большіе запасы слоновьей кости и захвативши много невольниковъ, Симоэнсъ лишенъ былъ всей добычи и жизни союзомъ владѣтелей, подчиненныхъ Чизака, на рѣчкѣ Занджези, близъ Мненде.

Между тѣмъ, когда мы поднялись, за нами по пятамъ послѣдовала партія невольниковъ, принадлежавшихъ обоимъ природнымъ португальцамъ, коварно умертвившимъ въ Зумбо владѣльца Мпангве и завладѣвшимъ его землями, и купила, назвавшись нашими „дѣтьми“, у баве большіе запасы слоновьей кости, и именно за каждый бивень по нѣсколько грубыхъ бусъ. Также добыли они десять большихъ новыхъ челновъ на вывозъ, цѣною по шести нитокъ красныхъ или бѣлыхъ бусъ или по двѣ сажени сѣраго коленкора за каждый челнъ, и по той же самой дешевой цѣнѣ значительное число красивыхъ дѣвушекъ.

Мы еще задолго прежде пришли къ полному убѣжденію, что лиссабонское правительство, можетъ быть, непамѣренно, сдѣлалось виновнымъ въ обманѣ. Какъ уже сказано, изъ Португаліи ко всѣмъ чиновникамъ посылались официальныя инструкціи оказывать намъ всякое зависящее отъ нихъ пособіе, но ихъ слѣдовало понимать съ значительными ограниченіями. Изъ того, что́ мы замѣтили, ясно вытекало, что съ официальными приказаніями чиновникамъ помогать намъ, прибыли тайныя инструкціи — затруднять насъ. Вѣроятно, эти тайныя инструкціи значили только, что за нами нужно присматривать; но тамъ, гдѣ почти всѣ, отъ губернатора до простаго солдата, ревностные торговцы невольниками, такія приказанія могли значить только: „Зорко слѣдите за тѣмъ, чтобы ваша торговля невольниками слѣдовала

за ними, по возможности, по пятамъ.“ Теперь мы вполнѣ убѣдились, что мы, открывая страну, черезъ которую прежде не отваживался пройти ни одинъ португалецъ, дѣлались, противъ нашей воли, орудіями распространенія торга невольниками и если бы не лежало на насъ обязанности возвратиться съ макололо въ ихъ отечество, то мы покинули бы Замбези и пошли бы во внутренность страны по Ровума или какому нибудь другому пути. Съ горькой печалью видѣли мы, что добро, которое мы хотѣли сдѣлать, обращено во зло.

Послѣ мы узнали, что едва сдѣлано было нами предположеніе пойти по Ровума, какъ генералъ-губернаторъ д'Алмейда поспѣшилъ въ Занзибаръ и старался побудить султана согласиться на то, чтобы эта рѣка сдѣлалась границею между нимъ и португальцами. Этотъ маневръ — дѣйствіе инструкцій, написанныхъ по полученіи извѣстія о нашихъ письмахъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ географическаго общества въ Лондонѣ, — былъ счастливымъ образомъ уничтоженъ полковникомъ Ригби, и генералъ-губернаторъ долженъ былъ удовольствоваться мысомъ Дельгадо, какъ самою крайнею границею португальскихъ притязаній на сѣверѣ.

На плоской возвышенности Батока укрѣпляющій воздухъ расположилъ насъ съ наслажденіемъ прислушаться къ пѣнію птицъ. Это могло быть отъ болѣе сильныхъ холодовъ, но разнообразіе звуковъ въ ихъ пѣсняхъ переливающихся казалось болѣе значительнымъ, чѣмъ вообще у африканскихъ птицъ. Красивая маленькая черная птица съ бѣлыми плечами, вѣроятно ткачикъ, но которой мы не видали въ другихъ мѣстахъ, сидѣла на самой высокой вѣтви огромнаго дерева, и ея пѣсня звучала такъ, какъ будто она радовалась, что видитъ лице человѣка въ покинутыхъ селеніяхъ. Она летала съ дерева на дерево и пѣла на лету, но не взвиваясь какъ жаворонки. Ткачикъ выноситъ морозъ и могъ бы для обществъ разводителей птицъ или акклиматизаціи составить интересное прибавленіе къ ихъ пѣвчимъ птицамъ. Не одна только медовая ку-

кушка льнетъ къ человѣку. Птица-вдова и бѣлая трясогузка считаются священными у туземцевъ различныхъ мѣстностей и вслѣдствіе этого безъ страха приближаются вплоть къ людямъ. Если бы нашихъ мелкихъ птичекъ не такъ сильно преслѣдовали маленькіе мальчики, то ихъ привязанность была бы виднѣе и въ Англіи.

Сеабензо, владѣтель, встрѣченный нами на рѣчкѣ Tiotio, сопровождалъ насъ на нѣкоторое разстояніе по волнообразной плоской возвышенности, и такъ какъ онъ, равно какъ и наши люди, нуждался въ мясѣ, то мы убили слона. На это нельзя смотрѣть безъ сожалѣнія, если дѣйствительно не необходимо мясо или не желаютъ слоновьей кости. Эти благородныя животныя, которыя могли бы быть такъ полезны человѣку въ ручномъ состояніи, предназначены, какъ мы опасаемся, въ непродолжительномъ времени исчезнуть съ лица земли. Однако, въ горячности все это и еще многое другое забылось и мы такъ же ревностно участвовали въ нападеніи, какъ тѣ, которые думали только о жирѣ и вкусномъ мясѣ.

Сочиненія Гарриса и Гордона Кумминга содержатъ столь полныя и омерзительныя подробности о безразличномъ убоѣ дикихъ животныхъ, что удивительно видѣть съ тѣхъ поръ почти каждую занимающуюся Африкой книгу искаженною слабыми подражаніями этимъ сказкамъ о великихъ охотникахъ. Иные разсказываютъ объ избавленіи изъ положеній, возможности которыхъ, на сколько мы знаемъ природу животныхъ, нельзя повѣрить безъ особеннаго усилія христіанской снисходительности, даже если считать, что они привидились во снѣ; другіе — о подвигахъ, которые ведутъ къ заключенію, что отношеніе людей, „рожденныхъ мясниками,“ къ народонаселенію такъ велико, какъ отношеніе трактирныхъ хозяевъ къ обитателямъ Гластова.

Количество слоновьей кости, доставляемой на рынки всего міра, показываетъ, что ежегодно убивается около 30,000 сло-

новъ *). Въ высшей степени вѣроятно, что они приручались неграми внутренней Африки, такъ какъ значительная величина ушей, какъ они изображены на древне-римскихъ монетахъ, доказываетъ, что употреблявшіяся этимъ народомъ животныя принадлежали къ африканскому, а не къ азіятскому виду. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ исторіи нѣтъ никакого извѣстія, чтобы древніе европейцы отваживались приручать это животное. Со временъ римлянъ и карѳагенянъ, африканскій слонъ никогда снова не былъ приручаемъ, хотя думаютъ, что онъ гораздо умнѣе, чѣмъ азіятскій.

На этой охотѣ встрѣтили мы на опушкѣ рѣдкаго лѣса близъ Мотунта небольшое стадо слоновыхъ матокъ съ ихъ

---

*) По прочтеніи записки „О слоновьей кости и клыкахъ въ торговлѣ“ профессора Оуэна, члена королевскаго общества, въ обществѣ искусствъ въ Лондонѣ 17 декабря 1856 г., П. Л. Симмондсъ сдѣлалъ нѣсколько коммерческо-статистическихъ указаній, изъ которыхъ видно, что ежегодно убивается свыше 30,000 слоновъ. При корабельной нагрузкѣ въ 1,276 слоновыхъ бивней, вѣсящихъ вмѣстѣ 20,953 фунта, средній вѣсъ былъ 16½ фунтовъ. При другой нагрузкѣ 556 слоновыхъ бивней вѣсили 9,698 фунтовъ, что даетъ средній вѣсъ 17½. Въ замѣткѣ, которою въ высшей степени любезно почтилъ насъ Симмондсъ, онъ говоритъ, что упомянутая слоновья кость относится только къ англійской торговлѣ; сюда не вошелъ вывозъ изъ Индіи и Сіама въ Китай, изъ Занзибара и съ Восточнаго берега въ Индію и Соединенные Штаты и изъ французскихъ африканскихъ владѣній во Францію. Средній вѣсъ клыка онъ принимаетъ въ 30 фунтовъ, и число ежегодно убиваемыхъ слоновъ, — какъ сказано въ текстѣ, — до 30,000. Слоны обыкновенно никогда не теряютъ своихъ клыковъ. Намъ попадались только куски, отломленные въ то время, когда животное было вынуждено вырывать корни деревъ; поэтому, каждый бивень, встрѣчающійся въ торговлѣ, принадлежитъ слону, который уже мертвъ, и если прибавить множество дѣтенышей, убитыхъ прежде чѣмъ бивень могъ имѣть значеніе въ торговлѣ, то дѣлается вѣроятнымъ, что дѣйствительное число ежегодно убиваемыхъ слоновъ достигаетъ 40,000.

Мы не брали въ разсчетъ огромные бивни отъ 130 до 150 фунтовъ вѣсомъ, которые можно бы назвать чудовищными; разсказываютъ даже о такихъ, которые вѣсили свыше 200 фунтовъ. Во многихъ мѣстностяхъ бивень можетъ среднимъ числомъ вѣсить 60 фунтовъ; но мы должны помнить, что въ одномъ изъ невнесенныхъ мѣстъ, именно въ Занзибарѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ ежегодно получалось 20,000 бивней, вѣсъ которыхъ не вошелъ въ вычисленіе.

дѣтенышами. Въ тѣло ближайшей посланы три ружейныя пули, включая одну джакобскую гранату. Одна изъ маленькихъ хотѣла было сдѣлать нападеніе, но воздержалась, видя такъ много враговъ, и ушла съ прочими. Стадо дважды поджидало раненой, которая не могла уйти, и предоставило ее своей судьбѣ только тогда, когда этого неизбѣжно потребовало самосохраненіе. Это привело насъ къ мысли, что, можетъ быть, она была маткой стада. Она отбѣжала на полторы мили и потомъ остановилась, чтобы прислониться къ дереву. Нѣкоторые изъ нашихъ людей подошли и дали залпъ по ней; она сдѣлала нѣсколько шаговъ, покачала своимъ хоботомъ, тихо упала на колѣно, потомъ на другое; заднія ноги мед-

---

„Ввозъ **слоновьей кости** *всѣхъ видовъ* въ соединенное королевство — слоновыхъ бивней, моржовыхъ и бегемотовыхъ зубовъ:

	Центнеры.	Фунты стерлинговъ.
1856	9,866	343,517
1857	9,890	421,318
1858	12.279	410,608
1859	10,821	336,147
1860	10,854	332,166
1861	11,163	297,491
1862	11,605	262,962
1863	9,290	256,059
	8 : 85,768	2,660,268
Среднее число	10,721	332,533

Ввозъ бегемотовыхъ и моржевыхъ зубовъ почти не достигаетъ въ годъ болѣе 10 и 12 тоннъ; поэтому ихъ почти можно не принимать въ разсчетъ. Затрудненіе заключается въ томъ, какой средній вѣсъ принять для бивней. 30 фунтовъ можно считать настоящимъ среднимъ вѣсомъ. Если африканцы принимаютъ за средній вѣсъ немного болѣе 20 и до 25 фунтовъ, между тѣмъ какъ для Занзибара и Мозамбика считается 60 до 80 фунтовъ, то при среднемъ вѣсѣ въ 30 фунтовъ, это представляетъ ежегодный убой 20,000 слоновъ, и если прибавить сюда восточные и прочіе рынки, то число животныхъ, убиваемыхъ каждый годъ для полученія слоновьей кости, весьма правильно можно считать въ 30,000.

ленно подогнулись и она упала *). Мы читаемъ это теперь съ грустью. Наши люди подняли радостное ликованье, съ дикимъ побѣднымъ крикомъ кинулись на падшее животное и стали плясать вокругъ него. Когда мы подошли, Туба Макоро приблизился къ доктору, джакобская граната котораго нанесла животному смертельную рану сзади ушнаго отверстія, и сказалъ съ большою самонадѣянностью: „Вы видѣли, это сдѣлала быстрота, — моя быстрота. Хотя я упалъ и у меня ушиблено колѣно, однако я поспѣшилъ, тогда какъ всѣ другіе отстали. Вы дадите мнѣ кусочекъ выбойки, не правда ли?“

---

*) Этотъ слонъ былъ самка обыкновенной величины. Размѣры его могутъ быть интересны кому-нибудь:

	Фут.	Дюйм.
Высота у загривка	8	$2^1/_2$
Обхватъ передней ноги	3	7
Длина отъ верхушки хобота до глаза	6	10
Отъ одного глаза до другаго	0	$14^1/_2$
Отъ глаза до ушнаго прохода	1	$3^1/_2$
Отъ глаза до нижней челюсти	0	$16^3/_4$
Отъ глаза до корня хвоста	9	10
Отъ корня до конца хвоста	3	$4^1/_2$
Полобхвата въ срединѣ груди	6	0
Полобхвата брюха въ срединѣ спины	7	$1^1/_2$
Отъ затылка до передней ступни	5	1
Отъ брюха до задней ступни	3	$3^1/_2$
Отъ слуховаго прохода горизонтально до наружнаго края уха	2	9
Діагональная ширина уха	4	3
Высота у заднихъ ногъ	7	6

Размѣры рослаго зародыша слона, имѣвшаго четыре дѣтскія мѣста съ сѣмядолями и вполнѣ выношеннаго:

Высота у загривка	2	6
Обхватъ пердней ноги	1	1
Высота у задней ноги	2	5
Отъ конца хобота до конца хвоста	6	0
Отъ конца хобота до глаза	1	$7^1/_2$
Отъ глаза до ушнаго прохода	0	$7^1/_2$
Горизонтальный поперечникъ уха отъ ушнаго прохода	0	8
Діагональная ширина уха	1	$3^1/_2$
Полобхвата груди	1	7
Полобхвата брюха	1	$8^1/_2$
Длина пуповины	3	7

Наши люди, у которыхъ послѣдніе три, четыре дня вовсе не было мяса, полагали, что они могли бы сами съѣсть всего слона и не были расположены дѣлиться съ Сеабензо и его народомъ. Но послѣ того, какъ они всю ночь напролетъ ѣли и ворчали на англичанъ, за то, что у нихъ такъ мало было практическаго ума, что они убили слона и потомъ не хотѣли подождать, чтобы съѣсть его всего, люди наши дали Сеабензо болѣе трехъ четвертей его, а мы подарили ему бивни. Хоботъ африканскаго слона на мѣстѣ прикрѣпленія въ верхней части лица такъ полонъ, что кажется какъ будто животное имѣетъ весьма выпуклый лобъ. Онъ такъ тяжелъ, если обрѣзать его вплоть у кости, что, какъ говорили наши спутники, въ ихъ племени только двое или трое изъ мужчинъ могли бы поднять его.

Слоновье стадо производитъ страшныя опустошенія деревъ, которыя покрываютъ плоскую возвышенность только мѣстами. Большія вѣтви отламываютъ они такъ легко, какъ мы вѣточки сельдерея, и часто вырываютъ крѣпкія деревья просто изъ шалости, чтобы дать волю своей силѣ, и ни мало не желая воспользоваться ими.

Въ то время, пока мы оставались въ Мотунта, былъ замѣченъ блистательный метеоръ, освѣтившій все небо. Наблюдатель былъ обращенъ къ нему спиною, но обернувшись увидѣлъ, что полоса свѣта оставалась нѣсколько секундъ послѣ. Эта полоса объясняется обыкновенно такъ, что ее считаютъ только продолженіемъ впечатлѣнія, произведеннаго свѣтящимся тѣломъ на сѣтчатую оболочку. Это гоне можетъ быть, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ метеоръ не былъ дѣйствительно видѣнъ, однако же полоса ясно была видима. Также и лучи планетъ и звѣздъ требуютъ иного объясненія, чѣмъ то, которое дѣлается обыкновенно.

Плодовыя деревья, колоссальныя дикія смоковницы и круги камней, на которыхъ ставились сосуды съ хлѣбными зернами, возлѣ стертыхъ мельничныхъ жернововъ, — обозначали мѣста, гдѣ когда-то стояли селенія. Единственная

причина, которою объясняютъ теперь, почему эта прекрасная страна остается пустынной, есть страхъ новыхъ посѣщеній со стороны матебеле. Страна спускается теперь мало-по-малу къ западу въ долину Макололо. Черезъ два дневные перехода отъ батокскаго селенія, лежащаго ближе всѣхъ къ возвышенности, встрѣтили мы нѣсколько охотниковъ, только-что собиравшихся выжигать сухую траву, чтобы приманить дичь свѣжею растительностью, быстро поднимающеюся послѣ пожара. Трава, какъ уже замѣчено, превосходна для рогатаго скота. Мы видѣли, какъ наши люди ѣли одинъ видъ, съ листьями, имѣющими по краямъ нѣжныя зазубрины и красноватобураго цвѣта. Вкусомъ эта трава совершенно сходна съ солодковымъ корнемъ и называется кеду-кеду. Цеце, извѣстныхъ батока подъ названіемъ идока, здѣсь нѣтъ, хотя буйволы и слоны встрѣчаются во множествѣ.

Маленькая западня на пути съ мышью въ видѣ приманки для ловли пятнистыхъ кошекъ (Felis Genetta), обыкновенно первый признакъ, что мы подходимъ къ какому-нибудь селенію; но когда мы вступаемъ въ область звуковъ толченья зеренъ, кудахтанья куръ или рѣзваго радостнаго крика играющихъ дѣтей, тогда мы знаемъ, что хижины въ разстояніи только на нѣсколько ярдовъ, хотя деревья скрываютъ ихъ отъ насъ. 4 августа достигли мы Моачемба, перваго селенія батока, которое теперь подчинено Секелету, и въ большой долинѣ, раскинувшейся передъ нами, могли невооруженнымъ глазомъ ясно видѣть столбы паровъ, подымающихся съ водопадовъ Викторіи, хотя они отстоятъ оттуда болѣе чѣмъ на 20 миль. Намъ говорили, что такъ какъ въ этомъ году дожди запоздали, жатва хлѣбовъ совсѣмъ погибла, и отъ Сешека до Линіанти господствуетъ страшная нужда и большой голодъ. Нѣкоторыя извѣстія, слышанныя нашими людьми о ихъ семействахъ отъ батока, живущихъ на холмахъ, здѣсь подтвердились. Жена Такеланга, по обвиненію въ колдовствѣ, была, согласно съ обычаемъ, умерщвлена Машотлане, старшиною у водопадовъ. Двѣ жены Инчикола, думая, что онъ умеръ, вы-

шли снова замужъ, а Масаказа былъ въ высшей степени раздосадованъ, когда услышалъ, что за два года предъ тѣмъ, его друзья, вслѣдствіе извѣстія о его смерти, бросили щитъ его въ водопадъ, перебили всѣхъ его быковъ и въ честь его памяти держали нѣкотораго рода дикую ирландскую посмертную стражу; онъ говорилъ, что не думаетъ уже признавать ихъ друзьями, и если они придутъ привѣтствовать его, онъ скажетъ: „Я умеръ. Я не здѣсь. Я принадлежу другому міру, и отъ меня пахло бы, если бы я былъ между вами.“

Здѣсь были вполнѣ подтверждены всѣ печальныя извѣстія, слышанныя нами прежде о несчастныхъ результатахъ, которые имѣла попытка общества миссіонеровъ съ преподобнымъ Г. Гельморомъ проповѣдать евангеліе въ Линіанти. Многіе изъ миссіонеровъ и сопровождавшихъ ихъ туземцевъ изъ Курумана умерли отъ лихорадки, а оставшіеся въ живыхъ вернулись назадъ за нѣсколько недѣль до нашего прибытія. Весь день 7-го августа мы оставались въ селеніи стараго владѣтеля батока Мошоботване, самаго толстаго мужчины изъ всѣхъ видѣнныхъ нами въ Африкѣ. Причиной нашего тамъ пребыванія былъ серіозный лихорадочный случай съ Чарльзомъ Ливингстономъ. Онъ принялъ дозу нашихъ пилюль отъ лихорадки; 8-го ему стало легче, и онъ шелъ три часа; 9-го онъ прошелъ уже восемь миль по пути къ большимъ водопадамъ и провелъ остатокъ дня въ утомительномъ занятіи наблюденіями. Мы были именно въ той долинѣ, въ которой лежитъ Линіанти, и это была та самая лихорадка, которая, лишь слегка пользованная, или, скорѣе, испорченная доверовскимъ порошкомъ, была такъ убійственна для бѣднаго Гельмора; и симптомы были тожественны съ тѣми, которые не медиками были впослѣдствіи описаны, какъ симптомы отравленія.

Мы принесли даръ Мошоботване и довольно ясно изложили ему, что́ мы думаемъ о его кровавыхъ набѣгахъ на его батокскихъ собратій. Брань, по большей части, хорошо дѣйствуетъ на бранимаго, если рядомъ съ этимъ его чѣмъ нибудь обязываютъ. Онъ, вѣроятно, не принялъ ея во зло,

какъ видно изъ того, чѣмъ онъ насъ отдарилъ. Его даръ состоялъ изъ богатаго приноса муки, молока и одного быка. У него было большое стадо скота и полоса великолѣпной пастбищной земли на красивой рѣкѣ Леконе. Даже во внутренней Африкѣ пробуждается воспоминаніе о родинѣ въ томъ, кто увидитъ какъ-нибудь нѣсколько побольше скота, мирно пасущагося на лугахъ. Цеце обитаютъ на деревьяхъ, опоясывающихъ пастбища съ запада. Поэтому стоитъ пастуху позабыть свою обязанность, и заблудившійся скотъ можетъ совершенно погибнуть. Женщины въ этомъ селеніи многочисленнѣе мужчинъ: слѣдствіе хищничества владѣльца. Жена Сима изъ батока пришла отъ водопадовъ встрѣтить своего возвратившаго супруга и принесла даръ изъ лучшихъ плодовъ страны. Супругъ ея былъ единственный изъ всего общества, который привелъ съ собою жену изъ Тетте, именно дѣвушку, полученную отъ Чизака за мастерскую пляску. По нашимъ понятіямъ, его первая жена едва ли могла бы радоваться, видя вторую и болѣе молодую, но она взяла ее съ собою домой, пока супругъ остался съ нами. Когда мы спустились къ селенію у водопада, мы встрѣтили нѣсколькихъ настоящихъ макололо. Цвѣтъ ихъ былъ свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ племенъ; они были очень ярко бурые. Выговариваютъ они медленно и съ обдуманностью и каждое слово отчетливо. Когда мы достигли селенія, лежащаго противъ Калаи, мы имѣли свиданіе съ макололовскимъ старшиною Машотлане. Онъ пришелъ къ навѣсамъ, подъ которыми мы сидѣли; небольшой мальчикъ несъ передъ нимъ его трехногій стулъ безъ спинки; онъ сѣлъ на него съ приличнымъ достоинствомъ, нѣсколько секундъ смотрѣлъ вокругъ себя, потомъ на насъ, и, привѣтствуя насъ словомъ „румела“ (добраго утра или добраго здоровья), далъ намъ варенаго мяса бегемота, взялъ самъ одинъ кусокъ и вручилъ остатокъ своимъ слугамъ, которые тотчасъ его съѣли. Онъ оправдывалъ свои набѣги на томъ основаніи, что когда онъ вышелъ собирать дань, батока напали на него и умертвили нѣсколько его слугъ. Извиненія,

представляемыя туземцами въ пользу своихъ маленькихъ войнъ, часто сходны съ тѣми, которыя приводитъ Цезарь въ своихъ „Комментаріяхъ“. Только немногіе, какъ старый Мошоботване, прибавляютъ, что они воюютъ, потому что имѣютъ власть и надежду на завоеваніе. Мы нашли здѣсь Питсане, сопровождавшаго доктора на Ст. Поль де Лоанда. Онъ былъ присланъ сюда отъ Секелету, чтобы купить у торговаго общества Гриквасъ изъ Курумана трехъ лошадей; они требовали за весьма жалкихъ клячъ по девяти бивней за штуку.

Вечеромъ, когда все стихло, одинъ изъ нашихъ людей, Такелангъ, выстрѣлилъ изъ своего ружья и вскричалъ: „Я горюю о женѣ моей; дворъ мой пустъ; у меня нѣтъ домашняго очага!“ и испустилъ громкій, болѣзненный крикъ горести.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мози-оа-Туніа или водопады Викторіи. — Мы посѣщаемъ Садовый островъ. — Водопады нельзя описать словесно. — Они вдвое глубже Ніагары. — Мози-оа-Туніа одерживаетъ побѣду. — Онъ наполняетъ сердца туземцевъ благоговѣніемъ. — Ни одинъ португалецъ не упоминаетъ о водопадахъ. — Два невольника идутъ изъ Кассандже въ Тетте. — Они пролагаютъ „португальскую дорогу“ черезъ Африку. — Машотлане и его плѣнники.

На слѣдующее утро, 9-го августа 1860 года, пошли мы далѣе, чтобы посѣтить водопады Викторіи. Макололо называютъ его Мози-оа-туніа, что́ значитъ звуки дыма. Въ прежнія времена носили они названіе Сеонго или Чонгве, что означаетъ радугу или мѣсто радуги. Мы сѣли въ челны, которые принадлежали Туба-Мокоро, „сокрушителю челновъ“, — прозвище съ дурнымъ предзнаменованіемъ; но онъ, какъ казалось, одинъ только зналъ лекарство, обезпечивающее противъ крушенія въ быстринахъ, находящихся выше водопадовъ. На пространствѣ нѣсколькихъ миль рѣка была гладка и спокойна, и мы тихо скользили по свѣтлой, какъ кристаллъ, водѣ и мимо прелестныхъ острововъ, густо покрытыхъ тропическою растительностью. Между множествомъ деревъ замѣчательны были высокія гифены и вѣерныя пальмы (Borassus), граціозныя дикія финиковыя пальмы съ золотыми гроздьями плодовъ и тѣнистыя мокононга, подобныя кипарисамъ съ темно-зелеными листьями и алыми плодами. У края воды выглядываетъ много цвѣтовъ, изъ которыхъ иные были совершенно

новы для насъ, а другіе, какъ напр. колокольчики, старые знакомцы.

Но наше вниманіе быстро было отвлечено отъ прелестныхъ острововъ къ опаснымъ быстринамъ, въ которыя ненамѣренно могъ увлечь насъ Туба. Сказать по правдѣ, въ высшей степени ужасный видъ этихъ кипящихъ быстринъ неминуемо возбуждаетъ нѣкоторую тоску въ сердцахъ новыхъ припельцевъ. Только когда вода въ рѣкѣ очень низка, какъ это было теперь, можно отважиться идти на островъ, къ которому мы пробирались. Если пойти туда во время высокой воды и счастливо достигнуть острова, то поневолѣ приходится оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока вода не понизиться, если только до этого доживешь. И бегемоты, и слоны, какъ разсказывали, увлекаются водопадами внизъ и, конечно, измалываются въ кашу.

Прежде чѣмъ мы вошли въ быстрину, насъ просили не говорить, потому что наша болтовня могла бы уменьшить силу лекарства, и никто изъ имѣвшихъ передъ глазами такую кипящую и крутящуюся быстрину не подумалъ ослушаться приказанія „сокрушителя“. Скоро оказалось, что въ этой просьбѣ Туба былъ здравый смыслъ, хотя указанный поводъ къ ней и походилъ на причину, приведенную судорабочимъ изъ Сешеке, который просилъ одного изъ нашего общества не свистать, потому что свистъ вызываетъ вѣтеръ. На носу человѣкъ съ весломъ имѣлъ задачею смотрѣть впередъ, выбирая дорогу для челна, и, если онъ видѣлъ какую-нибудь скалу или стволъ дерева, то долженъ былъ крикнуть объ этомъ кормчему. Туба, безъ сомнѣнія, думалъ, что разговоръ на суднѣ могъ бы отвлечь вниманіе его кормчаго въ то время, когда упущеніе какого-нибудь приказанія или ничтожный недосмотръ навѣрно сбросилъ бы насъ всѣхъ въ яростную рѣку. Были мѣста, когда оба должны были напрягать всѣ свои силы, чтобы протолкнуть челнъ къ единственному безопасному мѣсту быстрины, и не дать ему ринуться въ сторону, гдѣ мы въ одно мгновеніе очутились бы подъ ангин

гами и бакланами, которые ныряли, добывая свой завтракъ, состоящій изъ мелкой рыбы. Иногда казалось, что мы на нашемъ быстро какъ стрѣла мчащемся челнѣ неизбѣжно должны налетѣть на скалы, которыя теперь, при мелководьѣ, торчали изъ воды; но какъ разъ въ надлежащее время Туба сообщалъ кормчему приказъ, потомъ заранѣе направленнымъ шестомъ повертывалъ челнъ немного въ сторону, и мы быстро скользйли мимо грозящей опасности. Никогда челномъ не управляли превосходнѣе; только однажды лекарство потеряло, казалось, нѣсколько свое вліяніе. Мы быстро шли внизъ; черная скала стояла какъ разъ у насъ на дорогѣ, шестъ такъ же быстро, какъ всегда, ткнулся въ нее, но скользнулъ, когда Туба только что напрягъ свою силу, чтобы повернуть носъ челна. Мы сильно ударились, и въ одно мгновеніе налилось полчелна воды. Туба оправился такъ скоро, какъ только возможно, оттолкнулъ носъ и отвелъ челнъ къ спокойному, мелкому мѣсту, чтобы откачать воду. Здѣсь дано было намъ понять, что виновато было не лекарство,—*оно* нисколько не потеряло своей силы; несчастіе было вполнѣ и совершенно приписано Туба, который отправился не позавтракавши. Нужно ли говорить, что въ другой разъ мы никогда не позволяли Туба отправляться не поѣвши?

Мы высадились на верхнемъ концѣ Садоваго острова, расположеннаго, почти посрединѣ рѣки, на краю водопада. Когда мы достигли этого края и взглянули съ кружащей голову высоты, насъ тотчасъ поразилъ страшный и, въ своемъ родѣ, единственный характеръ великолѣпнаго водопада.

Довольно тщетно было бы стараніе дать о немъ понятіе словами, потому что, какъ мы замѣтили на самомъ мѣстѣ, даже отличный живописецъ рядомъ картинъ могъ бы дать только слабое представленіе о превосходномъ зрѣлищѣ. Вѣроятный образъ и способъ его происхожденія, можетъ быть, пособитъ понять его оригинальную форму. Ніагара произошла вслѣдствіе идущаго назадъ вымыванія скалы, съ которой спадаетъ рѣка, и въ теченіе многихъ столѣтій она мало-по-малу

отступаетъ и оставляетъ передъ собою широкую, глубокую и довольно прямую ложбину. Сзади она ежедневно продолжаетъ вымывать скалу и можетъ еще осушить озера, изъ которыхъ вытекаетъ ея рѣка — Св. Лаврентія. Но водопадъ Викторія произошелъ вслѣдствіе прямой, поперекъ рѣки проходящей трещины въ твердыхъ черныхъ базальтовыхъ скалахъ, образующихъ тутъ русло Замбези. Края трещины до сихъ поръ еще совершенно остры, за исключеніемъ футовъ трехъ края, съ котораго скатывается рѣка. Стѣны спускаются прямо отъ краевъ безъ всякаго выступа какой-нибудь скалы, безъ всякаго признака разслоенія, или какого-нибудь разрушенія. Съ тѣхъ поръ, какъ образовалась огромная трещина, не было никакого измѣненія уровня въ обѣихъ частяхъ рѣчнаго ложа, которыя такимъ образомъ оторваны другъ отъ друга. Когда мы идемъ внизъ по рѣкѣ къ Садовому острову, вода внезапно исчезаетъ, и мы видимъ противоположную сторону разсѣлины съ травою и деревьями, растущими тамъ, гдѣ когда-то текла рѣка, на одномъ уровнѣ съ тою частью ея ложа, по которой мы идемъ. Длина первой разсѣлины нѣсколькими ярдами болѣе ширины Замбези, которая, какъ мы нашли по измѣренію, достигаетъ нѣсколько болѣе 1,860 ярдовъ; но мы рѣшили удержать это число, потому что оно соотвѣтствуетъ году, въ которомъ водопадъ былъ въ первый разъ тщательно изслѣдованъ. Главный потокъ идетъ здѣсь почти съ сѣвера на югъ, а расположенная поперекъ него трещина почти съ востока на западъ. Глубина разсѣлины измѣрена была тѣмъ, что мы спустили бичеву, къ концу которой привязано было нѣсколько свинцовыхъ пуль и футъ бѣлой выбойки. Одинъ изъ насъ легъ, вытянувъ голову за выдающуюся вершину скалы, и наблюдалъ спускающуюся выбойку, пока тяжесть, послѣ того какъ его спутники отдали 310 футовъ бичевки, не остановилась, вѣроятно, футахъ въ 50 надъ водою на косомъ выступѣ, между тѣмъ какъ дѣйствительное дно было еще значительно ниже. Бѣлая выбойка представлялась величиною съ крону. Когда мы измѣрили сек-

стантомъ ширину этой глубокой трещины, то нашли, что она у Садоваго острова, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, была въ восемьдесятъ ярдовъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ нѣсколько болѣе. Въ этотъ провалъ, который вдвое глубже водопада Ніагары, врывается рѣка шириною въ полную милю, съ шумомъ, отъ котораго можно оглохнуть, и это — Мозиоа-туніа, или водопадъ Викторія.

Если смотрѣть съ Садоваго острова внизъ на дно провала, то видно, какъ полмили воды, спадающей по этой части водопадовъ справа отъ насъ или къ западу отъ нашей точки зрѣнія, собирается въ узкомъ, шириною отъ двадцати до тридцати ярдовъ, руслѣ и течетъ налѣво, какъ разъ подъ прямымъ угломъ, въ отношеніи къ своему прежнему теченію, между тѣмъ какъ другая половина, или та, которая падаетъ въ восточной части водопадовъ, видна текущею къ намъ направо по лѣвой половинѣ находящейся внизу узкой ложбины. Въ срединѣ эти воды соединяются въ страшно волнистый круговоротъ и находятъ истокъ черезъ разсѣлину, лежащую подъ прямымъ угломъ къ трещинѣ водопадовъ. Этотъ истокъ находится въ разстояніи около 1,170 ярдовъ отъ западнаго и почти въ 60 ярдахъ отъ восточнаго конца трещины; водоворотъ находится въ началѣ его. Замбези, которая теперь шириною, повидимому, не болѣе двадцати и до тридцати ярдовъ, шумитъ и волнуется къ югу на протяженіи 130 ярдовъ, по узкому выводному руслу; затѣмъ она вступаетъ во вторую разсѣлину, нѣсколько болѣе глубокую и идущую параллельно съ первою. Предоставляя дно восточной половины этого втораго ущелья лѣсу большихъ деревъ, она рѣзко поворачивается на западъ и образуетъ мысъ, длиною въ 1,170 и шириною при основаніи въ 416 ярдовъ, съ выводною ложбиною у его острія. Достигнувъ основанія этого мыса, рѣка быстро обѣгаетъ вокругъ острія другаго мыса и стекаетъ въ третій провалъ на востокъ; затѣмъ несется она вокругъ третьяго мыса, который уже гораздо больше, чѣмъ прочіе, и опять уходитъ въ четвертый провалъ на западъ. Издали мы могли

видѣть, что она обходитъ еще вокругъ одного мыса, и, повидимому, еще разъ уклоняется на востокъ въ новый провалъ. Въ этой колоссальной, идущей зигзагами и узкой ложбинѣ всѣ скалы такъ рѣзко очерчены и угловаты, что тотчасъ является мысль, что твердый базальтъ, должно быть, получилъ свою настоящую форму, будучи разорванъ силою, дѣйствующею снизу, и что это, вѣроятно, произошло, когда черезъ подобныя трещины выливались въ океанъ древнія средиземныя озера.

Страна по ту сторону или на югъ отъ водопадовъ, какъ уже замѣчено, удерживаетъ тотъ же уровень, который имѣетъ передъ трещиной, совершенно такъ, какъ если бы ложбина ниже Ніагары, прежде чѣмъ она достигнетъ моста желѣзной дороги, была изогнута нѣсколько разъ вправо и влѣво. Лежащая въ предполагаемыхъ извивахъ страна, имѣющая высоту одинаковую со страною выше водопада, представила бы точно такія точки зрѣнія, какія дастъ мостъ желѣзной дороги, но самая ближайшая изъ нихъ была бы отъ передней стороны водопада всего только въ восьмидесяти ярдахъ, а не въ двухъ миляхъ (разстояніе моста). Вершины мысовъ вообще плоски, ровны и покрыты деревьями. Первый, основаніемъ лежащій къ востоку, въ одномъ мѣстѣ такъ узокъ, что опасно было бы пройти на самую его оконечность. На второмъ однако мы нашли широкую тропинку носороговъ и хижину; но если строитель не былъ отшельникомъ съ какимъ-нибудь любимцемъ носорогомъ, то мы не можемъ понять, зачѣмъ животное или человѣкъ зашли даже туда. Когда мы взошли на вершину этого втораго восточнаго мыса, мы увидѣли большую рѣку густаго морскаго зеленаго цвѣта, которая теперь была сильно сжата и скользила по крайней мѣрѣ футовъ на 400 ниже насъ *).

*) Мы въ предъидущемъ описаніи не разъ употребили слово „скользить“ и желали имъ дать понятіе, что рѣка хотя въ ущельѣ водопада крутится, мечется и плещетъ, однако около вершинъ мысовъ несется съ неодолимымъ

Когда рѣка мелководна, съ Садоваго острова представляется лучшій видъ на ущелье большаго водопада, точно также какъ и на противолежащій мысъ съ его боромъ, состоящимъ изъ большихъ вѣчно-зеленыхъ деревъ, и на великолѣпныя, занимающія три четверти круга радуги, которыя, числомъ двѣ, три и иногда даже четыре, рисуются на передней сторонѣ огромной вертикальной скалы, гдѣ постоянно сбѣгаютъ маленькіе водяные потоки, постоянно снова угоняемые назадъ бьющими ввысь испареніями. Но, какъ на Ніагарѣ, чтобы видѣть главное чудо — большой подковообразный водопадъ, нужно перейти на канадскій берегъ, такъ и здѣсь, чтобы получить лучшій видъ на главные водопады Мози-оа-туніа, мы должны были переправиться на сторону Мозелекаце, къ мысу, покрытому вѣчно-зелеными деревьями. Слѣдовательно, если мы начнемъ съ основанія этого мыса и обратимся лицемъ къ западу, то будемъ имѣть на западномъ концѣ ущелья прежде всего водопадъ въ 36 ярдовъ шириною и, точно такъ же, какъ всѣ они, болѣе 310 футовъ глубиною. Потомъ, по порядку, слѣдуетъ Боарука, небольшой островъ, и тотчасъ за нимъ большой водопадъ шириною въ 573 ярда. Выдающаяся скала отдѣляетъ его отъ другаго большаго водопада, шириною въ 325 ярдовъ; въ цѣломъ свыше 900 ярдовъ постоянныхъ водопадовъ. Далѣе къ востоку лежитъ Садовый островъ; затѣмъ, при самомъ низкомъ уровнѣ воды въ рѣкѣ, обнажаются значительныя части скалистаго русла съ двадцатью или около того узкими водопадами, которые во время высокаго уровня

стремленіемъ, которое нарушается только особеннымъ волнистымъ, колеблющимся движеніемъ. Это привело насъ къ мысли, что трещина должна быть чрезвычайно глубока, если вся вылившаяся въ нее вода можетъ протекать по ней такъ спокойно, и здѣсь можно замѣтить, что на приложенномъ рисункѣ, съ котораго въ 1860 году съ самаго мѣста послань былъ эскизъ къ сэру Ридерику Мурчисону, страна, образующая мысы, по необходимости должна была быть понижена, чтобы могли ясно выступить водопады, хотя въ дѣйствительности дѣло выходитъ совсѣмъ иначе. На переднемъ планѣ этой картины съ высоты птичьяго полета болѣе растительности, чѣмъ дѣйствительно оказывается: отъ дѣйствія паровъ скалы довольно обнажены.

воды составляютъ одинъ огромный каскадъ почти опять въ полмили. На восточномъ концѣ ущелья находятся два большіе водопада, но они при низкомъ уровнѣ ничто въ сравненіи съ водопадами между острововъ.

Вся масса воды катится по скалѣ свѣтлая и совершенно безъ перерыва; но послѣ паденія съ десяти или болѣе футовъ, вся она внезапно становится похожею на какой-то огромный покровъ только-что выпавшаго снѣга. Куски воды отпрядываютъ оттуда въ видѣ кометъ съ стремящимися за ними хвостами, пока весь снѣжный покровъ не обратится въ миріады разлетающихся, отпрядываемыхъ водяныхъ кометъ. Этой особенности Чарльзъ Ливингстонъ не видалъ на Ніагарѣ; здѣсь же, можетъ быть, вслѣдствіе сухости атмосферы, или вслѣдствіе какой-нибудь другой причины, кажется, что каждая капля воды Замбези обладаетъ нѣкотораго рода индивидуальностью. Вода сбѣгаетъ съ концовъ веселъ и жемчужинами скользитъ по гладкой поверхности, какъ капли ртути по столу. Здѣсь видимъ мы ее въ конгломератѣ; каждая капля съ хвостомъ чистаго бѣлаго пара летитъ внизъ, пока не потеряется въ носящихся водяныхъ облакахъ. Камень, брошенный нами туда, становился для глаза все меньше и меньше и наконецъ исчезъ внизу въ густомъ туманѣ.

Чарльзъ Ливингстонъ видѣлъ Ніагару и пальму побѣды отдалъ Мози-оа-туніа, хотя мы теперь были въ концѣ засухи, и вода въ рѣкѣ была на самомъ низкомъ уровнѣ. Многіе, видя въ первый разъ большіе американскіе водопады, чувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, но Мози-оа-туніа такъ неслыханно величественъ, что всегда долженъ возбуждать удивленіе. Массою воды Ніагара, вѣроятно, его превосходитъ, хотя и не въ тѣ мѣсяцы, когда въ Замбези высокій уровень воды. Огромное количество воды, отдѣляющейся въ описанныхъ подобныхъ кометамъ формахъ, по необходимости захватываетъ при паденіи внизъ большое количество воздуха, который, будучи до неизвѣстной глубины втиснутъ въ трещину, отскакиваетъ, поднимается обремененный парами и образуетъ

три или даже шесть столбовъ пара, видимыхъ изъ батокскаго селенія Моачемба, отстоящаго на двадцать миль оттуда. На высотѣ 200 или не болѣе 300 футовъ надъ уровнемъ рѣки выше водопада, этотъ паръ сгущается въ непрерывный мелкій проливень. Много изъ взлетѣвшей воды, поднимающейся на западъ отъ Садоваго острова, спускается на противоположную рощу вѣчнозеленыхъ деревъ, и съ листьевъ ея непрерывно спадаютъ тяжелыя капли, образуя различные маленькіе ручейки, которые, сбѣгая по крутымъ поверхностямъ скалъ, исчезаютъ и опять появляются, или слизываются съ своихъ вертикальныхъ руслъ и захватываются въ столбы, изъ которыхъ только-что спустились.

Утреннее солнце золотитъ эти столбы водянаго дыма всѣми блестящими цвѣтами двойной или тройной радуги. Вечернее солнце, бросающее лучи съ блестящаго желтаго неба, сообщало имъ сѣрножелтую окраску, и производило на насъ впечатлѣніе какъ бы зіяющей пасти бездоннаго ада. Ни одна птица не гнѣздится и не поетъ на вѣтвяхъ, орошаемыхъ безпрестаннымъ ливнемъ. Мы видѣли птицъ-носороговъ и стаи маленькихъ черныхъ ткачиковъ, летавшихъ взадъ и впередъ, съ берега на острова и съ острововъ на вершины мысовъ, но они всегда избѣгаютъ страны вѣчнаго дождя, которую занимаетъ вѣчно-зеленая роща. Солнечное сіяніе, всепобѣждающее въ другихъ мѣстахъ этой страны, никогда не проникаетъ въ глубокую тму этой тѣни. При видѣ чуднаго Мози-оа-туніа мы готовы сочувствовать тѣмъ, кто во время молодости міра населялъ землю, воздухъ и воду существами несмертнаго образа. Какому божеству была бы посвящена эта возбуждающая благоговѣніе разсѣлина и эта темная роща, надъ которой колеблется всегда пребывающій „столбъ облачный?“

Древніе владѣльцы Батока пользовались Казерука (теперь Садовый островъ) и Боарука (островъ далѣе на западъ, у самаго края водопада), какъ священными мѣстами для прославленія божества. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ облач-

ными столбами и вблизи великолѣпныхъ радугъ, при непрестанномъ шумѣ водопада, при вѣчномъ притокѣ, какъ бы изливающемся изъ руки Всесильнаго, души ихъ исполнялись благоговѣніемъ. Онъ возбуждаетъ удивленіе въ туземцахъ во всей внутренней Африкѣ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, съ которыми Себитуане обратился, въ 1851 году, къ Осуэллю и д-ру Ливингстону, былъ вопросъ: „есть ли въ вашей странѣ звуки дыма?“ и „что заставляетъ дымъ постоянно и всегда такъ высоко подниматься изъ воды?“ Въ этомъ году молва о немъ прошла миль на 200, и къ нему подходили дня за два пути; но до 1855 г., въ которомъ д-ръ Ливингстонъ посѣтилъ его, на своемъ пути къ восточному берегу, его не видалъ ни одинъ европеецъ. Такъ какъ его тогда сопровождали къ этому водопаду Секелету и 200 человѣкъ свиты, то его пребываніе тамъ, по необходимости, было недолговременно; два дня, которые онъ тамъ пробылъ, были употреблены на наблюденія для опредѣленія географическаго положенія мѣста и, пользуясь проливнями, которые разражаются иногда надъ островомъ изъ столбовъ пара, на наставленія макололо въ уходѣ за деревьями и на заведеніе тѣхъ садовъ, по которымъ туземцы назвали островъ; такъ что онъ не посѣтилъ противоположной стороны трещины и не видалъ чудеснаго теченія рѣки по ту сторону водопадовъ. Бегемоты повырвали деревья, которыя тогда были посажены, и хотя опять былъ сдѣланъ крѣпкій заборъ изъ свай, снова посажены живыя померанцевыя деревья и посѣяны орѣхи кашью и сѣмена кофе, однако мы опасались, что упрямство бегемотовъ преодолѣетъ препятствіе забора *).

---

*) Водопады Виктории были посѣщены баронетомъ сэромъ Ричардомъ Глиномъ и его братомъ, когда они были, въ 1863 г., на охотѣ. Они посѣтили Садовый островъ и нашли, что наши опасенія опустошеній бегемотами были слишкомъ основательны. Плодовыя деревья были вырваны. Сэръ Ричардъ былъ такъ любезенъ, что глубже вырѣзалъ начальныя буквы „D. L. 1855“, которыя намѣчены были на одномъ деревѣ на островѣ, когда сдѣлано было открытіе, и представляли единственный случай, при которомъ были вырѣзаны въ странѣ эти буквы д-ромъ Ливингстономъ. Торговцы, а также

Для воспитанія европейскихъ плодовыхъ деревъ долженъ бы былъ имѣть тамъ свое пребываніе какой-нибудь миссіонеръ. Время, въ которое цвѣтутъ персики и абрикосы, приходится въ концѣ сухаго времени года, и необходимо искусственное орошеніе. Батока, единственные разводители деревъ въ странѣ, воспитываютъ только туземныя плодовыя деревья: мозибе, моцикири, бома и другія. Если племя заботится объ уходѣ за деревьями, то оно болѣе приковывается къ мѣсту, на которомъ они посажены, и въ этомъ заключается одно изъ цивилизующихъ вліяній деревъ.

Прежде чѣмъ оставить самые чудесные изъ водопадовъ міра, мы позволимъ себѣ указать еще на то, что хотя они произвели рѣшительное впечатлѣніе на умы туземцевъ внутренней Африки, однако свѣдѣнія о ихъ существованіи никогда не достигали до португальцевъ. Около 1809 года два черные невольника, по имени Педро Баптиста и Андре Хозе, изъ Кассандже, селенія, лежащаго въ трехъ стахъ миляхъ отъ западнаго берега, были посланы черезъ страну Казембе въ Тетте, которое находится почти на такомъ же разстояніи отъ восточнаго берега. Одна дама, живущая до сихъ поръ въ Тетте, донна Евгенія, твердо помнила этихъ невольниковъ,— ихъ курчавые волосы были подстрижены a la londa, — которые пришли въ Тетте и оставались до тѣхъ поръ, пока не пришли письма отъ генералъ-губернатора изъ Мозамбика, благополучно отнесенныя ими потомъ въ Кассандже. На этой тоненькой ниточкѣ виситъ все притязаніе, которое португальцы изъявляютъ на то, что они проложили дорогу поперекъ Африки. Ихъ карты указываютъ источники Замбези на

и другіе, посѣщали страну, лежащую къ югу отъ водопадовъ, но мы не видали описанія ни одной новой мѣстности въ этой странѣ и, повидимому, никто еще не переходилъ на восточную сторону и не осматривалъ тамошнихъ трещинъ. Рѣка Лоикве или Кваи, по которой, говорятъ, ходятъ въ челнахъ и которая соединяется съ Замбези между Мози-оа-туніа и селен'емъ Сиамане, могла бы быть интересной для изслѣдователя, и Мозелекаце, главный старшина тамошняго народонаселенія, какъ извѣстно, расположенъ къ англичанамъ.

юго-западъ отъ Зумбо, почти тамъ, гдѣ найдены были водопады, и на этомъ весьма сомнительномъ авторитетѣ одинъ непутешествовавшій англійскій картографъ съ забавной въ высшей степени увѣренностью утверждаетъ, что рѣка выше водопадовъ стекаетъ подъ пустыню Калагари и теряется.

Куда идетъ *одинъ* англичанинъ, туда навѣрно послѣдуютъ и другіе. Бальдвину изъ Натала удалось достигнуть водопадовъ, руководясь только карманнымъ компасомъ. Когда мы встрѣтили другаго подданнаго ея величества, который тоже видѣлъ самое величайшее изъ африканскихъ чудесъ, то мы нашли его нѣкоторымъ образомъ въ положеніи плѣнника. Онъ просилъ Машотлане перевезти его на сѣверную сторону рѣки, и когда почти уже переѣхалъ, выкупался, бросившись въ воду и выплывя на берегъ. „Если бы онъ," говорилъ Машотлане, „съѣденъ былъ какимъ-нибудь крокодиломъ, которыхъ тамъ множество, англичане обвинили бы насъ въ его смерти. Онъ чуть-чуть не сдѣлалъ намъ большой непріятности; за это, сказали мы, долженъ онъ заплатить штрафъ." Такъ какъ у Бальдвина при себѣ ничего не было, чѣмъ бы онъ могъ заплатить, то они взяли его подъ надзоръ до тѣхъ поръ, пока получатся бусы изъ его кареты, отстоявшей на два дня пути.

Машотлане получилъ свое воспитаніе въ лагерѣ Себитуане, гдѣ человѣческая жизнь мало принималась въ разсчетъ. Онъ былъ уже не въ первой молодости, и на его красивомъ открытомъ лицѣ мы не замѣтили никакого слѣда дурныхъ вліяній, которыя, къ несчастію, дѣйствовали на его душу съ дѣтства. Туземные глаза были проницательнѣе нашихъ, потому что отъ нашихъ людей онъ заслужилъ отзывъ: „онъ пилъ кровь человѣческую — вы можете видѣть это по его глазамъ". Въ отношеніи къ Бальдвину онъ не дѣлалъ никакого дальнѣйшаго затрудненія; но недѣлю спустя, когда мы оставили его, своимъ кистенемъ изъ носорожьяго рога онъ нанесъ тяжелую рану въ голову одной изъ своихъ женъ. Она, будучи изъ хорошаго семейства, покинула его, и мы встрѣтили ее и другую изъ его женъ позже, когда шли далѣе по странѣ.

Выше водопадовъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль почва усыпана агатами; но огонь, ежегодно выжигающій траву, повредилъ бо́льшую часть тѣхъ, которые лежатъ на поверхности. Наши люди были обрадованы, когда услышали, что агаты для мушкетоновъ такъ же хороши, какъ ружейные кремни, и это, вмѣстѣ съ новыми идеями о значеніи золота (dalama) и малахита, полученными ими въ Тетте, дало имъ понять, что мы не совсѣмъ глупы въ разборѣ и оцѣнкѣ камней.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Положеніе бѣглыхъ и плѣнныхъ среди туземныхъ племенъ. — Холопство во внутренней Африкѣ легко, въ сравненіи съ невольничествомъ на берегахъ. — Селеніе Молепе. — Недостатокъ жизненныхъ припасовъ. — Тіаніане тожественно съ Оуреби. — Поку. — Д-ра Ливингстона спрашиваютъ о цѣнѣ лошадей — Мпарира, селеніе Мокомпа. — Пчелы безъ жала. — Мы беремъ челнъ, чтобы идти въ Сешеке. — Попытка Секелету устроить карантины. — Вѣстники владѣльцевъ. — „Доказательство“, что надо учиться читать. — „Свободная практика“. — Инструкціи туземцевъ. — Школа скотоводства. — Сешеке, старый и новый городъ. — Секелету. — Ничто не идетъ въ сравненіе съ говядиной. — „Съ говядиной и безъ говядины“. — Посѣтители. — Проказа Секелету и сопровождающая ее болѣзнь. — Болѣзнь туземными докторами признается неизлечимой. — Ее беретъ въ руки одна лекарка. — Леченіе передается докторамъ Ливингстону и Кирку. — Пацієнту становится лучше. — Описаніе болѣзни. — Чай и заварные плоды изъ Бенгуэла. — Ни слоновьей кости, ни торга невольниками. — Дѣйствіе приказа Секелету о закрытіи невольничьяго рынка. — Мода. — Торговля лошадьми. — Оригинальный родъ скачекъ — „Придворная кавалерія“. — Хлѣбные доходы во внутренней Африкѣ — Овощей нѣтъ. — Древесныхъ плодовъ нѣтъ. — Бальдвинъ и спутники Гельмора. — Несчастный конецъ миссіи. — Лихорадка, а не ядъ, была причиною смертныхъ случаевъ.

Идя вверхъ по рѣкѣ, почти въ восьми миляхъ выше острова Калаи, мы переправились черезъ Леконе, на ея устьѣ и пошли далѣе къ селенію, лежащему противъ острова Чунду. Намбове, старшина, былъ одинъ изъ матебеле или зулу, и долженъ былъ отъ гнѣва Мозалекаце бѣжать и искать прибѣжища у макололо. Во время нашего свиданія пришли шесть его красавицъ-женъ и сѣли сзади его. У него было только двое дѣтей. Дамъ позабавило, когда мы спросили: „Ссорятся ли

онѣ между собою?“ на что чудовище отвѣчалъ: „О да, онѣ вѣчно бранятся между собою“. У береговыхъ племенъ бѣглецъ почти всегда продается, но здѣсь онъ удерживаетъ то же самое мѣсто, какое занималъ въ своемъ собственномъ племени. Даже дѣти плѣнныхъ имѣютъ тѣ же самыя права, какъ и дѣти тѣхъ, кто взялъ ихъ въ плѣнъ. Преподобный Т. М. Томасъ, миссіонеръ, живущій теперь у Мозелекаце, находитъ эту самую систему господствующею у зулу или матебеле. Онъ говоритъ, что „африканскій невольникъ, попавшій къ племени вслѣдствіе набѣга, съ самаго начала наслаждается правами и именемъ дитяти и смотритъ на господина и госпожу своихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на своихъ новыхъ родителей. Онъ не только почти равенъ своему господину, но можетъ и безнаказанно оставить его и уйти, внутри границъ государства, куда ему угодно. Хотя онъ крѣпостной или холопъ, однако его положеніе, особенно въ землѣ Мозелекаце, нельзя принимать за настоящее состояніе невольничества, потому что стараніемъ и прилежаніемъ онъ скоро самъ можетъ стать господиномъ и даже богаче и знатнѣе того, кто привелъ его въ плѣнъ.“

Существующій у этихъ жителей обычай—по возвращеніи съ набѣга продавать другъ другу плѣнныхъ за хлѣбъ или за скотъ, могъ бы кому-нибудь подать мысль, что у природныхъ африканцевъ существуетъ невольничество въ самомъ строгомъ смыслѣ слова; но Томасъ, который, какъ часто и мы дѣлали, наблюдалъ фактическое дѣйствіе системы, весьма справедливо говоритъ: „Африканскій господинъ не требуетъ ни точности, ни быстроты, ни основательности, ни такихъ большихъ усилій, какъ европейскій. Въ Европѣ затрудняются недостаткомъ во времени: въ Африкѣ не знаютъ, что съ нимъ дѣлать.“ За исключеніемъ лишенія жизни, имѣющаго мѣсто при этихъ и всякихъ набѣгахъ за невольниками, ихъ невольничество не такъ отвратительно, какимъ становится оно всегда въ рукахъ европейцевъ. Можетъ быть, и не хорошо со стороны путешественника, если онъ одержимъ

нѣкотораго рода тоской по отчизнѣ, такъ что душа его отъ отношеній и обстоятельствъ бѣдняка на чужбинѣ всегда обращается къ состоянію таковаго же въ его отечествѣ, но бываетъ такъ. Когда мы видимъ, какъ спокойно можетъ здѣсь прокормиться такъ называемый самый низшій классъ, то не можемъ не вспомнить съ волненіемъ, какого труда стоитъ нашимъ собственнымъ бѣднякамъ возможность жить, съ какою боязнью и алчностью пріискивается занятіе, какъ сурова борьба за жизнь, между тѣмъ какъ такъ много мѣстъ этой прекрасной земли остаются невоздѣланными и необращенными къ тѣмъ благимъ цѣлямъ, для которыхъ они предопредѣлены ихъ Творцемъ.

Воскресенье 12 августа провели мы въ селеніи Молеле, стройнаго стараго батока, гордившагося тѣмъ, что онъ состоялъ прежде въ большой милости у Себитуане. На своемъ пути сюда мы проходили полосами лѣса, изобиловавшими всякаго рода дичью. Теперь дали упасть поставленнымъ на могилахъ слоновымъ бивнямъ, и черепы, которые прежніе батока втыкали на сваяхъ для украшенія своихъ селеній, распались въ прахъ, такъ какъ ихъ не возобновляли. Голодъ, о которомъ мы слышали, былъ здѣсь очевиденъ: подданные Молеле были заняты рытьемъ изъ болотъ корня цитла и вырѣзываніемъ мягкой сердцевины молодыхъ пальмовыхъ деревъ, что̀ служило имъ пищею.

Изъ селенія, расположеннаго на скатѣ лѣсистой горной цѣпи, открывается видъ на пространныя площади луговъ и болотъ, тянущихся вдоль берега рѣки. На нихъ стада буйволовъ и водяныхъ козловъ пасутся днемъ безъ опасенія, такъ какъ у нихъ есть убѣжища въ покрытыхъ камышами болотахъ, въ которыя они могутъ убѣжать при наступающей опасности. Далѣе, множество изящныхъ маленькихъ тіаніане или оуреби *), и стада синихъ или

*) Такъ какъ она совершенно не извѣстна въ землѣ Бечуана, лежащей на югъ отъ этой страны, то и сочтена за новую антилопу и какъ новая упо-

пятнистыхъ гну (Katoblepas Gorgon) забавляли насъ своими фантастическими прыжками. Они имѣютъ гораздо болѣе лютый видъ, чѣмъ даже левъ, но совершенно робки. Мы никакъ не могли ихъ вызвать броситься на насъ и напрасно махали краснымъ носовымъ платкомъ, какъ намъ было предписано. Поэтому можетъ быть, что красный цвѣтъ пробуждаетъ ихъ бѣшенство только когда они ранены, или когда ихъ сильно преслѣдуютъ. Стада лечи или лечве живутъ теперь на лугахъ; они и ихъ младшій братъ, граціозный поку, маленькій и съ болѣе круглыми очертаніями, скачутъ взапуски по обильнымъ травою болотамъ. Мы осмѣлились назвать поку по имени покойнаго маіора Вардона, одного изъ благородныхъ путешественниковъ по Африкѣ, но вполнѣ предчувствуемъ, что какой-нибудь надменный Немвродъ непремѣнно захочетъ, чтобы его собственное имя перешло къ потомству на хребтѣ этого козла.

Посрединѣ дороги между Табачеу и большими водопадами рѣки стали течь на западъ; на другой сторонѣ онѣ текутъ на востокъ. Вокругъ Каломо высоко громоздились боль-

---

мянута д-ромъ Ливингстономъ; но описаніе (сдѣланное другимъ путешественникомъ по Африкѣ, У. Ф. Уэббомъ) наружнаго вида, походки, крика и обычаевъ оуреби, встрѣчающейся въ Наталѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что оба животныя тожественны. Такъ какъ д-ръ Ливингстонъ самъ впалъ въ эту ошибку, то онъ вполнѣ склоненъ мягко относиться къ другимъ, но желалъ бы почтительно изъявить сомнѣніе, благоразумно ли умножать имена, когда нѣтъ никакого иного отличія, кромѣ какой-нибудь извилины въ формѣ роговъ или ничтожной разницы въ окраскѣ шерсти. Напримѣръ, оленій самецъ, описанный по экземплярамъ, застрѣленнымъ въ 1853 г. на этихъ именно равнинахъ, когда онъ, по достиженіи полныхъ лѣтъ, удержалъ полосы, показывающіяся на всѣхъ живущихъ въ пустынѣ Калагари молодыхъ оленьихъ самцахъ, десять лѣтъ спустя, былъ опять открытъ подъ именемъ *джикиджунка* и именно названъ по экземплярамъ, видѣннымъ въ западной Африкѣ. То же самое было съ наконгъ или изое, и причина была указана, что онъ „съ матовыми пятнами“. Голова молодаго воднаго козла была доставлена точно также изъ западной Африки и описана какъ новый видъ, а обыкновенный кустарный козелъ названъ Antilope Roualeyni, хотя онъ былъ извѣстенъ и описанъ прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ родился.

шія круглыя гранитныя массы, отчасти похожія на старинные замки. Страна представляетъ плоскую возвышенность, и наши люди знали и называли различныя равнины, когда мы по нимъ проходили.

13 числа встрѣтили мы общество, идущее отъ Секелету, который теперь былъ въ Сешеке. О нашемъ приближеніи было извѣщено, и они были посланы спросить доктора: что́ сто́итъ лошадь, и какъ онъ думаетъ, что́ они должны дать въ самомъ крайнемъ случаѣ? Въ отвѣтъ они получили, что такъ какъ до прихода доктора они давали за лошадь по девяти большихъ бивней, то гриквасъ естественно думали, что цѣна уже установилась. Чрезвычайно забавно было видѣть, какъ точно передразнивали они хвастовство одного извѣстнаго бѣлаго, съ которымъ хотѣли торговаться, и который, какъ они замѣтили, очевидно старался принять равнодушную мину. Держать голову вверхъ и почесывать бороду, какъ они дали понять, значитъ выказывать не равнодушіе, а насѣкомыхъ. Хорошо, что мы не всегда знаемъ, что́ они говорятъ о насъ. Ихъ замѣчанія часто вовсе не особенные комплименты и совершенно сходны съ тѣмъ, что нѣкоторые бѣлые путешественники говорятъ о неграхъ.

Послѣ полудня мы расположились лагеремъ противъ большаго острова, который носитъ названіе Мпарира и лежитъ противъ устья Чобе. Франколины, перепела и цесарки, а также и болѣе крупная дичь, были во множествѣ. Макололскій старшина Мокомпа принесъ намъ богатый даръ и сожалѣлъ, какъ обыкновенно,—что́ считается вѣжливостью,—что у него не было молока, такъ какъ его коровы всѣ были недойныя. Мы получили здѣсь немного меда, собираемаго весьма маленькими пчелами безъ жала, которыя у батока называются моанди, а у другихъ кокомоцане. Этотъ медъ слегка кисель и имѣетъ ароматическій вкусъ. Пчелъ легко узнать по ихъ обычаю жужжать вокругъ глазъ и щекотать кожу, которую онѣ сосутъ какъ обыкновенныя мухи. Въ ульѣ для входа

есть трубка изъ воска, равная стволу пера, и улей обыкновенно помѣщается въ дуплахъ деревъ.

Мокомпа боялся, что племя распадется, и жаловался на положеніе, въ которое они поставлены вслѣдствіе проказы Секелету; онъ не зналъ, что́ съ ними будетъ. Онъ послалъ два челна, чтобы отвезти насъ въ Сешеке. Его лучшій челнъ повезъ слоновью кость къ владѣтелю, чтобы купить товары у нѣсколькихъ туземныхъ купцовъ изъ Бенгуэла. Выше водопадовъ гребцы всегда гребутъ въ челнахъ стоя, у нихъ весла длиною въ десять футовъ, и они дѣйствуютъ ими, попеременно, то съ той, то съ другой стороны.

17 числа встрѣтилъ насъ Мочокоца, посланный отъ Секелету вѣстникъ, со второй просьбой къ доктору взять слоновью кость и купить лошадь. Онъ опять отказался заняться этимъ. Къ Секелету никто не долженъ идти, кромѣ доктора; всѣ тѣ изъ людей, которые за три года до того выдержали оспу въ Тетте, должны вернуться къ Мошоботване, который окропитъ ихъ лекарствомъ, чтобы прогнать заразу и предупредить распространеніе болѣзни въ племени. Мочокоца попросили сказать Секелету, что эта болѣзнь издавна извѣстна бѣлымъ людямъ, что мы знаемъ также и лекарство, чтобы предупреждать ее, и что если была бы еще какая-нибудь опасность, то мы первые остереглись бы отъ нея. Почему же онъ при томъ не пошелъ самъ къ Мошоботване и не опрыскался лекарствомъ, чтобы прогнать отъ себя проказу. Мы не боялись ни его болѣзни, ни лихорадки, поразившей смертью учителей и многихъ макололо въ Линіанти. Такъ какъ эта попытка карантина очевидно была внушеніемъ туземныхъ докторовъ, чтобы придать себѣ больше важности, то мы прибавили, что у насъ нѣтъ жизненныхъ припасовъ, и что мы будемъ на другой и на слѣдующій за тѣмъ день охотиться, чтобы добыть дичи; если намъ и потомъ все еще будутъ предписывать очищеніе посредствомъ ихъ лекарства, то мы вернемся въ нашу собственную землю.

Рѣшеніе было высказано не совсѣмъ такъ, какъ мы его

записали; наши спутники вмѣшались въ него со своимъ озлобленнымъ протестомъ и наговорили, на теттеанскомъ нарѣчіи, много крѣпкихъ словъ объ этихъ „тваряхъ-докторахъ“, которые препятствовали имъ видѣть ихъ отца; при чемъ, къ удивленію ихъ, Мочокоца сообщилъ имъ, что онъ понимаетъ каждое слово, какое они говорятъ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ племени базизулу, и говорилъ, что они не обманутъ его ни на какомъ нарѣчіи, ни на мапона съ востока, ни на мамбари съ запада. Мочокоца потомъ дважды повторилъ наше рѣшеніе, чтобы быть убѣжденнымъ, что онъ его помнитъ слово въ слово, и ушелъ назадъ. Эти вѣстники владѣльцевъ имѣютъ въ высшей степени твердую память; они относятъ на далекія разстоянія значительно длинныя посланія и передаютъ ихъ почти слово въ слово. Обыкновенно идутъ два или три вѣстника вмѣстѣ, и по дорогѣ посланіе повторяется каждую ночь, чтобы точно удержать слова. Одно изъ возраженій, которыя дѣлаютъ туземцы противъ обученія письму, состоитъ въ томъ, что эти люди такъ же хорошо, какъ письмо, соотвѣтствуютъ цѣли передачи свѣдѣній въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, а если нужно сообщить что-либо кому-нибудь въ городъ, то лучшій путь для этого или пойти къ нему, или послать за нимъ. Что́ касается до переписки съ весьма далекими друзьями, то это можетъ быть весьма хорошо для бѣлыхъ людей, но у черныхъ нѣтъ друзей, къ которымъ нужно было бы писать. Единственное дѣйствительное доказательство, что они должны учиться читать, то, что на нихъ лежитъ обязанность узнать откровеніе ихъ Небеснаго Отца, которое находится въ Библіи.

Вечеромъ на слѣдующій день нашъ вѣстникъ вернулся съ извѣстіемъ: „Вы правы,“ говоритъ Секелету: „болѣзнь старая; идите тотчасъ, не спите на пути, ибо я весьма жажду (tlologelecœ) видѣть доктора.“

Послѣ ухода Мочокоца, встрѣтили мы нѣсколькихъ изъ людей Мокомпа, которые несли назадъ съ собой слоновью кость, такъ какъ лошади были предпочтены товарамъ западнаго бе-

рега. Они имѣли для Мокомпа инструкціи, и такъ какъ эти инструкціи бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на правительство народа, о которомъ европейцамъ трудно что-нибудь узнать, то мы заносимъ ихъ сюда, хотя онѣ, въ другомъ отношеніи, не имѣютъ никакого значенія. Машотлане отнесся къ Бальдвину не такъ вѣжливо, какъ Секелету приказалъ ему относиться ко всѣмъ англичанамъ. Онъ былъ очень невѣжливъ въ отношеніи къ вѣстникамъ, которыхъ Мозелекаце послалъ съ письмами отъ г. Маффата, обращался съ ними какъ со шпіонами и не хотѣлъ выйти на берегъ, чтобы принять сумку, пока они не удалились. Когда мы говорили съ нимъ объ этомъ, онъ оправдывалъ свое поведеніе, отговариваясь тѣмъ, что онъ остановился у водопадовъ именно съ цѣлью караулить этихъ естественныхъ враговъ своихъ, и какъ могъ онъ поэтому знать, что они посланы отъ г. Моффата? Наши люди извѣстили потомъ на главной квартирѣ, что Машотлане проклялъ доктора. Инструкціи, посланныя отъ Секелету къ Мокомпа, гласили: „Онъ долженъ идти къ Машотлане и сказать ему что онъ тяжко провинился. Онъ не Монаре (д-ръ Ливингстонъ) проклялъ, а Себитуане, такъ какъ Монаре теперь занимаетъ мѣсто Себитуане, и онъ почитаетъ его, какъ почиталъ своего отца. Всякій штрафъ, взятый съ Бальдвина, тотчасъ долженъ быть возвращенъ, такъ какъ онъ не боеръ, а англичанинъ. Секелету очень разгнѣванъ, и Макомпа не долженъ скрывать посланія.“

Такъ какъ Секелету нашелъ впослѣдствіи, что поведеніе Машотлане въ отношеніи къ батока было въ высшей степени безчестно, то онъ послалъ за нимъ, чтобы тотъ явился въ Сешеке, чтобы можно было имѣть его на глазахъ; но Машотлане, боявшійся, что это означаетъ смертную казнь, послалъ вѣжливый отвѣтъ и объявилъ, что онъ боленъ и не въ состояніи отправиться въ путь. Секелету попытался еще разъ отозвать Мошотлане отъ водопадовъ, но безъ успѣха. По теоріи владѣтель не ограниченъ и совершенно деспотъ; но на практикѣ его власть ограниченна, и, не казня по временамъ

упрямыхъ старшинъ, онъ не можетъ принудить своихъ подчиненныхъ исполнять его волю.

За исключеніемъ маленькихъ быстринъ у острова Мпарира на устьѣ Чобе, остальной водяной путь въ Сешеке ровный. На лежащихъ по рѣкѣ островахъ пасутся стада быковъ двухъ или трехъ разновидностей; батока разводили весьма маленькую породу, имѣющую красивый видъ и чрезвычайно ручную, которой еще много можно видѣть, — породу нѣсколько крупнѣе, изъ которой у многихъ штукъ свѣсившіеся и разставленные у корней рога, и еще болѣе крупную породу съ рогами необыкновенной величины, носить которые, повидимому, должно быть тягостно для животнаго. Эта порода въ большомъ числѣ находится на озерѣ Нгами. Въ полдень мы остановились у одного изъ скотныхъ дворовъ Мокомпа и получили отрадный напитокъ — молоко. Люди его состоянія обыкновенно имѣютъ большія стада, расположенныя въ различныхъ мѣстахъ, и собственникъ посѣщаетъ по порядку каждое, между тѣмъ какъ его главная квартира находится въ его селеніи. Его сынъ, мальчикъ десяти лѣтъ, надзиралъ за заведеніемъ во время отсутствія своего отца. По понятіямъ макололо, скотный дворъ настоящая школа, въ которой должны воспитываться сыновья. Здѣсь получаютъ они надлежащее образованіе: знаніе кормовыхъ травъ и умѣнье и сноровку обращаться со скотомъ.

Съ полудня до полуночи ежедневно дуютъ сильные восточные вѣтры и держатся до октября или ноября, когда наступаютъ дожди. До полудня обыкновенны вихри, подымающіе огромные столбы дыма отъ горящихъ кормовыхъ и сорныхъ травъ. Одинъ неизмѣримо большой столбъ дыма почти охватилъ насъ. Онъ прошелъ впереди насъ ярдахъ въ двадцати, и вѣтеръ со всѣхъ сторонъ дулъ какъ разъ въ него. Крутясь большими кругами, онъ гналъ съ равнины на сотни футовъ въ воздухѣ непрерывное густое темное облако черной, въ порошокъ пережженной земли, смѣшанной съ сухою травою. Стада новыхъ антилопъ, лечве и поку, вмѣстѣ съ коконгомъ или

гну и зебрами, стояли и смотрѣли на насъ во всѣ глаза, пока мы проходили. Миражъ иногда поднималъ ихъ до полупути къ облакамъ и искажалъ ихъ и группы пальмъ въ странныя, неестественныя формы. Обширныя и богатыя плоскія равнины по берегамъ, вдоль краевъ которыхъ шли мы на всслахъ, прокормили бы огромное населеніе и легко могли бы быть снабжаемы водою изъ Замбези. Снабженныя водою, онѣ давали бы жатвы во весь годъ и никогда не страдали бы отъ засухи. Бегемотовъ бьютъ здѣсь длинными, похожими на пики, копьями. Мы видѣли, какъ двое мужчинъ въ легкомъ челнокѣ беззвучно подкрадывались къ одному изъ этихъ животныхъ, думая, что оно спитъ; но оно было насторожѣ, и они должны были поспѣшно удалиться. Между Сешеке и водопадами водится теперь уже относительно мало бегемотовъ, и они необыкновенно робки, такъ какъ ихъ постигаетъ вѣрная смерть, если ихъ захватятъ днемъ сонныхъ.

18 числа мы прибыли въ Сешеке. Старый городъ, теперь въ развалинахъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки. Съ того времени какъ казненъ былъ старшина Моріанціане, — за то, что онъ околдовалъ владѣтеля проказою,—жители построили другой городъ по той же сторонѣ на четверть мили выше. Секелету былъ на правомъ берегу, возлѣ значительнаго числа временныхъ хижинъ. Изъ жилища владѣтеля привѣтствовалъ насъ какой-то человѣкъ и просилъ остановиться подъ старымъ *котла*, или деревомъ общественнаго сборнаго мѣста. Молодой макололо, съ толстыми ляжками, какъ у зулу и у бо́льшей части этого племени, прошелъ получить приказанія владѣтеля, который самъ не показывался народу съ тѣхъ поръ какъ одержимъ проказой. Вернувшись, онъ поспѣшно побѣжалъ къ Мокеле, старшинѣ новаго города, который, сходивши къ Секелету, воротился, проводилъ насъ къ маленькой, но хорошей хижинѣ и послѣ доставилъ намъ въ видѣ подарка отъ владѣтеля прекраснаго жирнаго быка. „Теперь время голода“, говорилъ онъ, „и у насъ нѣтъ никакого мяса, но мы вскорѣ ожидаемъ дичи изъ долины Бароце.“

Прибывъ въ Сешеке, мы были совсѣмъ безъ съѣстныхъ припасовъ. Никогда не было у насъ лучшаго мяса, чѣмъ мясо быка, присланнаго Секелету; классическая говядина стоитъ безконечно выше мяса всякаго рода дичи! Мы испробовали мясо всѣхъ съѣдобныхъ животныхъ въ Африкѣ, за исключеніемъ крокодила, и часто при такихъ обстоятельствахъ, когда можно было думать, что сильный аппетитъ склонитъ мнѣніе въ пользу дичины; однако, нельзя было сдѣлать лучшаго сравненія, какъ слѣдующее: это почти такъ же хорошо, какъ говядина. Можетъ быть найдутся иныя еще неприрученныя животныя, и будетъ извлекаться польза изъ страны, покрытой такими кормами, какъ вересковъ или папоротники (которые вообще не годятся для скота): но мы говоримъ: пусть „Общество акклиматизаціи“ умножитъ и разнообразитъ число быковъ, и оно этимъ лучше удовлетворитъ вкусу и окажетъ бо́льшее благодѣяніе человѣчеству, нежели разведеніемъ всѣхъ дикихъ животныхъ отъ слона до крокодила включительно. Нужно признаться, что непосвященнымъ можетъ показаться нѣсколько неловкимъ садиться за столъ, за которымъ ничего нѣтъ кромѣ говядины, хотя бы и превосходной. Въ то время, какъ ротъ полонъ, руки и глаза инстинктивно тянутся поискать чего-нибудь въ родѣ хлѣба, картофеля или овощей для сопровожденія мяса, и является непріятное ощущеніе, когда не хватаетъ того, что шотландцы называютъ словомъ „kitchen“ (*опог*). Мы дѣлали изъ жира „kitchen“ къ куску безъ жира. Макололо обыкновенно проглатываютъ прежде всего весь жиръ, такъ какъ жиръ считается за лучшее, потомъ ѣдятъ куски безъ жира и послѣ всего супъ или хлѣбъ, если у нихъ есть что-нибудь такое. Люди, которые, какъ они, по большей части, живутъ на молокѣ и на мясѣ, могутъ гораздо лучше переносить утомленіе и нужду, чѣмъ тѣ, пища которыхъ преимущественно состоитъ изъ хлѣба и овощей. Когда макололо, какъ это иногда случается, выходятъ въ набѣгъ на мѣсяцъ, то изъ подвластныхъ имъ племенъ, сопровождающихъ ихъ, многія, будучи хлѣбо-

ѣдами, гибнутъ единственно отъ утомленія, между тѣмъ какъ мясоѣды презираютъ самую мысль объ усталости.

Черезъ день послѣ нашего прибытія, къ намъ устремился постоянный потокъ посѣтителей. Многіе изъ нихъ, тосковавшіе во время отсутствія доктора, казалось, весьма успокоились, когда снова его увидали. Всѣ были печальны. Ужасная засуха уничтожила жатвы и истребила корма въ Линіанти, и жители разсѣялись по странѣ искать дикихъ плодовъ и прибѣгнуть къ гостепріимству тѣхъ, у которыхъ удались земляные орѣхи (Arachis hypogæa). За проказой Секелету послѣдовали тучи бѣдствій. Будучи увѣренъ, что онъ околдованъ, онъ заподозрилъ значительное число своихъ знатнѣйшихъ мужей и нѣкоторыхъ казнилъ вмѣстѣ съ ихъ семействами; другіе бѣжали къ далекимъ племенамъ и жили въ изгнаніи. Владѣтель заключился и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ своего дяди Мамире. Понване, бывшій у него „головой и глазами“, только-что умеръ,—доказательство, какъ онъ думалъ, могущественной волшебной силы тѣхъ, которые ненавидѣли каждаго, кого любилъ владѣтель. Страна ужасно страдала и огромное государство Себитуане грозило распасться на части. Большая толпа молодыхъ бароце возмутилась и бѣжала на сѣверъ; при этомъ умертвили они одного мужа, чтобы возбудить кровную вражду между Мазико, владѣтелемъ, къ которому они ушли, и Секелету. Батока, подъ предводительствомъ Синамане и Муэмба, были независимы, а Машотлане на водопадахъ въ сущности посмѣвался надъ властью Секелету.

Мудрая политика Себитуане — обращаться съ завоеванными племенами точно такъ же, какъ съ своими собственными макололо, такъ какъ всѣ—дѣти владѣтеля и одинаково могутъ быть избираемы къ самымъ высшимъ должностямъ, — была оставлена его сыномъ, который бралъ женъ только изъ макололо и въ чиновники назначалъ только макололо. Онъ сдѣлался нелюбимымъ среди черныхъ племенъ, которыя были завоеваны копьемъ его отца, но еще болѣе дѣйствительно

пріобрѣтены позднѣйшимъ его мудрымъ и справедливымъ управленіемъ.

О невидимомъ Секелету носились удивительные слухи. Говорили, что его пальцы выросли орлиными когтями, и лицо его такъ страшно искажено, что никто не могъ бы его узнать. Иные стали намекать на то, что онъ не могъ быть дѣйствительно сыномъ Себитуане, основателя націи, который былъ силенъ въ бою и мудръ въ дѣлахъ государственныхъ „Во дни великаго льва“ (Себитуане), говорила его единственная сестра, вдова Моріанціане, супруга которой погубилъ Секелету, „у насъ были большіе и малые владѣтели, и старѣйшины, чтобы руководить управленіемъ, и великій владѣтель, Себитуане, зналъ ихъ всѣхъ, и зналъ все, что́ они дѣлали, и мудро управлялъ всею страною; по теперь Секелету ничего не знаетъ о томъ, что́ дѣлаютъ его подданные и они о немъ не кручинятся, и власть макололо близка къ паденію“ *).

Туземные доктора отказались отъ Секелету. Они не могли пользовать его и объявили болѣзнь неизлечимой. Одна старая лекарка изъ племени маніети пришла посмотрѣть, не можетъ ли чего для него сдѣлать, и на ея искусство онъ возлагалъ теперь послѣднія свои надежды. Кромѣ его матери и его дяди, она никому не дозволяла его видѣть, поставляя существеннымъ условіемъ такъ страстно желаемаго излеченія—совер-

---

*) Въ 1865 г., четыре года спустя послѣ того, какъ были записаны эти предчувствія, мы получили извѣстіе, что всѣ они оправдались. Секелету умеръ въ началѣ 1864, — вспыхнула междоусобная война о наслѣдованіи во владѣніяхъ: огромная толпа тѣхъ, которые были противъ дяди умершаго владѣтеля, Имололо, бывшаго намѣстникомъ государства, ушла со своимъ скотомъ на озеро Нгами; послѣдовало возстаніе черныхъ племенъ; Имололо былъ убитъ, и государство, изъ котораго чрезвычайно много можно было бы сдѣлать подъ руководствомъ здравой и разумной миссіи, подпало обычной судьбѣ африканскихъ завоеваній. Мы глубоко сожалѣемъ объ этой судьбѣ: потому что какъ бы ни справедливо приписывали макололо пороки въ другихъ отношеніяхъ, они, однако, не принадлежатъ къ классу тѣхъ, которые продаютъ и покупаютъ другъ друга, какъ дѣлаютъ племена, послѣдовавшія за ними.

шенное удаленіе отъ общества. Не смотря на то, онъ послалъ за докторомъ, и на слѣдующій день намъ всѣмъ троимъ позволено было его видѣть. Онъ сидѣлъ въ крытой повозкѣ, окруженной высокою стѣною густаго тростника. Его лицо только немного было обезображено утолщеніемъ кожи на мѣстахъ, гдѣ прошла по немъ проказа, и единственной особенностью его рукъ была необыкновенная длина его ногтей, что́, однако, вовсе не было чѣмъ-нибудь совершенно необыкновеннымъ, такъ какъ всѣ знатные макололо носятъ необыкновенно длинные ногти. У него спокойная, безпритязательная наружность отца его Себитуане; говоритъ онъ отчетливо, густымъ, пріятнымъ голосомъ, и, повидимому, онъ человѣкъ разсудительный, за исключеніемъ, можетъ быть, своего мнѣнія, что его околдовали; какъ скоро намекнутъ ему объ этомъ, онъ высказываетъ такую крѣпкую вѣру, какъ будто помѣшанъ на этой мысли. „Моріанціане, супругъ моей тетки, попробовалъ околдовывающее лекарство сначала на своей женѣ; она въ проказѣ и ея первый слуга тоже. Потомъ, увидѣвъ, что это удалось, онъ далъ мнѣ болѣе сильный пріемъ въ вареномъ козьемъ мясѣ, и съ той поры мною овладѣла болѣзнь. Вскорѣ погубили они Понванс, а теперь, какъ вы видите, хотятъ погубить меня.“ Понванс незадолго передъ тѣмъ умеръ отъ лихорадки. Секелету просилъ насъ о лекарствѣ и медицинской помощи, но мы не очень желали принять дѣло изъ рукъ лекарки, которая его уже пользовала, такъ какъ плохая политика — придавать себѣ видъ, какъ будто мы у кого-нибудь хотимъ отбить значеніе въ его спеціальности; и она, весьма желая продолжать свое леченіе, сказала, что „еще не думаетъ отказаться отъ него, а хотѣла бы попытаться въ продолженіе мѣсяца; если больной до тѣхъ поръ не вылечится, то она отдастъ его бѣлымъ докторамъ.“ Но мы думали покинуть страну ранѣе мѣсяца; поэтому Мамире вмѣстѣ съ другими уговорилъ старую даму отложить ненадолго свое леченіе. Она, какъ условились док-

тора, осталась въ жилищѣ владѣтеля и продолжала получать свое содержаніе.

Мы откровенно сказали Секелету, что его болѣзнь не извѣстна въ нашемъ отечествѣ и считается необыкновенно упорною и трудно излечимою; что мы не вѣримъ въ то, что онъ околдованъ и охотно сдѣлаемъ все, что̀ можемъ, чтобы его вылечить. Здѣсь дѣло шло о безкорыстномъ благодѣяніи; мы не ждали никакой награды, а подвергали себя значительной опасности, однако мы не хотѣли отказаться отъ этого, какъ отъ покупки лошадей. Но такъ какъ при насъ не было теперь никакого лекарства изъ употребляемыхъ обыкновенно при болѣзняхъ кожи, то мы попробовали пользовать снаружи ляписомъ и внутрь іодистоводороднымъ кали; леченье съ такимъ утѣшительнымъ успѣхомъ, что Мамире желалъ, чтобы пацієнтъ все больше и больше вымазывался растворомъ ляписа, обладавшимъ, какъ онъ думалъ, тѣмъ же свойствомъ, какъ и натягивающая пузыри жидкость, которую Озуэлль прежде прикладывалъ къ его собственному колѣну. Силу *той* жидкости считалъ онъ непреоборимой, и желалъ бы имѣть что-нибудь подобное ей, что̀ можно было бы испробовать на Секелету.

Болѣзнь начинается маленькимъ измѣненіемъ цвѣта кожи съ поверхности и сначала захватываетъ только эпидермисъ; пятна разрастаются въ видѣ лишаевъ и нѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ если бы это было дикое мясо; на наружныхъ краяхъ пятенъ являются небольшіе пузырьки, и нагноеніе ихъ образуетъ коросту. Затѣмъ утолщается собственно кожа и поднимается узелками на лбу, носу и ушахъ, и если болѣзнь развивается сильнѣе, то являются гнилыя трещины на ножныхъ и ручныхъ пальцахъ; пальцы, случается, умираютъ и искалѣченный пацієнтъ иногда выздоравливаетъ. Тузэмцы думаютъ, что болѣзнь наслѣдственна и незаразительна; но, между тѣмъ, пока доктора Киркъ и Ливингстонъ занимались описаннымъ случаемъ, на рукахъ ихъ появилось нѣчто весьма сходное съ нею и было вылечено только щедрымъ

употребленіемъ ляписа. Здоровье и настроеніе владѣтеля поправились, когда кожа стала тоньше и исчезло безобразіе съ лица. Старая лекарка, которая, естественно, тоже хотѣла извлечь изъ этого поправленія здоровья что-нибудь въ пользу своего почета, стала тайно подбавлять еще свои лекарства, состоявшія въ томъ, что она соскабливала кожу и посыпала какой-то вяжущей корой въ порошкѣ. Когда она получила отъ Мамире намекъ, что можетъ быть лекарство бѣлыхъ докторовъ не будетъ хорошо дѣйствовать вмѣстѣ съ лекарствомъ черныхъ докторовъ, она перестала лечить.

Это было во время большой нужды и голода, но Секелету гостепріимно угощалъ насъ и при каждомъ визитѣ, который мы ему дѣлали, готовилъ намъ чай. Къ чаю подавали намъ превосходные американскіе сухари и консервы фруктовъ, которые доставлялись Секелету изъ Бенгуэла, гдѣ бы онъ ни былъ. Самые любимые его плоды были тѣ, которые сварены въ собственномъ соку: сливы, яблоки, груши, земляника и персики, видѣнные нами только у португальцевъ и испанцевъ. Это возбудило въ насъ горячее желаніе посадить сѣмена плодовыхъ деревъ, принесенныя нами, и всѣмъ понравилась мысль имѣть въ своей собственной странѣ эти самые плоды.

Мокеле, старшина Сешеке, и сестра Себитуане, Манчуніане, получили приказаніе снабжать насъ жизненными припасами, такъ какъ жены Секелету, на которыхъ собственно лежала эта обязанность, были въ Линіанти. Мы нашли чернаго купца съ западнаго берега и нѣсколькихъ торговцевъ Гриква съ юга, которые, и тотъ и эти, искали слоновьей кости. Въ Сешеке слоновья кость дорога, но въ странѣ батока, отъ столицы Синамане до Кафуэ, она дешевле чѣмъ гдѣ-нибудь. Купецъ изъ Бенгуэла получилъ заказы на товары для поѣздки его на слѣдующій годъ и вызвался привезти чай, кофе и сахаръ по цѣнѣ со ста процентами выгоды. Такъ какъ, вслѣдствіе прежде сдѣланнаго распоряженія, макололо удержали за собой всю слоновью кость въ лежащей на востокъ странѣ батока, скупая ее за заступы, то бенгуэль-

скіе купцы нашли невыгоднымъ идти туда за невольниками. Они увѣряли насъ, что безъ слоновьей кости торгъ невольниками не приноситъ выгоды. Такимъ образомъ, и именно по приказанію Секелету, былъ закрытъ обширный невольничій рынокъ. Это приказаніе нарушалось развѣ только втайнѣ. Мы замѣтили только два или три случая нарушенія его.

Мода господствуетъ въ Сешеке и въ Линіанти точно также деспотически, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Дамы не станутъ носить бусъ, вышедшихъ изъ моды, какъ бы ни были онѣ красивы. Владѣтель — большой любитель лошадей и уложилъ въ лошадиное мясо довольно крупныя суммы; но ему очень не везло, такъ какъ почти всѣ его лошади вскорѣ послѣ покупки падали. Въ послѣдній годъ онъ послалъ въ Бенгуэла караванъ со слоновьей костью, чтобы купить пять лошадей, которыя должны были придти изъ Лиссабона; всѣ пять животныхъ пали въ дорогѣ и опечаленные погонщики принесли пять плачевныхъ хвостовъ и положили ихъ передъ владѣтелемъ. „Въ Биге, на одномъ изъ ночлеговъ, околдовалъ ихъ одинъ природный португалецъ: они видѣли его смотрящимъ лошадей и трогающимъ ихъ, и были увѣрены, что онъ при этомъ заколдовалъ ихъ, потому что онѣ вскорѣ затѣмъ пали“. Общая вѣра въ колдовство, отъ которой мы сами освободились только въ новѣйшее время, представляетъ огромное препятствіе для успѣховъ цивилизаціи. Двѣ лошади, которыхъ докторъ оставилъ въ 1853 году, остались живы, не смотря на суровое обращеніе и непрерывную гоньбу; это, по мнѣнію туземцевъ, произошло потому, что онъ любитъ макололо, а другіе, у которыхъ они покупали лошадей, ненавидятъ ихъ и заколдовываютъ ихъ лошадей. Обращенію выпавшему на долю бѣдныхъ животныхъ, едвали чего недоставало, чтобы сдѣлаться гибельнымъ для нихъ. Веселая толпа молодыхъ людей, тѣлохранителей владѣтеля, устроила страннаго рода лошадиныя скачки. Одинъ садится верхомъ безъ сѣдла, удилъ и узды и скачетъ полнымъ галопомъ съ распростертыми руками. Если онъ, къ великому удовольствію

зрителей, свалится, то слуги перехватываютъ лошадь и отводятъ ее куда-нибудь, а свалившемуся всаднику предоставляютъ возвращаться пѣшкомъ, потирая себѣ бока. На бѣдной лошади ѣздятъ до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не измучится, и каждый изъ тѣлохранителей стремится показать, что онъ можетъ продержаться дольше, чѣмъ другіе. Эта скачка, равно какъ недостатокъ въ кормѣ и уходѣ, скоро стали бы гибельны даже самымъ лучшимъ лошадямъ, какихъ бы они ни получили. Когда докторъ былъ въ Анголѣ и случайно ѣхалъ на лошади одного господина изъ Пунго-Андонго, онъ замѣтилъ своимъ спутникамъ: „Она годилась бы для Секелету“. Изъ-за тысячи слишкомъ миль былъ посланъ караванъ, чтобы купить ее; но она теперь такъ измѣнилась, что ее нельзя уже было узнать. Во время нашего тамъ пребыванія у нихъ не было зернового корма и только немного жалкой, сухой травы.

Воздѣлываемые въ этой странѣ, центрѣ континента, полевые продукты состоятъ изъ мапира или мабеле (Holcus sorghum), лобелебеле или мешвера (Pennisetum), проса, маиса, земляныхъ орѣховъ (Arachis hypogaea), подземныхъ бобовъ (Voandzeia), огурцовъ, дынь, тыквъ, мчаэ или сладкаго тростника (Holcus saccharatum), бататовъ, табака, хлопка и индійской конопли или банга (Cannabis sativa); но пшеницы, риса и ямсоваго корня они никогда не видали. Сахарный тростникъ, бананы и маніокъ растутъ въ долинѣ Бароце. Садовыхъ растеній у нихъ нѣтъ, а также нѣтъ и какихъ-нибудь такихъ плодовъ, какъ манго и померанцы, встрѣчающіеся ближе къ морю и вывезенные въ Африку изъ другихъ странъ.

У водопадовъ сообщили намъ о печальной судьбѣ миссіонеровъ Лондонскаго общества. Нашъ другъ изъ Натала, Бальдвинъ, нашелъ ихъ при источникѣ въ пустынѣ, гдѣ они страдали отъ голода. У нихъ не было ни одной лошади, безъ которой тамъ не легко добыть дичи. Бить носороговъ, приходившихъ ночью къ водѣ, имъ не удавалось. Бальдвинъ былъ

такъ любезенъ, что застрѣлилъ для нихъ пару животныхъ, но опасался, покидая ихъ, что врядъ ли доживутъ они до того времени, когда увидятъ страну макололо. Они, однако, достигли Линіанти, хотя въ томъ истомленномъ состояніи, въ которомъ навѣрно привязывается лихорадка. Страшная засуха этого года совершенно высушила болыпія болота, окружающія селеніе, и лихорадка сдѣлалась злокачественнѣе, чѣмъ обыкновенно. Такъ какъ они знали, по описанію д-ра Ливингстона, о чрезвычайной нездоровости мѣста, то Гельморъ, вскорѣ, повидимому, заслуживший довѣріе народа, сказалъ владѣльцу, что онъ не можетъ оставаться въ этой мѣстности, но желалъ бы уйти далѣе въ болѣе высокую и болѣе здоровую страну на сѣверовостокъ отъ водопадовъ. Секелету сказалъ, что хочетъ взять его съ собою въ Сешеке и посмотрѣть, не лучше ли ему тамъ понравится, чѣмъ въ Линіанти. „Вы также возьмете меня съ собою", сказалъ Гельморъ, „посмотрѣть Мози-оа-туніа", рисунокъ котораго былъ тотчасъ же узнанъ въ „Миссіонерскомъ путешествіи"; но пока они готовились къ путешествію, извощиковъ захватила лихорадка. Жена Гельмора, первая изъ бѣлыхъ, пала жертвою губительной болѣзни. Тогда благочестивый миссіонеръ сказалъ жителямъ, что хотя жена его умерла, однако же онъ не хочетъ ее покинуть, а останется у нихъ и будетъ исполнять свою обязанность. Не смотря на голодъ, усталость и истощеніе, послѣдовавшіе за долгимъ путешествіемъ по пустынѣ, и не смотря на эту тяжкую печаль въ Линіанти, добрый человѣкъ, узнавшій уже мѣстный языкъ, тотчасъ сталъ проповѣдовать евангеліе. Въ Сешеке слышали мы, какъ многіе молодые люди пѣли церковныя пѣсни, которымъ научились у него. Всѣ его любили и благосклонно отзывались о немъ, а о смерти его повсемѣстно сожалѣли. Вѣроятно, что онъ скоро пріобрѣлъ бы сильное и счастливое вліяніе на это племя; но спустя мѣсяцъ его скосила лихорадка. Наши свѣдѣнія заимствованы вполнѣ отъ туземцевъ различныхъ племенъ, составляющихъ теперь народъ макололо. На нихъ вообще

можно полагаться, если они не имѣютъ въ виду какой нибудь собственной выгоды; они не могли сговориться для распространенія какой-нибудь очевидной лжи. Если такимъ образомъ принять ихъ разсказы за истину, то все общество состояло изъ двадцати двухъ особъ, въ томъ числѣ девяти европейцевъ и тринадцати цвѣтныхъ. Изъ нихъ въ неполные три мѣсяца умерли отъ лихорадки пять европейцевъ и четыре туземца. Тогда миссіонеры, спутники Гельмора, оказались въ весьма печальномъ положеніи. Четверо изъ девяти европейцевъ убиты болѣзнью, и его собственная жена захворала такъ, что скоро сдѣлалась пятою жертвою. Онъ только недавно прибылъ въ Африку; его познанія въ мѣстномъ языкѣ естественно были ограниченныя, его вліяніе ничтожно, и у него не было никакой опытности; сообразно съ этимъ онъ рѣшился идти совершенно разумнымъ путемъ — покинуть страну. Жена его умерла прежде чѣмъ онъ достигнулъ здоровой пустыни. Туземные слуги съ юга, никогда не видавшіе въ своемъ отечествѣ лихорадки, думали, что общество было отравлено макололо; но хотя они язычники и не дорого цѣнятъ человѣческую жизнь, все же они не такъ окончательно злы. Копье, а не ядъ ихъ оружіе. Нѣтъ нужды предполагать инаго яда, кромѣ болотнаго воздуха (malaria), такъ какъ и этого болѣе чѣмъ достаточно. Всѣ симптомы этого отравленія мы наблюдали болѣе двадцати разъ, и по описанію тѣхъ, которые остались въ живыхъ, думаемъ, что смерть была вызвана ничѣмъ инымъ, какъ ядовитою африканскою лихорадкою. Мы очень сожалѣли, что, будучи тогда далѣе внизу на той же самой рѣкѣ, мы ничего не знали о томъ, что они находились въ Линіанти, до тѣхъ поръ, когда уже слишкомъ поздно было подать врачебную помощь, въ которой они такъ нуждались. Несомнѣнно нужно внушать, что въ каждой миссіи медикъ долженъ составлять существенную часть ея штаба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Секелету и наши подарки. — Его понятіе объ употребленіи артиллеріи. — Сестра Себитуане описываетъ первое появленіе лихорадки. — Макололо — самое умнѣйшее изъ всѣхъ племенъ, какія мы встрѣчали. — Макололо старой и юной Африки. — Женщины, ихъ наружность и ихъ украшенія. — Слѣдствія многоженства. — Уваженіе распознается по числу женъ. — Кажущаяся, но не дѣйствительная покупка женъ. — Тонкая деликатность дамъ. — Матоквane. — Куреніе и его слѣдствія. — Новое употребленіе ложки. — Сырое масло. — Попрошайки. — Походы владѣтеля. — Макололо, видѣвшіе море. — Правосудіе у макололо. — Права работы. — Обученіе религіи. — Взгляды туземцевъ на бракъ. — Владѣтель и старшины. — Смертная казнь. — Старый воинъ — Древній національный нарядъ макололо. — Домы строятся женщинами. — Игры и времяпровожденіе дѣтей — Довѣріе макололо къ врачеванію. — Д-ръ Ливингстонъ опять посѣщаетъ Линіанти. — Оставленная тамъ въ 1853 г. карета найдена нетронутою вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ ней было. — Прокламація туземцевъ. — Мѣсто погребенія Гельмора и его спутниковъ. — Честность макололо. — Здоровье Секелету поправляется. — Его уваженіе къ д-ру Кирку. — Его предложеніе объ англійскомъ поселеніи на возвышенности батока. — Кража скота не считается преступленіемъ. — Богослуженіе въ Сешеке. — Сомнѣніе туземцевъ относительно возможности воскресенія.

Секелету былъ очень обрадованъ различными предметами, принесенными ему нами, и освѣдомился нельзя ли перевести на суднѣ его сахарную мельницу и прочіе товары, которые мы оставили въ Тетте. Когда онъ услышалъ, что на сильномъ пароходѣ можно было бы пройти по рѣкѣ только до Синамане, но никакъ не черезъ большіе водопады Викторіи, то съ премилой наивностью спросилъ, нельзя ли снести водопады пушкой, такъ чтобы была возможность судну пройти до Сешеке.

Чтобы спасти племя отъ опасности распаденія, которая угрожала ему вслѣдствіе вымиранія настоящихъ макололо, Секлету долженъ былъ тотчасъ уйти на здоровую возвышенность Батока въ окрестности Кафуэ. онъ совершенно это понялъ, и замѣтилъ, что всѣ его люди, за исключеніемъ двухъ, были убѣждены, что если они останутся на низменности, то достаточно будетъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы всѣ настоящіе макололо примерли; они вышли первоначально изъ здороваго юга изъ окрестностей сліянія Ликва и Намагари, гдѣ лихорадка почти не извѣстна, и опустошенія, производимыя ею между ними здѣсь, были такъ же страшны, какъ между европейцами на берегахъ. Сестра Себитуане описала первое появленіе лихорадки въ племени, когда оно поселилось въ долинѣ Бароце по Замбези. На многихъ изъ нихъ напалъ озноб, какъ будто вслѣдствіе чрезмѣрнаго охлажденія; прежде они не видывали ничего подобнаго. Они развели большой огонь и положили передъ нимъ дрожащихъ бѣдныхъ парней; но они могли сколько угодно класть дровъ, а не могли произвести жара на столько, чтобы прогнать холодъ изъ тѣла страдающихъ, и они продолжали дрожать, пока не умирали. Но хотя всѣ предпочитали возвышенность, однако, они боялись идти на нее, потому что могли тогда придти матебеле и похитить у нихъ ихъ возлюбленный скотъ. Этому врагу не могъ противиться Себитуане со всѣми своими ветеранами, и какъ они могли противиться теперь, когда бо́льшая часть храбрыхъ воиновъ умерли? Молодые люди мгновенно бросятъ все и убѣгутъ оттуда, когда увидятъ ужасныхъ матебеле, такъ какъ на столько же боятся ихъ, какъ покоренныя племена боятся макололо. „Но если докторъ и его жена“, говорили владѣтель и его совѣтники, „пойдутъ и будутъ жить у насъ, то мы тотчасъ перейдемъ на возвышенность, такъ какъ Мозелекаце не нападетъ на мѣсто, гдѣ живетъ дочь его друга Моффата.“

Макололо самое умное и самое предпріимчивое изъ племенъ, съ которыми мы сходились. Только храбрые и смѣ-

лые мужчины долго оставались при Себитуане; его строгая дисциплина скоро искореняла робость изъ его войска. Смерть была неизбѣжной судьбой бѣглеца. Если владѣтель замѣчалъ человѣка, убѣгающаго изъ сраженія, то съ изумительной быстротою догонялъ его и убивалъ, или выжидалъ, пока тотъ вернется въ городъ, и потомъ призывалъ дезертира къ себѣ. „Ты не хочешь умереть на полѣ битвы, ты хочешь умереть дома, не правда ли? Твое желаніе должно быть исполнено!“ и того въ ту же минуту отводили на казнь. Настоящее поколѣніе молодыхъ людей въ очень многихъ отношеніяхъ стоитъ ниже своихъ отцовъ. У старыхъ макололо было много мужественныхъ добродѣтелей; на нихъ можно было полагаться и они никогда не воровали, за исключеніемъ того, если могли похитить скотъ въ открытомъ полѣ, что́ они считаютъ почетнымъ дѣломъ. Но трудно сказать то же объ ихъ сыновьяхъ; эти послѣдніе, воспитанные среди покоренныхъ племенъ, усвоили себѣ нѣкоторые пороки, свойственные рабскому и испорченному поколѣнію. Нѣкоторые изъ старыхъ макололо предупреждали насъ ничего изъ нашей собственности не оставлять неспрятаннымъ, такъ какъ черные большіе воры; а иные изъ нашихъ собственныхъ людей совѣтовали намъ быть настороже, такъ какъ и макололо тоже воруютъ. Однимъ молодымъ макололо было украдено нѣсколько ничтожныхъ вещицъ, и когда его за это призвали къ отвѣту, онъ выказалъ въ своемъ оправданіи большое остроуміе, разсказавъ забавную выдуманную исторію. Макололо изстари были сильными работниками и не считали работы чѣмъ-то ниже своего достоинства; но сыновья ихъ никогда не работаютъ, находя работу приличною только для рабовъ изъ машона и макалака. Такъ какъ Себитуане видѣлъ, что соперничествующее племя превосходитъ его собственное, умѣя управлять челнами, то онъ научилъ своихъ воиновъ судоходству, и его собственный сынъ со своими товарищами гребли въ челнѣ владѣтеля. Всѣ блюда, корзины, стулья и челны изготовляются черными

племенами, носящими имена маніети и матлотлора. Домы строятся женщинами и слугами. Женщины макололо стоятъ гораздо выше всѣхъ женщинъ, какихъ мы до сихъ поръ видѣли. Онѣ яркаго свѣтлобураго цвѣта, съ пріятными чертами лица и понимаютъ необыкновенно быстро. Одѣваются онѣ опрятно, носятъ короткую юпочку и плащъ, и на нихъ много украшеній. Сестра Себитуане, самая знатная дама въ Сешеке, носила на каждой ляжкѣ по восемнадцати свѣтлыхъ бронзовыхъ колецъ толщиною въ палецъ, и подъ каждымъ колѣномъ три мѣдныя кольца; на лѣвой рукѣ девятнадцать бронзовыхъ колецъ и на правой восемь изъ бронзы и мѣди, а сверхъ того по одному большому кольцу изъ слоновьей кости надъ каждымъ локтемъ. У ней было на шеѣ прекрасное ожерелье изъ бусъ, и поясъ изъ бусъ же вокругъ таліи. Тяжесть блестящихъ бронзовыхъ на ногахъ колѣнъ мѣшала ей ходить и дѣлала ссадины на лодыжкахъ. Но такъ какъ это было въ модѣ, то она забывала о неудобствѣ и отъ боли спасалась тѣмъ, что подкладывала подъ нижнее кольцо мягкія тряпочки.

Обычай многоженства, хотя онъ предназначенъ увеличивать племя, ведетъ къ уменьшенію его. Зажиточные старые мужчины, имѣющіе много скота, берутъ за себя всѣхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Одинъ отвратительный, но богатый старикъ, который былъ такъ слѣпъ, что слуга долженъ былъ вести его по дорогѣ, имѣлъ двухъ молодыхъ женъ самыхъ красивыхъ изъ горожанокъ; одна изъ нихъ, дочь Мокеле, которая по крайней мѣрѣ полувѣкомъ моложе его, на вопросъ: „любитъ ли она его?“ отвѣчала: „Нѣтъ, я его ненавижу; онъ такой скверный.“ Молодые люди племени, у которыхъ случайно нѣтъ скота, должны оставаться безъ женъ или довольствоваться одною, имѣющею мало личныхъ прелестей. Такое положеніе дѣлъ ведетъ, вѣроятно, къ большой безнравственности, и дѣтей родится мало. Если бы сдѣлать болѣе глубокія изслѣдованія и добиться этого рода свѣдѣній, то можно было бы сказать еще гораздо болѣе; но мы поступали такъ, какъ это

дѣлается между цивилизованными, и воздерживались отъ вопросовъ; все-таки отъ каждой изъ туземныхъ женщинъ, съ которыми мы сходились, получались довольно ясные намеки.

Многоженство, признакъ низкой степени цивилизаціи и источникъ многихъ золъ, обыкновенно, и, что довольно странно, одобряется даже женщинами. Когда онѣ слышатъ, что въ Англіи мужчина можетъ жениться только на одной, многія дамы восклицаютъ, что въ такой странѣ онѣ не могли бы жить; онѣ не могли себѣ представить, какъ англійскія дамы могутъ находить вкусъ въ нашихъ обычаяхъ; ибо, по ихъ образу мыслей, каждый почетный мужчина долженъ имѣть значительное число женъ, какъ доказательство своего благосостоянія. Подобныя мнѣнія господствуютъ по всей Замбези. Сосѣдъ не станетъ уважать человѣка, у котораго нѣтъ нѣсколькихъ женъ. Основаніе этого, безъ сомнѣнія, то, что онъ пользуется доходомъ съ сада каждой жены, и его благосостояніе поэтому пропорціонально числу женъ.

Жены у макалоло не покупаются и не продаются, хотя бракъ походитъ на торговую сдѣлку. Супругъ вручаетъ тестю, пропорціонально своему состоянію, извѣстное число коровъ, не какъ цѣну за невѣсту, а чтобы купить право удержать въ своемъ собственномъ семействѣ дѣтей, которыя у ней будутъ; иначе дѣти принадлежатъ семейству женина отца. Безъ этой уплаты мужчина можетъ имѣть полную власть надъ женою, но не надъ дѣтьми; ибо такъ какъ родители, разставаясь со своей дочерью, жертвуютъ частью семейнаго круга, то супругъ долженъ чѣмъ-нибудь пожертвовать изъ своей собственности, чтобы тѣмъ какъ бы вознаградить эту потерю. Это еще не безусловное отдѣленіе, ибо когда жена умираетъ, супругъ опять даетъ быка, чтобы произвести совершенное отдѣленіе или побудить ея семью „отказаться“. У дамъ изъ макалоло мягкія, маленькія, нѣжныя руки и ноги; лбы ихъ красивы и соразмѣрной величины; носъ не безобразнымъ образомъ сплюснутъ, хотя ноздри широки; ротъ, подбородокъ, зубы, глаза и станъ вообще красивы

и въ противоположность негритянкамъ западнаго берега совершенно женственны. Такъ какъ у нихъ есть служанки, которыя должны имъ прислуживать и исправлять главную часть работъ по домохозяйству, то у нихъ остается весьма много свободнаго времени и онѣ иногда совсѣмъ не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. У нихъ нѣтъ, какъ у ихъ болѣе красивыхъ и болѣе счастливыхъ сестеръ въ Европѣ, ни шитья, ни другаго какого занятія иглою, ни игры на фортепіано для упражненія пальцевъ, ни чтенія для образованія ума; немногимъ приводится ходить за дѣтьми, и время довольно тяжело ложится на ихъ плечи. Мужчины лукавымъ образомъ утверждаютъ, что два ихъ великія времяпрепровожденія или способа убивать время, это — прихлебывать пиво и тайкомъ курить бангъ или индійскую коноплю, извѣстную здѣсь подъ именемъ матокване. Хотя мужчины довольно сильно предаются куренію ея, однако же они неохотно смотрятъ на то, когда женщины слѣдуютъ ихъ примѣру, и многіе изъ „чудовищъ“ запрещаютъ это. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя женщины курятъ тайкомъ, и этотъ обычай производитъ болѣзнь, которая распознается по незначительной сыпи на кожѣ и совершенно неизлечима, если не отказаться отъ куренія. Самъ владѣтель—рабъ этого гибельнаго обычая, и его едва можно было уговорить отказаться отъ него только на короткое время пока онъ находился подъ врачебнымъ надзоромъ. Мы имѣли много случаевъ наблюдать дѣйствія этого куренія матокване на нашихъ людяхъ. Отъ этого куренія они чувствуютъ себя весьма сильными въ тѣлѣ, но на духъ оно производитъ какъ разъ противоположное дѣйствіе. Два наши самые красивые молодые человѣка стали записными курильщиками и отчасти помѣшанными. Странно смотрѣть на сидящую въ кружкѣ группу курильщиковъ матокване; приборъ: тыквенная бутылка чистой воды, затѣмъ расколотый бамбукъ въ пять футовъ длиною, и наконецъ большая трубка съ тыквенною бутылкою или сосудомъ изъ рогъ куду для воды, сквозь которую проходитъ на пути своемъ ко рту дымъ, какъ въ

кальянѣ. Каждый курильщикъ дѣлаетъ нѣсколько затяжекъ, изъ которыхъ послѣдняя необыкновенно длинна, и передаетъ трубку своему сосѣду. Повидимому, онъ глотаетъ дымъ; потому что, борясь съ судорожнымъ движеніемъ грудныхъ и шейныхъ мускуловъ, онъ набираетъ полный ротъ воды, пережидаетъ нѣсколько секундъ, и потомъ воду и дымъ спускаетъ изъ своего рта въ бамбуковый жолобъ. Дымъ производитъ у всѣхъ сильный кашель и у иныхъ родъ безумія, которое вырывается быстрымъ потокомъ безсмысленныхъ словъ или короткими фразами въ родѣ: „зеленая трава растетъ," „жирный скотъ толстѣетъ," „рыба плаваетъ." Никто изъ группы не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на бурную говорливость, ни на внезапно вылетающія умныя или глупыя изреченія, подобныя изреченіямъ оракула, и въ мгновеніе, когда возвращается разсудокъ, всѣ смотрятъ довольно безсмысленно.

Нашъ визитъ въ Сешеке прервалъ однообразіе ихъ ежедневной жизни, и у насъ бывали толпы посѣтителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, особенно во время обѣдовъ, ибо тогда имъ представлялось двойное удовольствіе—видѣть, какъ ѣдятъ бѣлые люди, и поѣсть вмѣстѣ съ ними. Мужчины, когда они за столомъ ѣли супъ или молоко, дѣлали странное употребленіе изъ ложки; они пользовались ею, чтобы переливать кушанье на ладонь лѣвой руки, съ которой потомъ отправляли его въ ротъ. Употребляя хлѣбъ съ масломъ, мы оскорбляли утонченную деликатность дамъ. „Смотри, смотри! они дѣйствительно ѣдятъ *сырое* масло! У! какъ неприлично!" Или хозяйка проникалась состраданіемъ къ намъ и предлагала: „Дайте сюда, я его растоплю, тогда вы можете макать въ него свой хлѣбъ, какъ прилично." Онѣ къ этому чувствовали столько же отвращенія, сколько почувствовали бы мы, если бы увидѣли, какъ какой-нибудь эскимосъ ѣстъ сырой жиръ. По ихъ мнѣнію, масло неприлично ѣсть, прежде чѣмъ оно вскипитъ или растопится. Главное употребленіе, которое они изъ него дѣлаютъ, это — смазывать имъ тѣло; оно дѣлаетъ кожу гладкою и блестящею. Мужчины и женщины сильно

попрошайничаютъ о такихъ вещахъ, какія имъ придутся по нраву, и нисколько не сердятся, если имъ отказываютъ; они, вѣроятно, думаютъ, что просить извинительно; это намъ не вредило и не стоило никакого усилія ихъ бѣглымъ языкамъ. Мамире просилъ коротенькаго чернаго сертука, потому что ему полюбился его цвѣтъ! Когда ему сказали, что онъ можетъ получить его за чистенькую новую повозку изъ шкуръ молодыхъ лечве,— онъ засмѣялся и пересталъ просить. Шутка обыкновенно полагаетъ конецъ попрошайничеству.

Владѣтель получаетъ спину и ребра отъ каждаго убитаго его народомъ быка, а отъ бароце, маніети, матлотлора и другихъ покоренныхъ племенъ дань зерновымъ хлѣбомъ, пивомъ, медомъ, дикими плодами, заступами, веслами и челнами. Главный доходъ, однако, составляетъ слоновья кость. Вся слоновья кость страны принадлежитъ владѣтелю, и бивни каждаго убитаго слона отдаются въ его распоряженіе. Этотъ охотничій законъ на первый взглядъ кажется строже, чѣмъ законъ португальцевъ и пограничныхъ съ ними племенъ, по которому только одинъ бивень принадлежитъ правительству, а другой охотникъ оставляетъ себѣ. Но здѣсь надѣются, что владѣтель великодушенъ и какъ отецъ съ дѣтьми подѣлится барышемъ отъ слоновьей кости со своимъ народомъ. Они говорятъ: „Дѣтямъ нуженъ надзоръ ихъ отцевъ, чтобы не обманули ихъ чужеземцы.“ Это миритъ ихъ съ закономъ. Такимъ образомъ высшіе классы получаютъ львиную часть изъ добычи охоты на слоновъ, не подвергаясь особымъ трудамъ и опасности; покоренныя племена получаютъ мясо, составляющее все, что́ у нихъ бывало когда–нибудь, и, повидимому, ни одно даже и мысли не имѣетъ объ измѣненіи постояннаго обычая. Однако, наши собственные люди часто разсуждали во время путешествія о правахъ труда и, такъ какъ мы имъ постоянно платили за трудъ, получили нѣкоторыя новыя понятія, довольно рѣзко противорѣчившія этому старому закону. Они считали несправедливымъ, что ихъ принуждали отдавать владѣтелю оба бивня; какъ ни дурны пор-

тугальцы, они все же такъ сильно не угнетаютъ; они оставляютъ охотнику одинъ изъ бивней; законъ Секелету несправедливъ; они желали бы, чтобы онъ его отмѣнилъ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, благопріятенъ для слоновъ, хотя это и не имѣлось сознательно въ виду. Пицане застрѣлилъ нѣсколькихъ на обратномъ пути своемъ изъ Ангола и потомъ совершенно бросилъ охоту.

Также и Мозелекаце имѣетъ претензію на всю слоновью кость своей страны и никогда не позволяетъ чужеземцамъ охотиться за слонами. Одинъ господинъ изъ Натала, не знавшій объ этомъ запрещеніи, вознамѣрился стрѣлять слоновъ, но скоро былъ задержанъ и представленъ владѣтелю. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ его держали подъ надзоромъ и ему позволено было охотиться сколько ему угодно, за буйволами, жирафами, носорогами и антилопами; но въ ту минуту, какъ онъ начиналъ выслѣживать слона, проводники его или надсмотрщики поворачивали голову его лошади по противоположному направленію.

Макололо Сероке, незадолго передъ тѣмъ воротившійся изъ Бенгуэлы съ хвостами бѣдныхъ околдованныхъ лошадей, посѣтилъ насъ вскорѣ послѣ нашего прибытія съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Они нашли, что все разсказанное имъ докторомъ о землѣ, окруженной океаномъ, было истинно. Они видѣли море и чудеса морскихъ береговъ и кораблей точно такъ, какъ сказано было въ *книгѣ:* только путешественники кое-что знаютъ, а тѣ, которые не знаютъ *книги* и сидятъ дома, настоящіе ребята по своимъ свѣдѣніямъ. Купцы въ Бенгуэлѣ обращались съ ними дружелюбно и, чтобы поддержать торговлю съ макололо, дали каждому богатый подарокъ платьемъ. Передъ визитомъ къ намъ они надѣли на себя всѣ эти новыя одежды и были навѣрно лучше одѣты, чѣмъ мы сами. На нихъ были хорошо вымытыя и накрахмаленныя рубашки, и широкія штаны, бѣлые носки и сапоги изъ патентованной кожи, на головѣ красная ермолка и на ней темная шляпа съ широкими полями. Они

долго бесѣдовали съ нашими людьми о чудесныхъ вещахъ, видѣнныхъ ими, и всѣ были согласны въ томъ, что макололо, не оставлявшіе домовъ своихъ, были настоящей дичью или полевыми животными. Но ихъ болѣе богатые сосѣди, на которыхъ они намекали словомъ „пологоло“ или „дичь,“ совсѣмъ не хотѣли признавать, что путешественники знаютъ больше ихъ. „Они видѣли море,“ говорили тѣ, „но что же въ немъ? Ничего больше, какъ вода. Воду могли они вполнѣ видѣть дома, — даже болѣе, чѣмъ нужно было видѣть; а бѣлые люди приходятъ въ ихъ города, — зачѣмъ же имъ путешествовать на берега, чтобы посмотрѣть на нихъ?“

Взятое вообще, правосудіе между макололо наблюдается довольно хорошо. Одинъ старшина взялъ у одного изъ своихъ людей, бывшаго съ нами, нѣсколько бусъ и шерстяное одѣяло. Эти вещи принесены были къ владѣтелю, и онъ тотчасъ приказалъ возвратить вещи и сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы ни одинъ старшина не смѣлъ брать собственности возвратившихся людей. По теоріи, всѣ принесенныя ими вещи принадлежатъ владѣтелю; люди сложили ихъ къ его ногамъ и предлагали ему все по предписанной формѣ. Онъ разсмотрѣлъ вещи и сказалъ людямъ, что они должны ихъ оставить у себя. Это почти всегда такъ дѣлается. Однако, Туба Мокоро, боявшійся, чтобы Секелету не разохотился на лучшія изъ его вещей, показалъ только нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ и наименѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній. У Мазаказа почти нечего было показать; онъ въ одномъ селеніи по дорогѣ сдѣлалъ преступленіе противъ туземнаго закона и предпочелъ лучше выплатить тяжкій штрафъ, чѣмъ доводить дѣло до ушей доктора. Каждый посланецъ имѣлъ право на часть вещей, которыя были у него въ связкѣ, хотя бы онѣ были куплены на слоновью кость владѣтеля, и они никогда не замѣшкивались предъявлять свои права; но нельзя было отъ владѣтеля добиться никакой награды за принось, если онъ не удовлетворялъ по первому спросу.

Наши люди, привыкшіе къ нашему обращенію, думали, что англійская система платить человѣку за его трудъ была единственно справедливая, и иные говорили даже, что подъ управленіемъ, при которомъ жизнь и трудъ въ безопасности и въ цѣнѣ, живется лучше, чѣмъ здѣсь. Пока они были при насъ, во время богослуженія они всегда держали себя прилично и не только сами наблюдали благопристойность, но настаивали, чтобы то же самое дѣлали и другіе туземцы, которые иногда присутствовали. Когда, по одному случаю, Мошоботване, владѣтель батока, пришелъ съ значительнымъ числомъ своихъ людей, они, въ молчаніи, внимали чтенію библіи на языкѣ макололо; но какъ скоро всѣ пали на колѣни, чтобы молиться, они начали проворно бить въ ладоши, — ихъ способъ испрашиванія милости. Наши разгнѣванные макололо тотчасъ заставили смолкнуть ихъ шумный аккомпаниментъ, и съ большимъ презрѣніемъ смотрѣли на эту выходку невѣжества. Почти всѣ наши люди выучили наизусть „Отче нашъ“ и апостольское исповѣданіе вѣры на своемъ родномъ языкѣ и не мало гордились тѣмъ, что могли это сдѣлать, а вернувшись въ отечество, охотно произносили ихъ передъ толпою дивящихся друзей. Понятія ихъ о справедливости и несправедливости ни въ какомъ отношеніи не отклонялись отъ нашихъ, за исключеніемъ того, что они, какъ сами открыто признавались, не могли понять, почему мужчинѣ не пристойно имѣть болѣе одной жены. Годъ или два назадъ нѣкоторыя изъ женъ тѣхъ, которые были съ нами въ отсутствіи, просили владѣтеля о дозволеніи снова выйти замужъ. Онѣ думали, что нѣтъ надобности ждать еще дольше, что мужья ихъ умерли. Но Секелету отказалъ имъ въ просьбѣ; онъ самъ поставилъ на пари значительное число быковъ, что докторъ вернется съ ихъ супругами, а отсутствующимъ мужьямъ онъ обѣщалъ, что жены ихъ будутъ для нихъ соблюдены. Нетерпѣливыя супруги должны были, поэтому, подождать еще немного. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, бѣжали съ другими мужьями. Жена Мантланіане, напримѣръ, бѣжала, по-

кинувъ своего маленькаго ребенка на чужихъ людей. Мантланіане были очень разгнѣваны, когда услыхали объ этомъ, не изъ-за того, чтобы онъ особенно кручинился о томъ, что жена его покинула, — потому что въ Тетте у него были еще двѣ другія жены, — а изъ-за того сердился онъ, что она покинула его ребенка.

Когда мы были въ Сешеке, крокодилъ умертвилъ быка; одинъ человѣкъ нашелъ плывущее по рѣкѣ животное и присвоилъ себѣ его мясо. Услышавъ объ этомъ, собственникъ позвалъ виновнаго къ владѣтелю, такъ какъ хотѣлъ на него жаловаться. Прежде чѣмъ идти туда, виновный предпочелъ покончить дѣло примиреніемъ, отдавъ одного изъ своихъ собственныхъ быковъ вмѣсто потерянаго. Старшина изъ окрестностей Линіанти пришелъ съ жалобою, что, вслѣдствіе голода, всѣ его люди разбѣжались. Секелету сказалъ: „Не слѣдуетъ васъ оставлять одного голодать, нѣкоторые изъ нихъ должны къ вамъ воротиться.“ Поэтому старшина получилъ приказъ принудить разбѣжавшихся къ возвращенію, если онъ въ силахъ это выполнить. Семейства часто покидаютъ своихъ собственныхъ старшинъ и уходятъ въ какое-нибудь другое селеніе, а иногда почью подымается все селеніе и оставляетъ тамъ одного старшину. Секелету рѣдко нарушаетъ свободу подданныхъ выбирать себѣ старшину, и такъ какъ послѣдній часто самъ виною того, что обитатели разбѣгаются, то для него достаточно и того наказанія, что онъ остается одинъ. Открытое нарушеніе приказаній владѣльца наказывается смертью. Одному изъ мошубіа приказано было нарѣзать камыша для владѣтеля. Вмѣсто того, онъ ушелъ и два дня скрывался. Поэтому его приговорили къ смерти, вывезли въ челнѣ на середину рѣки, задавили и бросили въ рѣку. Зрители бранили исполнителей приговора и кричали имъ, что и они скоро будутъ вывезены и задушены. Когда кого-нибудь посылаютъ тѣлесно наказать преступника, то посланный иногда объявляетъ преступнику цѣль своего прихода, возвращается и увѣряетъ владѣтеля, что онъ избилъ преступника до полусмерти. Преступникъ

потомъ нѣкоторое время не показывается, и дѣло позабывается. Рѣка кишитъ здѣсь огромными крокодилами, и эти пресмыкающіяся часто уносятъ женщинъ, когда онѣ черпаютъ воду.

Мы встрѣтили почтеннаго воина, вѣроятно единственнаго, оставшагося еще въ живыхъ отъ войска Мантатее, которое въ 1824 г. грозило напасть на колонію. Онъ еще живо помнилъ свою встрѣчу съ Гриквасъ и разсказывалъ такъ: „Пока мы разсматривали людей и лошадей, раздались выстрѣлы и нѣсколько изъ насъ покатились мертвыми! Никогда въ свою жизнь не видалъ я ничего подобнаго: мозгъ человѣка лежалъ на одномъ мѣстѣ, а тѣло его на другомъ!“ Они не могли понять, что̀ имъ приносило смерть, пуля пропизала щитъ одного человѣка съ краю, выбила его руку въ плечѣ изъ состава и, оставивъ на щитѣ слѣдъ, или, какъ онъ выразился, ожогъ, убила другаго человѣка, стоявшаго какъ разъ возлѣ. Мы видѣли этого человѣка все еще съ вывихнутымъ плечомъ. Себитуане присутствовалъ при сраженіи и впослѣдствіи всегда имѣлъ высокое мнѣніе о силѣ бѣлыхъ людей.

Прежній національный нарядъ макололо состоялъ изъ шкуры ягненка, козленка, шакала, оцелота или другаго небольшаго животнаго, которую носили вокругъ чреслъ и ниже, а при холодной погодѣ набрасывался на плечи каросс или мѣховой плащъ. Каросс теперь оставленъ, и молодые модники носятъ забавную куртку и шкуру вокругъ бедръ, но ни штановъ, ни жилета, ни рубашки. Племена по рѣкѣ и по озеру весьма чистоплотны: они купаются по нѣскольку разъ въ день. Женщины изъ макололо тратятъ воду довольно бережливо; взамѣнъ того, онѣ натираются растопленнымъ масломъ. Это уничтожаетъ паразитовъ, но придаетъ ихъ одеждамъ прогорклый запахъ. Одна ступень цивилизаціи часто, по необходимости, ведетъ на другую: обладаніе платьемъ раждаетъ потребность въ мылѣ; дайте человѣку иглу, и онъ тотчасъ явится къ вамъ за ниткой.

Такъ какъ теперь, ради болѣзни владѣтеля, было время траура, то мужчины не заботились о своихъ личностяхъ;

они не подстригали своихъ волосъ, не затѣвали веселыхъ плясокъ, не носили копьевъ и щитовъ, когда выходили изъ дома. Въ то время, какъ мы были въ городѣ, жена Пицане занималась постройкой большой хижины. Она сообщила намъ, что постройку домовъ мужчины совершенно предоставляютъ женщинамъ и служителямъ. Изъ свай и камыша воздвигается круглая башня, высотою отъ девяти до десяти футовъ, и обмазывается известкой; потомъ дѣлается полъ изъ рыхлаго туфа или изъ матеріяла муравьиныхъ кучъ и коровьяго помета. Этотъ полъ не даетъ возможности развестись въ щеляхъ или въ почвѣ ядовитымъ насѣкомымъ, которыхъ называютъ тампанъ, и укушеніе которыхъ у иныхъ производитъ лихорадку и у всѣхъ болѣзненные волдыри. Кровля, діаметръ которой гораздо больше діаметра башни, изготовляется на землѣ и потомъ поднимается при пособіи множества народа, устанавливается на башню и покрывается соломой. Затѣмъ устроивается оштукатуренная изгородь изъ камыша до соединенія ея съ наружной частью кровли, которая только слегка выдается далѣе этой изгороди, а между изгородью и башнею остается пространство шириною въ три фута. Мы спали въ этомъ промежуточномъ пространствѣ, а не въ башнѣ, такъ какъ внутренняя дверь хижины, занимаемой нами, была въ высшей степени неудобно мала: она была высотою только въ девятнадцать дюймовъ и у пола шириною въ двадцать два дюйма; на футъ отъ полу была она шириною въ семнадцать дюймовъ, а въ самомъ верху только въ двѣнадцать дюймовъ. Поэтому пролѣзать въ нее было трудною задачею. Ни свѣтъ, ни свѣжій воздухъ не имѣли другаго прохода въ башню, кромѣ этой маленькой двери. Въ объясненіе того, зачѣмъ у нихъ такія маленькія двери, одна дама привела причину, — чтобъ мыши не пробирались!

У дѣтей веселье было особенно въ прохладные вечера. Одна изъ ихъ игръ состоитъ въ томъ, что маленькую дѣвочку носятъ двѣ другія на плечахъ. Пока онѣ съ ней обходятъ вокругъ, она сидитъ съ распростертыми руками, а всѣ

прочія хлопаютъ въ ладоши. Передъ каждой хижиной онѣ останавливаются и поютъ пріятныя пѣсни, при чемъ нѣкоторыя выбиваютъ тактъ на своихъ маленькихъ передничкахъ изъ коровьей шкуры, другія между куплетами издаютъ странное жужжанье. Кромѣ этой игры и скаканья черезъ веревочку, времяпрепровожденіе дѣвочекъ состоитъ въ подражаніи серіознымъ работамъ ихъ матерей: онѣ строятъ маленькія хижины, изготовляютъ маленькіе кувшины, толкутъ зерна въ маленькихъ ступочкахъ или вскапываютъ и полютъ крохотные садочки. Мальчики играютъ копьями изъ камыша, съ насаженными на нихъ деревянными остріями, и маленькими щитами, или лукомъ и стрѣлами, или проводятъ время въ томъ, что строятъ маленькіе скотные дворы или лѣпятъ изъ глины фигуры скота; они выказываютъ много остроты въ подражаніи разнымъ формамъ роговъ животныхъ. Иные, какъ говорятъ, занимаются и силками; но какъ скоро они въ состояніи стеречь козъ или телятъ, ихъ отсылаютъ въ поле. Мы видѣли много мальчиковъ, ѣздившихъ на телятахъ, бывшихъ подъ ихъ надзоромъ; но это нѣчто новое и явилось только съ тѣхъ поръ, какъ пришли сюда англичане со своими лошадьми. Когда Целане, одна изъ дамъ, замѣтила, что д-ръ Ливингстонъ отмѣчаетъ наблюденія, сдѣланныя съ мокрымъ и сухимъ шарикомъ термометра, она подумала, что и онъ занятъ игрушками; ибо когда она не получила никакого отвѣта, на свой вопросъ, на который трудно было отвѣчать, такъ какъ въ языкѣ туземцевъ нѣтъ никакихъ научныхъ выраженій, то она съ лукавой веселостью сказала: „Пустое дѣло, ты играешь, какъ малый ребенокъ!“

Макололо, какъ и другіе африканцы, питаютъ большую вѣру въ силу лекарства. Они вѣрятъ, что есть особое лекарство для каждой болѣзни, которой подвержено тѣло. Мамире страстно желалъ имѣть дѣтей; у него было шесть женъ и только одинъ ребенокъ, и онъ серіозно просилъ „дѣтскаго лекарства“. Мать Секелету пришла изъ долины Бароце по-

сѣтитъ своего сына. Она полагала, что похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ д-ръ Ливингстонъ былъ здѣсь въ предшествовавшій разъ, и просила „ожиряющаго лекарства“. Макололо считаютъ полноту въ женщинѣ существенной частью красоты; но чрезмѣрная сѣверная толстота, упоминаемая капитаномъ Спэкомъ, считалась бы здѣсь отвратительной, ибо мы слышали, какъ мужчины назвали „до отвратительности жирной“ одну даму, о которой мы сказали, что она „имѣетъ наклонность потолстѣть“.

Передъ нашимъ прибытіемъ доставлены изъ Курумана въ Линіанти два пакета, содержавшіе письма и газеты, и Секелету, незнавшій, когда мы придемъ, оставилъ ихъ тамъ; но теперь онъ тотчасъ послалъ вѣстника, чтобы доставить ихъ. Этотъ человѣкъ вернулся на седьмой день, сдѣлавши 240 географическихъ миль. Одинъ изъ пакетовъ былъ слишкомъ тяжелъ для него, и онъ его не принесъ. Такъ какъ докторъ желалъ имѣть еще нѣкоторыя лекарства и бумаги изъ кареты, которую онъ, въ 1853 г., оставилъ въ Линіанти, то и рѣшился отправиться самъ. Владѣтель далъ ему свою собственную лошадь, которой теперь было лѣтъ двѣнадцать, и нѣсколькихъ человѣкъ. Въ своей каретѣ онъ нашелъ все въ томъ же самомъ видѣ, какъ оставилъ за семь лѣтъ передъ симъ. Старшины Мозале и Пеконіане приняли его радушно и сожалѣли, что такъ мало могли предложить ему. „О, приди онъ только годомъ раньше, когда вдоволь было и молока, и хлѣба, и пива!“

На слѣдующее утро очень рано старый городской глашатай Ма-Пуленіане, по собственному желанію, сдѣлалъ общественное заявленіе. Въ совершенной тишинѣ вдоль по городу прозвучало передъ разсвѣтомъ: „Я видѣлъ сонъ! я видѣлъ сонъ! я видѣлъ сонъ! Ты, Мозале, и ты, Пеконіане, господа мои, не унывайте и не скорбите духомъ, но вѣрьте всякому слову монаре (доктора), ибо сердце его бѣло какъ молоко въ отношеніи къ макололо. Мнѣ снилось, что онъ пришелъ, и что племя будетъ жить, если вы будете молиться

Богу и внимать словамъ монаре.“ Ма-Шуленіане показалъ д-ру Ливингстону мѣсто погребенія, на которомъ положены были бѣдный Гельморъ и семеро другихъ; онъ различалъ тѣхъ, которыхъ уложилъ на покой онъ, и тѣхъ, которымъ эту послѣднюю услугу оказалъ Мафале. Мѣсто почти ничѣмъ не отличалось и, по понятіямъ туземцевъ о погребеніи мертвыхъ, говорили: „Оно скоро совсѣмъ зарастетъ кустами, потому что никто его не обрабатываетъ.“ Никто, кромѣ Ма-Шуленіане, не приближался къ этому мѣсту; другіе стояли въ почтительномъ отдаленіи; они постоянно избѣгаютъ всего, что́ стоитъ въ связи со смертью, и никогда между макололо ничего небыло извѣстно о томъ, какъ брать части человѣческаго трупа для приготовленія изъ нихъ волшебныхъ средствъ, какъ это водится далѣе къ сѣверу.

Когда за восемь лѣтъ передъ тѣмъ была оставлена здѣсь карета, нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ, какъ-то: ящикъ съ лекарствами, волшебный фонарь, инструменты и книги, Секелету передалъ ихъ на сохраненіе своимъ женамъ. Теперь все найдено было нетронутымъ. Карета была въ достаточно хорошемъ состояніи, чтобы докторъ могъ въ ней проспать, хотя покрышка отчасти отгнила и, когда владѣтель былъ въ долинѣ Бароце, бѣлые муравьи разрушили одно изъ колесъ. Жены Секелету — Сенпоне и Манту — сварили, хотя ихъ не просили объ этомъ, большое количество хорошей говядины и напекли богатый запасъ маленькихъ печеній по образцамъ, принесеннымъ макололо, ходившими въ Лоанда. Вмѣстѣ съ нѣжными упреками, что мы не взяли съ собой Ма-Робертъ или жены Ливингстона, онѣ повторяли кое-что изъ болтовни объ ся дѣтяхъ въ Сечуана и сказали: „Неужели мы никогда не узнаемъ о нихъ ничего, кромѣ ихъ именъ?“ Эти мелочи воспоминаются съ чувствомъ благодарности за щедрую и постоянную дружбу, выпадавшую на долю доктора при многочисленныхъ случаяхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но не слѣдуетъ воображать, что тотчасъ же дарятъ начинателя тѣмъ довѣріемъ, которое внушаетъ эти выраженія.

дружбы. Никогда не нужно забывать, что вліянія между язычниками можно достигнуть только терпѣливой настойчивостью въ добрѣ, и что добрые нравы между варварами такъ же необходимы, какъ между цивилизованными.

Между предметами, сданными для бо́льшей сохранности на руки женъ Секелету, были двѣ связки рукописныхъ замѣтокъ, о которыхъ д-ръ Ливингстонъ, когда онъ изъ внутренней Африки отправился въ 1853 г. на западный берегъ, изъявилъ желаніе, чтобы онѣ были пересланы къ его семейству, въ случаѣ, если онъ совсѣмъ не вернется изъ этого опаснаго путешествія. При нихъ было оставлено письмо, адресованное къ любому англійскому путешественнику или купцу, и заявлявшее желаніе, чтобы эти связки, если можно, былы бы вручены г. Моффату. Въ одной были замѣтки объ открытіи озера Нгами и о пустынѣ Калагари, въ другой замѣтки по естественной исторіи ихъ. Макололо, сохранившіе всю прочую собственность самымъ аккуратнымъ образомъ, объяснили, что книги передали они одному изъ двухъ путешественниковъ, которые одни только посѣтили ихъ. Когда имъ было сообщено теперь, что спрошенное лицо отказалось отъ полученія ихъ, Сепоне, одна изъ женъ Секелету, сказала: „Лжетъ онъ, я сама ему ихъ отдала.“ Совѣсть, повидимому, взяла свое, ибо, когда, купецъ пришелъ въ страну Мозелекатсе, то одна изъ связокъ была имъ всунута въ шедшую съ юга почтовую сумку, застежка которой, когда мы ее получили, была очень искусно снята.

Взявши запасъ лекарствъ, находившихся всего въ ста ярдахъ отъ мѣста, гдѣ безпомощно погибли миссіонеры, докторъ отправился въ обратный путь въ Сешеке. Путешествіе заняло по три дня въ тотъ и въ другой конецъ. Дорога шла областью, страдавшею отъ цеце; чтобы сберечь лошадь отъ ихъ укушеній, мы совершали переходы ночью. Общество путешественниковъ спало на различныхъ скотныхъ дворахъ макололо. На одномъ изъ нихъ левъ былъ умерщвленъ змѣею. Мы часто слыхали, что животныя умерщвляются такимъ

образомъ; но въ продолженіе двадцати-двухъ-лѣтняго пребыванія въ странѣ, д-ръ Ливингстонъ зналъ только одинъ случай, при которомъ укушеніе змѣи было смертельно для человѣка. Въ Индіи ипекакуана, смѣшанная съ аммоніакомъ и втертая въ рану, очень цѣнится какъ спасительное средство. Ключъ, нажимаемый нѣсколько времени на отверстіе, вытягиваетъ ядъ, а если нѣтъ подъ рукою ипекакуаны, то дѣлается то же самое небольшимъ количествомъ пороха, который сжигается на этомъ мѣстѣ. На равнинахъ видны весьма большія стада куалата и много черныхъ козловъ, хотя они обыкновенно держатся на холмахъ *).

Здоровье Секелету значительно поправилось со времени нашего посѣщенія; меланхолическія предчувствія оставили его душу, и онъ повеселѣлъ, но рѣшительно отказался покинуть свое убѣжище и показаться въ публикѣ, пока не выздоровѣетъ совсѣмъ и не достигнетъ опять того, что̀ онъ считалъ своей хорошей наружностью. Онъ боялся также, что нѣкоторые изъ околдовавшихъ его первоначально, еще и теперь могли быть между народомъ и сдѣлать наши лекарства недѣйствительными **).

---

*) Самка куалата (Aigoceros equina), застрѣленная здѣсь, имѣла:

	футы.	дюймы.
у загривка.	4	8
полную длину.	6	3
длина рога.	2	2
полобхвата на груди	2	8

Эти измѣренія могутъ быть интересны для тѣхъ, кто занимается акклиматизаціей животныхъ. Самцы въ Англіи малы. Одинъ, измѣренный нами въ 1849 году въ Африкѣ, былъ у загривка шести фут. и четырехъ дюймовъ, и, повидимому, былъ животнымъ обыкновенной величины. Его способность жирѣть и количество жидкости, находимой въ его желудкѣ въ самое сухое время года, совершенно необыкновенны. Онъ ѣстъ главнымъ образомъ древесные листья.

**) Съ сожалѣніемъ узнали мы въ 1864 г., изъ письма г. Моффата, что бѣдный Секелету умеръ. Какъ мы далѣе упоминаемъ, съ нами были посланы люди, которые должны были принести еще лекарства. Они предпочли остаться на Шире, и такъ какъ они были свободные люди, то мы не могли ничего болѣе сдѣлать, какъ попытаться уговорить ихъ поспѣшить назадъ къ ихъ

Такъ какъ мы ждали другаго парохода, который долженъ былъ придти въ ноябрѣ на Конгоне, то намъ невозможно было оставаться въ Сешеке долѣе мѣсяца. Передъ нашимъ отправленіемъ владѣтель и самые знатные его мужи формальнымъ образомъ выразили большое желаніе имѣть въ странѣ англичанъ, которые поселились бы на возвышенности Батока. Однажды онъ предложилъ идти въ Фори и выбрать тамъ мѣсто для резиденціи; но такъ какъ послѣ онъ нашелъ основаніе остаться тамъ, гдѣ былъ, пока не поправится совсѣмъ, то далъ тѣмъ, которыхъ послалъ съ нами, приказаніе, въ случаѣ, если мы на обратномъ пути нашемъ достигнемъ находящихся въ окрестностяхъ Тетте быстринъ, не отправлять насъ въ Сешеке, а послать къ нему вѣстника; тогда онъ придетъ къ намъ со всѣмъ племенемъ. Такъ какъ д-ръ Киркъ былъ однихъ съ нимъ лѣтъ, то Секелету особенно старательно настаивалъ на томъ, чтобы онъ пришелъ и поселился съ нимъ. Онъ говорилъ, что отрѣжетъ часть земли въ особое пользованіе для англичанъ; а когда ему замѣтили, что его потомки, по всей вѣроятности, произведутъ смятеніе въ его странѣ, онъ отвѣчалъ: „Это будетъ только внутренняя вражда и безъ всякаго значенія.“ Стоитъ только посмотрѣть на большія пространства невоздѣланной земли на прохладной и теперь незаселенной возвышенности, чтобы убѣдиться, какъ много тамъ простора достаточнаго для безконечно бо́льшаго населенія, чѣмъ какое можетъ быть собрано тамъ въ настоящее время.

владѣтелю съ іодомъ и другими лекарствами. Они взяли этотъ пакетъ; но такъ какъ между ними были только два настоящіе макалоло, то эти двое не могли ни сами вернуться, ни принудить своихъ спутниковъ покинуть страну, гдѣ они были независимы и легко могли прокормиться. Секелету, однако, жилъ еще достаточно долго для того, чтобы получить товары цѣною на 50 фунтовъ стерлинговъ и поблагодарить за полученное; эти товары были посланы черезъ Роберта Моффата младшаго, теперь уже умершаго, взамѣнъ оставшихся въ Тетте.

Земледѣльческія племена миролюбивѣе пастушескихъ. Макололо народъ столь же пастушескій, сколько и земледѣльческій, и ихъ любовь къ угону скота часто заводитъ ихъ на далекія разстонія. Это хищничество, если оно санкціонировано владѣтелемъ, не считается безчестнымъ и недостойнымъ: ибо когда ихъ обвиняютъ въ *кражѣ* скота, они смѣются и утверждаютъ, что они его только *угнали*. Какъ въ племенахъ обитающихъ ближе къ берегу, торгъ невольниками составляетъ колоссальное зло, съ которымъ слѣдуетъ бороться, если хотятъ сдѣлать какое-нибудь добро, такъ здѣсь часто необходимо возставать, хотя и снисходительно, противъ зла хищничества. Карету съ именемъ г. Гельмора присвоилъ себѣ владѣтель; было выражено сомнѣніе, имѣло ли лицо, отдавшее ему карету, право распоряжаться собственностью осиротѣвшимъ дѣтей, и Секелету объявлено было, что если г. Моффатъ, въ отвѣтъ на письмо, скажетъ, что это сомнѣніе имѣетъ вѣсъ, то карета должна быть оплачена слоновьей костью. Владѣтель тотчасъ согласился съ этимъ, и если бы кому-нибудь, съ такимъ умомъ, опытностью и плѣнительнымъ характеромъ, какъ г. Моффатъ, возможно было посѣтить макололо, то онъ нашелъ бы, что они легко склоняются къ справедливости и вовсе не такіе безразсудные дикари, какими ихъ рисуютъ. При всѣхъ порокахъ, въ нихъ, неоспоримо, есть много добросердечія, и болѣе желательнаго поля для дѣятельнаго и чувствительнаго миссіонера мы не знаемъ.

При нашихъ попыткахъ быть полезными туземцамъ, мы часто выставляли на видъ, что необходимымъ слѣдствіемъ ихъ противозаконныхъ набѣговъ, каковъ, напр., тотъ который они за годъ до того сдѣлали на одно племя дамара, живущее на западъ, будетъ то, что они въ свое отечество внесутъ беззаконіе. Мысль, что дѣйствіе падетъ обратно на нихъ самихъ, имъ не понравилась; такъ же они неохотно признавали, что тѣ, которые проливали кровь другихъ племенъ и потомъ возвращались, чтобы дома губить другъ

возвращались, чтобы дома губить другъ друга по обвиненіямъ въ колдовствѣ, одни только и были настоящими колдунами,— что убіеніе дѣтей того же самаго Великаго Отца изъ-за скота, который не принадлежитъ имъ, дѣлаетъ ихъ достойными наказанія въ *Его* глазахъ,—что тѣ, которые нарушаютъ спокойствіе другихъ, не могутъ надѣяться на миръ въ средѣ своей отъ Высшаго Промыслителя. Все это, повидимому, разумно и истинно: они объ этомъ не спорятъ. „Имъ необходима Божья книга. Но сердца черныхъ людей не таковы, какъ сердца бѣлыхъ. Между ними есть настоящіе колдуны. Если грѣхъ то, что допускается обычаемъ, то вина лежитъ на бѣломъ человѣкѣ, который не далъ имъ книги.“ Никогда и ни одинъ не пытался оправдывать пролитія человѣческой крови; но въ отношеніи къ „угону скота“ нѣкоторые говорили: „Зачѣмъ этимъ макалака“ — презрительное выраженіе для всѣхъ болѣе черныхъ племенъ — „владѣть скотомъ, когда они не могутъ за него бороться?“ Ма-Секелету утверждала, что Мозелекатсе сдѣлалъ макололо жадными или завистливыми (pelutsetla). Онъ забралъ ихъ скотъ, и, вслѣдствіе этого, голодъ сдѣлалъ ихъ жадными къ быкамъ другихъ племенъ. Такъ какъ она была матерью владѣтеля, то мы могли представить себѣ, что за воспитаніе его было съ материнской стороны! Не смотря на то, они часто стараются установить миръ въ средѣ своей: однажды двое мужчинъ бранили и проклинали другъ друга; тогда Моикеле, одинъ изъ макололо, всталъ и, во избѣжаніе бѣды, взялъ спокойно ихъ копья изъ угла, въ которомъ они стояли, помѣстился возлѣ д-ра Ливингстона и замѣтилъ: „Природѣ быковъ свойственно бодать другъ друга.“ Это, вѣроятно, мысль, лежащая въ основѣ сильнаго тѣломъ язычества.

Когда мы въ послѣдній разъ совершали богослуженіе въ Сешеке, мужчины были приглашены побесѣдовать о предметахъ, съ которыми мы къ нимъ обратимся. Съ того времени, какъ мы были здѣсь въ послѣдній разъ, умерло такъ много,

что мало было вѣроятности всѣмъ намъ встрѣтиться снова, и это, естественнымъ образомъ, повело къ разсужденію о будущей жизни. Они отвѣчали, что они не желали бы оскорбить оратора, но они не могутъ повѣрить, чтобы всѣ мертвецы опять возстали: „Могутъ ли тѣ, которые убиты въ полѣ и истерзаны коршунами, или тѣ, которые съѣдены гіенами или львами, или тѣ, которые брошены въ рѣку и пожраны не однимъ крокодиломъ, — могутъ ли всѣ они опять быть призваны къ жизни?“ Мы сказали имъ, что люди могутъ взять свинцовую пулю, обратить ее въ соль (уксуснокислый свинецъ), которая въ водѣ можетъ вполнѣ исчезнуть, такъ какъ наши тѣла въ желудкахъ животныхъ, и потомъ опять обратить ее въ свинецъ; или пулю можно преобразовать въ красную и бѣлую краску нашей кареты и потомъ опять обратить въ первоначальный свинецъ; а если могутъ такъ много сдѣлать люди, во всемъ совершенно подобные имъ, то на сколько болѣе можетъ сдѣлать тотъ, который создалъ глазъ для зрѣнія и ухо для слушанія! Мы, однако, прибавили, что вѣримъ въ воскресеніе мертвыхъ не потому, что понимаемъ какъ оно произойдетъ, но потому, что это открылъ намъ въ своей книгѣ нашъ Небесный Отецъ. Ссылка на истинность книги и ея творца, повидимому, оказываетъ болѣе вліянія на душу туземцевъ, чѣмъ самое искусное объясненіе ея. Знаніе туземцевъ ничтожно, но, на сколько оно простирается, они разсуждаютъ вообще ясно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отправленіе изъ Сешеке 17 сентября 1860 г. — Пицане и Лешоре сопровождаютъ насъ. — Посольство къ Синамане. — Лешоре и его шайка. — Мобита и судовщики. — Рыба въ Замбези, нгвези и конококо. — Лекарство отъ рыбьихъ костей. — Возобновленіе сада на Мози-оа-туніа. — Калунда и водопады Моамба. — Страсть нравиться въ туземцахъ. — Гостепріимство батока. — Туземные древесные плоды. — Дерево, доставляющее пѣнное масло. — Индійскія деревья въ центрѣ Африки. — Голонгве. — Большіе жары. — Мозоли на ногахъ принадлежатъ не исключительно однимъ цивилизованнымъ. — Рѣка Лонгкве. — Олово. — Маленькій островъ Чиломбе. — Нарядъ туземцевъ. — Синамане и его длинныя копья.

Мы покинули Сешеке 17 сентября 1860 г, въ сопровожденіи Пицане и Лешоре съ ихъ людьми. Пицане получилъ отъ Секелету приказаніе сдѣлать заборъ вокругъ сада у водопадовъ, чтобы сохранить сѣмена, принесенныя нами, а также и собрать нѣсколько табачной подати ниже водопадовъ. Лешоре, сверхъ того, что онъ составлялъ для насъ нѣкотораго рода почетную стражу, посланъ былъ съ дипломатическимъ порученіемъ къ Синамане. Синамане не платилъ дани Секелету; но такъ какъ онъ зависѣлъ отъ него, то ожидали, что онъ будетъ содержать караулы на случай, если бы матебеле вздумали переправиться черезъ Замбези и напасть на макололо. Такъ какъ мы намѣревались купить челны у Синамане, чтобы спуститься въ нихъ внизъ по рѣкѣ, то Лешоре долженъ былъ рекомендовать насъ этому владѣтелю батока, чтобы тотъ помогъ намъ чѣмъ только можетъ. Мы должны

сознаться, что на людей Лешоре, которые всѣ принадлежали къ чернымъ покореннымъ племенамъ, мы должны были смотрѣть въ самомъ кроткомъ свѣтѣ; ибо когда мы вступали въ какое-нибудь селеніе, то Лешоре кричалъ обитателямъ: „Смотрите за вашей собственностью и имѣйте въ виду, чтобы не украли ея мои воры.“

Насъ сопровождали два молодые макололо съ ихъ слугами изъ батока, чтобы посмотрѣть, не судоходна ли Кебрабаза и чтобы доставить запасъ лекарствъ для проказы Секелету, и полдюжины здоровыхъ судовщиковъ, подъ начальствомъ Мобита, ходившимъ прежде съ д-ромъ Ливингстономъ въ Лоанда, посланы были помогать намъ при нашей поѣздкѣ по рѣкѣ. Нѣсколько человѣкъ, пѣшкомъ, гнали шесть быковъ, которыхъ Секелету далъ намъ въ видѣ провіанта на дорогу. Тогда было время нужды, какъ уже мы прежде замѣтили, и, принимая въ разсчетъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ, наше хозяйство было не дурно.

Днемъ судовщики, боясь бегемотовъ, держались обыкновенно у самаго берега рѣки; однако, почью они плыли по серединѣ рѣки, потому что тогда эти животныя бываютъ обыкновенно у самаго берега на пути къ своимъ пастбищамъ. Нашей поѣздкѣ значительно препятствовали сильные вѣтры, которые въ это время года начинаются около восьми часовъ утра и цѣлый день дуютъ вверхъ по рѣкѣ. Челны были плохіе, съ течью, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ борты такъ низки, что гребцы боялись идти по фарватеру, когда приходилось пересѣкать рѣку, чтобы насъ не захлеснуло и не потопило волнами. Одно бурное озеро было страшно для всѣхъ этихъ средиземныхъ судовщиковъ; но, не смотря на ихъ робость, они, однако, отнюдь не были неловкими. Океанъ послѣ привелъ ихъ въ изумленіе, точно такъ же, какъ и достойный удивленія способъ, по которому жители на Ніасса управляютъ своими челнами на бурномъ озерѣ и даже среди прибоя, гдѣ, можетъ быть, не могла бы держаться никакая маленькая лодка.

Ночь на 17 сентября провели мы на лѣвомъ берегу Маджиле, переправивъ туда всѣхъ людей. Одного быка убили, и на слѣдующее утро отъ него не осталось ни лота. Два наши молодые спутника макололо, Малока и Рамакукане, еще никогда не путешествовавшіе, естественно во многомъ держались пышности, къ которой привыкли дома. Когда они ложились спать, то призывались ихъ слуги, чтобы покрыть одѣялами ихъ высокія личности, причемъ не слѣдовало забывать и ихъ ногъ. Повидимому, это было обязанностью жены макололо въ отношеніи къ ея супругу, а иногда оказывается эта почесть и чужеземцамъ. Одинъ изъ нашего общества, заблудившись, заснулъ въ селеніи Памбове. Когда онъ прилегъ, къ удивленію его, тотчасъ явились двѣ изъ женъ Памбове и заботливо и ловко укрыли его кароссомъ.

Въ рѣкѣ весьма много красивой, серебристой рыбы съ красноватыми плавательными перьями, называемой нгвези; большія вѣсятъ каждая отъ пятнадцати до двадцати фунтовъ. Зубы ея выдаются наружу и расположены такъ, что когда стискиваются вмѣстѣ, то острія ихъ рѣжутъ крючекъ уды какъ клещи. Нгвези, повидимому, весьма прожорливая рыба. Она часто проглатываетъ конококо, рыбу, вооруженную на грудныхъ и спинномъ плавникахъ зубчатыми костями длиною болѣе дюйма, которыя, вкладываются въ ложбины при своихъ основаніяхъ и которыя рыба можетъ выпрямлять вверхъ или вытягивать; безъ ея воли ихъ нельзя сложить и при противодѣйствіи онѣ даже отламываются. Названіе „конококо“ — локоть, дано ей потому, что вытянутые ея плавники похожи на локти человѣка, отставленные отъ тѣла. Она иногда выкидываетъ маленькую шутку, выпрямляя вверхъ свои плавники въ желудкѣ нгвези, и такъ какъ локти прободаютъ бока ея врага, то нгвези часто находятъ на водѣ мертвою. Кости плавниковъ, повидимому, выдѣляютъ изъ себя острую жидкость, потому что раны, сдѣланныя ими, необыкновенно болѣзненны. Когда конококо вытаскивается на удѣ на землю, она ясно лаетъ.

Наши судовщики постоянно вылавливали каждую рыбу, замѣченную ими на поверхности воды, какъ бы далеко она ни была. Непріятный запахъ ничего не значилъ; рыба варилась и съѣдалась, и вода выпивалась въ качествѣ бульона. Странно, что нѣкоторые африканцы держатъ рыбу такъ же долго, какъ мы вальдшнеповъ, пока она не начнетъ пахнуть вполнѣ отвратительно, и тогда она считается какъ разъ годною къ употребленію. Наши гребцы доставили намъ на дорогѣ свѣдѣнія о томъ, что игуаны кладутъ свои яйца въ іюлѣ и августѣ, а крокодилы въ сентябрѣ. Яица остаются мѣсяцъ или два въ пескѣ, въ который кладутся, и дѣтеныши выходятъ, когда нормальнымъ образомъ начинаются дожди. Судовщики утверждали за совершенно достовѣрное, что крокодилы часто оглушаютъ людей ударами своихъ хвостовъ и что потомъ сидятъ на нихъ, пока тѣ не захлебнутся. Мы поймали однажды молодаго крокодила, который пользовался всякимъ случаемъ наносить своимъ хвостомъ рѣзкіе удары, и привелъ насъ къ заключенію, что мнѣніе туземцевъ справедливо. Они вѣрили также, что если кто-нибудь закроетъ глаза дикому животному, то оно позволитъ вести себя. Извѣстно, что крокодилы, соединясь, убиваютъ и пожираютъ какое-нибудь большое животное своей собственной породы *). Иные рыбаки бросаютъ кости рыбъ въ рѣку; но въ бо́льшей части рыбачьихъ селеній онѣ сложены въ кучи на разныхъ мѣстахъ. Обитатели селенія могутъ по нимъ ходить, не портя ими своихъ ногъ; но макололо не могли этого дѣлать, потому что пятки у нихъ мягче. Въ видѣ объясненія, сказано было, что у ры-

*) По свидѣтельству этихъ людей, выше водопадовъ встрѣчается бо́льшее разнообразіе въ рыбѣ, чѣмъ ниже ихъ. Изъ рыбъ выше водопадовъ они называютъ: мпофу, мо, нпджиндже, нгвези, мошона, нембве, зезо, лоботу, лобангва, мотоме, нембеле, литоре, лешуала или ндомбе, линіонга, мпала, джорунго, линеіа, мошиба, бундо, сето, минга, лисиндже.

Кромѣ этихъ двадцати двухъ рыбъ, они упоминали еще о мумбо, которую мошубіа называютъ также могумбве и которая, какъ кажется, представляетъ видъ пилы-рыбы, и ликала или нала, изъ чешуйчатниковъ въ долинѣ Бароце.

баковъ есть лекарство отъ рыбьихъ костей, но что они не хотятъ сообщить его макололо.

Мы провели ночь на островѣ Мпарира, длина котораго четыре мили, а ширина почти миля. Мокомба, старшина, былъ на слоновьей охотѣ. Когда мы прибыли, жена его послала за нимъ, и онъ вернулся на слѣдующее утро, прежде чѣмъ мы собрались уйти. Онъ воспользовался долгой постоянной засухой и выжегъ камышъ между Чобе и Замбези, чтобы загнать дичь въ уголъ, гдѣ сидѣли въ засадѣ его люди съ своими копьями. Онъ убилъ пять слоновъ и трехъ буйволовъ и ранилъ еще нѣсколькихъ, которые, однако, ушли.

Когда прибылъ нашъ отрядъ, шедшій сухимъ путемъ, намъ сказали, что быки были искусаны цеце: они замѣтили большую разницу въ ихъ наружности. Одинъ былъ уже съѣденъ, и теперь они желали, чтобы былъ убитъ еще одинъ. Третій упалъ на слѣдущій день въ буйволовую западню, и такимъ образомъ наше стадо быстро исчезло. Одинъ мужчина, сопровождавшій насъ до водопадовъ, былъ великимъ почитателемъ дамъ. Каждая хорошенькая дѣвушка, завидѣнная имъ, наполняла сердце его пламенемъ. „О, какая красота! никогда еще такой я не видывалъ; нужно бы узнать, замужемъ ли она?“ и воспламѣненный и полный любви, онъ уставлялся на плѣнительную, пока та не исчезала изъ глазъ. У него дома было четыре жены и въ скоромъ времени онъ надѣялся пріобрѣсти еще значительное число; но у него было только единственное дитя; этотъ мормонизмъ, повидимому, ненасытимъ; онъ ведетъ къ такому душевному состоянію, которое, если оно не болѣзнь, поистинѣ достойно презрѣнія. Старшина батока Мошоботване опять обходился съ нами съ обычнымъ своимъ гостеріимствомъ; онъ далъ намъ быка, нѣсколько муки и молока. Мы еще разъ увидѣли величественный Мози-оа-туніа, и посадили въ саду на островѣ нѣкоторое количество сѣмянъ; но такъ какъ никто не будетъ подновлять забора, то бегемоты, безъ сомнѣнія, скоро истребятъ то, что мы насадили. Машотлане помогъ намъ. Этому подчи-

ненному владѣтелю было дано такъ много власти, что казалось, какъ будто онъ совершенно свергнулъ власть Секелету. Посланникамъ его онъ не оказывалъ особенной вѣжливости; вмѣсто того, чтобы дать имъ жизненныхъ припасовъ, какъ это водится, онъ, въ ихъ присутствіи, взялъ изъ горшка мясо и щедро роздалъ своей собственной свитѣ. Это могло быть и отъ того, что люди Секелету передали ему приказаніе отправиться въ Линіанти. Онъ не только оскорбилъ Бальдвина, но прогналъ и купцовъ Гриквасъ; но при всемъ томъ ничего не вышло. Иные изъ здѣшнихъ жителей и жителей Сешеке ознакомились съ нѣкоторыми обычными уловками цивилизованныхъ купцовъ. Однажды вечеромъ принесли намъ кувшинъ молока, обязанный своимъ содержаніемъ болѣе Замбези, чѣмъ какой-нибудь коровѣ. Въ другой разъ въ корзинѣ, съ прекрасною на взглядъ бѣлою мукою, нижняя половина по мѣстамъ была наполнена отрубями. Покупать яйца всегда опасно. Понятіе туземцевъ о хорошемъ яицѣ такъ далеко расходится съ нашимъ, какъ только возможно при такомъ ничтожномъ предметѣ: здѣсь ѣдятъ яйцо съ видимымъ наслажденіемъ, когда есть внутри его и зародышъ цыпленка.

Мы покинули Мози-оа-туніа 27 и переночевали у самаго селенія Баквини. Оно выстроено на возвышеніи рыхлой, красной почвы, производящей большія жатвы маиира и земляныхъ орѣховъ. Близъ селенія стоитъ много великолѣпныхъ деревъ мозибе. Мачимизи, старшина селенія, обладаетъ стадомъ быковъ и великодушнымъ сердцемъ: онъ два дни составлялъ намъ общество, провожая насъ по дорогѣ.

Мы много слышали объ одной, лежащей въ нѣсколькихъ миляхъ ниже водопадовъ, крѣпости, называемой Калунда. Обратный путь нашъ шелъ гораздо ближе къ Замбези, чѣмъ путь нашъ вверхъ по рѣкѣ, — на самомъ дѣлѣ такъ близко, какъ только дозволяли неровности земли; но прежде чѣмъ мы достигли селенія Синамане, мы дважды покидали дорогу, чтобы посѣтить Калунда и одинъ водопадъ, называемый Моомбо или Моамба. Макололо однажды отняли Калунда изъ

власти батока, но мы не могли видѣть трещины, или что́ тамъ такое другое, что́ дѣлало мѣстность безопасною, такъ какъ она находилась на южномъ берегу. Разсѣлина большихъ водопадовъ продолжается и здѣсь; скалы тѣ же самыя, какъ дальше вверху, но, можетъ быть, менѣе пострадавшія отъ погоды и теперь отчасти представляющія толстыя массы слоевъ. Страна, по которой мы только-что прошли, была покрыта волканическимъ туфомъ, похожимъ по виду на уголь, и могла быть названа „катакаумена".

Разсказъ о водопадахъ Моамба, повидимому, обѣщалъ нѣчто величественное. Говорятъ, что въ мокрое время года онъ выбрасываетъ „дымъ", какъ Мози-оа-туніа; но когда мы заглянули въ трещину, въ которой спокойно катилась темно-зеленая рѣка, то увидѣли почти въ 800 или въ 1,000 футахъ ниже насъ нѣчто, что́, послѣ Мози-оа-Туніа, показалось намъ двумя незначительными водопадами. Ясно было, что Питсане, замѣтившій наше наслажденіе на водопадахъ Виктоpіи, хотѣлъ увеличить наше удовольствіе другимъ чудомъ. Но *одного* Мози-оа-туніа совершенно достаточно для континента.

У туземцевъ Африки есть милая страсть нравиться, и они часто говорятъ что-нибудь такое, что́, по ихъ мнѣнію, то будетъ пріятнѣе безъ интересной голой правды. Спроси какой-нибудь ревностный географъ у туземца изъ внутренней Африки, высоки ли горы его родины, на которыхъ провелъ онъ свою юность, — онъ получитъ утвердительный отвѣтъ, истекающій изъ темнаго воспоминанія о чемъ-то въ этомъ родѣ, связаннаго съ желаніемъ нравиться. То же самое будетъ, если предметомъ вопроса будетъ золото, единороги или люди съ хвостами Англійскіе любители охоты, хотя у себя извѣстны какъ отличные стрѣлки, здѣсь повсюду извѣстны множествомъ своихъ промаховъ, которые они дѣлаютъ, когда въ первый разъ пытаются стрѣлять въ Африкѣ. Тутъ все въ увеличенномъ видѣ, а блескъ яркаго солнца такъ силенъ, что нужно нѣкоторое время пріучаться къ нему.

чтобы судить о разстояніяхъ „Рансна она?“—спросилъ одинъ господинъ своего чернаго спутника, выстрѣливши въ антилопу.—„Да; пуля прошла прямо въ сердце.“ Такъ какъ эти уничтожающія раны никогда не оказываются смертельными, то онъ просилъ своего друга, понимавшаго мѣстный языкъ, объяснить этому человѣку, что онъ, во всякомъ случаѣ, предпочитаетъ истину. — „Онъ отецъ мой,“ возразилъ туземецъ. „и я думалъ, что онъ былъ бы недоволенъ, если бы я сказалъ ему, что онъ никогда не попадаетъ.“ Но какъ ни великъ этотъ порокъ между свободными, между невольниками онъ еще гораздо несноснѣе. Невольника едва можно довести до того, чтобы онъ передалъ что-нибудь вѣрно, — такъ сильно занятъ онъ мыслью о томъ, что̀ понравится. Такъ что самое большое чудо въ путешествіи капитана Спэка и Гранта то, — что они совершили его съ невольниками.

Намъ привелось теперь болѣе видѣть батока, чѣмъ мы видѣли ихъ на нашемъ пути по возвышенности на сѣверѣ. Они не дожидали вечера, чтобы предложить чужеземцамъ съѣстныхъ припасовъ. Престарѣлая жена старшины одной деревни, гдѣ мы отдыхали въ полдень, тотчасъ разложила огонь и поставила горшокъ варить супъ. Какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются отъ прочихъ туземцевъ бо́льшею округлостью лица, и обычай выбивать верхніе рѣзцы тотчасъ придаетъ лицу отличительный признакъ. Ихъ цвѣтъ свидѣтельствуетъ о болѣе значительной высотѣ страны, въ которой многіе изъ нихъ прежде жили. Однако, иные также темны, какъ башубіа и бароце большой долины, лежащей отъ нихъ на западъ, и въ которой стоитъ Сешеке, прежде главный городъ балуи или башубіа.

Можетъ показаться страннымъ, но тѣмъ не менѣе истинно, если мы скажемъ, что во всѣхъ племенахъ, видѣнныхъ нами, мы никогда не видали дѣйствительно чернаго человѣка. Преобладаютъ различные оттѣнки бураго цвѣта, часто съ какимъ-нибудь яркимъ бронзовымъ, который кажется не въ состояніи передать ни одинъ живописецъ, за исключеніемъ

г. Ангуса. Тѣ, которые обитаютъ въ высокихъ сухихъ странахъ и которые не вынуждены долго работать на солнцѣ, часто имѣютъ яркій, свѣтлобурый цвѣтъ, „темный, но пріятный.“ Темнота окраски является, вѣроятно, отчасти отъ солнца, отчасти отъ чего-нибудь, что́ есть въ климатѣ или въ почвѣ, но чего мы еще не знаемъ. Нѣчто совершенно подобное видѣли мы въ форелляхъ и другихъ рыбахъ, заимствующихъ свою окраску отъ прудовъ или проточныхъ водъ, въ которыхъ онѣ живутъ. Сочлены нашего путешествующаго общества, цѣлый годъ подвергаясь дѣйствію солнца, загорѣли гораздо менѣе, чѣмъ д-ръ Ливингстонъ и его семейство, когда они однажды шли изъ Курумана въ Капштадтъ, — путешествіе, длившееся только два мѣсяца.

Въ чемъ состоитъ климатическая особенность, благопріятствующая отложенію красящаго вещества въ кожѣ и въ волосахъ, — еще неизвѣстно, но во многихъ случаяхъ, подвергшихся наблюденію, цвѣтъ не былъ дѣломъ расы; ибо, послѣ долгаго пребыванія въ жаркой странѣ, рана или волдырь, заживая, становится гораздо темнѣе остальнаго тѣла. Волосы африканцевъ, какъ показываютъ микроскописты, вовсе не дѣйствительная шерсть, а обладаютъ точно тѣми же свойствами, какъ и наши, только съ бо́льшимъ содержаніемъ отлагающагося красящаго вещества. Даже довольно обыкновенно встрѣтить европейца съ болѣе темными волосами, чѣмъ у африканца, и африканцевъ съ волосами положительно красноватаго цвѣта, и у этихъ послѣднихъ нервозно-сангвинический темпераментъ, какъ у рыжихъ другихъ расъ.

Въ первыхъ селеніяхъ батока встрѣчается немного красивыхъ женщинъ, потому что макололо взяли за себя всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Въ одномъ селеніи мы видѣли на сваѣ голову крокодила: онъ ночью забрелъ въ загородку, которая была сдѣлана для охраненія женщинъ, когда онѣ черпаютъ воду, и схватилъ одну изъ нихъ; мужчины поспѣшили на спасеніе, убили чудовище и воткнули его голову

на сваю, какъ это дѣлается обыкновенно съ головами преступниковъ и чужеземцевъ.

Между батока, какъ и въ другихъ племенахъ, господствуетъ сильное племенное чувство. При путешествіи принадлежащіе къ *одному* племени всегда остаются вмѣстѣ и помогаютъ другъ другу. Батока, какъ и бушмены, отличаются умѣньемъ выслѣдить раненое животное: это принадлежность ихъ воспитанія. Также они хорошо лазятъ, потому что пріучены собирать дикіе древесные плоды.

Мы шли по неровной сторонѣ со множествомъ холмовъ и постоянно текущими потоками, изъ которыхъ, для орошенія, лучше всѣхъ Синди. Когда мы возвратились отъ Моамба къ Синди, мы нашли, что нашъ багажъ уже отправленъ, и такъ какъ хронометръ былъ въ немъ, то мы должны были идти по солнцу. Мы болѣзненно почувствовали на слѣдующей недѣлѣ, что мы не отдыхали въ воскресенье. Не говоря уже о божественной заповѣди, для человѣчекаго тѣла совершенно необходимъ періодическій день покоя.

1-го октября расположились мы лагеремъ у Каломо и нашли температуру значительно теплѣе, чѣмъ въ августѣ, когда мы шли по той же самой рѣкѣ. Около 3-хъ часовъ пополудни термометръ показывалъ въ четырехъ футахъ надъ землею 101° въ тѣни; мокрый шарикъ имѣлъ только 61°, слѣдовательно разность въ 40°. Не смотря на эту необыкновенную сухость атмосферы и безъ капли дождя въ теченіе мѣсяца, даже почти совсѣмъ безъ росы, многіе кустарники и деревья покрылись однако свѣжею листвою разнообразныхъ красокъ, а другіе раскрыли обильное множество малыхъ цвѣтовъ. Вблизи мѣстъ разоренныхъ селеній батока всегда видно мочендже, мило, бома, мозибе, моцинцела и многія другія породы туземныхъ плодовыхъ деревъ; д-ръ Киркъ нашелъ, что мамошомошо и мило принадлежатъ къ хиннымъ. Мозибе считается тожественнымъ съ copaifera hymenæfolia изъ Кубы, деревомъ, о которомъ до сихъ поръ еще мало извѣстно. Такъ какъ это дерево не встрѣчается на восточномъ и западномъ

склонахъ африканскаго континента, а также не попадается и на восточномъ берегу, то наша встрѣча съ нимъ въ этой отдаленной странѣ, гдѣ и другія деревья имѣютъ отношеніе къ Индіи, весьма интересна и указываетъ, что еще многое неизвѣстно намъ въ странствованіяхъ растеній. Бома есть vitex, близко сродное съ деревомъ, попадающимся на Мадагаскарѣ. Оно доставляетъ весьма цѣнное масло и растетъ въ большомъ множествѣ на озерѣ Ніасса, такъ же какъ и въ этой сторонѣ. Плодъ мамошомошо считается лучшимъ въ странѣ; но такъ какъ мы охотно ѣдимъ всякій древесный плодъ, то не можемъ сказать, такъ ли же высоко цѣнился бы онъ европейцами, какъ туземцами. Съѣдобная часть невоздѣланныхъ плодовъ обыкновенно очень мала. Одинъ изъ нашихъ людей подцѣпилъ на копье морскаго угря, длиною въ четыре фута семь дюймовъ и толщиною вокругъ шеи въ десять съ половиною дюймовъ; здѣсь онъ называется моконга.

3 го октября для нашихъ спутниковъ были застрѣлены два старые и весьма дикіе буйвола. Наши волонтеры нашли интереснымъ узнать, что пули иногда имѣютъ только ничтожное дѣйствіе. Одинъ буйволъ упалъ, получивши джакобскую гранату; въ него попали еще дважды, и онъ потерялъ большую массу крови: однако же, онъ вскочилъ и бросился на одного туземца, который съ удивительной быстротой имѣлъ еще время, какъ разъ на столько, чтобы влѣзть на дерево, прежде чѣмъ разъяренное животное ринулось на него, какъ тарань, такъ сильно, что чуть не раскололо и голову дерево. Оно повременило нѣсколько секундъ, отшатнулось на нѣсколько шаговъ назадъ, уставилось на человѣка, и потомъ все снова и снова кидалось на дерево, какъ будто рѣшилось стряхнуть съ него человѣка. Стоило еще двухъ джакобскихъ гранатъ и пяти другихъ большихъ массивныхъ ружейныхъ пуль, чтобы, наконецъ, добить животное. Эти старые угрюмые буйволы блуждали въ нѣкоторомъ родѣ товарищами по несчастію; шкуры ихъ были больныя и нелудивыя, какъ будто на нихъ была проказа, и рога ихъ на

концахъ сломлены или стерты; первый положенъ на мѣстѣ всего одною джакобскою гранатою, второй умиралъ трудно. Въ раненыхъ животныхъ одного и того же вида бываетъ такая большая разница въ живучести, что самъ собою напрашивается вопросъ: гдѣ сѣдалище жизни? Мы видѣли, что одинъ буйволъ, послѣ того, какъ большая свинцовая пуля прошла у него черезъ сердце, жилъ еще на столько, что въ обоихъ желудочкахъ могли образоваться крѣпко прильнувшіе кровяные комки.

На день пути выше селенія Синамане, какъ говорятъ, горная масса, называемая Горонгве или Голонгве, проходитъ поперекъ рѣки, и на разсѣлину, по которой идетъ потокъ, по разсказу туземцевъ, совершенно страшно смотрѣть. Расположенная вокругъ нея страна такъ скалиста, что наши спутники испугались труда, и не совсѣмъ были неправы, если, какъ это вѣроятно и было, дорога была хуже той, по которой мы шли. Когда мы взобрались по черными, похожимъ на накипь, скаламъ, гдѣ почти безлиственныя деревья не давали никакой тѣни, жаръ былъ именно такъ великъ, какъ только могутъ выносить европейцы. Онъ достигалъ 102° въ тѣни, а термометръ, помѣщенный подъ языкомъ или подъ мышкой, показывалъ, что жаръ нашей крови былъ 99,5° или на полтора градуса теплѣе, чѣмъ у туземцевъ, у которыхъ онъ былъ 98°. Однако, въ нашихъ башмакахъ мы въ состояніи были лучше ходить по горячей, раскаленной почвѣ, чѣмъ они. У многихъ изъ тѣхъ, которые носили сандаліи, были мозоли по сторонамъ ногъ и на подошвахъ, гдѣ проходятъ ремни. Также и тамъ, гдѣ не носятъ ни сандалій, ни башмаковъ, мы видѣли примѣры мозолей на пяткахъ ногъ. Кромѣ того, довольно обыкновенно видѣть ножные пальцы, торчащіе вверхъ, какъ будто они были вытѣснены изъ своихъ собственныхъ мѣстъ; въ нашемъ отечествѣ мы не воздержались бы приписать это недостаткамъ моды, которой упрямо слѣдуютъ наши сапожники.

Лонгкве или, какъ называютъ ее макололо, Кави или Та-

бачная рѣка, идетъ сюда изъ страны Мозелекаце или съ юга и соединяется съ Замбези выше Голонгве. Это обстоятельство подтверждаетъ то, что́ говорилъ г. Томасъ, что всѣ рѣки, происходящія на одной изъ сторонъ земли Мозелекаце, текутъ на востокъ, и именно, въ Шаше, гдѣ соединяются съ Лимпопо, между тѣмъ какъ всѣ другія текутъ на западъ и потомъ на сѣверъ въ Замбези. Голонгве, вѣроятно, была плотиной, которая до образованія трещины обращала въ озеро всю долину Линіанти; но на пути, которымъ мы шли, мы не могли замѣтить по барометру никакого различія въ уровнѣ. Отъ водопадовъ до селенія Синамане страна понижается и была гораздо ниже, чѣмъ въ Сешеке; однако должна была произойти значительная разница въ уровнѣ съ того времени какъ на огромныхъ пространствахъ Сешеке и Линіанти стали отлагаться глубоко залегшія нетронутыя массы рыхлаго туфа. Теченіе рѣкъ въ странѣ Мозелекаце и на возвышенности Батока къ западу отъ Каломо показываетъ, что въ отношеніи къ странамъ, расположеннымъ на востокъ отъ этой, большая долина Макололо все-таки представляетъ углубленіе.

Перейдя черезъ нѣсколько холмовъ, мы расположились, 5-го октября, въ селеніи Симаріанго. Мѣхъ тамошняго кузнеца

Кузнечный мѣхъ и другія орудія.

нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ мѣшковъ изъ козьей кожи и болѣе походитъ на употребляющійся на Мадагаскарѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ сосудовъ, похожихъ на дамскіе кордошки небольшаго объема, верхніе концы которыхъ покрыты кожей и представляютъ нѣчто подобное барабану, только такъ, что кожа въ срединѣ образуетъ мѣшокъ. Они снабжены длинными горлами, черезъ которыя прогоняется воздухъ посредствомъ маленькихъ палокъ, которыя укрѣплены въ серединѣ не туго натянутой кожи, и движутъ эту кожу вверхъ и внизъ. Кузнецъ говорилъ, что олово получаютъ отъ одного обитающаго на сѣверѣ народа, называемаго маренди, и онъ дѣлалъ изъ него браслеты. Прежде мы еще никогда не слыхивали, что въ странѣ есть олово.

Отсюда путь нашъ шелъ по руслу рѣчки, называемой Мапатиція, въ которой много известковаго шпата вмѣстѣ съ известковымъ сланцемъ и потомъ теттеанскаго сѣраго песчаника, который обыкновенно лежитъ на каменномъ углѣ. 6-го прибыли мы на маленькій островъ Чиломбе, принадлежащій Синамане, при которомъ Замбези снова принимаетъ широкое и гладкое теченіе. Мы были хорошо приняты самимъ Синамане. Никогда воскресенье не было желательнѣе для измученныхъ, какъ это послѣднее, которое мы должны были провести съ нашимъ прикрытіемъ.

Синамане мужчина съ наружностью дѣятельнаго и добраго человѣка, и самый здравомыслящій и энергичный изъ встрѣченныхъ нами владѣтелей батока. Онъ былъ независимъ до послѣдняго времени, когда призналъ свою зависимость отъ Линіанти, и такъ какъ все, чего требуетъ отъ него Секелету, состоитъ въ томъ, чтобы онъ не снабжалъ челнами матебеле, если тѣ захотятъ переправиться черезъ Замбези, чтобы напасть на макололо, — то, вѣроятно, онъ останется вѣрнымъ. Посольство Лешоре, какъ уже сказано, имѣло цѣлью ратификовать это вассальство, попросить Синамане снабдить насъ, на сколько это для него возможно, челнами и завѣрить его, что Мошоботване не получалъ и никогда не получитъ отъ

Секелету дозволенія выходить со своими людьми на хищничество. Это посланіе сообщено было также и озлобленнымъ батока у водопадовъ, на которыхъ оно могло имѣть доброе вліяніе. Теперь мы видѣли много красивыхъ юношей и женщинъ. Нарядъ дамъ тотъ же самый, какъ у нубійскихъ женщинъ въ Верхнемъ Египтѣ. На поясѣ вокругъ тѣла укрѣпляется значительное число шнурковъ, которые висятъ вокругъ дамы. Эти бахромы длиною отъ шести до восьми дюймовъ. Матроны носятъ, сверхъ того, шкуру, вырѣзанную въ родѣ полъ сюртука, какой прежде носили англійскіе драгуны.

Поясъ.

Болѣе молодыя дѣвушки носятъ изображенный на предлагаемомъ рисункѣ поясъ, украшенный раковинами и имѣющій бахраму только спереди. Хищническая шайка батока называющихъ себя макололо, долго питала благоговѣйный ужасъ передъ „длинными копьями“ Синамане. Одинъ другъ изъ батока Мазаказа, до ухода съ нами въ Тетте, принадлежалъ къ шайкѣ, которая шла украсть нѣсколько молодыхъ женщинъ; но, къ великому ихъ замѣшательству, Синамане такъ яростно напалъ на нихъ, что кто остался въ живыхъ, тѣ едва унесли ноги оттуда. Мазаказа бѣжалъ такъ быстро, что бросилъ свой щитъ, свое копье и свои одежды и, вернулся домой болѣе благоразумнымъ и болѣе серіознымъ человѣкомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Задача экспедиціи. — Португальская экспедиція для отысканія соломоновскаго Офира. — Искомые товары указываютъ на Индію, а не на Африку — Неудача въ Софалла — Вторая португальская экспедиція за золотыми пріисками. — Отступленіе передъ большими скопищами туземцевъ. — Католическія миссіи. — Недостатокъ достовѣрныхъ разсказовъ о нихъ. — Ложныя мнѣнія о внутренней Африкѣ. — Правильная гипотеза Сэра Родерика Мурчисона.— Уменьшеніе торговли невольниками и возрастаніе законной торговли назападномъ берегу вслѣдствіе мѣръ лорда Пальмерстона. — Торговцевъ невольниками постигаетъ судьба убійцъ. — Взглядъ преподобнаго Дж. Л. Вильсона на торговлю невольниками. — Дѣйствія нашихъ крейсеровъ. – Дурныя слѣдствія закрытія восточнаго берега.— Инструкціи экспедиціи 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прибытіе къ берегамъ. — Изслѣдованіе рѣки Луаве. — Устья Замбези, скрываемыя, чтобы обмануть англійскихъ крейсеровъ. — Министръ въ Португаліи обманываетъ европейскія правительства. — Офиціальное доказательство. — Конгоне. — Ландшафтъ по рѣкѣ. — Плодородіе почвы въ устьяхъ. — Колоносъ, или крѣпостные. — Глубокое русло рѣки. — Выгрузка тюковъ на Островѣ Экспедиціи. — Страна въ военномъ положеніи. – „Свободные переселенцы“. — Жестокости Мар'ано.—Мы сталкиваемся съ такъ называемыми „мятежниками“.— Сраженіе между туземцами и португальцами. — Армія, ожидающая воинскихъ запасовъ. — Птицы и другія животныя, встрѣченныя нами на рѣкѣ. — Мозаро. — Вторичная нагрузка тамъ товаровъ для Квил-

Стр.

лимане. — Шупанга. — Владычество зулу на правомъ берегу Замбези. — Дань, собираемая съ португальцевъ. — Сенна и синьоръ Феррао. — Сегвати или даръ. — Охотники на бегемотовъ. — Особенность баобаба. — Ущелье Лупата 15

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У Тетте мы встрѣчаемъ Макололо. — Шестеро изъ нихъ убиты Бонга, сыномъ Шауде. — Опустошенія оспы. — Макололо оказывалась помощь не по государственному приказанію, а по личной добротѣ маіора Сикарда. — Дурной классъ такъ называемыхъ „неисправимыхъ". — Суевѣрія относительно дерева манго, кофе и вызова дождя. — Отъ невольниковъ обезпечиваются домашними узами. — Случай добровольнаго рабства. — Свирѣпый характеръ гальбкастовъ. — Врожденная любовь къ торговлѣ. — Состояніе туземнаго врачеванія. — Врачебныя школы слоновъ и крокодиловъ. — Доктора зерни и употребленіе ихъ въ видѣ слѣдственной полиціи. — Александрійскій кустъ и индиго. — Каменный уголь, золото и желѣзо. — Мы доходимъ до быстрины Кебрабаза. — Черная глазурь на скалахъ. — Племя Бадэма. — Дорожная сказка. — Рѣка Луя. — Мясо бегемота — Трудное путешествіе. — Цѣлительный сонъ. — Солнечный ударъ. — Водопадъ Морумбва. — Кебрабаза осматривается съ одного конца до другаго 44

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращеніе съ Кебрабаза. — Туземные музыканты и ихъ инструменты. — Невѣжество въ Тетте. — Перемѣны, производимыя дождями, наступающими послѣ жаркаго времени года. — Свѣтки въ тропической обстановкѣ. — Взглядъ измѣняется вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ въ сѣверныхъ странахъ. — Времена года въ Тетте. — Сѣмени хлопка не было нужно. — Африканская лихорадка. — Хининъ не предупреждающее противъ нея средство. — Самое лучшее предварляющее и излечивающее средство. — „Варбургскія" капли. — Въ январѣ 1859 экспедиція возвращается съ Кебрабаза на рѣку Шире. — Извѣстіе, что есть предѣлъ судоходному плаванію по ней. — Первое знакомство съ неизвѣстнымъ народомъ. — Судоходное плаваніе по Шире. — Дальнѣйшее слѣдованіе остановлено Мурчисоновскимъ водопадомъ. — Возвращеніе въ Тетте. — Второй поискъ на Шире въ мартѣ 1859. — Чибиза. — Шанджа Мукулу. — Помѣщанные проводники. — Открытіе озера Ширва 18 апрѣля 1859 г. — Горы. — Возвращеніе на судно. — Опасный случай лихорадки. — Возвращеніе въ Тетте 23 іюня. — Оказывается, что судно построено изъ непрочныхъ матеріаловъ. — Въ августѣ на Конгонѣ. 66

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стр.

Въ августѣ 1859 года опять на Шире. — Гора Морамбала. — Горячій источникъ. — За молодымъ парнемъ гонится буйволъ. — Ніанджа Пангоно, или малое озеро. -Ніанджа Мукулу, или большое озеро. — Чиканда-Кодзе. — Бѣда изъ-за негодности парохода. — Западни на бегемотовъ. — Москитосы. — Слоны.— Взглядъ на болота Шире. — Птицы. — Пальмовое вино или *сура*. — Изготовленіе соли. — Соляная почва и превосходный хлопокъ. — Островъ Даканамойо. — Любящая птица-носорогъ. — Чибиза. — Проданное въ неволю дитя. 91

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы оставляемъ судно, чтобы открыть озеро Ніасса. — Плоская возвышенность Мангандка, красивая, лѣсистая и богатая водою. — Выгонъ. — Какъ представлять себѣ мангандка.—Народъ: земледѣльцы, рудокопы, воздѣлыватели хлопка и т. д.—Иностранный и туземный хлопокъ. — Пелеле или губное кольце. — Возможная потребность въ этомъ украшеніи. — Потребители пива. — Божій судъ черезъ муаве. — Трауръ по усопшимъ. — Вѣра въ высшее существо. — Небольшое озеро Памаломбе. — Жена владѣльца унесена крокодиломъ. — Открытіе озера Ніасса 16 сентября 1859 г. — Позднѣйшее открытіе того же озера докторомъ Рошеромъ. — „Горее“ или невольничья рогатина. —Чѣмъ поддерживается торговля неграми. — Аджава. — Мангандка. — Болѣе недовѣрчивы, чѣмъ племена по Замбези. — Отсутствіе гостепріимства у Зимика. — Прекрасный и укрѣпляющій климатъ. — Однимъ пароходомъ на озерѣ Ніасса можно пріобрѣсти большое вліяніе 109

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвращеніе къ судну. — Почти ядовитый сокъ маніока. — „Кассерипъ“ или сокъ маніока вполнѣ охранительное средство для мяса. — Отъ селенія Чабиза д-ръ Кирк идетъ прямою дорогою въ Тетте.—Большая тягость похода. Магнетическія наблюденія Чарльза Ливингстона. — Сухарь-шире. Пшеничная мука необходима для европейскихъ желудковъ. — Время года для сѣянія пшеницы. — Отъѣздъ въ Конгоне. — Двѣ мили слоновъ. — Нашъ великодушный другъ синьоръ Феррао. — Конгоне. — Для улучшеній мы вытащили судно на берегъ. — Приходитъ судно ея величества „Линксъ“. — Потеря почтовой сумки. — Отъѣздъ въ Тетте 16 декабря. — Губернаторъ въ Шупанга. — Его и наши мнѣнія. — Признанія одного стараго торговца невольниками. — Поль Маріано. — Прибытіе въ Тетте 2 февраля 1860. — Сказочное серебряное производство въ Чикова.— Грабежи баніан, которымъ подвергаются португальцы. — Законы о роскоши. — Тетеанскіе португальцы. — Вино или климатъ? — По-

Стр.

хороны. — Свадьбы. — Каменный уголь и золото. — Мы откладываемъ свою поѣздку внутрь страны. — Опять внизъ къ Конгоне. — 15 марта вверхъ по рѣкѣ. — Употребляемый для торга невольниками тайный каналъ. Губернаторъ Квиллимане посылается открыть Конгоне. — Попытка Сѣнлся начать законную торговлю по рѣкѣ Ангоксе. — Маіоръ Сикардъ въ Мазаро. — Обмѣнъ именъ. — Его выгоды. — „Страждущему одышкой“ дѣйствительно очень худо. — Рэй по долгу службы идетъ домой. — Рѣка Кваква. — „Комическія созданія“. — Мыши. — Надежда для жирныхъ людей или мокрицы какъ лекарство. Зулу приходятъ и требуютъ въ Сенна свои ренты. — Полосатыя сеннасскія свиньи и лихорадки. — Лихорадочное растеніе. — Мы достигаемъ Тетте 25 апрѣля. — Недостатокъ орошенія. — *Одна* отрасль тетеанской промышленности . . 136

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Приготовленіе къ путешествію въ страну макололо. — Садъ матросовъ. — Пшеница: время и способъ сѣянія. — Отправленіе изъ Тетте 15 мая для возвращенія макололо домой. — Равнодушіе и побѣги. — Дурное вліяніе знакомства съ невольниками. — Человѣкъ-левъ и левъ-человѣкъ. — Словесный разговоръ со львомъ. — Народное повѣрье. — Новый путь черезъ холмы Кебрабаза. — Сандіа. — Охота на слоновъ. — Охотничій законъ. — Пиршество изъ слоновьяго мяса. — Мы натолкнулись у Морумбва на Замбези и совершаемъ обозрѣніе Кебрабаза съ одного конца до другаго. — Опять баніан. — Видъ Кебрабаза. — Равнины Чикова и открытая рѣка. — Извѣстіе Сандіа о Кебрабазѣ 162

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

7 іюня 1860 г. мы идемъ отъ Кебрабаза далѣе къ Чикова. — Какъ разводятъ огонь туземные путники. — Ночное расположеніе лагеря. — Туземныя названія звѣздъ. — Лунная слѣпота. — Нашъ добровольный истопникъ. — Политическіе разговоры туземцевъ. — Нашъ способъ дѣлать переходы. — Изъ удовольствія не слѣдуетъ дѣлать мученія. — Цивилизованные выказываютъ болѣе стойкости, чѣмъ не цивилизованные. — Вѣжливость Читора. — Просачивающаяся вода предпочитается туземными женщинами. Бѣлые домовые для черныхъ. — Страхъ дикихъ животныхъ передъ человѣкомъ. — Первое впечатлѣніе, произведенное силою голоса одного осла 182

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Слои каменнаго угля подъ тетеанскимъ сѣрымъ песчаникомъ. — Употребленіе каменнаго угля не извѣстно туземцамъ. — Мбіа убиваетъ

Стр.

бегемота. — Западни и ямы.— Осторожность слоновъ въ отношеніи къ ямамъ. — Бѣлые муравьи и ихъ ходы. — Черные муравьиные солдаты дѣлаются господами надъ бѣлыми муравьями.—Языкъ муравьевъ. — Кусающіе муравьи. — Воздается почтеніе плутовской обезьянѣ. — Горы. — Чикванитсела. — Страданіе дикихъ животныхъ. — Человѣчій буйволъ. — Мпенде. — Чилондо. — Монагенгъ убитъ. — Животныя, на которыхъ не охотятся съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. — Пангола. — Владѣтель, любящій винтовки. — Унди и судьба африканскихъ государствъ. — Промышленики ли африканцы?—Пребываніе въ Цумбо на Лоангва 26 іюня. — Слѣдствія анархіи. — Убіеніе Мпанвге. — Секваша 193

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Красивое положеніе Зумбо. — Церковь въ развалинахъ. — Почему католическія миссіи не успѣли въ поддержаніи христіанской вѣры?— Ма-мбурума. — Противоневолническіе принципы, рекомендація. — Джуджубе. — Цеце. — Докторъ Киркъ опасно боленъ въ горномъ лѣсу. — Геройскіе подвиги нашихъ людей на охотѣ. — Гіены. — Медовая кукушка. — Чѣмъ объяснить ея инстинктъ — эгоизмомъ или дружелюбіемъ? — Змѣя. — Покинутое селеніе Мпангве. — Высшая дичь въ изобиліи. — Различіе вкуса въ ней. — Что мы видѣли на походѣ. — „Гарь," вслѣдствіе травяныхъ пожаровъ. — Рѣка Чонгве. — Базизулу и ихъ превосходный хлопокъ. — Докторъ избѣгаетъ носорога. — Дикая собака. — Эмигрирующія семейства. — Томбоніама. — Устье Кафуэ 213

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Семалембуэ. — Нчомокела. — Мы слышимъ о миссіи г. Моффата къ Мозелекатсе. — Туземный охотничій законъ. — Горы. — Прежнее состояніе страны. — Ни искусство, ни сила не имѣютъ вліянія древняго чуда. — Зависть къ чужеземцамъ принадлежитъ не африканскому, а арабскому характеру. — Баве и „баенда пези" или „голыши". — Ихъ гостепріимство. — Мы покидаемъ Замбези и идемъ вверхъ по Зунгве къ возвышенности Батока. — Себетуане.— Куча камней. — Батока — миролюбивые люди. — Они занимаются лѣсоводствомъ. — Гладбища. — Муаве. — Лекарство отъ цеце. — Желаніе мира. — Хлѣба воздѣлываются въ значительномъ размѣрѣ. — Поэтъ и пѣвецъ. — Музыкальные инструменты. — Нашъ голый другъ. — Церемоніальное куреніе табаку. — Европейцы никогда прежде не посѣщали Баве. — Торгъ невольниками преслѣдуетъ насъ по пятамъ. — Генералъ-губернаторъ Мозамбика пытается запереть Ровума. — Сеабензо. — Мы убиваемъ слона. — Сколько ихъ убивается ежегодно. — Метеоръ. — Водопады видны болѣе чѣмъ за

Стр.

двадцать миль. — Лихорадка лечимая и нелечимая. — Мошоботване. — На водопадахъ мы встрѣчаемъ маколоко 229

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мози-оа-Туніа или водопады Викторіи. — Мы посѣщаемъ Садовый островъ. — Водопады нельзя описать словесно. — Они вдвое глубже Ніагары. — Мози-оа-Туніа одерживаетъ побѣду. — Онъ наполняетъ сердца туземцевъ благоговѣніемъ. — Ни одинъ португалецъ не упоминаетъ о водопадахъ. — Два невольника идутъ изъ Кассандже въ Тетте. — Они пролагаютъ „португальскую дорогу“ черезъ Африку. — Машотлане и его плѣнники 262

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Положеніе бѣглыхъ и плѣнныхъ среди туземныхъ племенъ. — Холопство во внутренней Африкѣ легко, въ сравненіи съ невольничествомъ на берегахъ. — Селеніе Молеле. — Недостатокъ жизненныхъ припасовъ. — Тіаніане тожественно съ Оуреби. — Поку. — Д-ра Ливингстона спрашиваютъ о цѣнѣ лошадей. — Мпарира, селеніе Мокомпа. — Пчелы безъ жала. — Мы беремъ челнъ, чтобы идти въ Сешеке. — Попытка Секелету устроить карантины. — Вѣстники владѣльцевъ. — „Доказательство“, что надо учиться читать. — „Свободная практика“. — Инструкціи туземцевъ. — Школа скотоводства. — Сешеке, старый и новый городъ. — Секелету. — Ничто не идетъ въ сравненіе съ говядиной. — „Съ говядиной и безъ говядины“. — Посѣтители. — Проказа Секелету и сопровождающая ее болѣзнь. — Болѣзнь туземными докторами признается неизлечимой. — Ее беретъ въ руки одна лекарка. — Леченіе передается докторамъ Ливингстону и Кирку. — Паціенту становится лучше. — Описаніе болѣзни. — Чай и заварные плоды изъ Бенгуэла. — Ни слоновьей кости, ни торга невольниками. — Дѣйствіе приказа Секелету о закрытіи невольничьяго рынка. — Мода. — Торговля лошадьми. — Оригинальный родъ скачекъ. — „Придворная кавалерія“. — Хлѣбные доходы во внутренней Африкѣ — Овощей нѣтъ. — Древесныхъ плодовъ нѣтъ. — Бальдвинъ и спутники Гельмора. — Несчастный конецъ миссіи. — Лихорадка, а не ядъ, была причиною смертныхъ случаевъ 275

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Секелету и наши подарки. — Его понятіе объ употребленіи артиллеріи. — Сестра Себитуане описываетъ первое появленіе лихорадки. — Макололо — самое умнѣйшее изъ всѣхъ племенъ, какія мы встрѣчали. — Макололо старой и юной Африки. — Женщины, ихъ наружность и ихъ украшенія. — Слѣдствія многоженства. — Ува-

Стр.

женіе распознается по числу женъ. — Кажущаяся, но не дѣйствительная покупка женъ. — Тонкая деликатность дамъ. — Маткованіе. — Куреніе и его слѣдствія. — Новое употребленіе ложки. — Сырое масло. — Попрошайки. — Походы владѣтеля. — Макололо, видѣвшіе море. — Правосудіе у макололо. — Права работы. — Обученіе религіи. — Взгляды туземцевъ на бракъ. — Владѣтель и старшины. — Смертная казнь. — Старый воинъ. — Древній національный нарядъ макололо. — Домы строятся женщинами. — Игры и времяпрепровожденіе дѣтей. — Довѣріе макололо къ врачеванію. — Д-ръ Ливингстонъ опять посѣщаетъ Линіанти. — Оставленная тамъ въ 1853 г. карета найдена нетронутою вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ ней было. — Прокламація туземцевъ. — Мѣсто погребенія Гельмора и его спутниковъ. — Честность макололо. — Здоровье Секелету поправляется. — Его уваженіе къ д-ру Кирку. — Его предложеніе объ англійскомъ поселеніи на возвышенности Батока. — Кража скота не считается преступленіемъ. — Богослуженіе въ Сешеке. — Сомнѣніе туземцевъ относительно возможности воскресенія . . . 295

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отправленіе изъ Сешеке 17 сентября 1860 г. — Нипане и Лешоре сопровождаютъ насъ. — Посольство къ Синамане. — Лешоре и его шайка. — Мобита и судовщики. — Рыба въ Замбези, нгвези и коноконо. — Лекарство отъ рыбьихъ костей. — Возобновленіе сада на Мози-оа-туніа. — Калунда и водопады Моамба. — Страсть нравиться въ туземцахъ. — Гостепріимство батока. — Туземные древесные плоды. — Дерево, доставляющее цѣнное масло. — Индійскія деревья въ центрѣ Африки. — Голонгве. — Большіе жары. — Мозоли на ногахъ принадлежатъ не исключительно однимъ цивилизованнымъ. — Рѣка Лонгкве. — Олово. — Маленькій островъ Чиломбе. — Нарядъ туземцевъ. — Синамане и его длинные копья. . 318

2007098254